

Archeology

культура семантика историографии

национальные языки национальные языки

лингвокультурология межкультурная коммуникация

образовательное пространство

концепт

Linguoculturology

лингвистика

толерантность

дискурс

Literature

studies

адаптация

билингвизм

лингвокультурология

психоллингвистика

образовательное пространство

поликультурное пространство

поликультурное пространство

поликультурное пространство

поликультурное пространство

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

2949-2122 (PRINT)

2949-2092 (ONLINE)

VOL 25 No 4

2023

СИБ
СКРИПТ

ТОМ 25 № 4

2023

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Untill 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K1 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, доцент, БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

The SibScript is a national scientific peer-reviewed open-access journal that publishes articles on archeology, history, psychology, literary criticism, and linguistics in the broadest territorial context of Siberia and Eurasia. The SibScript provides a comprehensive and objective coverage of scientific achievements. Its goal is to integrate new scientific knowledge, novel theories, cutting-edge concepts, and forefront achievements. We establish and strengthen links between researchers that work in Asia, Europe, and other parts of the world. We especially value interdisciplinary and comparative studies in the field of philology, psychology, and history, i.e., psycholinguistics, historical anthropology, cultural linguistics, political history, ethnohistory, cognitive sciences, social psychology, pedagogical psychology, etc.

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Ilia V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

В настоящем тематическом номере представлены исследования, объединенные общим функциональным аспектом описания языка. Данный аспект актуализирует разнообразные функции языка, специфику их проявленности в коммуникативном социальном контексте и в личностном пространстве человека, знание о природе языка, о способах познания действительности через язык и мн. др. Следовательно, спектр тем научных статей очередного выпуска репрезентирует актуальные тенденции современной научной парадигмы, связанной с много- и разноаспектностью описания и исследования языка, с объединением и интегрированием нескольких научных направлений.

Отдельные функциональные аспекты языка – когнитивный, коммуникативный, лингвокультурологический и некоторые другие – представлены в разных разделах номера. Так, язык в речевом контексте проявляет свои когнитивные (гносеологические) функции, обнаруживая связь с мыслительной деятельностью человека. Познавая мир, человек приобретает опыт, который находит отражение в языке в виде различных представлений и суждений о нем, номинаций объектов действительности. В некоторых представленных работах исследователи изучают индивидуально-авторские языковые номинации, неофициальные наименования различных объектов, ассоциативные значения слов и мн. др. В результате подобных изучений делаются выводы о самобытности языка, его своеобразии и специфике, о степени его преломления в обыденной картине мира человека.

В коммуникативном аспекте язык выполняет свою важнейшую функцию коммуникации, основными понятиями которой являются средства и методы взаимодействия, набор речевых формул и средств выразительности, цели и намерения коммуникантов. На страницах журнала авторы рассуждают о необходимости научного интереса к риторическим приемам и средствам, повышающим эффективность и качество современных судебных речей, дискурсивным практикам применительно к разным жанрам. Следовательно, интерес к коммуникативной стороне языка способствует освещению ключевых механизмов языка и речи, что последовательно отражено в разных статьях номера.

Язык в лингвокультурном аспекте демонстрирует особенности его функционирования в речи и сознании человека определенной культуры, отражая ее специфику и уникальность.

Отдельные статьи посвящены теории и истории языка. В них авторы акцентируют тезис, связанный с необходимостью научного описания исчезающих языков (салишские языки) в синхроническом и диахроническом аспекте. Объектом другого научного интереса становится итальянский язык XVI в. в период его рестандартизации. Выбранная авторами тематика коррелирует с научным поиском новых объектов лингвистического изучения, выдвижением новых гипотез и концепций. Данное обстоятельство определяет актуальность и необходимость подобных современных исследований.

Завершающий раздел номера посвящен изучению литературоведческих понятий и категорий.

Мы благодарим авторов за представленные исследования. Приглашаем к сотрудничеству исследователей, научные интересы которых связаны с актуальными проблемами науки в области филологии.

Dear our readers and authors!

This thematic issue features functional linguistics. It describes various functions of the language in social communication and personal space, as well as gives an insight into the nature of the language and verbal cognition. Each article introduces a current trend in the contemporary scientific paradigm, multifaceted and synergetic.

Each section represents a separate function of the language, i.e., cognitive, communicative, cultural, etc. Living speech reveals the cognitive, i.e., epistemological, function, which unites language and thought. Cognition yields experience while language enshrines this experience as concepts, assertions, and nominations. Some articles describe individual style, vernacular nominations, associative lexical meanings, etc. Such studies herald linguistic identity and authenticity refracted in everyday speech and worldview.

The communicative function of the language is, perhaps, the most important of all. Communicative linguistics covers the methods of human interaction, as well as speech formulae and expressive means that allow communicants to achieve their goals. Such studies contribute to the understanding of the key mechanisms behind the language, e.g., rhetorical devices of forensic speech and discursive practices within certain literary genres.

Cultural linguistics demonstrates cultural differences between the way the language manifests itself in speech and consciousness.

Some articles focus on theoretical and historical linguistics. Our authors develop synchronic and diachronic descriptions of rare languages, e.g., those of the Salish family, study the re-standardization of the Italian language in the XVI century, etc. They look for novel research objects and introduce new hypotheses.

The closing section of this issue features literary concepts and categories.

We express our deepest gratitude to our authors for entrusting our Journal with their research results and will be happy to welcome new scientific contributions in the fields of philology, linguistics, translation, and literary studies.

Актуальные проблемы лексикологии

- Образная схема *контейнер* и типы контейнеров (на примере изучения ментальных значений английских фразовых глаголов)
Егорова В. Г., Задобрицкая О. Ф. 433
- Неофициальная китайская урбанонимия в аспекте отражения обыденной городской культуры (на языковом материале г. Чэнду, КНР)
Лань Лин 441
- Выявление семантического и прагматического аспектов фразеологизмов в китайском сериале *靠近你温暖我* (Мне с тобой тепло)
Шаравьёва И. В., Неклюдова М. С. 451

Дискурсивная лингвистика

- Позитивная деловая коммуникация: средства гармонизации общения в групповых коммерческих чатах
Байкулова А. Н., Кормилицина М. А. 461
- Корпусная диагностика лингвистического конструирования вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиадискурсе
Лагажан Ю. А., Ленец А. В. 471
- Невежливые коммуникативные практики как инструмент создания сообществ в комментариях к спортивным новостям
Шульгинов В. А., Алянский К. А. 481

История и теория языка

- Генезис лексических суффиксов в языках салишской семьи
Иконникова О. Н., Калинин С. С. 491
- Реализация вторичных функций времен в комедиях итальянских авторов XVI в.
Кутеко Д. А. 500

Междисциплинарные и сравнительные исследования языка

- Межъязыковое исследование ассоциативного значения слова *жизнь*: на материале удмуртского, татарского и башкирского языков
Касаткина Т. Ю. 509
- Способы репрезентации индивидуально-авторских характеристик З. Смит в оригинале и переводе
Куракина Н. А., Корнева Р. Г. 522
- Риторическая значимость характеристики подсудимого и потерпевшего в речах судебных ораторов
Оленев С. В., Люнгрин В. А. 534

Политическая лингвистика

- Взаимосвязь структурных компонентов новостных текстов политического характера с комментариями детской таргет-группы
Вдовиченко Е. А., Каменева В. А., Жданова С. Ю. 543
- Особенности региональной политической коммуникации в соцсетях: сравнительный анализ
Евпак Е. В. 556

Литературоведение

- Дружба* как базис художественного пространства: сравнительный аспект киносценария и фильма
Нечаева А. Л. 567
- Пародия в литературе. Опыт культурологического видения феномена
Серенков Ю. С. 577
- Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент»
Синегубова К. В. 587

Lexicology

- Container Scheme-Image and Its Types: English Phrasal Verbs of Cognitive Activity
Egorova V. G., Zadobrivskaia O. F. 433
- Vernacular Chinese Urbanonyms as a Reflection of Ordinary Urban Culture in the City of Chengdu, China
Lan Ling 441
- Phraseological Semantics and Pragmatics in Chinese TV Series 靠近你温暖我 (Close to You, Make Me Warm)
Sharavieva I. V., Nekliudova M. S. 451

Discursive Linguistics

- Positive Business Communication: Means of Harmonizing Communication in Commercial Group Chats
Baikulova A. N., Kormilitsyna M. A. 461
- Corpus Diagnostics in Linguistic Construction: Vaccination Against COVID-19
 in the German-Language Media Discourse
Lagazhan Yu. A., Lenets A. V. 471
- Impolite Communication Practices as a Community-Building Tool in Sports News Comments
Shulginov V. A., Alyansky K. A. 481

History and theory of language

- Origin of Lexical Suffixes in the Salish Languages
Ikonnikova O. N., Kalinin S. S. 491
- Secondary Functions of Tenses in Italian Comedies of the XVI Century
Kuteko D. A. 500

Interdisciplinary and comparative language studies

- Associative Meaning of the Word *Life* in the Udmurt, Tatar, and Bashkir Languages:
 An Interlanguage Comparative Study
Kasatkina T. Yu. 509
- Representation of Zadie Smith's Individual Style in Original Text and Translation
Kurakina N. A., Korneva R. G. 522
- Characteristics of the Defendant and the Victim in Forensic Rhetoric
Olenev S. V., Lyungrin V. A. 534

Political linguistics

- Structural Elements of Political News Texts and Comments from Children Target Group
Vdovichenko E. A., Kameneva V. A., Zhdanova S. Yu. 543
- Regional Political Communication in Social Media: Comparative Analysis
Evpak E. V. 556

Literary Studies

- Otherness* as Basis of Artistic Chronotope: Script vs. Film
Nechaeva A. L. 567
- Parody in Literature: A Culture-Determined View
Serenkov Yu. S. 577
- Theme of Laughter in Ksenia Buksha's *Advent*
Sinegubova K. V. 587

оригинальная статья

Образная схема *контейнер* и типы контейнеров (на примере изучения ментальных значений английских фразовых глаголов)

Егорова Виктория Григорьевна

Рыбницкий филиал Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова,

Приднестровье, Рыбница

<http://orcid.org/0000-0001-5124-4775>vegorova2005@yandex.ru

Задобриwsкая Оксана Федоровна

Рыбницкий филиал Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова,

Приднестровье, Рыбница

<http://orcid.org/0000-0003-2016-1197>

Поступила в редакцию 23.01.2023. Принята после рецензирования 10.04.2023. Принята в печать 24.04.2023.

Аннотация: Представлен опыт изучения композиционной семантики фразовых глаголов концептуальной области *умственная деятельность*, в частности взаимодействия концептуальных структур глагола и частицы. Описаны те ментальные схемы, которые лежат в их основе. В центре исследования – роль образной схемы *контейнер*. Особое внимание уделено вопросу направления когнитивной проекции, выяснению, что именно является контейнером в каждом конкретном случае. Выявлено, что взаимодействие концептуальных структур глагола и частицы является одним из когнитивных механизмов формирования семантики ментальных фразовых глаголов. В основе концептуальных структур указанных компонентов фразовых глаголов может быть использована образная схема *контейнер*, реализуемая благодаря семантическому потенциалу глагольного компонента и ряда частиц. Частицы *in*, *out* и *through*, сочетаясь с глаголами, относящимися к различным концептуальным областям (движения, физической деятельности, восприятия), в составе фразовых глаголов с ментальным значением реализуют свои прототипические концептуальные значения: попадание / проникновение внутрь контейнера, наружу / снаружи и пересечение границы контейнера субъектом / объектом действия соответственно. В роли контейнера выступают не реально существующие объекты, а абстрактные сущности – память, сознание, внимание, чувства, мысли и др., а также различные физические и психические состояния или ситуации, в которые погружены объекты.

Ключевые слова: образ-схема, композиционная семантика, концептуальная структура, частица, когнитивная область, когнитивная проекция

Цитирование: Егорова В. Г., Задобриwsкая О. Ф. Образная схема *контейнер* и типы контейнеров (на примере изучения ментальных значений английских фразовых глаголов). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 433–440. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-433-440>

full article

Container Scheme-Image and Its Types: English Phrasal Verbs of Cognitive Activity

Victoria G. Egorova

Rybnitsa Branch of Transdnestrian Shevchenko State University, Republic of Moldova, Transdnestria, Rybnitsa

<http://orcid.org/0000-0001-5124-4775>vegorova2005@yandex.ru

Oxana F. Zadobrivskaia

Rybnitsa Branch of Transdnestrian Shevchenko State University, Republic of Moldova, Transdnestria, Rybnitsa

<http://orcid.org/0000-0003-2016-1197>

Received 23 Jan 2023. Accepted after peer review 10 Apr 2023. Accepted for publication 24 Apr 2023.

Abstract: The article features the compositional semantics of phrasal verbs that denote a cognitive activity, as well as the interaction between their conceptual structure and the particle. The conceptual structures of these components can be described as mental schemes, e.g., a container with a certain vector of cognitive projection, and a number of subtypes. The compositional semantics of phrasal verbs of cognitive activity revealed that the interaction between the conceptual structure of the verb and the particle is a cognitive mechanism that develops its semantics. The container metaphor is based on the semantic potential of the verbal component and such particles as *in*, *out*, and *through*.

These particles are usually combined with verbs of movement, physical activity, and perception. As part of phrasal verbs of mental activity, they realize the following prototypical concepts: the subject / object of the action gets into / penetrates into the container, is out / outside of the container, or crosses the border of the container, respectively. The role of the container belongs not to real objects, but to abstract entities, e.g., memory, consciousness, attention, feelings, thoughts, etc., as well as various physical and mental states or situations in which objects are immersed.

Keywords: scheme-image, compositional semantics, conceptual structure, particle, cognitive domain, cognitive projection

Citation: Egorova V. G., Zadobrivskaia O. F. Container Scheme-Image and Its Types: English Phrasal Verbs of Cognitive Activity. *SibScript*, 2023, 25(4): 433–440. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-433-440>

Введение

Фразовые глаголы являются весьма специфическими лексическими единицами, эквиваленты которым есть далеко не в каждом языке. Ученые изучают фразовые глаголы с разных сторон. Одни говорят об их многозначности, особенностях образования [Петрович 2009], другие обращают внимание на их метафорический потенциал [Авдевич 2021]. Большой интерес вызывают фразовые глаголы и с методической точки зрения [Авдевич 2020], и с точки зрения перевода [Егорова 2020]. Несмотря на богатый опыт описания этого особого явления в английском языке, одним из малоизученных его аспектов являются когнитивные механизмы формирования семантики указанных комплексных единиц.

С когнитивной точки зрения фразовый глагол – производная единица, семантика которой складывается в результате взаимодействия двух соседствующих элементов – глагола и частицы, т. е. для фразового глагола как комплексного знака характерна композиционность семантики. Понятие композиционной семантики впервые было введено Г. Фреге и в последнее время активно обсуждается в работах отечественных и зарубежных лингвистов в свете разных теорий и подходов. Е. В. Падучева обращает внимание на то, что смысл целого строится из смыслов частей, а смыслы отдельных слов в составе предложения не просто прикладываются один к другому: при соединении в единое целое неизбежно происходит преобразование смыслов частей [Падучева 2004]. Большой вклад в развитие теории композиционной семантики внесли исследования Е. С. Кубряковой, проведенные в русле когнитивного подхода к анализу языковых явлений. По ее мнению, принцип Г. Фреге имел своей целью «объяснить природу семантики комплексных знаков, т. е. тех, которые по своей форме представляют собой "композицию" из нескольких готовых знаков языка, – их объединение и сочетание. Значение такого знака есть композиционная функция значений, входящих в состав знака, и отношений между ними» [Кубрякова 2002: 52].

С помощью когнитивного подхода к изучению семантики фразовых глаголов мы имеем возможность проследить, какая структура знания нашла свою объективацию

в каждом фразовом глаголе, а также изучить роль компонентов, способы их взаимодействия в процессе формирования семантики всего фразового глагола.

Опыт описания лексики с когнитивных позиций представлен в работах [Бабушкин, Стернин 2018; Голубкова 2019; Кубрякова 2004; Лакофф, Джонсон 2004; Петрович 2009; Dirven 2001; Golubkova, Trubochkin 2021; Lindner 1983; Morgan 1997; Rudzka-Ostyn 2003; Talmy 1983]. Как показывает накопленный опыт изучения композиционной семантики фразовых глаголов, одним из когнитивных механизмов формирования семантики является взаимодействие концептуальных структур глагола и частицы (под концептуальной структурой понимаем набор компонентов, формирующих значение языковой единицы). В этой связи интересным представляется выявление тех ментальных схем, которые лежат в основе концептуальных структур указанных компонентов. М. Джонсон употребляет термин *образная схема* (или *образ-схема*, *image schema*) для схематической структуры, с помощью которой организуется наш опыт. В его понимании это повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту. В рамках данного исследования попытаемся описать роль образной схемы *контейнер* в формировании ментальных значений фразовых глаголов концептуальной области *умственная деятельность*, а также выявить типы контейнеров, задействованных в образовании ментальных значений.

Актуальность исследования объясняется не только недостаточной изученностью когнитивных основ формирования значений комплексных языковых единиц, в частности фразовых глаголов, но и необходимостью изучения когнитивных механизмов формирования их семантики, разработки стратегии анализа, предусматривающей изучение форм взаимодействия компонентов фразовых глаголов как на уровне семантики, так и на уровне их концептуальных структур.

Научная новизна заключается в том, что в нем представлен всесторонний анализ особенностей семантики английских фразовых глаголов с ментальным значением,

подробно описан такой когнитивный механизм формирования их семантики, как взаимодействие концептуальных структур глагола и частицы, показана роль образной схемы *контейнер* в формировании ментальных значений фразовых глаголов, определены типы контейнеров, характерных для семантики изучаемых единиц.

Теоретическая значимость исследования состоит в получении новых данных об особенностях взаимодействия концептуальных структур компонентов фразовых глаголов изучаемой концептуальной области, что позволяет определить основные когнитивные механизмы, задействованные в формировании их семантики. Практическая ценность видится в возможности использования полученных данных в практике преподавания иностранного языка и в разработке спецкурсов по фразеологии, лексикологии, когнитивной лингвистике.

Методы и материалы

Исследование проводится на материале фразовых глаголов концептуальной области *умственная деятельность* (более 100 единиц), отобранных методом сплошной выборки из англо-английских толковых словарей и словарей фразовых глаголов, а также примеров их реального использования в Британском национальном корпусе (2250 примеров) и 9 оригинальных художественных произведениях (общим объемом 3014 страниц).

Теоретико-методологической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных ученых по проблематике фразовых глаголов [Богданова 2006; Голубкова 2009; 2019; Петрович 2009; Morgan 1997; Talmy 1983], ментальной лексики [Падучева 2004; Кубрякова 2002; 2004], в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы [Базарова 1997; Кубрякова 2002; 2004; Лакофф, Джонсон 2004; Golubkova, Trubochkin 2021] и словари¹.

Применены методы концептуального анализа, дефиниционного и компонентного анализа, анализа элементов образной системы с привлечением методологии когнитивного подхода.

Результаты

Образная схема *контейнер* была описана Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые отмечали, что мы – «физические существа, отграниченные и отделенные от остального мира поверхностью кожи; мы воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас. Каждый из нас – это вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией типа "внутри – снаружи". Мы проецируем нашу

собственную ориентацию "внутри – снаружи" на другие физические объекты, ограниченные поверхностями. Таким образом, мы также представляем их себе как вместилища с внутренней частью и внешней поверхностью» [Лакофф, Джонсон 2004: 54]. Предметом исследования ряда ученых позже стало выделение и описание именного криптокласса английского языка *вместилище* [Задобри́вская 2017].

Дальнейший вклад в разработку проблематики и связанной с этим интерпретации когнитивного потенциала образной схемы *контейнер* внесла Е. С. Кубрякова. Согласно ее концепции, расчленение мира на объекты по принципу встроенности друг в друга позволяет представить и сами объекты как взятые лишь в одном вполне определенном ракурсе их бытия – в качестве вместилищ, или же областей существования для других объектов [Кубрякова 2004: 484–485]. Эта очевидная и наглядная ситуация, повторяемая в тысячах разных вариаций, но интерпретируемая в конечном счете одной образной схемой (схемой контейнера), дает основание моделировать и один из главных принципов человеческого познания, который Е. С. Кубрякова предлагает называть принципом обратимости позиции наблюдателя в любых описаниях мира. При помощи такой образной схемы можно описывать отношения между любыми объектами [Задобри́вская 2019].

Очевидными элементами образной схемы *контейнер* являются попадание / проникновение внутрь контейнера [Голубкова 2009], граница контейнера [Рахилина 2008; 2010], понятие наружу / снаружи [Богданова 2006]. Образная схема *контейнер* составляет основу концептуальных структур частиц *out, in, through*. В составе фразовых глаголов с ментальным значением данные частицы реализуют свои прототипические концептуальные признаки – извлечение из контейнера, попадание / проникновение внутрь контейнера, наружу / снаружи и пересечение границы контейнера субъектом / объектом действия [Голубкова 2009].

Учитывая специфику концептуальной области, к которой относятся изучаемые фразовые глаголы, можем предположить, что в качестве предполагаемого контейнера не всегда будут выступать реальные объекты [Задобри́вская 2018].

Поскольку значение фразового глагола формируется в результате слияния значений обоих компонентов, глагола и частицы, важно уделить внимание и особенностям первого компонента. Проведенный анализ

¹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 5 Feb 2021); Cowie A. P., Mackin R. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs. Oxford: Oxford Univer. Press, 1993. 519 p.; Longman Phrasal Verbs Dictionary. Essex: Pearson Education Limited, 2000. 608 p.; LPhVD Longman Dictionary of Contemporary English. 5th addition. Pearson Education Limited, 2003. 1922 p.; Macmillan English Dictionary for advanced learners. 2nd addition. Macmillan Publishers Limited, 2007. 1747 p.

семантики глагольного компонента в составе интересующих нас фразовых глаголов с частицей **out** позволил выявить, что глаголы, относящиеся к различным когнитивным областям (речевой деятельности, созидания, воздействия, рода деятельности и др.), в сочетании с указанной частицей могут образовывать фразовые глаголы, относящиеся к одной когнитивной области, в нашем случае – к области ментальной деятельности.

Во всех рассмотренных случаях частица является более постоянным по значению компонентом фразового глагола и сохраняет свое ядерное прототипическое значение *движение наружу* (*leaving the container*). Переосмысление глагольного компонента происходит благодаря взаимодействию с семантикой частицы.

Анализируя фразовый глагол **piece out** (*to gradually manage to discover, if you piece out the truth or the facts about something, you gradually succeed in finding them out and understanding them*), можно также заключить, что в роли контейнера выступает состояние несуществования / незнания (*non-existence / ignorance*).

Очень часто в роли контейнера могут выступать различные состояния или ситуации, в которые погружены объекты (люди или предметы). Мы приходим к такому выводу, анализируя фразовые глаголы **puzzle something out**, **reason out**, **talk out**, **study out**.

В сочетании **puzzle something out** (*to think hard about it and usually find the answer, to try to understand a confusing situation or solve a difficult problem by thinking about it very carefully*) глагол **puzzle** имеет значение *to perplex or be perplexed* и может быть отнесен к когнитивной области интеллектуальной деятельности. Сочетаясь с частицей **out**, он дает значение *to solve by mental effort*. Частица реализует значение *извлечение решения из какой-либо ситуации*, ситуация при этом рассматривается как некий воображаемый контейнер.

Анализируя фразовый глагол **reason out** (*to try and find the answer by using your power, to think in a logical way, to formulate, assume, analyze carefully, in order to decide how to solve a problem, or in order to understand something better*), в котором глагол **reason**, имея значение *to think logically or draw (logical conclusions) from facts or premises*, также может быть отнесен к концептуальной области интеллектуальной деятельности, видим, что в роли контейнера выступает *проблема / ситуация незнания*. Глагольный компонент при этом реализует свое основное значение. Значение частицы – *извлечение объекта (решения) из контейнера*.

По такой же схеме образуется композиционная семантика фразовых глаголов **talk out** (*to consider thoroughly in order to make a decision, solve a problem*) и **study out** (*to examine carefully*), в которых *study* (*to apply the mind to the learning or understanding of (a subject), especially by reading*)

относится к концептуальной области интеллектуальной деятельности, а глагол **talk** (*to express one's thoughts, feelings, or desires by means of words*) – к концептуальной области речевой деятельности, которая является компонентом интеллектуальной деятельности.

Когда же в роли контейнера рассматриваются *мысль, ум, тело, память*, то сочетание глаголов, относящихся к различным концептуальным областям, с частицей **out** сигнализирует о значении извлечения объекта (информации) из контейнера (мыслей, памяти). Например, значение фразового глагола **think out** – *to consider or plan carefully, to subject something to the process of logical thought, to think carefully about a situation, problem, plan etc, and think especially about what might happen as a result of it*, где глагол **think** (*to consider, judge, or believe*) принадлежит к области интеллектуальной деятельности.

Фразовый глагол **blot out** (*to shut out from one's consciousness, deliberately trying to forget an unpleasant memory or thought, to stop yourself from thinking about something, especially something unpleasant or painful*) также обладает значением извлечения объекта из контейнера, иллюстрируя указанную ментальную схему. В этой ситуации в роли контейнера выступает *память / сознание* (*memory / consciousness is a container*).

В ходе анализа выявлены случаи, когда фразовый глагол в определенном контекстуальном окружении приобретает значение, относящееся к исследуемой концептуальной области, не указанное в словаре. Примером может служить следующая ситуация: *And when the door was closed upon her she felt that they had put her out of their minds so completely, going about their neglected work again without delay, that for them she might never have existed*. Глагол **put** (*to cause to be in a position or place*) можно отнести к концептуальной области воздействия. Фразовый глагол **put out** имеет 17 значений, кроме того, отдельно словарь фиксирует трехчленное сочетание **put smb. out of**. Однако ни одно из зафиксированных значений не соответствует значению, приобретаемому описываемым фразовым глаголом в данном контекстном окружении, а именно в сочетании с существительным *mind* – *to forget, to stop thinking of*.

Еще одной частицей, представляющей образную схему *контейнер*, является частица **in**. Относительно семантики данного послелога Б. Б. Базарова доказывает следующую гипотезу: в основе всех ее значений лежит указание на включение связываемой с ней единицы в особое ментальное пространство или же на действие, направленное на такое включение. Автор обращает внимание на то, что данная частица может развивать и другие значения благодаря либо особенностям ментальных пространств, либо концептуальной метафоре, а также развитию антонимии относительно образной

схемы с единицей *out* [Базарова 1997]. По результатам многочисленных исследований *in* считается четвертой по частотности использования частицей английского языка (после *up*, *out*, *off*). В изучаемой группе фразовых глаголов она встречается довольно часто. Семантика частицы *in* также включает образную схему контейнер. В роли контейнера может выступать все, что окружает движущийся объект, куда этот объект может войти или быть заключенным. Для того чтобы получить более четкое представление о возможных типах контейнеров, приведем перечень основных значений частицы *in* / *into*, составленный на основе их словарного описания:

In – 1) inside, within, 2) at a place, 3) indicating a state, situation, or condition, 4) before or when (a period of time) has elapsed, 5) using (a language, etc.) as a means of communication, 6) concerned or involved with, esp as an occupation, 7) while or by performing the action of; as a consequence of or by means of, 8) used to indicate goal or purpose, 9) (used of certain animals) about to give birth to; pregnant with (specified offspring), 10) a variant of into, 11) have it in one, 12) in it, 13) in that, in so far as, 14) nothing, very little, quite a bit, etc., in it (particle), 15) in or into a particular place; inward or indoors, 16) so as to achieve office, power, or authority, 17) so as to enclose block, 18) (in certain games) so as to take one's turn or one's team's turn at a certain aspect of the play; taking one's innings, 19) (of a fire) alight, 20) (in combination) indicating an activity or gathering, esp one organized to protest against something, 21) in at, 22) in between, 23) in for, 24) in on, 25) in with, 26) have got it in for.

Семантика частицы предполагает нахождение объекта внутри какого-либо вместилища, в роли которого может выступать не только какое-либо закрытое пространство, но и ситуация, состояние, временной отрезок, цель, определенное занятие и др. Что именно может выступать в роли вместилища, когда речь идет о фразовых глаголах с ментальным значением, поможет выяснить анализ когнитивных оснований, по которым формируется их семантика.

В процессе анализа обнаружилось, что глаголы, образующие сочетания с ментальным значением с частицей *in*, представляют такие концептуальные области, как движение, восприятие, воздействие и созидание.

При этом можно констатировать, что глаголы, относящиеся к одной концептуальной области в сочетании с частицей *in*, могут приобретать как одинаковые, так и разные оттенки значения, например: *fall in with somebody* / *something* имеет значение *to concur with*, *to agree*, *to agree with or support a person*, *suggestion*, *to accept the idea and not to try to change it*, etc.; *swim into* – значение *(about ideas) to enter someone's consciousness*, *memory*, *mind*, в то время как значение *come in on* / *upon* – *to remind*

somebody of something, *to become involved in something*. Мы видим, что первый фразовый глагол относится к группе, объединенной общим значением *to agree*, а второй и третий – к группе *to remember*.

Рассмотрение взаимодействия концептуальных структур глагола и частицы в составе описываемых фразовых глаголов, а также специфики концептуальной области, к которой они относятся, позволяет определить, что в роли предполагаемого контейнера может выступать память, мысль, сознание (*memory*, *mind*, *consciousness is a container*) [Егорова 2012]. Например: *take in* – *to comprehend or understand*, *or remember something that you have seen or read*, *to understand and remember facts and information*. Глагол *take* имеет значение *to gain possession of (something) by force or effort*. Сочетаясь с частицей, он претерпевает метафорическое переосмысление: подобно тому, как мы овладеваем конкретным объектом, мы можем овладеть мыслью, фактами, информацией. Частица при этом играет роль пространственного модификатора и указывает направление движения этого абстрактного объекта – *inside the container*.

Такой же схеме соответствует значение фразовых глаголов *come in on* / *upon* – *to remind somebody of something*, *to become involved in something*; *swim into* – *(about ideas) to enter someone's consciousness*, *memory*, *mind*. Можно утверждать, что в основе переосмысления значений сочетаний глаголов движения с частицей *in* (*into*) лежит метафора движения, а частица выполняет функцию пространственного модификатора.

В некоторых случаях функцию воображаемого контейнера выполняет внимание (*attention is a container*) [Егорова 2021]. Благодаря восприятию внимания как закрытого контейнера, частица *in* в сочетании с глаголом движения (*home in* (*on*) – *to pay more attention to something and deal with it in detail*, *to direct your attention or efforts towards a particular subject or problem*) или воздействия на объект (*absorb in* – *to fill completely the attention*, *time*, *etc.*; *steep in* – *to spend much time thinking or learning about something*, *to give one's whole attention to s(s)*) сигнализирует о значении движение информации в контейнер, заполнение контейнера этой информацией. Следует помнить, что во всех случаях в образовании значения фразовых глаголов участвуют и другие метафорические процессы. В первом случае глагол *home* (*to return home accurately from a distance*) образован от существительного *home* (*the place or a place where one lives*, *a house or other dwelling*). Таким образом, внимание ассоциируется с жилищем. Подобно тому, как человек входит в дом, поселяется в нем, объект заполняет внимание человека.

Если же анализировать значение глагола *absorb* – 1) *to soak or suck up (liquids)*, 2) *to engage or occupy (the interest, attention, or time) of (someone)* – в составе фразового

глагола, то можно увидеть, что оно подвергается метафорическому переосмыслению – подобно тому, как тело является своеобразным контейнером, поглощающим, впитывающим жидкость, внимание человека служит контейнером, который заполняется информацией. Частица является пространственным модификатором и указывает на движение по направлению к воображаемому контейнеру, в роли которого в нашем случае выступает внимание (*attention is a container*).

Иногда в роли контейнера можно рассматривать различные физические и психические состояния [Егорова 2012]. В процессе исследования были обнаружены случаи, когда в качестве воображаемого контейнера выступает состояние размышления (*a state of thinking is a container*). Это фразовые глаголы *see into* (*to examine or investigate, to discover the true nature of*) и *weave something into* (*to put facts, details together to make a story*).

Завершая описание фразовых глаголов с ментальным значением, семантика которых базируется на образной схеме *контейнер*, приведем анализ фразовых глаголов с частицей *through*. По мнению Е. Е. Голубковой, в основу описания семантики частицы *through* легла образная схема *разомкнутого контейнера* [Голубкова 2009]. Именно частица *through*, сочетаясь с глаголами, относящимися к различным концептуальным областям, реализует значение прохождения сквозь реальный или воображаемый контейнер. Анализ семантики глагольного компонента в составе фразовых глаголов с ментальным значением с частицей *through* позволил определить его отношение к конкретной концептуальной области. Были обнаружены глаголы движения, восприятия и интеллектуальной деятельности.

Рассматривая сочетание глагола восприятия с частицей *through* – *see through*, понимаем, что значение глагола подверглось метафорическому переосмыслению (*seeing is knowing, knowing is understanding*). Переосмысленное значение частицы – прохождение сквозь контейнер – выполнение действия от начала до конца. В роли воображаемого контейнера выступает проблема (*problem is a container*). В результате взаимодействия глагола и частицы получаем полное значение описываемого фразового глагола – *to understand a problem from beginning to end, to recognize the truth about, to realize the true nature of*.

Еще один фразовый глагол – *look through* (*to examine, esp curiously*). Глагол *look*, соответствующий значению *to direct the eyes (towards something)*, претерпевает метафорическое переосмысление – *looking is directing attention to*. Взаимодействие с частицей *through* дает дополнительное значение *thoroughly, from beginning to end*. В результате имеем значение фразового глагола – *to examine, esp curiously, thoroughly, completely*.

В основе значения фразовых глаголов *go through*, *run through* лежит метафора движения, заложенная в семантике самих глаголов, относящихся к концептуальной области движения. Семантика же частицы включает концепт *контейнер*. Таким образом, значение всего сочетания соответствует образной схеме прохождения объекта через реальный или воображаемый контейнер. Оба глагола объединены общим значением *to think / consider*. Однако семантика глаголов, входящих в состав сочетаний, способствует образованию дополнительных компонентов значения. Глагол *go* (*to move or proceed, esp to or from a point or in a certain direction*) предполагает медленное, целенаправленное движение. Отсюда и значение фразового глагола *go through* (*with*) – *to consider in detail, to subject to thorough examination, study or discussion, to consider in detail in order to remember*. В значении глагола *run* (*to move on foot at a rapid pace so that both feet are off the ground together for part of each stride*) заложен компонент *быстро, стремительно*. Действие, выполненное быстро, наспех, не отличается тщательностью, высоким качеством исполнения, как результат имеем значение фразового глагола *run through* – *to think about or imagine something from beginning to end, especially a series of events, reasons, or instructions*, в котором отсутствует компонент *in detail*.

Заключение

Изучение композиционной семантики фразовых глаголов концептуальной области *умственная деятельность* позволило убедиться, что взаимодействие концептуальных структур глагола и частицы – один из когнитивных механизмов формирования семантики ментальных фразовых глаголов. В основе концептуальных структур может быть использована образная схема *контейнер*, реализуемая благодаря семантическому потенциалу глагольного компонента и ряда частиц. Выявлено, что частицы *in*, *out* и *through*, сочетаясь с глаголами, относящимися к различным концептуальным областям (движения, физической деятельности, восприятия), в составе фразовых глаголов с ментальным значением реализуют свои прототипические концептуальные значения: попадание / проникновение внутрь контейнера, наружу / снаружи и пересечение границы контейнера субъектом / объектом действия соответственно. С помощью этих частиц можно описать основные элементы образной схемы *контейнер*. Анализ типов контейнеров, характерных для семантики изучаемых единиц, позволил сделать вывод, что в роли контейнера выступают не реально существующие объекты, а абстрактные сущности – память, сознание, внимание, чувства, мысли и др., а также различные физические и психические состояния или ситуации, в которые погружены объекты.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. Г. Егорова – концептуализация, постановка задач, проведение исследования, обобщение результатов, формулировка выводов, интерпретация

результатов, редактирование и переработка рукописи. О. Ф. Задобрицкая – концептуализация, постановка задач, проведение исследования, участие в формулировке выводов и интерпретации результатов.

Contribution: V. G. Egorova developed the research concept, set the objectives, conducted the research, summarized and interpreted the results, formulated conclusions, designed and edited the manuscript. O. F. Zadobrivskaia developed the research concept, set the research objectives, conducted the research, and took part in the interpretation of the results.

Литература / References

- Авдевич Н. В. Антропоцентризм как фактор метафорического потенциала английских фразовых глаголов. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 13. С. 11–26. [Avdevich N. V. Anthropocentrism as the factor of the metaphorical potential of English phrasal verbs. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, (13): 11–26. (In Russ.)] https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_11
- Авдевич Н. В. Обучение студентов использованию английских фразовых глаголов в языке профессионального общения. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и Педагогические науки*. 2020. № 1. С. 23–35. [Avdevich N. V. Teaching students to use English phrasal verbs for professional communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 2020, (1): 23–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/liqba>
- Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с. [Babushkin A. P., Sternin I. A. *Cognitive linguistics and semasiology*. Voronezh: Ritm, 2018, 229. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vjsjys>
- Базарова Б. Б. Частицы с пространственным значением в современном английском языке. *Английский лексикон: познание и культура*, отв. ред. И. А. Деметьева. М.: МГЛУ, 1997. Вып. 438. С. 25–32. [Bazarova B. B. Particles with spatial meaning in modern English. *English vocabulary: knowledge and culture*, ed. Dementieva I. A. Moscow: MSLU, 1997, iss. 438, 25–32. (In Russ.)]
- Богданова С. Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 180 с. [Bogdanova S. Y. *Spatial conceptualization of the world in the mirror of English phrasal verbs*. Irkutsk: ISLU, 2006, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rufwpz>
- Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем. *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход*, отв. ред. В. И. Заботкина. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. С. 39–81. [Golubkova E. E. Linguistic corpora in solving semantic problems. *Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-corpus approach*, ed. Zabotkina V. I. 2nd ed. Moscow: IaSK, 2019, 39–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dplllu>
- Голубкова Е. Е. Некоторые принципы концептуального описания единиц пространственной лексики (на материале английских предлогов in и through). *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство*, ред. Н. К. Рябцева, В. А. Виноградов. М.: ЯСК, 2009. С. 553–559. [Golubkova E. E. Some principles of conceptual description of units of spatial vocabulary: English prepositions in and through. *Horizons of modern linguistics. Tradition and innovation*, eds. Riabtseva N. K., Vinogradov V. A. Moscow: IaSK, 2009, 553–559. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zojvdr>
- Егорова В. Г. К вопросу о когнитивных механизмах формирования композиционной семантики фразовых глаголов умственной деятельности. *Михаило-Архангельские чтения: VII Междунар. науч.-практ. конф.* (Рыбница, 16 ноября 2012 г.) Рыбница: Рыбницкая типография, 2012. С. 329–332. [Egorova V. G. On the cognitive mechanisms of the formation of the composite semantics of phrasal verbs of mental activity. *Michael-Arkhangelsk Readings: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Rybnitsa, 16 Nov 2012. Rybnitsa: Rybnitskaia tipografia, 2012, 329–332. (In Russ.)]
- Егорова В. Г. Когнитивные особенности семантики комплексных языковых единиц со значением понимания. *Филологический аспект*. 2021. № 1. С. 59–68. [Egorova V. G. Cognitive features of the semantics of complex linguistic units with the meaning of understanding. *Filologicheskii aspekt*, 2021, (1): 59–68. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/doumir>
- Егорова В. Г. Когнитивный аспект перевода комплексных языковых знаков. *Актуальные проблемы обучения иностранных граждан в системе довузовского образования*, отв. ред. Е. Л. Хальпукова. Мн.: БГУ, 2020. Вып. 2.

- [Egorova V. G. Cognitive aspect of the translation of complex linguistic signs. *Actual problems of teaching foreign citizens in the system of pre-university education*, ed. Khalpukova E. L. Minsk: BSU, 2020. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dkwjgm>
- Задобри́вская О. Ф. Актуализация контейнера: эмонимы sympathy и симпатия в англо- и русскоязычном пространствах. *Языковая картина мира в зеркале перевода: Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 12–15 декабря 2018 г. Воронеж: ИД ВГУ, 2019. С. 110–119. [Zadobrivskaia O. F. Realization of the container through the emonym sympathy and its Russian equivalents in the English and Russian-speaking worlds. *Linguistic picture of the world in the mirror of translation: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Voronezh, 12–15 Dec 2018. Voronezh: ID VSU, 2019, 110–119. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/llgrki**
- Задобри́вская О. Ф. Английский криптокласс «Вместилище»: к проблеме выделения. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 4. С. 56–60. [Zadobrivskaia O. F. English cryptotype "Container": on the problem of its identification. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, (4): 56–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ypqghz>
- Задобри́вская О. Ф. Ментефакты idea и thought как вместилище. *World Science: Problems and Innovations: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 30 января 2018 г.) Пенза: Наука и просвещение, 2018. Ч. 3. С. 34–38. [Zadobrivskaia O. F. Mental images idea and thought as a container. *World Science: Problems and Innovations: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 30 Jan 2018. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2018, pt. 3, 34–38. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yrjflv**
- Кубрякова Е. С. Композиционная семантика и ее особенности в сфере словообразования. *Проблемы семантического анализа лексики: Пятые Шмелевские чтения: Междунар. конф. (Москва, 23–25 февраля 2002 г.) М.: Рус. словари, 2002. С. 52–54. [Kubryakova E. S. Compositional semantics and its features in the field of word formation. *Problems of semantic analysis of vocabulary: The 5th Shmelev Readings: Proc. Intern. Conf., Moscow, 23–25 Feb 2002. Moscow: Rus. slovari, 2002, 52–54. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tdcxen**
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2004. 560 с. [Kubryakova E. S. *Language and knowledge: towards the acquisition of knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow: IaSK, 2004, 560. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/suqhip*
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by. Moscow: Editotial URSS, 2004, 256. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qraadx*
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 607 с. [Paducheva E. V. *Dynamic models in the semantics of vocabulary. Moscow: IaSK, 2004, 607. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/paxmhj*
- Петрович Ю. В. Когнитивные основы образования новых фразовых глаголов в современном английском языке. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2009. № 571-2. С. 115–128. [Petrovich Yu. V. Cognitive mechanisms of formation of new phrasal verbs in modern English. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2009, (571-2): 115–128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ksnogl>
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2008. 416 с. [Rakhilina E. V. *Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow: Rus. slovari, 2008, 416. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pvxtnn*
- Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 584 с. [Rakhilina E. V. *Linguistics of constructions. Moscow: Azbukovnik, 2010, 584. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pwxfvd*
- Dirven R. The Metaphoric in recent cognitive approaches to English phrasal verbs. *Metaphorik.de*, 2001, (1): 39–54.
- Golubkova E., Trubochkin A. A corpus-based model of the English phrasal verb construction: Attraction. *Computational linguistics and intellectual technologies, Dialogue 2021: Proc. Annual Intern. Conf., Virtual, Online, 16–19 Jun 2021. Moscow: RSUH, 2021, 277–288. https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-278-288*
- Lindner S. J. *A lexico-semantic analysis of English verb-particle constructions with Out and Up*. Trier: LAUT, 1983, 234.
- Morgan P. S. Figuring out 'figure out': Metaphor and the semantics of the English verb-particle construction. *Cognitive linguistics*, 1997, 8(4): 95–119.
- Rudzka-Ostyn B. *Word power: Phrasal verbs a. compounds: A cognitive approach*. Berlin-NY: Mouton de Gruyter, 2003, 206. <https://doi.org/10.1515/9783110197235>
- Talmy L. How language structures space. *Spatial Orientation. Theory, Research, and Application*, eds. Pick H. L. Jr., Acredolo L. P. NY-L.: Plenum Press, 1983, 225–282.

оригинальная статья

Неофициальная китайская урбанонимия в аспекте отражения обыденной городской культуры (на языковом материале г. Чэнду, КНР)

Лань Лин

Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0001-6821-9787>klarodice@gmail.com

Поступила в редакцию 21.03.2023. Принята после рецензирования 26.06.2023. Принята в печать 05.07.2023.

Аннотация: Рассмотрены китайские неофициальные урбанонимы как часть языка и культуры современного города. Цель – выявить особенности создания и употребления китайских неофициальных городских топонимов в аспекте репрезентации обыденной культуры с ее речевыми практиками и номинативным творчеством. Работа выполнена в русле лингвокультурологического изыскания с использованием комплекса методов. В результате социо- и лингвокультурологической интерпретации информации, которая получена методом анкетного опроса в сети Интернет жителей китайского мегаполиса Чэнду, обнаружено: неофициальные урбанонимы служат знаками приобщения жителей к своей, освоенной территории; они часто применяются в речи молодых людей и жителей активного трудового возраста независимо от уровня их образования; народные урбанонимы включены в неформальную обиходно-бытовую коммуникацию межличностного характера и положительно оцениваются респондентами. По ответам горожан выявлены причины появления неофициальных урбанонимов: желание противопоставить скучным официальным названиям яркие и живые неофициальные, которые обладают эмоциональными, оценочными, образными коннотациями; необходимость различать близко расположенные объекты с одинаковыми функциями; стремление сократить длинные официальные наименования; потребность в обозначении пространственных объектов, не имеющих своих идентифицирующих имен; сохранение прежних названий, вышедших из официального употребления. В ходе ономастического анализа языковых фактов установлено, что в народной урбанонимической номинации вербализуются такие мотивы, как наличие примечательного объекта, который существует или раньше существовал в называемом месте; переосмысление официальных урбанонимов в связи с новой характеристикой пространственной реалии; сокращение официальных имен; метафорическое осмысление каких-либо свойств локаций; фонетическое сходство с официальным урбанонимом. Связь с социальными практиками обыденной культуры города обуславливает отражение в народной урбанонимической номинации ценностей повседневной жизни горожан, в том числе потребность в детальной ориентации в пространстве, сокращение речевых усилий на вербальное обозначение топообъектов, стремление к экспрессивности речевых произведений и выражению субъективной оценочности. В прагматике номинативного творчества находят воплощение народный юмор и ирония, нередко огрубляющие образ названного. Однако среди неофициальных китайских урбанонимов можно наблюдать названия с позитивной и лиричной образностью, что предположительно обусловлено влиянием традиций топонимического означивания в китайской национальной языковой культуре.

Ключевые слова: городские топонимы, урбанонимы, неофициальные урбанонимы, лингвокультурология, обыденная культура, урбанонимическая номинация, Чэнду, Китайская Народная Республика

Цитирование: Лань Л. Неофициальная китайская урбанонимия в аспекте отражения обыденной городской культуры (на языковом материале г. Чэнду, КНР). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 441–450. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-441-450>

full article

Vernacular Chinese Urbanonyms as a Reflection of Ordinary Urban Culture in the City of Chengdu, China

Ling Lan

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

<https://orcid.org/0000-0001-6821-9787>

klarodice@gmail.com

Received 21 Mar 2023. Accepted after peer review 26 Jun 2023. Accepted for publication 5 Jul 2023.

Abstract: The article deals with the Chinese vernacular urbanonyms as part of the modern urban language and culture. The author studied the origins and use of popular urbanonyms with their speech practices and nominative creativity. The research involved some methods of cultural and social linguistics, as well as an online questionnaire of Chengdu citizens. The respondents saw vernacular urbanonyms as a sign of familiarity with the urban environment. Such words were popular with young people and working-age residents, regardless of their education background. In general, vernacular urbanonyms were seen as part of informal interpersonal communication and were evaluated quite positively. According to the respondents, vernacular urbanonyms emerge for the following reasons. They contrast with boring official names because they are "vivid" and "lively", with emotional, evaluative and figurative connotations. They help to distinguish between similar environmental objects with the same functions. They are shorter than official names. They identify nameless urban objects. They preserve old names that are out of official use. The onomasiological analysis established that vernacular urbanonyms verbalize a number of motives, e.g., a landmark, a reinterpretation of official urban names, a reduced official name, a metaphor, phonetic similarity with the official name, etc. As a result of social practices of ordinary city culture, vernacular urbanonyms reflect the values of everyday city life, e.g., wayfinding, linguistic economy, expressiveness, and subjectivity. The pragmatics of urbanonyms reveal crude folk humor and irony. However, some of them demonstrate positive and even lyrical imagery, which is typical of Chinese national linguistic culture.

Keywords: urban toponyms, urbanonyms, vernacular urbanonyms, cultural linguistics, ordinary culture, urban nomination, Chengdu, People's Republic of China

Citation: Lan L. Vernacular Chinese Urbanonyms as a Reflection of Ordinary Urban Culture in the City of Chengdu, China. *SibScript*, 2023, 25(4): 441–450. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-441-450>

Введение

Территория города вербально осваивается с помощью особых имен собственных – топонимов. Они выполняют функции номинации, идентификации, ориентации в пространстве и др. [Суперанская 1973: 274–276] и тем самым обеспечивают жизнь города пространственной координацией. В русской ономастической традиции городские топонимы принято обозначать термином *урбанонимы* и подводить под него собственные имена любых внутригородских топографических объектов, в том числе агоронимы, годонимы, хоронимы городские, экклезионимы, ойкодомонимы¹. Таким образом, термин *урбаноним* связан родо-видовыми отношениями с обозначениями разных топонимических разрядов и может употребляться в качестве обобщающего для них.

По особенностям образования и функционирования урбанонимы традиционно делятся на официальные и неофициальные. Официальные создаются в актах

искусственной номинации, закрепляются за объектами с помощью приказов и распоряжений от органов власти и местного самоуправления и узакониваются в специальных текстах: справочниках, адресных книгах, на картах, вывесках, адресных табличках [Голомидова 1998: 55–56]. Неофициальные, или народные, топонимы рождаются стихийно в устной речи горожан и существуют поверх или параллельно с официальными именами. Если официальные названия, выполняя адресную функцию, маркируют все надлежащие объекты дорожно-транспортной инфраструктуры и элементы рукотворного городского ландшафта, то неофициальные имеют избирательный характер: они складываются лишь для некоторых локаций и организуют свою особую сеть вербальных обозначений, которая только частично пересекается с официальными. И. А. Королёва дает следующее определение неофициальным топонимам:

¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. С. 139.

«некодифицированные номинации, которые являются устойчивыми для определенного периода функционирования языковыми единицами, существующими только в устной речи горожан, применяемые ими в определенных ситуациях речевой коммуникации» [Королёва 2022: 88].

Специалисты полагают, что неофициальные имена складываются под действием факторов как собственно языкового, так и экстралингвистического характера, и отмечают такие черты соответствующих обозначений, как «вариативность и экспрессивность, подвижность и неустойчивость, а также высокую степень индивидуализации городских реалий» [Клименко, Рут 2018: 219].

Неофициальные топонимы представляют собой яркий пласт городской речи и городской культуры, и российские лингвисты посвятили им значительное количество работ. Разные аспекты формирования и функционирования неофициальных урбанонимов (далее – НУ) рассматриваются, в частности, в работах [Борейко, Шпак 2013; Зуева 2014; Квашнина 2009; Клименко 2011; Клименко, Рут 2018; Магерарова 2020; 2022; Мальцева 2015; Никитина 2018; Отин 2009; Паликова 2013; Подберезкина, Лукьянова 2019; Потанахина 2008; Разумов 2011; Тимофеева 2018; Шарипова 2010; 2012] и др. Созданы лексикографические описания для НУ ряда российских городов: Екатеринбург², Новосибирска³, Санкт-Петербурга⁴, Смоленска⁵.

Ученые привлекают НУ к рассмотрению вопросов регионального варьирования языка и квалифицируют их как разновидность лексических регионализмов, или локализмов, благодаря которым транслируется региональная специфика культурного пространства города [Ерофеева, Юшкова 2021; Магерарова 2020; 2022; Матвеева 2021]. Т. Г. Никитина пишет, что в народной топонимии «пересекаются и взаимодействуют эпохи, поколения, культуры и субкультуры, представители которых по-своему структурируют пространство в актах номинации и реноминации, реализуют свои ценностные приоритеты и воплощают социокультурно маркированные образные мотивы в новых именах топообъектов» [Никитина 2018: 181]. Отмечается, что неофициальные названия, так же как и официальные, транслируют образ города, но представляют его в ином

ракурсе: они отражают своеобразный, по определению И. А. Королёвой, «коммуникативный бытовой ландшафт» [Королёва 2022: 93].

Обращаясь к особенностям формирования неофициальной урбанонимии, лингвисты усматривают общее влияние разговорной речи с ее стремлением к экономии языковых средств и сокращению многокомпонентных конструкций [Квашнина 2009: 147; Никитина 2018: 181; Шарипова 2012: 206], актуализацию просторечия, сленга, молодежных жаргонов [Васильева 2011; Отин 2009; Шарипова 2010; 2012], включение механизмов языковой игры [Голикова 2014; Клименко, Рут 2018], привлечение прецедентных знаков [Зуева 2014; Разумов 2011].

В целом в российской лингвистике обсуждаются как теоретические, так и прикладные вопросы изучения народных городских названий, в научный оборот вводится языковой материал разных городов.

В Китае существует глубокая историческая традиция описания и изучения топонимов, однако проблематика, связанная с неофициальными именами, пока не подвергается активной разработке. По данным CNKI⁶ (China national knowledge infrastructure), крупнейшей академической базы данных, охватывающей более 90 % академических информационных ресурсов Китая и обладающей самым высоким коэффициентом использования в китайских университетах, только незначительное количество работ последнего десятилетия так или иначе выходят на неофициальные обозначения пространственных объектов (при этом часть из выявленных в поиске работ не имеет отношения к языковому материалу Китая). Например, в 2012 г. была опубликована статья Пэн Сэньцзуань «Обсуждение о выборе слов и сочетании слов при планировании топонимов». В ней автор рассматривает неофициальные топонимы как варианты сокращенных полных названий и объясняет их появление значительным ускорением темпа современной жизни, подчеркивая при этом, что неофициальные имена обычно передаются только из уст в уста, и, несмотря на их применение большим количеством людей, использовать их в официальных документах невозможно [Реп 2012: 18].

Таким образом, неофициальные китайские топонимы оцениваются с точки зрения кодификации. Между тем

² Клименко Е. Н., Попова Т. В. Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. Екатеринбург: Уральский гос. лесотехнический ун-т, 2012. 135 с.

³ Ливинская И. В., Матвеев А. И. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска. Новосибирск: Свинин и сыновья, 2016. 160 с.

⁴ Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца: лексикон Северной столицы: история и современность. СПб.: Центрполиграф, 2014. 635 с.

⁵ Бутеев Д. В., Никифорова В. В., Сергеев В. Ю. Под покровом имён: словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск: Маджента, 2012. 164 с.

⁶ CNKI. URL: <https://en.cnki.com.cn/index> (accessed 2 Feb 2023).

нельзя обойти стороной тот факт, что они участвуют в формировании «многомерного и многофункционального топонимического пространства города» [Никитина 2018: 181] и являются органичным компонентом многослойной городской культуры. Отсюда проистекает, на наш взгляд, актуальность рассмотрения неофициальной китайской урбанонимии в ее соотносительности с живой разговорной городской речью и ценностными ориентирами повседневной жизни, которые разделяются населением. В данном исследовании ставится цель выявить особенности создания и употребления неофициальных китайских урбанонимов в аспекте отражения обыденной культуры с ее речевыми практиками и номинативным творчеством.

Понимая под обыденной культурой сферу «культурной жизни, которая связана с бытом и обыденным сознанием» [Луков 2005: 203], мы конкретизируем достижение цели через решение следующих задач:

- уточнить специфику применения НУ в обиходно-бытовой речи жителей современного китайского города;
- выяснить знание и оценочное отношение жителей города к неофициальным городским топонимам;
- установить виды мотивации, актуализируемой при образовании НУ в речи горожан;
- охарактеризовать прагматику речетворчества при создании неофициальных названий.

Исследовательский горизонт и новизна работы определяются реализацией первого опыта лингвокультурологического описания народной китайской урбанонимии как части языка и культуры города, как своеобразного зеркала для отражения народного видения городского пространства. Заявленное исследование вводит в научный оборот оригинальный языковой материал, полученный эмпирическим путем. Теоретическая значимость его результатов обусловлена выведением новой информации, расширяющей фонд лингвокультурологии, ономастики и ономасиологии. Практическая значимость заключается в перспективе применения данных для составления комплексного словаря городской топонимии территории проведения исследования.

Методы и материалы

Языковым материалом послужили НУ г. Чэнду – столицы провинции Сычуань в юго-западном Китае. Корпус языковых фактов составили 465 НУ. Сведения о них и информация об их использовании в речи были получены путем анкетного опроса информантов в сети Интернет. В анкете учитывались вопросы, которые дают возможность выяснить социально-демографические характеристики респондентов (возраст, гендерную

принадлежность, время проживания в Чэнду, уровень образования), а также знание респондентами неофициальных названий, их толкования и применения в ситуациях речевой коммуникации. Полученные данные были интерпретированы в лингвокультурологическом и социолингвистическом ключе с привлечением количественных показателей.

Для выявления прагматической стороны речетворчества и мотивации, которая реализуется при образовании НУ, применялся ономасиологический анализ. Он позволяет учитывать обстоятельственный контекст номинации и раскрыть особенности внутренней формы наименований с учетом экстралингвистической информации.

Результаты

Обращаясь к анализу полученных результатов, представим социально-демографические данные о составе аудитории, которая приняла участие в интернет-опросе (рис. 1). Наибольший интерес к опросу проявили мужчины (76 %), доминирующая возрастная группа респондентов – 17–26 лет (50 %), далее идет группа респондентов в возрасте 27–45 лет (42 %). Можно предположить, что именно эти группы представляют активных пользователей Интернета, не равнодушных к городу и его жизни, достаточно современных по складу жизни, являющихся носителями городской культуры.

Из числа респондентов 51 % считают себя жителями Чэнду, поскольку либо родились в нем, либо живут здесь более 5 лет. Подавляющее большинство членов этой группы (95 %) знают НУ Чэнду и 56 % из опрошенных часто используют неофициальные названия в своей речи. Из тех респондентов, кто живет в Чэнду менее 5 лет (13 % опрошенных), значительная часть (93 %) все-таки знают местные названия, но в своей речи

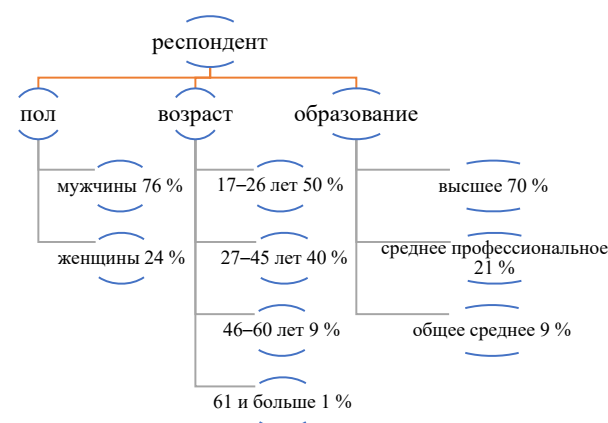

Рис. 1. Состав респондентов опроса
Fig. 1. Respondents' profile

их используют только 21 %. Среди респондентов, которые не считают себя жителями Чэнду (36 % опрошенных), более половины (62 %) не слышали о местных названиях и не знают их, что представляется вполне закономерным.

Полученные сведения позволяют утверждать, что китайские неофициальные урбанонимы присутствуют в речевой культуре современного города и используются в обиходно-бытовой речи и обиходной коммуникации. Примечательно, что они по-своему маркируют укорененность человека в местном пространстве и степень вхождения человека в повседневную культуру конкретного города. Они служат знаками «пространственной самоидентификации» [Паликова 2013: 84] и показателями принадлежности к территориальной общности. Чем лучше и подробнее осваивает человек место своего проживания, тем сильнее в орбиту его жизни втягиваются народные топонимы, отражающие локальную идентичность.

В процессе анализа анкетных данных также было установлено, что знание человеком НУ в определенной мере зависит от возраста и мало зависит от образования. Больше 45 % респондентов считают, что чаще всего используют такие имена люди среднего возраста (26–45 лет) (рис. 2).

Подавляющее число респондентов (51,5 %) разделяют мнение, что применение НУ не связано с уровнем образования, и наличие, например, высшего образования не оказывает существенного влияния на включение или невключение таких названий в речевой обиход (рис. 3).

На вопрос о типичной ситуации применения НУ участники опроса указывают общение с друзьями, соседями, членами семьи (78 %), редко – с сослуживцами (32 %), очень немногие – с любыми собеседниками (2 %). Всегда констатируется неформальный характер общения.

Появление неофициальных урбанонимов, как правило, объясняется несколькими причинами. Прокомментируем их в порядке убывания количества ответов на соответствующие вопросы анкеты (табл.).

Во-первых, из-за нейтрального свойства официального урбанонима горожане могут считать его невыразительным, скучным и заменять на более выразительное, живое название, обладающее теми или иными коннотациями: оценочными, эмоциональными, образными. За счет прагматического компонента такие названия в большей степени проявляют связь с народным видением локации. Наблюдая за сходными явлениями в русскоязычном материале, российские лингвисты усматривает в этом «черты оппозиции к официальной городской языковой культуре» [Голикова 2014: 29; Зуева 2014: 155] и проявление народного творчества [Подюков 2003].

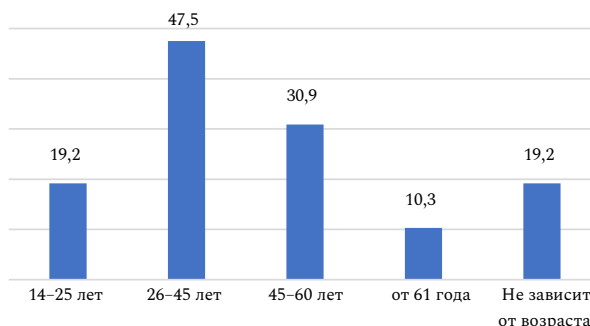

Рис. 2. Мнение респондентов о возрасте пользователей неофициальных урбанонимов, %

Fig. 2. Responses to the question about the age of people who use vernacular urbanonyms, %

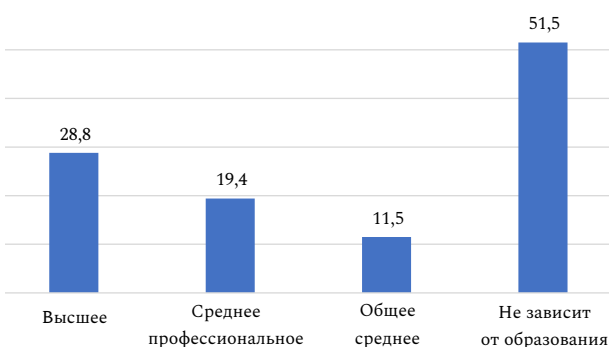

Рис. 3. Ответы респондентов об уровне образования пользователей неофициальных урбанонимов, %

Fig. 3. Responses to the question about the education background of people who use vernacular urbanonyms, %

Табл. Данные по ответам респондентов о причинах появления неофициальных урбанонимов

Tab. Responses to the question about the origins of vernacular urbanonyms

Варианты ответов	Количество ответов
Желание противопоставить скучным официальным названиям яркие и живые народные	158
Склонность людей к языковой игре, юмору, пародии	156
Необходимость различать объекты с одинаковыми функциями (например, рядом расположенные магазины)	58
Желание сократить слишком длинное официальное название	55
Другое	14
Всего	441

Во-вторых, в своем восприятии окружающего пространства горожане нередко «одомашнивают» его и, если можно так сказать, по-своему присваивают, заменяя при этом официальное обозначение на забавное или ироническое. А в некоторых случаях для говорящих важно подчеркнуть наиболее значимый для различения характерный признак, который не выражен во внутренней форме официального названия.

В-третьих, под влиянием разговорной речи длинные по звучанию официальные названия сокращаются.

В-четвертых, горожанину необходимо различать объекты с одинаковыми названиями и одинаковыми функциями. В таком случае НУ позволяют дифференцировать сходные либо одноименные обозначения.

Среди других причин появления народных топографических названий респонденты указали на отсутствие специальных названий у некоторых мест в городе и сохранение старых обозначений, которые власти заменили на новые.

Номинативное народное творчество составляет еще одну грань обиходно-бытовой культуры. В этой связи обратимся к описанию мотивировочных моделей, которые актуализируются при создании НУ, и их содержательному наполнению. Комментируя языковой материал, мы будем использовать принятые в русской орфографии правила написания топонимов: топографический термин передается с помощью нарицательного слова, индивидуализирующее обозначение оформляется как имя собственное с большой буквы. Этот подход последовательно применяется в тех случаях, когда НУ представляет собой вторичное название, существующее наряду с официальным. Однако есть случаи, когда НУ обозначает место, не имеющее своего специального топонимического обозначения (например, отдельный участок улицы или фрагмент территории). Такие НУ оформляются как имена собственные, которые состоят только из индивидуализирующего компонента.

Перевод индивидуализирующих компонентов НУ осуществляется с помощью конструкций *нарицательный компонент в форме существительного в именительном падеже + индивидуализирующий компонент в форме субстантивата либо существительного в родительном падеже*.

Итак, по **характеру мотивации** НУ города Чэнду можно разделить на следующие разновидности:

1. Названия, отражающие наличие примечательного объекта, который существует или раньше существовал на этом месте:

- *переулок Котика*⁷ (猫猫巷) – раньше у входа в переулок стоял каменный столб, на его вершине была выгравирована голова тигра, которого местные

жители называют кошкой; в НУ, помимо внутренней формы, связанной с образом тигра-кошки, есть еще и прагматический эмоциональный компонент; официальное название объекта – *переулок Генерала* (将军街);

- *улица Баров* (酒吧一条街) – на улице много барных заведений; официальное название – *Мост Цзюнь* (九眼桥);
- *улица Японской кухни* (日料一条街) – название отражает характерный признак локации, а именно наличие многочисленных кафе японской кухни; официальное название – *улица Танпа* (铎靶街) (танпа – вид оружия наподобие пика);
- *улица Закусочная* (小吃街) – здесь располагается много кафе и уличных торговых точек, продающих еду; официальное название – *улица Строительства* (建设路);
- *улица Связи* (通讯一条街) – на улице много магазинов, торгующих сотовыми телефонами; официальное название – *Дорога Тайшэн южная* (太升南路);
- *улица Тенистых ив* (柳荫街) – на улице много ивовых деревьев; официальное название – *Восточная дорога* (锦里东路);
- *Ювелирная дорога* (珠宝首饰一条街) – большая улица, на которой много ювелирных магазинов; официальное название – *Дорога Цзиньтай* (琴台路);
- *вокзал Высокоскоростного поезда* (高铁站); официальное название – *Восточный железнодорожный вокзал Чэнду* (成都东站);
- *Бамбуковый парк города Парчи* (锦城竹园) – в парке много бамбука; официальное название – *Парк Павильона Ванцзян* (望江楼公园).

2. НУ, переосмысляющие официальные урбанонимы в связи с новой характеристикой названных ими объектов:

- *Университет динозавров* (恐龙大学) – народное название университета, данное по характерным экспонатам, хранящимся в университетском музее; официальное название учреждения – *Технологический университет Чэнду* (成都理工大学). Музей Технологического университета известен большой коллекцией окаменелостей динозавров, в том числе гигантского мемэнсизавра / мемэнчизавра, обитавшего некогда на территории современной Восточной Азии. Его скелет называют сокровищами ратуши. Интересно, что устойчивые ассоциации между динозаврами и Технологическим университетом отражаются даже в эмблеме организации: большую ее часть занимает изображение абстрактного динозавра. Народное название

⁷ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

поддерживает мотивировочную связь, уже закрепившуюся в местном общественном сознании;

- *Дочерний университет средней школы № 7 Чэнду* (七中附属大学); официальное название – *Сычуаньский университет* (四川大学). Средняя школа № 7 Чэнду считается самой хорошей школой в провинции Сычуань, и ежегодно многие из ее выпускников поступают в Сычуаньский университет, который, в свою очередь, является крупнейшим в Чэнду и одним из престижных университетов КНР. Неофициальное название, с одной стороны, сохраняет исходное наименование школы, а с другой – включает его в обозначение переосмысленной связи с высшим учебным заведением;
- *Дочерний университет Метеорологического бюро* (气象局附属大学); официальное название – *Университет информационных технологий Чэнду* (成都信息工程大学). В университете успешно развивается электронная информационная инженерия, которая имеет три направления: исследование атмосферы, обработка сигналов, молниезащита, а результаты научных работ имеют большое значение для метеорологии. Народное название переосмысляет образ университета, юмористически сводя все учреждение к отделу Метеорологической службы;
- *парк Студенческих спортивных соревнований* (大运公园) – парк является главным спортивным сооружением Летней Универсиады 2021, официальное название – *Спортивный парк озера Донань* (东安湖体育公园);
- *Сычуаньская фруктово-овощная база* (四川果蔬基地); официальное название – *Сычуаньский сельскохозяйственный университет* (四川农业大学). Поскольку сельскохозяйственный университет занимается выведением сортовых растений, его уподобляют базе сельскохозяйственной продукции;
- *Тракторный университет* (拖拉机大学); официальное название – *Университет Сихуа* (西华大学). Университет известен своими разработками ключевых технологий трактора, первый трактор нового Китая был создан в этом университете. Народное восприятие свело образ всего университета к его главному инженерно-техническому достижению;
- *Хижина Хуаньхуа* (浣花草堂); официальное название – *Хижина Дуфу* (китайского поэта) (杜甫草堂), объект находится возле реки Хуаньхуа.

3. НУ, сокращенно представляющие исходное официальное имя:

- *Триста тридцать девять* (三三九) (339); официальное название – *Сычуаньская башня Китая* (天府熊猫塔), высота сооружения составляет 339 метров;

- *Чуаньда* (川大) – сокращение от *Чуань-Сычуань-Да* – *Сычуаньский университет* (四川大学);
- *Чуаньши* (川师) – от *Чуань-Сычуань-Ши* – *Сычуаньский педагогический университет* (四川师范大学);
- *Чэнти* (成体) – сокращение от *Чэнду-Ти* – *Спортивный университет Чэнду* (成都体育大学);
- *Глобальный центр* (环球中心) – сокращение от *Глобальный центр нового века Чэнду* (成都新世纪环球中心);
- *База панды* (熊猫基地) – от полного названия *Исследовательская база гигантской панды в Чэнду* (成都大熊猫繁育研究基地);
- *Океанский парк* (海洋公园) – от *Чэнду Хайчан* – *Полярный океанский парк* (成都海昌极地海洋公园);
- *АйЭфЭс ИФС* – от англ. *Chengdu International Finance Square*, официальное название – *Международная финансовая площадь Чэнду* (成都国际金融中心).

4. НУ, основанные на метафорическом осмыслении каких-либо свойств места:

- *парк Зеленое легкое города* (城市绿肺) – большой парк с красивыми чистыми озерами и прекрасными зелеными насаждениями; официальное название – *Парк Северного озера* (北湖公园);
 - *Золотая улица Столетия* (百年金街) – большая оживленная улица, имеющая почти столетнюю историю; официальное название – *Дорога Чуньси* (春熙路);
 - *Зов Призрака* (鬼招手) – перекресток, на котором часто происходят автомобильные аварии; официальный годоним – *улица Ваньяньчан* (万年场);
 - *Дом-Ботинок* (靴子楼) – небоскреб, напоминающий своей формой ботинок; официальное название – *Облачный Небоскреб* (云端大厦);
 - *Дом-парус* (帆船楼) – форма здания напоминает парус; официальное название – *Дом Комитета по управлению высокими технологиями* (高新区管委会大楼);
 - *Хрустальная башня* (水晶塔) – небоскреб, который подсвечивается ночью и переливается подобно кристаллу; официальное название – *компания Дом Чэнда* (成达大厦);
 - *Охранная компания Джулэ* (菊乐牌保安公司); официальное название – *Чэндуский спортивный университет* (成都体育大学). Университет находится на дороге Джулэ, а его студенты своим видом напоминают физически сильных охранников;
 - *Женский монастырь* (尼姑庵); официальное название – *Сычуаньский педагогический университет* (四川师范大学). Большинство студентов педагогического университета составляют девушки.
5. НУ, мотивированные фонетическим сходством с официальным урбанонимом:
- *переулок Собачьих голов* (狗头巷) – от официального названия – *переулок Начала канала* (沟头巷), похожего по звуковой форме.

При образовании народных названий реализуются разные виды мотивировки: семантическая, структурная, фонетическая. Познавательному опыту жителей отвечают такие мотивировочные признаки, положенные в основу названий, как особенности внешних примет места, его функциональная и социокультурная специфика, связь с характерными событиями. Передача в неофициальных топонимах образной и эмоционально-оценочной семантики свидетельствует о креативности обыденного языкового сознания и стремлении говорящих к яркости словесных обозначений.

Неофициальные имена часто возникают как вторичные, по-новому обозначающие уже названное. Но среди НУ Чэнду можно наблюдать и обратное явление: в качестве неофициальных функционируют некоторые названия-историзмы. Они вышли из употребления либо были заменены новыми официальными именами, однако сохранились в памяти жителей города и в их речевом обиходе. Так, продолжает использоваться название *парк Маленького города* (少城公园) вместо современного официального *парк Народа* (人民公园). Выпускники *школы Чэнду № 1* (成都一中) продолжают называть ее по-прежнему, несмотря на новое название *Экспериментальная школа Шудэ* (树德实验中学). Аналогично используется в речи *школа Чэнду № 4* (成都四中) вместо *Чэнду Шиши школа* (成都石室中学).

Интересно, что с ландшафтом древнего Чэнду связаны свои топонимические легенды, и они находят своеобразное отражение в народной урбанонимии. Таким примером служит название *Первая улица Западного Шу* (巴蜀第一街); официальное название – *улица Цзиньли* (锦里). Согласно распространенным народным представлениям, Цзиньли была одной из старейших и самых оживленных торговых улиц в истории древнего государства Западное Шу. Однако на самом деле Цзиньли не была улицей в традиционном значении этого слова. Сейчас это часть общей историко-заповедной территории Ухоу, на которой специальная улица обустроена в духе архитектуры периода Троецарствия и служит объектом туризма, шопинга и развлечений. Стилизованное обустройство способствовало наивному восприятию улицы как подлинной и вызвало к жизни соответствующее название.

Заключение

Неофициальные урбанонимы образуются в ходе естественной номинации так же, как формировались в прошлом в спонтанной народной речи топонимы для обозначения природных объектов. На наш взгляд, именно общие закономерности образования

и бытования народной топонимии обуславливают такие явления, как сохранение среди неофициальных урбанонимов названий-историзмов, которые уже заменены на картах и в деловых документах новыми кодифицированными именами, а также стихийное рождение топонимических легенд.

Китайские неофициальные урбанонимы популярны у современных городских жителей молодого и активного трудового возраста независимо от их образования и социального статуса. Однако коммуникативный диапазон таких имен ограничен применением в обстоятельствах неформальной коммуникации с людьми ближнего круга: родными, друзьями, соседями, знакомыми. Знание неофициальных топонимов-локализмов зависит от длительности проживания человека в городе: чем дольше опыт освоения и использования территории в социальном взаимодействии с другими жителями, тем больше возможный круг известных ему народных названий. Это свидетельствует о том, что неофициальные топонимы служат своеобразными знаками пространственной самоидентификации.

Связь с социальными практиками обыденной культуры города обуславливает отражение в народной урбанонимической номинации ценностей повседневной жизни горожан, в том числе потребность в детальной ориентации в пространстве, сокращение речевых усилий при вербальном обозначении топообъектов, стремление к экспрессивности речевых произведений и выражению субъективной оценочности.

В прагматике номинативного творчества находят воплощение народный юмор и ирония, нередко огрубляющие образ названного. Но в то же время среди неофициальных китайских урбанонимов можно наблюдать названия с позитивной и лиричной образностью, что, предположительно, обусловлено влиянием общих традиций топонимического означивания в китайской национальной языковой культуре.

В целом народная урбанонимия неразрывно связана с региональным колоритом городского пространства, она дополняет официальную, формируя вместе с ней общее урбанонимическое пространство города, в котором благодаря локализмам проступают ценности наивной, обиходно-бытовой картины мира.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Борейко Т. С., Шпак Е. А. Неофициальная топонимика современного города (на примере Омска). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2013. № 1. С. 62–64. [Boreiko T. S., Shpak E. A. Informal toponymy of the modern city (on the example of Omsk). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2013, (1): 62–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rusaof>
- Васильева Т. А. Способы образования неофициальных урбанонимов: метафорические и метонимические наименования. *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. Т. 2. № 4. С. 266–269. [Vasilieva T. A. Methods of formation of unofficial urbanonyms: metaphorical and metonymic names. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, 2(4): 266–269. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ojtnmh>
- Голикова Т. А. Официальные vs. неофициальные топонимы Москвы: модели трансонимизации. *Научный диалог*. 2014. № 9. С. 24–36. [Golikova T. A. Formal vs. informal Moscow toponyms: models of transonymization. *Nauchnyi Dialog*, 2014, (9): 24–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxivoz>
- Голомидова М. В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург: УрГПУ, 1998. 232 с. [Golomidova M. V. *Artificial nomination in onomastics*. Ekaterinburg: USPU, 1998, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugdaap>
- Ерофеева Е. В., Юшкова С. Е. Знание и употребление локализмов в Пермском крае: 80–90 гг. XX в. vs 2020 г. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2021. Т. 13. № 1. С. 48–56. [Erofeeva E. V., Yushkova S. E. Knowledge and usage of local lexis in Perm krai: 1980s–1990s vs 2020. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2021, 13(1): 48–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-1-48-56>
- Зуева Т. А. Лингвокреативный потенциал неофициальных урбанонимов Екатеринбурга: от БУША до Черепахи. *Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании*. 2014. № 2. С. 151–155. [Zuyeva T. A. Lingual creative potential of unofficial urbanonyms of Ekaterinburg: from BUSH to the Tortoise. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii*, 2014, (2): 151–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sccwuf>
- Квашнина Е. Н. Особенности микротопонимии уральского города. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, 2009, (3): 145–148. [Kvashnina E. N. Microtoponymy of the Ural city. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2009, (3): 145–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ldgdnd>
- Клименко Е. Н. Неофициальная ономастика современного города (на материале г. Екатеринбурга). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 6. С. 5–12. [Klimenko E. N. Unofficial onomastics of the modern city (case of Ekaterinburg). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, (6): 5–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qadfnh>
- Клименко Е. Н., Рут М. Э. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социоллингвистическом аспекте. *Вопросы ономастики*. 2018. Т. 15. № 2. С. 210–222. [Klimenko E. N., Rut M. E. Unofficial urbanonymy of Ekaterinburg: a sociolinguistic study. *Voprosy Onomastiki*, 2018, 15(2): 210–222. (In Russ.)] https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022
- Королёва И. А. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение. *Социоллингвистика*. 2022. № 3. С. 86–94. [Koroleva I. A. Unofficial toponyms in the language of the modern city and their study. *Sotsiolingvistika*, 2022, (3): 86–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-11-86-94>
- Луков М. В. Обыденная культура и культура повседневности. *Знание. Понимание. Умение*. 2005. № 3. С. 199–203. [Lukov M. V. Ordinary culture and culture of everyday life. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2005, (3): 199–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhklcf>
- Магерамова Ю. Ю. Лексико-семантическая классификация колымских регионализмов. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2022. Т. 13. № 2. [Mageramova Yu. Yu. Lexico-semantic classification of Kolyma regionalisms. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2022, 13(2). (In Russ.)] URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK222.pdf> (accessed 2 Feb 23). <https://elibrary.ru/aersvl>
- Магерамова Ю. Ю. Неофициальные городские топонимы как часть региолекта. *Русский язык в поликультурном мире: IV Междунар. симпозиум*. (Симферополь, 9–11 июня 2020 г.) Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. Т. 1. С. 360–365. [Mageramova Yu. Y. Unofficial urban toponyms as part of the regional vocabulary. *The Russian language in the multicultural world: Proc. IV Intern. Symposium*, Simferopol, 9–11 Jun 2020. Simferopol: Vernadsky CFU, 2020, vol. 1, 326–365. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sikkyu>
- Мальцева М. В. Городской ономастикон Сыктывкара. *Научный диалог*. 2015. № 6. С. 72–87. [Malceva M. V. Syktyvkar city proper names. *Nauchnyi Dialog*, 2015, (6): 72–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzymjf>
- Матвеева И. В. Проблемы создания словарей регионально окрашенной лексики. *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. 2021. № 3. С. 71–77. [Matveeva I. V. Problems of creating dictionaries of regional lexis. *Bulletin of Buryat State University. Philology*, 2021, (3): 71–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/2686-7095-2021-3-72-77>

- Никитина Т. Г. Топонимическое пространство города: «культурные слои» в топонимическом отображении. *Вопросы ономастики*. 2018. Т. 15. № 2. С. 180–193. [Nikitina T. G. The urban toponymic space: "cultural layers" in lexicographic perspective. *Voprosy Onomastiki*, 2018, 15(2): 180–193. (In Russ.)] https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020
- Отин Е. С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка. *Λογος όνομαστική*. 2009. № 1. С. 59–63. [Otin E. S. Slang proper names in the onymic space of the modern Russian language. *Λογος όνομαστική*, 2009, (1): 59–63. (In Russ.)]
- Паликова О. Н. Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (на материале городского сленга и островного говора). *Acta Slavica Estonica III: Славистика в Эстонии и за ее пределами*, отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту: Univ. of Tartu press, 2013. С. 84–97. [Palikova O. N. Unofficial geographical vocabulary as a linguistic sign of the territorial community of people: urban slang and island dialect. *Acta Slavica Estonica III: Slavistics in Estonia and Beyond*, ed. Dulichenko A. D. Tartu: Univ. of Tartu press, 2013, 84–97. (In Russ.)]
- Подберезкина З. Л., Лукьянова Д. В. Неофициальная урбонимия в коммуникативном пространстве города: опыт контрастивного описания (на материале Красноярска и Новосибирска). *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 1. С. 170–193. [Podberezkina Z. L., Lukyanova D. V. Informal urbanonyms in the communicative space of a city: experience of contrastive description (on the material of Krasnoyarsk and Novosibirsk). *Communication Studies*, 2019, 6(1): 170–193. (In Russ.)] [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).170-193](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).170-193)
- Подюков И. А. Современное городское топонимическое творчество (на материале неофициальной урбанонимии Перми). *Современный городской фольклор*, ред. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 460–476. [Podyukov I. A. Modern urban toponymic creativity in the vernacular urbanonyms of Perm. *Modern Urban Folklore*, eds. Belousov A. F., Veselova I. S., Neklyudov S. Yu. Moscow: RSUH, 2003. 460–476. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yalnsnsh>
- Потанахина И. Н. Городская неофициальная топонимика. *Русский язык в школе*. 2008. № 10. С. 65–69. [Potanahina I. N. Vernacular urban toponymy. *Russian Language at School*, 2008, (10): 65–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jyawnb>
- Разумов Р. В. Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе. *Ярославский педагогический вестник*. 2011. Т. 1. № 4. С. 169–172. [Razumov R. V. Case onyms in informal city onomasticon. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2011, 1(4): 169–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/piwuqd>
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с. [Superanskaia A. V. *The general theory of the proper name*. Moscow: Nauka, 1973, 366. (In Russ.)]
- Тимофеева Н. Ю. Приемы образования неофициальных крымских топонимов в устной речи. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018. № 4. С. 200–203. [Timofeeva N. Y. Derivation methods of non-official toponyms in colloquial speech of Crimean inhabitants. *Scientific notes of Oryol state university*, 2018, (4): 200–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bxmkoj>
- Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города. *Ярославский педагогический вестник*. 2012. Т. 1. № 4. С. 203–206. [Sharipova O. A. Informal toponyms as a language subsystem of the city. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2012, 1(4): 203–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxivrf>
- Шарипова О. А. Топонимы в сленговом выражении (региональный аспект). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2010. № 3. С. 114–117. [Sharipova O. A. Toponyms in slang expression: regional aspect. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2010, (3): 114–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncraen>
- 庞森权. 谈谈如何把握规划地名选字组词的对象. *中国地名*. 2012. 不 5. 17–18 页. [Pen S. Discussion about the choice of words and the combination of words when planning toponyms. *Chinese toponym*, 2012, (5): 17–18. (In Chin.)]

© 2023. Шаравьева И. В., Неклюдова М. С.

Выявление семантического и прагматического аспектов

оригинальная статья

Выявление семантического и прагматического аспектов фразеологизмов в китайском сериале 靠近你温暖我 (Мне с тобой тепло)

Шаравьева Ирина Викторовна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

<http://orcid.org/0000-0002-3581-961X>

nevergiveup81@mail.ru

Неклюдова Мария Сергеевна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

<http://orcid.org/0000-0002-0319-0255>

Поступила в редакцию 23.02.2023. Принята после рецензирования 26.05.2023. Принята в печать 05.07.2023.

Аннотация: Рассмотрены подходы к изучению фразеологических единиц. К анализу фразеологизмов предлагается комплексный подход, содержащий в себе синтаксический, образный, исторический, ценностный и прагматический уровни. Впервые проанализированы фразеологические единицы с точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта на примере кинодиалога. Цель – раскрыть этнокультурный аспект идиоматических выражений в пространстве китайского кино. Материалом для исследования стали 207 фразеологических единиц, отобранных из китайского сериала 靠近你温暖我 (Мне с тобой тепло). В качестве примеров использованы следующие фразеологизмы: 独守空房 (dúshǒu kōngfáng), эксплицирующий концепт *одиночество*; фразеологизм 守身如玉 (shǒu shēn rú yù) – концепт *честность*; 人算不如天算 (rénsuàn bùrú tiānsuàn), отражающий концепт *справедливость*; 相亲相爱 (xiāngqīn xiāng'ài) – концепт *любовь*; фразеологизм 藕断丝连 (ǒu duàn sī lián), раскрывающий концепт *расставание*; 白头偕老 (báitóu xié'lǎo) – концепт *супружество*; 百闻不如一见 (bǎiwén bùrú yíjiàn) – концепт *доверие*; 两肋插刀 (liǎng lèi chā dāo) – концепт *дружба*. Главной отличительной особенностью применяемого авторами подхода является возможность выявления ценностной и прагматической значимости фразеологизмов для говорящих. Идиоматические единицы выполняют роль значимого фактора в выражении эмоциональных состояний (горя, гнева, радости, грусти, страха) и убеждения собеседника, включающего в себя морально-нравственную ценность и его предписывающий потенциал.

Ключевые слова: фразеологические единицы, комплексный подход анализа, ценностная значимость, прагматическая значимость, китайский сериал, концепт

Цитирование: Шаравьева И. В., Неклюдова М. С. Выявление семантического и прагматического аспектов фразеологизмов в китайском сериале 靠近你温暖我 (Мне с тобой тепло). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 451–460. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-451-460>

full article

Phraseological Semantics and Pragmatics in Chinese TV Series 靠近你温暖我 (Close to You, Make Me Warm)

Irina V. Sharavieva

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

<http://orcid.org/0000-0002-3581-961X>

nevergiveup81@mail.ru

Mariia S. Nekliudova

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

<http://orcid.org/0000-0002-0319-0255>

Received 23 Feb 2023. Accepted after peer review 26 May 2023. Accepted for publication 5 Jul 2023.

Abstract: Idioms express emotional states, e.g., grief, anger, joy, sadness, fear, etc. However, they can also reveal the values, moral qualities, and directive potential of the speaker. This article reviews some existing approaches to phraseological studies and introduces an authentic comprehensive approach that covers syntactic, figurative, historical, axiological, and pragmatic levels. The material was obtained from film dialogues and analyzed from the communicative-pragmatic standpoint. The goal was to reveal the ethnic and cultural aspect of idiomatic expressions in Chinese cinema discourse. In the Chinese series 靠近你温暖我 (Close to You, Make Me Warm), the authors identified a number of idioms that explicated the following concepts: 独守空房 (dúshǒu kōngfáng) – *Loneliness*; 守身如玉 (shǒu shēn rú yù) – *Honesty*, 人算不如天算 (rénsuàn bùrú tiānsuàn) – *Justice*, 相亲相爱 (xiāngqīn xiāng'ài) – *Love*, 藕断丝连 (ǒu duàn sī lián) – *Parting*;

白头偕老 (báitóu xiélǎo) – *Marriage*; 百闻不如一见 (bǎiwén bùrú yījiàn) – *Trust*; 两肋插刀 (liǎng lèi chā dāo) – *Friendship*. The new approach proved able to identify the value and pragmatics of phraseological units.

Keywords: phraseological units, complex analysis, values, pragmatic significance, Chinese TV series, concept

Citation: Sharavieva I. V., Nekliudova M. S. Phraseological Semantics and Pragmatics in Chinese TV Series 靠近你温暖我 (Close to You, Make Me Warm). *SibScript*, 2023, 25(4): 451–460. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-451-460>

Введение

Современный антропоцентрический подход к изучению языка предполагает его изучение через интерпретацию, видение человека. Любой знак является продуктом анализа человеческой мыслительной деятельности и несет в себе семантическую и прагматическую значимость. «Когда знак обретает способность к функционированию в языках и культуре, т. е. становится конечной интерпретантой в связи с его способностью организовывать суждение ...то его семиотика становится достоянием культуры, или, иными словами, обретает культурное воплощение» [Проскурин 2013: 76]. Семантика и прагматика языкового знака раскрывается на уровне текста.

Текст является главным объектом при изучении языка. Исследованиями текста занимались такие известные ученые, как И. Р. Гальперин, В. И. Карасик, Т. А. ван Дейк и др. Одним из видов художественного текста является кинематографический текст [Якубинский 1986: 199], воплощение языка реальности [Метц 1985: 112]. Исследование текста, представленного в кинофильмах, позволяет выявить культурные, этнокультурные характеристики фразеологических выражений, их дополнительные семантические значения и прагматические аспекты. Китайский кинематограф – это живой текст, содержащий большое количество фразеологических единиц, составляющих огромный языковой пласт языка. Персонажи сериала не просто ведут между собой диалог, они воспроизводят тексты, которые могут быть использованы для анализа лексических единиц.

Изучены ключи китайской письменности, китайских иероглифических знаков [Корешкова, Шаравьева 2018; Шаравьева 2020], лексики китайского языка [Кобжицкая 2019]. Особое внимание уделяется исследованию китайских фразеологизмов (чэньюй) [Кобжицкая 2018]. Они составляют обширный языковой пласт, отражающий исторические и культурные реалии. Следовательно, изучать китайские фразеологические единицы необходимо на семантическом и прагматических уровнях, которые способствуют выявлению смыслов и созданию этнокультурного фона. В статье Л. Янь представлены семантические и образные сходства фразеологических единиц китайского и русского языков [Янь 2020: 217]. Д. Х. Шоева рассмотрела китайские фразеологизмы на примере китайского романа Юй Хуа «Жить»

и выявила связи современной литературы с исторически сложившимися фразеологизмами [Шоева 2020: 258]. Много исследований посвящено изучению тех или иных аспектов идиоматики [Апресян 1995; Бабкин 2009; Воркачев 2002; Карасик 2002; Караулов 2014; Никитин 2004], в том числе китайской [Войцехович 2007; Доница 2018; Корнева 2014; Павлова 2018; Хо, Кобжицкая 2021; Чжан, Вэй 2022; Юйфэн 2018].

Для анализа фразеологизмов используются разные подходы. Например, В. Н. Телия для анализа выделяет поверхностный, семантический, образный и императивный уровни [Телия 1996: 56]. Ю. С. Степанов предлагает анализировать буквальный смысл или внутреннюю форму, дополнительный (исторический признак), а также новейший наиболее актуальный признак [Степанов 2001].

Теоретическая значимость предпринятого исследования обусловлена разработкой коммуникативно-прагматического аспекта в определении этнокультурного своеобразия фразеологизмов и выведении комплексной прагматической и семантической характеристик фразеологизмов в кинодиалогах китайских сериалов. Практическая значимость работы определяется тем, что отобранный лингвистический материал из фильмов поможет сформировать базу актуальных фразеологических единиц, которые используются носителями языка и применяются в современном китайском языке. База послужит основой для лингвистических исследований в области этнокультурного аспекта.

Актуальность определяется важностью дальнейшего исследования этнокультурного своеобразия китайских фразеологизмов в прагма-коммуникативном плане и, в частности, значимостью исследования фразеологизмов как элементов языковых личностей персонажей в коммуникативном пространстве кино. Новизна работы состоит в том, что впервые были проанализированы фразеологические единицы с точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта на примере кинодиалога.

Цель – раскрыть этнокультурный аспект идиоматических выражений в пространстве китайского кино. Задачи: определить теоретическую базу для исследования фразеологических единиц; выявить характеристики идиоматических выражений и сущность этнокультурного подхода; определить роль языковой личности

в киносерiale как функционально-коммуникативной среде; выявить комплексную модель анализа идиоматических единиц в кинодиалоге языковых личностей; произвести семантический анализ характеристик фразеологизмов и выявить их прагматические характеристики.

Методы и материалы

Исследование осуществлено с опорой на основные положения фразеологии, различные подходы к анализу идиоматических единиц в современном языкознании, в ракурсе изучения которых находятся семантический, метафорический, прагматический и другие уровни. Применены такие методы, как анализ и синтез, методы анализа словарных дефиниций, контекстуального и грамматологического анализа. Теоретической основой исследования послужили работы по общей теории текста (И. Р. Гальперин, Т. А. ван Дейк и др.), концептологии (В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин), теории анализа фразеологических единиц (В. Н. Телия, Ю. С. Степанов). Материал исследования – 207 фразеологических единиц из китайского сериала 靠近你温暖我 (Мне с тобой тепло).

Результаты

Для исследования отобраны диалоги как функциональная среда, содержащая фразеологические единицы. Данные диалоги проанализированы на предмет содержания концептов, представляющих смысловое единство фразеологизмов. На следующем этапе отобраны репрезентативные варианты диалогов, заключающие в себе основные концепты. Проведен анализ каждой фразеологической единицы, содержащей концепт. Всего было проанализировано 207 фразеологических единиц, которые были разделены на 25 групп.

В исследовании представлены примеры из выделенных групп фразеологических единиц. Анализ способствовал выявлению характеристик на уровне формы фразеологизма, на семантическом (исторический и актуальный признаки) и ценностно-прагматическом уровнях. Рассмотрено контекстное употребление фразеологических единиц, раскрывающих базовые концепты.

В процессе исследования выявлены следующие концепты, которые были отражены в диалогах: одиночество, любовь, честность, супружество, расставание, доверие, дружба. Основные лексикографические источники: Большой китайско-русский словарь¹ и китайский словарь 词典网².

Концепт одиночество

Рассмотрим диалог мужа и жены:

– 你能不看报纸吗? 我想跟你说话 – Ты можешь сейчас не читать газету? Хочу с тобой поговорить³.

– 你说 – Говори.

– 你能把报纸放下吗? – Можешь убрать газету?

– 你说我听呢 – Ну говори, я слушаю.

– 你昨天夜里几点回来的? – Во сколько ты вчера вернулся ночью?

– 四点. 怎么了? – В четыре, а что?

– 前天你回来是三点半 – Позавчера ты пришел полчетвертого.

– 我以为你睡了 – Я думал, ты спишь.

– 我没睡. 我天天都在等你回来, 你回来我都知道 – А я не спала.

Я каждый день жду, когда ты вернешься, и всегда знаю, когда ты приходишь.

– 可你没说话 – Но ты ничего не говорила.

– 你让我跟你说什么? 你回来啦. 怎么这么晚才回来, 你跟谁在一起, 去哪儿了? 你觉得我这么问你意思吗? – А что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Ты вернулся! Так поздно! С кем был, куда ходил? Ты думаешь, есть ли смысл тебя об этом спрашивать?

– 你现在不是问了吗? – Ты разве сейчас уже не спросила?

– 我不想盘问起来没完没了. 可我也想. 咱们是夫妻, 我跟你过日子, 你天天那么晚才回来. 晚饭的时候我见不着你, 该睡觉了你还不回来, 天亮你才回来. 我起床上班了, 你还在睡着. 你就不觉得吗? 我们是天天在一个屋子里, 可连说话的机会都没有. 咱们是天天生活在一起, 可我觉得我是在独守空房. 我想问你一句, 你想过天天独守空房? 我的感受吗? – Я не хочу бесконечно допрашивать. Но я тоже хочу сказать! Мы – муж и жена, я живу с тобой, а ты каждый день так поздно приходишь! За ужином тебя нет, когда я ложусь спать, тебя тоже нет, приходишь только к рассвету. Когда я встаю и собираюсь на работу, ты еще спишь. Ты разве не видишь? Каждый день мы в одной комнате, но даже поговорить нет возможности! Каждый день вместе, а такое ощущение, что я совершенно одна. Я хочу тебя спросить, ты задумывался о том, что каждый день я совсем одна? О моих чувствах?

– 那你想让我怎么做? – Ну что ты от меня хочешь?

– 我想要个孩子 – Я хочу ребенка.

В данном фрагменте присутствует фразеологизм 独守空房 (dúshǒu kōngfáng). Он состоит из иероглифов 独 (dú) – одинокий, 守 (shǒu) – сохранять, 空 (kōng) – пустой, 房 (fáng) – квартира. Единица переводится как *жить в одиночестве, оставаться одному*. Китайский словарь дает значение 妇女没有丈夫陪伴 – *женщина, у которой нет мужа, чтобы ее сопроводить*. Данный фразеологизм

¹ БКРС. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 26.10.2021).

² 词典网. URL: <https://www.cidianwang.com> (accessed 19 Dec 2021).

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

берет свое начало из произведения «Девятнадцать древних стихов» (2-й стих): "古诗十九首" 之二: "荡子行不归, 空床难独守". "镜花缘" 八一回: "带着不得善终之像—那玉英姐姐即使逃得过, 也不免一生独守空房" – «Дан Цзысин не возвращайся, в пустой постели сложно быть одному». Роман «Цветы в зеркале», 8 глава: «С пониманием того, что всё может плохо закончиться – тогда даже если Юй Ин сбежала, ей пришлось на всю жизнь остаться одной».

С помощью данного фразеологизма жена подчеркивает, что ее жизнь похожа на жизнь без мужа. Здесь можно выделить основное значение одиночества. Прагматика фразеологизма в контексте: героиня фильма воздействует на мужа с целью иметь ребенка. Это своеобразный аргумент для мужа, акцент на важности появления ребенка в семье.

Концепт честность

Разговор жены и мужа после долгой разлуки:

–老婆, 这回回来你就不走了吧 – Дорогая, в этот раз я вернулся, и ты ведь уже никуда не уедешь?

–还得走, 你又不是不知道, 英国的春假就一个星期 – Все равно нужно ехать, ты же знаешь, каникулы в Англии всего одну неделю.

–啊, 还走啊. 让我一个人在这个床上睡了大半年, 这不跟杀了我似的吗? – Все-таки уедешь... Ты хочешь, чтобы я один спал на этой кровати целых полгода! Ты хочешь меня убить?

–你真守身如玉啊 – Ты уж больно верный...!

生气了, 生气了 – Рассердился...

我就剩最后一个学期了, 学完我就再也不走了 – Мне остался последний семестр, потом я приеду и больше уже не уеду.

–真的? – Правда?

–真的! – Да!

В данном фрагменте есть фразеологизм 守身如玉 (shǒu shēn rú yù). Он состоит из иероглифов 守 (shǒu) – хранить, 身 (shēn) – тело, 如 (rú) – подобно(ый), 玉 (yù) – яшма. Данный фразеологизм переводится как *блюсти себя, хранить свою честь*. Фразеологизм берет свое начало в речи китайского философа Мэн-Цзы: 孰不为守? 守身, 守之本也.

При помощи данного фразеологизма жена ставит под сомнение верность мужа в период ее отъезда за границу. Ей необходимо понять, был ли ее муж честен с ней, поэтому в данном фразеологизме мы можем выделить концепт *честность*. Прагматический уровень: жена использует данный фразеологизм для выявления реакции мужа и его отношения к измене.

Концепт справедливость

–生气啦? 真生气了. 你看你, 说话呀 – Ты сердишься? Правда, сердишься. Говори!

–我等你说呢, 你说吧, 说实话 – Я жду, пока ты скажешь, говори! Говори правду!

–说什么实话? 瞧瞧你还真生气了不是? 我昨天真不是不来, 不是给你说了吗? 公司来了一位重要客户 – Какую правду? Посмотри-ка, ты действительно рассердилась. Я вчера правда не пришел, я же тебе говорил, у нас на работе важный клиент.

–你告诉我什么重要客户你连手机都要关啊? 我昨天晚上一直打你电话, 你一直关机 – Скажи мне, что это за важный клиент, когда у тебя телефон выключен? Я тебе вчера весь вечер звонила, телефон был все время выключен.

–我没有关机, 是我的手机没电了 – Я не выключал телефон, у меня просто батарейка села.

–撒谎. 你有两块儿电池, 从来不可没电的 – Врешь. У тебя две батарейки, и такого никогда не бывает.

–我就是有三块儿电池有什么用啊? 我昨天走的太忙了, 电池放在办公室充电, 我来不及拿电池, 我就陪客户去了度假村, 结果呢半道上车又出了问题, 到了宾馆把客户安顿好以后已经后半夜了. 本来我想给你打个电话来着, 可我后来一想, 已经这么晚了, 你肯定睡了, 我就没打. 你看看你. 怎么弄的跟审犯人似的, 克格勃审犯人也不过如此啊 – Да хоть три, что толку-то? Я вчера был очень занят, поставил заряжаться батарейки в офисе, не успел забрать и поехал с клиентом на базу отдыха, в результате на полпути возникли проблемы, приехали в гостиницу, и я пока гостя разместил, так уже ночь была. Сначала я хотел тебе позвонить, но потом подумал, что уже, наверное, очень поздно, и ты спишь, и не позвонил. Ты посмотри на себя, ты как будто допрос ведешь! Не иначе, как в КГБ.

–你一点儿消息都没有, 好像从世界上消失了, 我昨天晚上晚上都没睡着 – Да от тебя ни одной весточки не было, как будто ты пропал! Я вчера всю ночь не спала!

–傻瓜, 我怎么可能从这个世界上消失呢, 就算到了世界末日, 我也得先对你说一句我爱你. 等客户走了以后, 我把欠你的时间欠你的事情还有欠你的人加倍还你, 好不好? – Дурочка, ну как же я мог пропасть, даже если бы наступил конец света, мне все равно нужно было бы тебе сказать, как я тебя люблю. Когда клиент уедет, я восполню тебе это потерянное время, дела и людей, хорошо?

–瞧瞧, 客户又在催我了, 我得走了 – Посмотри, снова клиент меня торопит! Я пошел.

–哎, 你说一个小时的, 还没到呢 – Эй, ты говорил час, время еще не вышло.

–这个一小时的时间呀, 是我自己估算的, 可人算不如天算, 是不是? 你瞧客户又在催我了. 宝贝儿, 你自己打车回公司, 我来不及送你了, 啊, 走吧 – Это я предположил, что час, но человек предполагает, а Бог располагает, так ведь? Смотри, это все из-за клиента. Любимая, ты сама возьми машину и возвращайся в офис, я не успею тебя проводить. Иди!

Данный диалог включает в себя фразеологизм 人算不如天算 (rénsuàn bùrú tiānsuàn). Он состоит из иероглифов 人 (rén) – человек, 算 (suàn) – считать, 不如 (bùrú) – лучше, 天 (tiān) – небеса, 算 (suàn) – считать. Актуальное значение фразеологизма – *человек предполагает, а Господь*

располагает. Историческое происхождение: 战国孟子 "孟子·公孙丑下": "天时不如地利, 地利不如人和. 意思: 孟子说": 有利于作战的天气条件, 比不上有利于作战的地理形势, 有利于作战的地理形势, 比不上作战中的人心所向、内部团结 – Мэн-Цзы периода Воюющих царств «Ученик Мэн-цзы Гунсун Чоуся»: «Блага земные лучше возможностей, открываемых небом; а гармония меж людей превосходит земные блага». Значение: «Погода, способствующая боевым действиям, не так благоприятна, как географическое положение, и география не так сопутствует боевым действиям, как устремления воюющего народа и его единство».

Герой перекладывает ответственность на волю судьбы и использует фразеологизм для оправдания своих действий и аргументации факта, что ему необходимо покинуть девушку раньше, чем он должен был.

Концепт *любовь*

– 今天什么日子? 这么浪漫 – Что сегодня за праздник? Так романтично.

– 你先坐下. 听我说. 今天是我们最重要的纪念日 – Ты садись. Послушай. Сегодня памятный день.

– 那纪念什么呀? – Что за день?

– 纪念我们认识一周年啊. 在这一年里我们**相亲相爱**, 虽然有小打小闹, 可是我一直都挺快乐的. 我想把这份幸福延续一生, 我们结婚吧 – Годовщина нашего знакомства. В этом году мы встретились и полюбили друг друга. И хоть и были небольшие сложности, мне все это время было очень весело. Я хочу, чтобы наше счастье длилось всю жизнь. Давай поженимся.

– 你真那么想呀? 这太突然了 – Ты правда так думаешь? Так неожиданно!

– 我是真心的. 本来一直期待着你会向我求婚, 可你也不说, 那就只好我主动了, 我想嫁给你 – От чистого сердца. Я все ждала, когда ты сделаешь мне предложение, но ты молчал, и мне ничего не остается, как взять дело в свои руки, я хочу выйти за тебя замуж.

– 我结过婚很失败, 刚从这围城里走出来, 我暂时不想回去. 这结婚的事儿, 我真的没想过 – У меня был неудачный брак, и я только освободился от этих уз, и пока не хочу повторять. Я правда не думал об этом.

– 也许我这个要求太突然了, 你还没有心理准备. 没关系, 我给你时间让你想. 但是你不许想太久, 好吗? – Может, и правда мое желание слишком уж внезапно? Ты еще не готов. Ничего страшного, я дам тебе время подумать, но только недолго, хорошо?

– 好的 – Хорошо.

В вышеприведенном фрагменте сериала присутствует фразеологизм **相亲相爱** (xiāngqīn xiāng'ài). Он состоит из иероглифов **相** (xiāng) – взаимно, **亲** (qīn) – близость, привязанность, **相** – взаимно (xiāng), **爱** (ài) – любовь. У идиоматического выражения **相亲相爱** следующее

значение: *быть добрыми друг к другу и любить друг друга; жить душа в душу; мир да любовь*. Китайский словарь приводит следующее значение фразеологизма: 互相十分亲爱; 相互感情十分深厚; 多用于形容亲密友间的关系 – Очень сильно любить друг друга; испытывать очень сильные чувства друг к другу; выражение часто используется для описания отношений между близкими людьми. Фразеологизм встречается в произведении китайского писателя Сян Бэньгуя «Пристань Паньлун»: 我们一辈子相亲相爱, 谁也别想把我们拆散开 – Мы всю нашу жизнь живем душа в душу и у никого не получится нас разлучить.

Героиня сериала при помощи фразеологизма **相亲相爱** акцентирует внимание на искренних и глубоких любовных чувствах между героями. В данном случае следует выделить основное значение фразеологизма – *любовь*. Прагматика фразеологизма в контексте: героиня сериала хочет обратить внимание своего партнера на те теплые и нежные чувства, которые их связывают. Тем самым она пытается подчеркнуть важность их любовных отношений и далее имеет интенцию морально воздействовать на своего партнера, чтобы побудить его сделать ей предложение руки и сердца.

Концепт *расставание*

– 你凭什么去伤害人家方可舟吗? – Почему ты вредишь Фан Кэчжоу?

– 我没有伤害方可舟, 我只是去帮你拿东西, 你以为我愿意这么做吗? 都是你们共同用过的东西, 你以为我愿意碰吗? 我还嫌别扭呢, 要不是你一二再三的骗我, 我会这么做吗? – Я этого не делал, я всего лишь помог тебе с вещами. Ты думаешь, что я так хотел? Думаешь, я хотел с ней встретиться? Не люблю неловкие ситуации, если бы ты не обманывала меня столько раз, то разве я бы так поступил?

– 我是怕你胡思乱想才不敢告诉你 – Я не осмеливалась сказать, так как боялась, что ты надумаешь чего-нибудь.

– 你要真是光明磊落的, 有什么不敢告诉我的? 明明已经离婚了, 还藕断丝连, 振振有词的, 这些东西都是借口, 为了是你回家方便 – Если ты действительно от чистого сердца, то почему не могла сказать? Вы же уже развелись, но вас тянет друг к другу, эти вещи лишь предлог, чтобы вернуться домой.

– 别提藕断丝连, 行不行. 是, 把这些东西清除干净容易, 可要把我们这么多年的记忆, 都彻底清除干净, 那还需要时间 – Не надо о любви, ладно? Легко вынести из дома вещи, но чтобы стереть все воспоминания, нужно время.

– 可你到底需要多少时间? 我知道, 我清楚不了你和她之间的记忆, 可是你和我在一起, 心里却总惦记着她, 你让我怎么办? 我不跟你提以前, 我就跟你提以后, 我什么时候才能走进你的记忆? – Но сколько же тебе нужно времени? Я знаю, что мне не стереть воспоминания о ней, но ты со мной, а постоянно думаешь о ней, как же мне быть??? Я говорю с тобой о будущем, а не о прошлом, когда же я смогу занять место в твоих мыслях!

В вышеприведенном фрагменте сериала присутствует фразеологизм 藕断丝连 (ǒu duàn sī lián): 藕 (ǒu) – лотос, 断 (duàn) – разламывать, разрубать, 丝 (sī) – нить, 连 (lián) – тянуться, продолжаться. Дословное значение фразеологизма – *корневище лотоса переломлено, но волокна тянутся*. Образно фразеологизм используется в значении *ещё не все связи порваны; не в силах расстаться, тянутся друг к другу, продолжать любить друг друга*. В китайском словаре дано следующее определение: 比喻表面上关系断绝, 实际上情意还在牵连. 多指男女间情意未绝 – Иносказательно говорится о том, что формально отношения порваны, но в действительности теплые чувства ещё остались. Обычно подразумевают, что любовь в отношениях между мужчиной и женщиной остается.

Вышеуказанный фразеологизм встречается в произведении «Оставленные женщины» китайского поэта Мэн Цзяо, жившего в эпоху Тан: 妾心藕中丝, 虽断犹牵连 – Сердце наложницы словно корневище лотоса, хоть оно и переломлено, но нити всё еще тянутся. Также данный фразеологизм можно увидеть в книге китайского философа Лян Цичао «Исследование жизни поэта Цюй Юаня»: 可见他和怀王的关系, 仍是藕断丝连了 – Очевидно, что его отношения с Ван Хуаем по-прежнему не разорваны.

Посредством данного фразеологизма новая девушка героя заявляет, что между бывшими супругами еще остались теплые чувства. Основное значение – *быть не в силах расстаться*. Прагматика фразеологизма в контексте: героиня фильма преследует цель морально воздействовать на своего молодого человека и заставить его решительно порвать все отношения с бывшей женой.

Концепт супружество

- 我能帮你什么? – Что я могу сделать для тебя?
- 你把要的书都挑出来吧 – Отбери все книги, которые тебе нужны.
- 都是你的书啊 – Это все твои книги.
- 挑挑吧 – Выбери!
- 这还是咱们结婚那会儿拍的 – Тут ещё наши фотографии со свадьбы.
- 那时候舍不得花钱拍婚纱照, 就找了一个朋友到圆明园, 颐和园拍了一溜儿够 – В то время мне не хотелось тратить деньги на свадебные фотографии, поэтому я нашел друга, чтобы поехать в парк Юаньминъюань, чтобы там снять достаточно фотографий.
- 你就喜欢名胜古迹, 结婚的时候我问你蜜月去哪儿, 你说去长城, 差点儿没把我气死 – Ты просто любишь достопримечательности. Когда мы поженились, я спросил тебя, куда ты хочешь поехать в медовый месяц, ты сказала, что на Великую китайскую стену, это чуть не привело меня в бешенство.
- 你不是还是去了吗? – Но ты разве не поехал?

–那你就给了我两个选择: 要不去长城, 要不去故宫. 我觉得还是长城浪漫点儿 – Тогда ты предложила мне два варианта: поехать на стену или отправиться в Запретный город. Я думаю, что китайская стена была более романтичным местом.

– 早知道现在这个结果, 当初真应该多花点儿钱好好度个蜜月 – Если бы я знал, что так будет, я бы потратил больше денег на медовый месяц.

– 不说这个了 – Давай не будем об этом.

– 当初怎么也没想到会有今天 – Я никогда бы не подумал, что дойдет до этого.

– 别说了, 谁结婚不是想着白头偕老啊 – Не говори, кто же женится, не мечтая жить вместе до старости.

– 怨我 – Это из-за меня.

– 也别说怨谁不怨谁了, 两个人的事儿一个人决定不了, 想想以前也真是的, 干嘛那么较劲啊 – Да дело не в том, кто виноват, один не может решить то, что нужно решать вдвоем, и раньше тоже было так, зачем же ты упираешься?

– 现在想起那句话: 退一步海阔天空, 是真的 – Вспомнилась фраза: компромисс дает много возможностей для решения конфликта, это правда.

– 后悔的话不说了 – О сожалениях не говорят.

– 不说了. 后悔的话就当成前车的鉴吧. 以后跟别人在一起别那么较劲 – Не говори этого. Сожаления становятся нам поучительным уроком. В будущем с другим человеком не буду так упрямяться.

В вышеприведенном фрагменте сериала присутствует фразеологизм 白头偕老 (báitóu xiélǎo). Данное идиоматическое выражение состоит из морфем 白 (bái) – седой, 头 (tóu) – голова, 偕 (xié) – вместе, рядом, 老 (lǎo) – старый. Фразеологизм используется в значении *жить вместе до старости; долгих лет супружеской жизни; сохранить супружескую верность до глубокой старости; в мире и согласии дожить до седых волос*. В китайском словаре приведено следующее толкование значения фразеологизма: 夫妇共同生活到老. 常用以称颂婚姻美满 – Супруги живут вместе до самой старости. Часто употребляется для восхваления счастливого брака.

Встречается в произведении «Холодная ночь» китайского писателя Ба Цзиня (гл. 26): 我原说过, 她不会跟你白头偕老的 – Я уже говорил прежде, что она не сможет жить с тобой вместе до старости. Кроме того, данный фразеологизм можно встретить в романе «Грёзы о цветах персика» китайского писателя Лу Сюаня: 难道仅仅依靠异性间的吸引力而存在吗? 那些白头偕老, 相伴一生亲密无间的老夫老妻, 又是靠什么来维系始终不变的深厚感情的呢? – Неужели любовь порождается всего лишь притяжением противоположных полов? И тогда, как пожилые супруги, дожившие вместе до старости и бесконечно близкие друг другу, сохраняют свои по-прежнему глубокие чувства?

Используя идиоматическое выражение 白头偕老, героиня сериала заявляет о том, что все влюбленные пары

в начале своей супружеской жизни верят, что они будут вместе всегда. Здесь можно выделить основное значение фразеологизма – *счастливая супружеская жизнь*. Прагматика фразеологизма в контексте: посредством вышеупомянутого идиоматического выражения героиня хочет морально поддержать своего бывшего супруга. Она акцентирует внимание на том, что все без исключения молодожены считают, что они будут вместе до старости. Но жизнь зачастую показывает обратное, и в этом всегда виноваты оба. Героиня высказывает слова поддержки бывшему мужу и просит его не жалеть ни о чем.

Концепт *доверие*

–为什么有两年你没有工作? – Почему вы два года не работали?

–我有两年没有工作跟你招聘没有什么关系吧. 跟你有关系的是我在广告公司工作过, 我有广告公司的工作经验 – То, что я два года не работал, не имеет никакого отношения к приему на работу в вашу компанию. Имеет отношение лишь то, что у меня есть опыт работы в рекламном агентстве.

–可是我现在对你为什么有两年没有工作很感兴趣 – Но мне теперь очень интересно, почему вы не работали два года.

–那是我隐私 – Это личное.

–我不这么认为 – Я так не считаю.

–如果你非常热爱广告事业, 你会在这个行业当中不断地努力去积累行业经验, 但是你中断了, 我想知道为什么. 我也不认为这是你的隐私 – Если вы очень увлечены рекламным делом, вы бы продолжали усердно работать, чтобы получить опыт в этой отрасли, но у вас был перерыв, и я хочу знать, почему. И я не думаю, что это ваше личное дело.

–这就是我的隐私 – Это как раз мое личное дело.

–你还有五分钟 – У вас еще пять минут.

–你是不是觉得人一开始工作就得像驴拉磨一样一圈儿一圈儿的转个没完没了连口气都不喘. 那驴拉了一天磨, 也需要喂草喂料饮点水呀? 驴要是不高兴了还会尥蹶子踢人不让你给他上套呢. 何况我是人呢. 我工作了两年, 我发现工作中有问题, 我想停下来想一想. 我现在明白了我想开始新的工作, 这为什么不对吧? – Вы думаете, что когда начинаешь работать, то надо бесконечно ходить кругами, как осел, тянущий за собой беса и не имея возможности перевести дух, ему ведь еще нужно есть и пить? Если осел недоволен, он будет лягать людей, чтобы его не поймали. Более того, я же человек. Я работал два года, заметил проблемы на работе и захотел остановиться и подумать об этом. Теперь я понимаю, что хочу начать новую работу, что в этом не так?

–你为什么离开你工作过的第一家公司? – Почему вы покинули первое место работы?

–我把老板给炒了 – Я покинул должность.

–那第二家呢? 也是你炒老板的鱿鱼? – А второе место работы? Вы тоже покинули свою должность?

–还是 – Да.

–为什么你总是喜欢炒老板的鱿鱼? – Почему вы постоянно так делаете?

–因为老板太愚蠢 – Потому что начальники слишком глупы.

–可是据我所知情况恰恰相反. 两次都是老板炒了你的鱿鱼, 我没说错吧? – Но насколько я знаю, наоборот. Оба раза начальники увольняли вас, не так ли?

–你调查过我 – Вы спрашивали обо мне.

–我会尽可能地去了解我的下属, 尤其是我未来下属他是否诚实 – Я стараюсь как можно лучше узнать своего подчиненного, особенно если мой будущий подчиненный честен.

–你现在是不是特别得意呀? 你挖了一个陷阱看我掉进去在里面扑腾, 你觉得你自己特别聪明吧? – Вы чувствуете себя очень гордой сейчас? Вы выкопали ловушку и смотрите, как я попадаю в нее и барахтаюсь в ней. Думаете, вы очень умны?

–我说的是事实 – Я сказала только правду.

–你知道什么是事实啊? 有些话你初中的时候就该听过了吧. 什么叫百闻不如一见 – А вы знаете, что именно является правдой? Есть некоторые вещи, которые вы, должно быть, слышали в средней школе. Например, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

В данном фрагменте присутствует фразеологизм *百闻不如一见* (bǎiwén bùrú yījiàn): *百* (bǎi) – сто, *闻* (wén) – слышать, *不如* (bùrú) – лучше, *一* (yī) – один, *见* (jiàn) – видеть. Данный фразеологизм переводится как *лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*. Китайский словарь дает значение *亲眼看到的远比听人家说的更为确切可靠* – То, что вы видите своими глазами, гораздо надежнее того, что вы слышите от других. Данный фразеологизм произошел из «Романа о вдовствующей императрице Цыси» (гл. 3 и 6): *西太后又道: 从前画师所绘的狮子形, 统是全身有毛. 我观现在这狮并不是这么样子, 所以百闻不如一见* – Императрица Цыси снова сказала: *львы, нарисованные художниками в прошлом, были все мохнатые. Сейчас я вижу, что львы совсем не такие, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышат*.

При помощи данного фразеологизма мужчина на собеседовании подчеркивает, что не стоит доверять тому, что говорят другие люди. В нем мы можем выделить основное значение *доверие*. Прагматика фразеологизма в контексте: с его помощью мужчина пытается убедить девушку в том, что его жизнь он знает лучше, чем другие люди, и не стоит доверять слухам.

Концепт *дружба*

–进来. 明天下午跟我一起去见一个客户 – Заходи. Завтра днем давай вместе встретимся с клиентом.

–我一见客户就头痛, 你饶了我吧 – У меня начинает болеть голова, когда я вижу клиентов. Пощади меня.

–明天刘总有事儿, 我只能找你 – Завтра у господина Лю дела, я смогу прийти только к тебе.

– 那你一个人去不就行了吗, 你能干一个顶仨 – Так может ты тогда одна пойдешь? Ты можешь одна справиться за троих.

– 这回有不太一样. 人家有一个挺正式的酒会, 我一个人去不太合适 – На этот раз все по-другому. В компании особый прием, мне неудобно идти одной.

– 这种场合需要一个男伴儿, 对吧? – Такой случай требует компаньона-мужчины, верно?

– 就这么意思吧 – Именно.

– 那公司还有好多人呢 – Но в компании еще много людей.

– 直说吧. 你是不是不想去啊 – Скажи прямо. Ты не хочешь идти, не так ли?

– 命令我 – Прикажи мне.

– 你不是说我们是朋友吗? 朋友之间就应该互相帮忙 – Разве ты не говорил, что мы друзья? Друзья должны помогать друг другу.

– 对, 我都忘了, 我跟你是朋友. 那不去还不行了. 要不然, 也太不把你当朋友了 – Да, я забыл, я твой друг. Не пойти со мной не получится. Иначе я не буду считать тебя другом.

– 当然了 – Конечно.

– 好吧, 那就这样吧. 为朋友两肋插刀吧 – Хорошо, так тому и быть. Ради друга можно пожертвовать всем.

– 对了, 你明天穿得稍微正式一点 – Кстати, завтра ты оденься более официально.

– 可以, 不过我也有一个条件 – Да, но у меня также есть одно условие.

– 说吧 – Говори.

– 你能不能也穿得女人味儿一点. 别一上来就是这三件套, 给我点面子. 别让人觉得你是我的上司. 我站在你身边你还压我一头 – Можешь ли ты одеться немного более женственно? Сделай мне честь, не придумывай эти костюмы-тройки. Не заставляй людей думать, что ты мой босс. Я стою рядом с тобой, а ты ещё и давишь на меня.

– 那你也没办法呀. 我就是你上司 – Тогда нет другого выхода, как быть твоим начальником.

В вышеприведенном фрагменте сериала присутствует фразеологизм *两肋插刀* (liǎng lèi chā dāo). Данное идиоматическое выражение состоит из иероглифов *两* (liǎng) – два, *肋* (lèi) – ребро, *插* (chā) – вонзать, втыкать, *刀* (dāo) – нож. Фразеологизм буквально имеет значение *вонзать нож меж ребер*. Образно используется в значении *не пожалеть жизни, рискнуть жизнью; пожертвовать всем, сделать все, вылезти из кожи вон (ради кого-то)*. Китайский словарь приводит следующее определение: 比喻承受痛苦或牺牲 – метафорически описывает готовность подвергнуться страданиям или пожертвовать чем-либо. Встречается в произведении «Весны и осени в маленьком городке» китайского писателя Гао Юньлани (гл. 29): 七哥一生就是为朋友... 为朋友两肋插刀, 不算什么 – Седьмой брат всю свою жизнь живет ради друзей. Ему ничего не стоит рискнуть жизнью ради них. Помимо этого, данный фразеологизм можно

наблюдать в книге «Сяохэ обнажает острые углы» китайского писателя Лю Шаотана: 此人侠肝义胆, 为朋友甘愿两肋插刀 – Этот человек очень благородный. Он охотно жертвует всем ради друзей.

Посредством идиоматического выражения *两肋插刀* герой сериала заявляет о своей готовности помочь своей коллеге и подруге. Здесь можно выделить основное значение – *помощь*. Прагматика фразеологизма в контексте: герой выражает согласие помочь своей коллеге и составить ей пару на торжественном приеме. Однако, он акцентирует внимание на том, что делает это ради сохранения их дружеских отношений.

Заключение

В результате исследования выявлены характеристики идиоматических выражений с точки зрения этнокультурного подхода, сформирована комплексная модель анализа фразеологизмов в кинодиалоге языковых личностей с позиций коммуникативно-прагматического подхода, проведен анализ выбранных выражений на семантическом и ценностно-прагматическом уровнях, что позволило применить комплексный подход к рассмотрению фразеологических единиц китайского языка в пространстве киносценария.

Фразеологизмы имеют свои семантические особенности, этимологию. При употреблении в диалоге фразеологические единицы представляют прагматическую ценность. Этнокультурное своеобразие фразеологизмов как особого типа знаков проявляется в коммуникативно-прагматическом плане в речевом поведении языковой личности. Персонаж киносериала может рассматриваться как языковая личность – носитель лингвокультуры. Фразеологизм выполняет роль значимого фактора в выражении эмоциональных состояний (горя, гнева, радости, грусти, страха) и убеждения собеседника с опорой на ценностную, морально-нравственную значимость и его предписывающий потенциал.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Шаравьева – концептуализация, методология исследования, определение методики комплексного анализа, интерпретация результатов. М. С. Неклюдова – выбор материала, отбор корпуса киносценариев, репрезентация теоретической базы исследования, интерпретация результатов.

Contribution: I. V. Sharaviova developed the research concept, methodology, and analysis design, as well as interpreted the results.

M. S. Nekliudova selected the material, worked with the film scripts, provided the theoretical review, and interpreted the results.

Литература / Referenes

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М.: ЯСК; Вост. лит-ра, 1995. 480 с. [Apresyan Yu. D. *Selected Works. Vol. 1. Lexical semantics: synonymic potential of the language*. 2nd ed. Moscow: IaSK; Vost. lit-ra, 1995, 480. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxnosv>
- Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 261 с. [Babkin A. M. *Russian phraseology, its development, and sources*. Moscow: URSS, 2009, 261. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/quhlob>
- Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ, 2007. 509 с. [Voitsekhovich I. V. *Practical phraseology of modern Chinese*. Moscow: AST, 2007, 509. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtmhjl>
- Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: КубГТУ, 2002. 142 с. [Vorckachev S. G. *The concept of happiness in the Russian language consciousness: the experience of linguoculturological analysis*. Krasnodar: KubSTU, 2002, 142. (In Russ.)]
- Доника Е. С. Компонентный анализ китайских фразеологизмов наименованиями животных и чисел. *Международный студенческий научный вестник*. 2018. № 1. [Donika E. S. Component analysis of Chinese phraseologisms with names of animals and numbers. *International student research bulletin*, 2018, (1). (In Russ.)] URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18086> (accessed 11 Oct 2021). <https://elibrary.ru/yqlbxn>
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugqamp>
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 8-е изд. М.: URSS, 2014. 264 с. [Karaulov Yu. N. *Russian language and language personality*. 8th ed. Moscow: URSS, 2014, 261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sirwqn>
- Кобжицкая О. Г. Выразительные возможности чэнъюй параллельной и непараллельной конструкции. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018. № 8. С. 131–135. [Kobzhitskaya O. G. expressive Possibilities of Chengyu parallel and non-parallel structures. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2018, (8): 131–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.74.8.028>
- Кобжицкая О. Г. Выразительный потенциал существительных китайского языка с атрибутивным типом связи. *Язык и культура: XXIX Междуна. науч. конф.* (Томск, 16–18 октября 2018 года). Томск: ТГУ, 2019. С. 70–74. [Kobzhitskaya O. G. The expressive potential of Chinese nouns with an attributive type of connection. *Language and Culture: Proc. XXIX Intern. Sci. Conf.*, Tomsk, 16–18 Oct 2018. Tomsk: TSU, 2019, 70–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrijqxq>
- Корешкова Ю. О., Шаравьева И. В. Ключи китайских иероглифов. Иркутск: ИГУ, 2018. 116 с. [Koreschkova Yu. O., Sharaviova I. V. *Keys of Chinese characters*. Irkutsk: ISU, 2018, 116. (In Russ.)]
- Корнева А. М. Фразеологизмы как отражение мировоззренческой и культурной разницы между востоком и западом. *Россия, Запад и Восток: диалог культур: Первая Междуна. молодежная науч.-практ. конф.* (Томск, 28–29 апреля 2014 г.) Томск: ТГУ, 2014. С. 136–138. [Korneva A. M. Phraseology as a reflection of the ideological and cultural difference between East and West. *Russia, West, and East: dialogue of cultures: Proc. First Intern. Youth Sci.-Prac. Conf.*, Tomsk, 28–29 Apr 2014. Tomsk: TSU, 2014, 136–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tthnhj>
- Метц К. Проблемы денотации в художественном фильме. *Строение фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана*, сост. К. Разлогов. М.: Радуга, 1985. С. 112–133. [Metz C. Problems of denotation in a feature film. *Film Structure. Issues of Film Analysis*, comp. Razlogov K. Moscow: Raduga, 1985, 112–133. (In Russ.)]
- Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 53–64. [Nikitin M. V. Derived notions of the concept. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2004, (1): 53–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opvzvd>
- Павлова О. В. Фразеологический образ как показатель национально-культурной специфики китайского языка. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 3. С. 126–131. [Pavlova O. V. Phraseological image as an indicator of national and cultural specific nature of the Chinese language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (3): 126–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yupuqf>

- Проскурин С. Г. Курс семиотики. Язык, культура, право. Новосибирск: НГУ, 2013. 226 с. [Proskurin S. G. *Semiotics. Language, Culture, and Law*. Novosibirsk: NSU, 2013, 226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucsqaх>
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 990 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. 2nd ed. Moscow: Akad. proekt, 2001, 990. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qofiub>
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с. [Teliya V. N. *Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1996, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sumhnj>
- Хо О. А., Кобжицкая О. Г. Анализ идиоматических выражений с компонентом «любовь» в китайском языке. *V Готтлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–21 октября 2021 г.)* Иркутск: ИГУ, 2021. С. 166–172. [Kho O. A., Kobzhitskaya O. G. Analysis of Chinese idioms with the "Love" component. *V Gottlieb readings: Oriental and regional studies of the Asia-Pacific region in line with transdisciplinary regional studies: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 19–21 Oct 2021*. Irkutsk: ISU, 2021, 166–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgesng>
- Чжан Л., Вэй С. Устойчивые сравнения русского и китайского языков: диахронический и сопоставительный анализ. *Вопросы истории*. 2022. № 8-2. С. 208–219. [Zhang L., Wei X. Stable comparisons in Russian and Chinese languages: diachronic and comparative analysis. *Voprosy Istorii*, 2022, (8-2): 208–219. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi49>
- Шаравьева И. В. Китайская письменность: грамматология в монадно-модусной модели представления. М.: ВКН, 2020. 168 с. [Sharaviova I. V. *Chinese writing: grammar in the monad-modus model of representation*. Moscow: VKN, 2020, 168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/awulsx>
- Шоева Д. Х. Китайские фразеологизмы в современной китайской литературе на примере романа Юй Хуа «Жить». *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 6. С. 258–264. [Shoeva D. Kh. Chinese phraseological units in modern Chinese literature by the example of Yu Hua's novel "To Live". *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, 2020, (6): 258–264. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.3946562>
- Юйфэн Н. Фразеологизмы китайского языка, характеризующие события в жизни человека и его деятельность. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2018. Т. 4. № 4. С. 81–89. [YuFeng N. Phraseological units of the Chinese language, characterizing events in human life and activities. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2018, 4(4): 81–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-9>
- Якубинский Л. П. Язык и его функционирование. Избранные работы. М.: Наука, 1986. 206 с. [Yakubinsky L. P. *Language and its functioning. Selected works*. Moscow: Nauka, 1986, 206. (In Russ.)]
- Янь Л. Современные аспекты фразеологии в китайском и русском языках: сравнительный анализ. *Молодой ученый*. 2020. № 16. С. 217–219. [Jan' L. Modern aspects of phraseology in Chinese and Russian languages: comparative analysis. *Molodoi uchenui*, 2020, (16): 217–219. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jdvhwм>

оригинальная статья

Позитивная деловая коммуникация: средства гармонизации общения в групповых коммерческих чатах

Байкулова Алла Николаевна

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Россия, Саратов
<https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>
Scopus Author ID: 57807701100
allabay15@mail.ru

Кормилицына Маргарита Анатольевна

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Россия, Саратов
<https://orcid.org/0000-0003-3841-3647>
Scopus Author ID: 57219698371

Поступила в редакцию 24.01.2023. Принята после рецензирования 17.03.2023. Принята в печать 27.03.2023.

Аннотация: Изучение интернет-коммуникации и ее жанров – актуальная проблема современной лингвистики. Жанры интернет-общения находятся в постоянном развитии. Первоначально чаты были площадкой, где развивалось фатическое общение, удовлетворяющее потребности нескудного проведения досуга. В дальнейшем появились групповые чаты различной направленности, в том числе и групповые коммерческие чаты. С их появлением одна из важных для бытового общения коммуникативных практик купли-продажи стала распространяться и в виртуальном пространстве. Цель исследования – проанализировать коммуникацию в мессенджерах на примере жанра чата. Материал – речь участников двух саратовских коммерческих чатов (преимущественно женщин) в мессенджере Viber – собиравшаяся в 2021–2023 гг. В обоих чатах развивается позитивная бесконфликтная коммуникация, что в целом не свойственно чатам фатической направленности, где фактор анонимности участников приводит к нарушению ими коммуникативных и этических норм. Дискурсивный анализ показал широкое применение гармонизирующих приемов для успешного и эффективного взаимодействия: употребление имени собственного, нередко гипокористического; создание благожелательной атмосферы (позитивные смайлы); комплиментарность общения и др. Коммуниканты используют этикетные жанры приветствия, благодарности, поздравления и пожелания, комплимента; коммуникативные гармонизирующие тактики предупреждения конфликта, солидаризации, смягчения речи (диминутивы), напоминания, заботы об адресате, оценки, вежливости, юмора и др. В результате возникает коммуникативная аттракция, способствующая эффективному общению продавцов и покупателей. **Позитивная деловая коммуникация** в подобного рода чатах может положительно влиять на коммуникацию реальную. **Ключевые слова:** русский язык, социолингвистика, речевой этикет, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, компьютерная этика, интернет-коммуникация, деловое общение, интернет-жанры, чат

Цитирование: Байкулова А. Н., Кормилицына М. А. Позитивная деловая коммуникация: средства гармонизации общения в групповых коммерческих чатах. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 461–470. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-461-470>

full article

Positive Business Communication: Means of Harmonizing Communication in Commercial Group Chats

Alla N. Baikulova

Saratov State University, Saratov, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>
Scopus Author ID: 57807701100
allabay15@mail.ru

Margarita A. Kormilitsyna

Saratov State University, Saratov, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3841-3647>
Scopus Author ID: 57219698371

Received 24 Jan 2023. Accepted after peer review 17 Mar 2023. Accepted for publication 23 Mar 2023.

Abstract: Internet communication and its genres are one of the most relevant issues of modern linguistics. Genres of Internet communication are in constant development. Internet chats started as a platform of phatic communication

that provided leisure activities. These days, group chats serve a lot of purposes. For instance, commercial group chats are aimed at online buying and selling. This research focused on two Viber commercial chats that united women-customers and sellers from the city of Saratov (2021–2023). The discursive analysis revealed conflict-free environment, which is not typical of phatic chats, where anonymity usually contributes to the violation of communication and ethical standards. The authors identified the means of harmonizing communication that communicants resorted to for effective interaction. The participants created a benevolent atmosphere by using hypocoristic proper names, emoticons, complementarity, etc. Etiquette genres of greetings, gratitude, compliments, congratulations, and wishes resulted in a balanced communication. Tactics of conflict prevention included solidarity, mitigation, e.g., diminutives, reminders, concern for the addressee, assessment, courtesy, humor, etc. The resulting communicative attraction contributed to effective communication between sellers and buyers. The positive communication experience in such chats may improve the real communication.

Keywords: Russian language, sociolinguistics, speech etiquette, communication strategies, communication tactics, computer ethics, internet communication, business communication, internet genres, chat

Citation: Baikulova A. N., Kormilitsyna M. A. Positive Business Communication: Means of Harmonizing Communication in Commercial Group Chats. *SibScript*, 2023, 25(4): 461–470. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-461-470>

Введение

Современная повседневная неофициальная коммуникация имеет тенденцию к широкому распространению в виртуальном пространстве. Общение в этом пространстве, по мнению исследователей, играет огромную роль в самореализации человека, способствуя формированию его нового типа, *homo communicandi virtualiter*, и даже становится способом существования личности [Водянова 2009; Чучкова 2004; Шарипова и др. 2019; Южанинова 2013]. Один из основателей Всемирной паутины Т. Бернерс-Ли написал о ее значении для социального развития общества: "The web is more a social creation than a technical one. I designed it for a social effect – to help people work together – and not as a technical toy. The ultimate goal of the Web is to support and improve our weblike existence in the world. We clump into families, associations, and companies" [Bernes-Lee 1999: 10].

Т. Н. Колокольцева считает, что коммуникация в русскоязычном сегменте Интернета является подробнейшей документальной фиксацией современного состояния русского языка, отражением основных тенденций его развития. К таким тенденциям исследователь относит усиление диалогичности; коллоквиализации, или разговорности, общения; лингвокреативного, игрового начала (экспрессивизация общения) [Колокольцева 2011]. Действительно, наиболее выраженные особенности разговорной речи, которая в XX в. понималась как устная форма непринужденного спонтанного непосредственного общения, стали распространяться и на опосредованное общение. Новым полем применения разговорной речи носителей литературного языка, если под ней понимать специфическую разновидность русского литературного языка, употребляемую в условиях непринужденного общения; особую коммуникативную подсистему со своими нормами и единицами – разговорными словами, разговорными конструкциями,

противопоставленную книжной речи (определение [Сиротинина 1998]), стали развивающиеся интернет-жанры: блоги, форумы, групповые чаты, телефонные разговоры с визуальным сопровождением и без, голосовая почта и др. Устная составляющая в чат-коммуникации в процентном соотношении больше, чем письменная, что определяется режимом онлайн, анонимностью участников, неформальной обстановкой и скоростью общения [Антипов, Краснова 2012].

Интерес к изучению интернет-коммуникации не угасает. Она занимает все больше места в пространстве повседневного существования человека, оказывает существенное влияние на него и на состояние русского языка, поэтому изучение жанров интернет-общения в зависимости от коммуникантов, их интересов, типа речевой культуры не перестает быть актуальным. Важно фиксировать развитие жанров, изучать их разновидности.

Новизна проведенного исследования заключается в самом объекте рассмотрения: представлен анализ групповых коммерческих чатов. Обзор работ, посвященных интернет-коммуникации и ее жанрам, показал, что исследователи обращают внимание, прежде всего, на индивидуальные чаты фатической и игровой направленности, при этом не выявляются или не учитываются другие возможные варианты этой жанровой формы с присущими им особенностями.

Обычно чат рассматривается как жанр, наиболее приближенный к реальному общению, обладающий наибольшей интерактивностью среди других интернет-жанров [Антипов, Краснова 2012; Бергельсон 2002; Завьялова, Тихонова 2015; Колокольцева 2016; Подгорная, Демиденко 2014]. Общение в IRC (протокол Internet Relay Chat) реализуется в электронной печатно-клавиатурной форме (осуществляется набор текста, используются эмодзи и другой визуальный контент) и в то же время

оно обнаруживает набор свойств устной разговорной речи: неофициальная тональность, неподготовленность, непринужденность, бытовая тематика, диалогичность (в групповом общении возможен полилог), высокая степень эмоциональности; передача особенностей звучащей речи (наличие эрративов), обилие лексических единиц с разговорной окраской, специфических конструкций разговорного синтаксиса и т. д. [Колокольцева 2011; Подгорная, Демиденко 2014; Южанинова 2013]. Это послужило основанием считать интернет-коммуникацию, особенно в жанрах синхронного общения, таких как чат, письменной разговорной речью [Валиахметова 2001; Виноградова 2004; Завьялова, Тихонова 2015; Колокольцева 2011; Кузнецов 2011; Николаева 2016; Шарипова и др. 2019] или русской электронной разговорной речью [Подгорная, Демиденко 2014].

Конstitutивные признаки чата как нового вида речевой деятельности: электронная опосредованная форма сообщений; виртуальная среда; мультимедийность; интерактивность; отличие воспринимаемого виртуального пространственно-временного дейксиса от реального; карнавальность характер; передача невербальных средств графическим способом; физическая непредставленность коммуникантов и статусное равноправие участников; специфическая этика компьютерного общения [Антипов, Краснова 2012; Завьялова, Тихонова 2015; Подгорная, Демиденко 2014; Чучкова 2004].

Первоначально в чатах осуществлялось компенсаторное общение – общение ради общения, способ ухода от одиночества [Гладышев 1999]. Однако появление групповых чатов, обслуживающих речевые практики повседневной деловой коммуникации, заставляет пересмотреть вывод, что основной коммуникативной целью участников чата (чаттеров) является фатический треп, болтовня [Байкулова 2022]. Чаты стали объединять представителей разных групп общества: учителей и родителей, тренеров и спортсменов, продавцов и покупателей, жильцов одного дома и руководителей ТСЖ, представителей различных творческих объединений и др. – и выполнять, наряду с фатической, чрезвычайно важные социальные функции – информационную и коммерческую. Включаясь в деловое общение, участники чатов стремятся осуществить различные планы, реализуя собственно коммерческие цели; цели, связанные с получением / предоставлением информации, необходимостью солидаризироваться, решать бытовые, воспитательные и другие проблемы без существенной траты времени и сил. Развитие получили и официальные бизнес-чаты.

В чатах фатической, игровой направленности используются ники – вымышленные имена, что позволяет создавать интернет-пользователям компьютерный образ и способствует речевому раскрепощению. Однако

негативной стороной фатической коммуникации может стать деструктивное общение [Прокофьева 2019]. Анонимность, снижение психологического риска в речевом взаимодействии чаттеров, низкая степень регламентации деятельности в социальных сетях приводят к многочисленным фактам нарушения языковых, речевых, коммуникативных и этических норм, устраняют барьеры, сдерживающие людей в реальных жизненных ситуациях, порождают чувство безнаказанности [Семёнкина 2019]. И это расценивается рядом исследователей как негативная тенденция к глобальному снижению и огрублению речи [Колокольцева 2011]. Т. Н. Колокольцева видит в этом проблему, которой должно быть уделено особое внимание со стороны интернет-сообществ, а М. А. Калинина предлагает ввести обязательное автоматическое и человеческое модерирование чатов, форумов и других ресурсов с целью предотвратить негативные последствия огрубления публичного дискурса и «обеспечить лингвистическую безопасность участникам коммуникации» [Калинина 2020: 153].

В чатах, имеющих деловую направленность, наблюдается отход от анонимности и статусного равноправия: появляются реальные имена, отчества и даже фамилии участников общения, коммуниканты могут знать друг друга в лицо, а значит осуществлять учет социальных характеристик адресата, его статуса и роли. В таких чатах в меньшей степени проявляются словотворчество и ненормативное речевое поведение, хотя сохраняется установка на неформальность общения. Сами коммуниканты стараются следить за его качеством. Реализуется общение смешанного, или полуофициального, типа. В деловых отношениях чрезвычайно важно гармоничное общение между коммуникантами, поэтому в данной работе мы рассматриваем на примерах разных чатов средства, гармонизирующие общение. На наш взгляд, важно показать то, что позволяет улучшать речевое взаимодействие, делать его позитивным и более эффективным. Под позитивной коммуникацией мы, вслед за О. А. Леонтович, М. А. Гуляевой, О. В. Луневой и М. С. Соколовой, будем понимать коммуникацию, «основанную на положительных эмоциях, направленную на взаимопонимание и приносящую удовлетворение всем участникам» [Леонтович и др. 2020: 241]. Главными особенностями такой коммуникации, наряду с положительным эмоциональным зарядом атмосферы общения, являются конструктивность и эффективность.

Проблема повышения эффективности коммуникации не нова: ей посвящены многие работы. Важность ее решения отмечает Е. Н. Ширяев: «демократизация языка перерастает в своеобразную языковую вседозволенность со всеми ее негативными процессами. И поэтому... поиск объективных норм и их кодификации стоит особенно

остро» [Ширяев 2000: 14]. Еще в конце XX в. многие исследователи отмечали, что современный человек живет в условиях кризисных явлений и это негативно влияет на его состояние: постоянная эмоциональная напряженность, повышенный уровень вербальной агрессии [Жельвис 1997; Стернин 1995; Шалина 2000]. В дальнейшем проблема эффективности коммуникации и снижения коммуникативных рисков постоянно освещалась в научных трудах, в частности она решалась саратовскими лингвистами [Андреева и др. 2019; 2021; Байкулова и др. 2016; Сиротинина 2013]. Отметим лишь один из выводов: «"правильный" реципиент-дизайн предполагает умение адресанта вести диалог... и всеми доступными средствами гармонизировать его, потому что благожелательное отношение адресата к инициатору общения, его стремление сотрудничать с ним в решении актуальных проблем, не просто знание правил кооперации, а желание следовать им, необходимо для действенной коммуникации» [Кормилицына 2019: 6].

Исследование чатов коммерческой направленности расширяет представление о современном неофициальном или полуофициальном деловом общении в повседневных коммуникативных практиках, что определяет актуальность работы.

Методы и материалы

Использовались методы дискурсивного анализа и включенного наблюдения. Материал исследования – интернет-дискурс, речь продавцов и покупателей в коммерческих чатах, организованных частными предпринимателями Саратова. Материал собирался в течение 2021–2023 гг. (обмен сообщениями в чатах происходит ежедневно). Условно обозначим чаты Ч1 и Ч2. Ч1 – чат «Доставка продуктов», 556 участников; Ч2 – «Стиль» (магазин женской одежды), 1729 участников. Участники чатов – преимущественно женщины разных возрастов, об этом свидетельствуют самономинации – ники, включающие имена, отчества и даже фамилии: наличие имени / отчества позволяет предположить, что за ником стоит человек зрелого возраста.

Результаты

Чаты для продавцов – важнейшее средство, обеспечивающее поиск покупателей, удовлетворение их потребностей и, соответственно, увеличивающее за счет маркетинга объем продаж. Для покупателей чаты – возможность быстрого получения информации, удобный способ решения бытовых проблем, связанных с поиском и покупкой нужных товаров.

Приемы работы с покупателями, методы воздействия на них описаны в различных пособиях по деловому общению. Наш материал показал, что для письменной (электронной) формы делового общения в коммерческих чатах оказались значимыми:

- 1) использование в общении имени как сигнала особого расположения к собеседнику – прием *имя собственное*;
- 2) приветливая тональность – прием *зеркало отношения*;
- 3) комплиментарность общения, преувеличение положительных сторон адресата – прием *золотые слова*.

Однако мы не уверены в том, что продавцы знакомы с этими приемами, думается, они руководствуются принятыми правилами вежливости и этикета, заложенными в нашем языке. То же можно сказать и о покупателях. Анализ материала показал, что в общении продавцов с покупателями работают принципы бесконфликтного взаимодействия. И. А. Стернин сформулировал их следующим образом: принцип терпимости к собеседнику, принцип благоприятной самоподачи, принцип позитива (минимизации негативной информации) [Стернин 2001: 148–152].

Принцип терпимости, например, проявляется в том, что ни в одном из исследуемых чатов никто из коммуникантов ни разу не обратил внимания на многочисленные нарушения языковых норм, опечатки. Очевидно, при гармоничном общении это несущественно. Например: *Мясо для жарки (рубленая грудка) – 240 руб/кг¹; Икра под заказ, в наличии от 1 до 3 баночек; Вкусный и полезный завтрак, всего 7 ингредиентов; Напоминаю, что икра сохраняет охлажденное состояние и хранится при минус 4 - минус 6; Друзья, доброе туманное утро, не смотря на туман чувствуется приближение весны!)* (продавец Ч1); *В наличии кофта трафарет ☹ ☹ цена 1900, размер единый; В наличии костюм в розовость чёрном цвете* (продавец Ч2); *Добрый день! Лена примите пожалуйста заказ. Ребра свин охл² 2 шт.; Оставьте пожалуйста 42) завтра зайду после работы* (отсутствуют знаки препинания); *У нас не один приём пиши не проходит без огурчиков, даже бутерброды с ними, потому что мама колбасу не разрешает* (покупатели Ч1 и Ч2). Анализ некоммуерческих чатов показывает, что при конфликтном взаимодействии коммуникантов часто используется тактика дискредитации оппонента, и тогда любая ошибка может стать поводом для унижения и оскорбления собеседника. В исследуемых чатах этого не происходит.

Принцип благоприятной самоподачи со стороны продавцов, как показывает материал исследования, заключается не только в демонстрации вежливости,

¹ Орфография и пунктуация в текстах сообщений здесь и далее сохранены.

² Свиные охлажденные.

но и в демонстрации собственных профессиональных качеств, навыков делового общения. Как предложить продукцию, чтобы покупатель захотел ее купить? Стоит ли тратить на это речевые усилия, если можно просто отправить фотографию (фотографий продуктов питания очень много на сайте)? В Ч1 продавец характеризует продукцию так: *Рыбка очень вкусная, нежная, мясо плотное, при этом не сухая, но и не жирная. Рекомендуем попробовать.* Диминутив *рыбка*, обилие оценочных прилагательных, ненавязчивое *рекомендуем попробовать* (а не *Покупайте!*). Всё направлено на формирование имиджа продавца, который заботится о потребителе, предлагает только самое лучшее и при этом не оказывает психологического давления. Из общения в Ч2: *Подскажите, есть ли джинсы и есть ли такая [о рубашке] (или розовая) самая маленькая?* (покупатель); *Здравствуйте* *Джинсы есть, рубашка в красном цвете* (продавец). Самоподача продавца как современного (владеет навыками электронного общения), культурного, приветливого и общительного человека осуществляется через речевую формулу вежливости *здравствуйте* и невербальный компонент общения – знак, обозначающий улыбку.

О том, что продавцы следуют принципу благоприятной самоподачи, достигают своей цели, свидетельствует отзыв одной из покупательниц: *Большое спасибо за доставку и за внимание покупателям. Удивительно и приятно, что помните, кто из покупателей какими продуктами интересовался ранее и предлагаете при поступлении товара. Спасибо! Успехов вам в вашем труде.* Можно сказать, что профессионализм, внимание, вежливость все еще удивляют, поскольку в реальной коммуникации встречаются нечасто.

Представленные примеры можно рассматривать и как показатели реализации принципа позитива. Этому принципу подчинено всё, даже информация о времени работы магазина, например, сообщение предваряют три смайла *солнце*: ☀️☀️☀️ *Работаем без выходных!*

Дружелюбная атмосфера исследуемых чатов во многом обусловлена использованием обращений *Друзья* и *Уважаемые участники* (в Ч1). Поскольку в магазине «Стиль» несколько продавцов-консультантов, покупатели Ч2 используют обращение на основе гендерного принципа, не учитывая при этом фактор возраста: *Девочки, здравствуйте, я купила куртку сегодня...; Девчонки, здравствуйте! Есть плотные колготки с утяжкой?*

Широко используются личные полные и разговорные имена, нередко с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Елена, скиньте³ пожалуйста на эту группу;*

Леночка, мне 4 зайчика отложите, пожалуйста (покупатель Ч1); *Спасибо за отзыв Оксаночка! Носите с удовольствием!* (продавец Ч2).

Прием *зеркало отношения* создают прежде всего графические средства. Общими для чатов являются маркеры позитивных эмоций: смайлы, изображающие улыбающееся лицо, и скобки, символизирующие улыбку: (фрагмент диалога о поясе от пальто, который продавец забыл отдать покупателю): *Здравствуйте).* *Да, забыли положить, отложили поясик)* (продавец); *Хорошо, забегу вечером на неделю)* *а то думала может посеяла по дороге)* (покупатель). Отсутствие пояса у купленного пальто – само по себе событие неприятное, доставившее волнение как продавцу, так и покупателю, но коммуниканты пытаются сохранить дружелюбную атмосферу, используя после каждой фразы скобки-улыбки. Происходит этикетная модуляция речи.

Вместе с тем в каждом из чатов отдается предпочтение особому набору смайлов, создающих позитивный эмоциональный фон. Так, у продавца Ч1 в активном употреблении преимущественно смайлы *улыбающееся лицо с обнимающими руками* 🤗; *улыбающееся лицо с глазами-сердечками* 😍; у покупателей – смайл, изображающий одобрительный жест *поднятый вверх палец* 👍, смайлы *огонь* 🔥, *лицо, смакующее еду* 🍴 и др. У продавцов Ч2 предпочтительными оказываются смайлы *огонь* 🔥, *бомба* 💣, *искра* ⚡, иногда – *цветы* 🌸 и *солнце* ☀️. Таким образом, чаты приобретают уникальные черты. Вообще, нельзя не согласиться с Д. А. Сергеевой в том, что характер речи в этом жанре зависит от возраста и профессии чаттеров, их социального статуса, конкретных целей и задач общения (информативная или фатическая), его тематики [Сергеева 2008].

К приему *зеркало отношения* можно отнести установку участников чатов на неформальность общения. Как уже отмечалось, реализуется смешанный тип коммуникации с явным стремлением говорящих к неформальному речевому взаимодействию (постоянно наблюдаются черты разговорности), в частности, тексты сообщений изобилуют диминутивами. Диминутивы принято считать характерной чертой женской речи (участники чатов – в основном женщины), в дискурсе чатов они влияют на тональность общения, смягчают ее: *На сегодня принимаем заявочки; Не забываем про селёдочку и скумбрию; Сегодня выложу, что есть из сладенького; Друзья, свободен кусочек тортика – Молочная девочка* (продавец Ч1); *Сколько батончик вытягивает?* (покупатель Ч1) и т. п.

Имеет место и прием *золотые слова*, реализуется жанр комплимента: *Большое спасибо за новый образ, Вы самые лучшие!!!* (покупатель Ч2); *Лена, горбуша*

³ Отправьте сообщение.

шикарная 😊 Впрочем как всегда и как всё у вас 😊 (покупатель Ч1). Под золотыми словами подразумеваются слова, выражающие позитивную, нередко гиперболизированную оценку чего-либо.

Большую роль в этикетном взаимодействии играет жанр приветствия. С него начинается фактически каждое сообщение продавцов. Используются этикетные формулы *Здравствуйте*, *Добрый день*, *Добрый вечер* или *Доброе утро* в зависимости от времени коммуникации. Однако не каждое сообщение покупателей содержит такую этикетную формулу. Наше наблюдение показало, что даже если покупатель не здоровается, продавец все равно приветствует его. Приведем ряд примеров: *А есть копченая грудка у вас или окорочка?* (покупатель Ч1); *Здравствуйте*, да (продавец Ч1); *Как я могу сделать заказ?* (покупатель Ч1); *Здравствуйте*, разместить его здесь в личном сообщении (продавец Ч1); *Лена, сегодня мы вас ждём. А напишите сколько с меня и можно ли картой [оплатить]* (покупатель Ч1); *Можно будет по терминалу. Здравствуйте* (продавец Ч1). Интересен последний пример, когда сначала продавец отвечает на вопрос, а затем здоровается, неукоснительно соблюдая принцип вежливости, и примеров такой последовательности фраз немало. Отсутствие у продавцов пренебрежительного отношения к соблюдению этикетных норм в интернет-среде, с одной стороны, способствует повышению имиджа их организации, а с другой – формирует у покупателей привычку к культурному взаимодействию в подобных речевых практиках.

Жанр благодарности. Продавцы и покупатели благодарят друг друга за оказанные услуги. Покупатели обычно выражают благодарность за товары хорошего качества, а продавцы – за отзывы об их работе и поздравления с праздниками: *Девочки, спасибо за сумочку! Она классная и удобная, везде с ней гоняю))) Даже мама хотела её отжать, но я замотила)))); Большое спасибо за новый образ* (покупатель Ч2); *Спасибо за отзыв, Оксаночка!* 😊 (продавец Ч2); *Спасибо Вам, за то что Вы с нами, мы ценим каждого клиента* 😊😊😊 (продавец Ч1).

Жанры поздравления и пожелания. Перед праздниками и в праздничные дни пространство чатов заполняется поздравительными открытками и личными сообщениями поздравительного характера: *Елена, поздравляю вас и вашу команду с наступающим Новым Годом! Здоровья, счастья, успехов, мира и добра вам в новом году. Спасибо вам за ваш труд. Все продукты замечательные – свежие и вкусные* (покупатель Ч1). В этом проявляется обоюдное уважительное отношение коммуникантов.

Значимыми в общении являются тактики кооперативного общения. К гармонизирующим тактикам

относится, например, тактика предупреждения конфликта (жанр просьбы): *Друзья, в понедельник получали Яйцо куриное, желток немного бледнее, на вкус это не влияет. Предупреждаю, тк до этого выкладывала практически оранжевый); Чтобы мне не подвести Вас, а Вам меня, пишем полный список [заказов]* 🙏🙏🙏, смайлы сложенные руки, мольба, очевидно, заменяют слово *пожалуйста*; ПЖЛСТ, НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ ВСЁ НА ПОСЛЕДНИЕ 2 ДНЯ (продавец Ч1). Для этого используются императивы *предупреждаю, не оставляйте*, придаточные цели. Имеет место и тактика солидаризации – *пишем полный список (вместо пишу)*, смягчающая просьбу или требование.

Уважение к адресату (покупателю), учет его интересов проявляются в реализации тактики напоминания: *Друзья, не забываем о свинине, на следующей неделе планируется ЕЖЕДНЕВНОЕ поступление ОХЛАЖДЕННОЙ СВИНИНЫ* (продавец Ч1). Тактика заботы о покупателе и его восприятии информации реализуется в использовании прописных букв.

Поднимает настроение обеих коммуницирующих сторон тактика оценки (прямой или косвенно выраженной) работы продавцов или качества их товара: *Перепела отличные! Будем брать ещё!* (покупатель Ч1); *Супер!*, мы очень рады! 😊 (продавец Ч1); *Креветки королевские вичи вчера готовили, нам очень понрав, свежие, и тонкий лёд, его почти не было* 😊 *все супер* 👍 (покупатель Ч1); *Спасибо большое за новый образ! Вы лучшие!* (покупатель Ч2).

Тактика вежливости реализуется через непрямую коммуникацию: *Друзья, вот так мне очень удобно! Кого не затруднит, список можно вести таким образом...* Выражения *Кого не затруднит, можно вести* снимают назидательность речи.

Позитивный настрой общения формирует и тактика юмора: *Друзья, у моих магазинных фей стоит задача всё продать до НГ); Получили вкусняшечки: Камамбер – 260 руб/шт Бри – 260 руб/шт. Здесь продавцы с легким юмором названы магазинными феями, а сыры – вкусняшечками.*

Безусловно, в чат-коммуникации есть фрагменты, когда покупателям что-то не нравится. Например: *Добрый вечер. Пишу отзыв о чак-чаке. Нам не понравился. Есть конечно можно. Чувствуется привкус масла и тесто залито не медом, а сладким сиропом* (покупатель 1 Ч1); *А нам понравился. Лучше магазинного. Как говорится на вкус и цвет* (покупатель 2 Ч1). Показательна реакция продавца: *Здравствуйте! Согласна, на вкус и цвет, но в любом случае, проверим качество. Завтра проконтролируем новый приход* (продавец Ч1). Продавец применяет тактику согласия с одним из покупателей и тактику учета мнения другого покупателя,

положительно реагируя на критическое замечание и заявляя о своих действиях в ответ на него. Это свидетельство конструктивного общения: важны не только разговоры, но и конкретные дела.

В результате между сторонами общения возникает коммуникативная аттракция, взаимное притяжение. Вовлеченность покупателей в коммуникацию соответствует коммерческим целям продавцов.

Заключение

Изложенные в статье результаты наблюдений за речью в коммерческих чатах и анализа этого материала расширяют представление о современной интернет-коммуникации и функционировании в ней речевых жанров. В рассматриваемом жанре чата проявляется видовое разнообразие: наряду с исследованными уже отечественными и зарубежными лингвистами чатами фатической и игровой направленности, в интернет-коммуникации функционируют разнообразные бизнес-чаты, выполняющие информационную и коммерческую функции. В данной работе внимание обращено на интернет-чат, выполняющий ключевую роль в доставке продуктов потребителям, и чат, организаторы которого осуществляют маркетинговую предпродажную деятельность. Предложено называть их групповыми коммерческими чатами. Появление таких чатов свидетельствует о развитии жанра и его функционировании в деловой сфере.

В работе проанализирован новый аутентичный материал, который позволяет судить о современных коммуникационных процессах, опосредованных современными техническими устройствами, в городской среде. Коммерческие групповые чаты получают широкое распространение, имеют незамкнутый характер, открыты для новых клиентов (количество участников в Ч1 и Ч2 постоянно растет). Результаты исследования речи и речевого поведения интернет-пользователей в таких чатах дополняют научные сведения о современной деловой коммуникации, а по большому счету и философскую теорию повседневности.

В отличие от чатов игровой и фатической коммуникации, где неизбежно возникают проблемы речевой безопасности интернет-пользователей, в исследуемых чатах наблюдается стремление продавцов и покупателей к бесконфликтному общению, достижению баланса отношений. Отметим, что в реальном неофициальном или полуофициальном деловом общении конвенциональные нормы нередко нарушаются, что приводит к рискам конфликтного взаимодействия. Выявлены характеризующие признаки коммерческих чатов:

установка на неформальное общение, меньшая, по сравнению с фатическими и игровыми чатами, степень анонимности, отсутствие языковой игры. Реализуется электронный вариант разговорной речи в ее письменном виде (или, что представляется наиболее точным, печатно-клавиатурной форме; вопрос о разговорной речи и ее возможных вариантах носит дискуссионный характер). Позитивная и, что особенно важно, продуктивная коммуникация в чатах основана на используемых их участниками принципах бесконфликтного общения, применение которых организует процесс общения, оптимизирует речевые действия, разрушает коммуникативные барьеры, позволяет преодолевать эгоцентризм.

Проанализированы языковые / речевые средства, позволяющие участникам чатов гармонизировать общение. Показана роль использования личных номинаций (официальных и разговорных имен); графических средств, диминутивов в сохранении на протяжении всего речевого взаимодействия доброжелательной тональности. В чатах распространены этикетные субжанры приветствия и прощания, поздравления, благодарности, комплимента; реализуются тактики предупреждения конфликта, напоминания (забота об адресате), положительной оценки, выражения вежливости, юмора и др.

Учитывая фактор влияния интернет-коммуникации на реальное общение, можно сделать оптимистичный вывод, что подобные чаты могут способствовать повышению уровня культуры граждан в повседневных коммуникативных практиках, прежде всего в практике купли-продажи. Регулярность речевых действий, в которых реализуются (а подчас и насаждаются) нормы гармоничного общения, формирует привычку. Кооперативная стратегия коммуникантов обеспечивает эффективность и экологичность коммуникации, улучшение качества жизни и здоровья граждан.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Андреева С. В., Байкулова А. Н., Боц Т. С., Викторова Е. Ю., Вороновская И. А., Гвоздюк А. А., Дегальцева А. В., Кисельникова А. А., Кормилицына М. А., Макеева Е. П., Матяшевская А. И., Милёхина Т. А., Мякшева О. В., Незнаева О. С., Никитина О. В., Сиротинина О. Б., Тырникова Н. Г., Уздинская Е. В. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения. Саратов: Наука, 2021. 256 с. [Andreeva S. V., Baikulova A. N., Bots T. S., Viktorova E. Yu., Voronovskaya I. A., Gvozdyuk A. A., Degaltseva A. V., Kiselnikova A. A., Kormilitsyna M. A., Makeeva E. P., Matyashevskaya A. I., Milekhina T. A., Myaksheva O. V., Neznaeva O. S., Nickitina O. V., Sirotinina O. B., Tyrnikova N. G., Uzdinskaya E. V. *Communication efficiency: effect of communication spheres on the factors for its achievement*. Saratov: Nauka, 2021, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmvpeb>
- Андреева С. В., Байкулова А. Н., Викторова Е. Ю., Вороновская И. А., Дегальцева А. В., Кормилицына М. А., Куликова Г. С., Львова О. С., Матяшевская А. И., Милёхина Т. А., Мякшева О. В., Навасартян Л. Г., Санджи-Гаряева З. С., Сиротинина О. Б., Уздинская Е. В., Сиротинина О. Б., Елина Е. А., Рисинзон С. А. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения. Саратов: Наука, 2019. 236 с. [Andreeva S. V., Baikulova A. N., Viktorova E. Yu., Voronovskaya I. A., Degaltseva A. V., Kormilitsyna M. A., Kulikova G. S., Lvova O. S., Matyashevskaya A. I., Milekhina T. A., Myaksheva O. V., Navasartyan L. G., Sandzhi-Garyaeva Z. S., Sirotinina O. B., Uzdinskaya E. V., Sirotinina O. B., Elina E. A., Risinzon S. A. *Efficiency of communication: concept, participants, and methods*. Saratov: Nauka, 2019, 236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jalsod>
- Антипов А. Г., Краснова И. В. Нормативно-этический аспект чат-коммуникации. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 19-1. С. 10–16. [Antipov A. G., Krasnova I. V. Chat-communication in normative ethics aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2012, (19-1): 10–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxsmrf>
- Байкулова А. Н. Общедомовой чат как одна из городских коммуникативных практик: формирование менталитета ответственного собственника жилья. *Языки и культуры в цифровую эпоху: Междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 28–30 октября 2022 г.)*. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 17–24. [Baikulova A. N. Hous chat as an urban communication practice: forming the mentality of a responsible property owner. *Languages and cultures in the digital age: Proc. Intern. Sci. Conf., Nizhniy Novgorod, 28–30 Oct 2022*. Nizhniy Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2022, 17–24 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glmfxb>
- Байкулова А. Н., Викторова Е. Ю., Дегальцева А. В., Дегальцева М. Н., Кормилицына М. А., Куликова Г. С., Матяшевская А. И., Милёхина Т. А., Сиротинина О. Б., Уздинская Е. В., Яхина Д. И. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении. Саратов: СГУ, 2016. 188 с. [Baikulova A. N., Viktorova E. Yu., Degaltseva A. V., Degaltseva M. N., Kormilitsyna M. A., Kulikova G. S., Matyashevskaya A. I., Milekhina T. A., Sirotinina O. B., Uzdinskaya E. V., Yakhina D. I. *The riskiness of modern communication and the role of communicative competence in overcoming*. Saratov: SSU, 2016, 188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/obnskr>
- Бергельсон М. В. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет). *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2002. № 1. С. 55–67. [Bergelson M. V. Language aspects of virtual communication. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2002, (1): 55–67. (In Russ.)]
- Валиахметова Д. Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей интернет-дискурса. *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртене и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 декабря 2001 г.)*. Казань: Казан. ун-т, 2001. Т. 2. С. 7–9. [Valiakhmetova D. R. Written colloquial speech in the context of the peculiarities of Internet discourse. *Baudouin Readings: Baudouin de Courtenay and Modern Linguistics: Proc. Intern. Conf., Kazan, 11–13 Dec 2001*. Kazan: Kazan University, 2001, vol. 2, 7–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvcijx>
- Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете. *Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект*, ред. Н. А. Андромонова. Казань: Казан. ун-т, 2004. С. 63–67. [Vinogradova T. Iu. Specificity of communication on the Internet. *Russian and Comparative Philology: Cultural Linguistics*, ed. Andramonova N. A. Kazan: Kazan University, 2004, 63–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlvayh>
- Водянова Н. В. Самореализация личности в пространстве Интернета в контексте коммуникативной антропологии. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 11. С. 57–62. 2007. С. 30–33. [Vodyanova N. V. Personal self-realization in the Internet space in the context of communicative anthropology. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, (11): 57–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kkxvgj>

- Гладышев В. И. Компенсаторное общение: социально-философский анализ. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 292 с. [Gladyshev V. I. *Compensational communication: social-philosophical analysis*. Ekaterinburg: Bank kulturnoi informatsii, 1999, 292. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmznhv>
- Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 1997. 328 с. [Zhelvis V. I. *Battlefield. Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world*. Moscow: Lodomir, 1997, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrlohj>
- Завьялова З. С., Тихонова Г. Ю. Интерактивный чат как особая форма бытия и репрезентаций личности (русскоязычный дискурс). *Вестник науки Сибири*. 2015. № 2. С. 244–250. [Zavyalova Z. S., Tikhonova G. Yu. Interactive chat as a special form of being and personality representations: Russian Discourse. *Vestnik nauki Sibiri*, 2015, (2): 244–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulxpfpr>
- Калинина М. А. Жанры инвективы в публичном коммуникативном пространстве. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2020. № 5. С. 153–163. [Kalinina M. A. The genre of invective in public discourse. *LUNN Bulletin*, 2020, (5): 153–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-153-163>
- Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог). *Жанры речи*. 2016. № 2. С. 96–104. [Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Zanry Reci*, 2016, (2): 96–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-97-105>
- Колокольцева Т. Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка. *Грани познания*. 2011. № 4. С. 13–17. [Kolokoltseva T. N. Internet-communication as the mirror of the main tendencies of development and functioning of the Russian language. *Grani poznaniia*, 2011, (4): 13–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbsncx>
- Кормилицына М. А. Определение понятия, критерии эффективности. In: Андреева С. В., Байкулова А. Н., Викторова Е. Ю., Вороновская И. А., Дегальцева А. В., Кормилицына М. А., Куликова Г. С., Львова О. С., Матяшевская А. И., Милёхина Т. А., Мякшева О. В., Навасартян Л. Г., Санджи-Гаряева З. С., Сиротинина О. Б., Уздинская Е. В., Сиротинина О. Б., Елина Е. А., Рисинзон С. А. *Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения*. Саратов: Наука, 2019. С. 6–15. [Kormilitsyna M. A. Definition of the concept: performance criteria. In: Andreeva S. V., Baikulova A. N., Viktorova E. Yu., Voronovskaya I. A., Degaltseva A. V., Kormilitsyna M. A., Kulikova G. S., Lvova O. S., Matyashevskaya A. I., Milekhina T. A., Myaksheva O. V., Navasartyan L. G., Sandzhi-Garyeva Z. S., Sirotinina O. B., Uzdinskaya E. V., Sirotinina O. B., Elina E. A., Risinzon S. A. *Efficiency of communication: concept, participants, and methods*. Saratov: Nauka, 2019, 6–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntzenw>
- Кузнецов А. В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации. *Молодой ученый*. 2011. № 3-2. С. 24–26. [Kuznetsov A. V. Written colloquial speech in online communication. *Molodoi uchenyi*, 2011, (3-2): 24–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuegkl>
- Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунева О. В., Соколова М. С. Позитивная коммуникация. М.: Гнозис, 2020. 296 с. [Leontovich O. A., Gulyaeva M. A., Luneva O. V., Sokolova M. S. *Positive communication*. Moscow: Gnosis, 2020, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ekmdfz>
- Николаева А. В. Интернет-текст как новый вид коммуникации. *Русская речь*. 2016. № 3. С. 46–50. [Nikolaeva A. V. Internet text as a new type of communication. *Russkaya Rech*, 2016, (3): 46–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzsqoz>
- Подгорная Е. А., Демиденко К. А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации. *Концепт*. 2014. № 9. С. 136–140. [Podgornaya E. A., Demidenko K. A. Linguistic characteristics of Internet chat as a type of communication. *Koncept*, 2014, (9): 136–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snytnr>
- Прокофьева Н. А. К вопросу о деструктивности фатического речевого поведения. *Медиаскоп*. 2019. № 4. [Prokophieva N. A. Destructive phatic speech behavior in social media: towards problem statement. *Mediascope*, 2019, (4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2019.6>
- Семёнкина И. А. Общие тенденции развития языка в компьютерно-опосредованной коммуникации на материале англоязычных и русскоязычных чатов. *Ученые записки Ульяновского государственного университета «Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики»*. Сер. Лингвистика, под ред. А. И. Фёфилова. Ульяновск: УлГУ, 2019. С. 37–40. [Semyonkina I. A. General trends in the development of language in computer-mediated communication based on the material of English-speaking and Russian-speaking chats. *Scientific notes of the Ulyanovsk State University "Relevant Issues of Language Theory and Linguistic Didactics"*. Linguistics, ed. Fefilov A. I. Ulyanovsk: Ulsu, 2019, 37–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/duikaw>

- Сергеева Д. А. Зависимость речи в чате от его тематики. *Филология и человек*. 2008. № 4. С. 137–142. [Sergeeva D. A. Chat speech and its subject. *Filologiya i chelovek*, 2008, (4), 137–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvaold>
- Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры». *Лику языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской*, отв. ред. М. Я. Гловинская. М.: Наследие, 1998. С. 348–353. [Sirotnina O. B. Colloquial speech, colloquiality, and colloquial type of speech culture. *Language faces. To the 45th anniversary of scientific activities of E. A. Zemskaya*, ed. Glovinskaya M. Ya. Moscow: Nasledie, 1998, 348–353. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyxaod>
- Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: СГУ, 2013. 116 с. [Sirotnina O. B. *Russian language: system, usage, and risks*. Saratov: SSU, 2013, 116 с. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykyglt>
- Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001. 252 с. [Sternin I. A. *Introduction to speech exposure*. Voronezh: Poligraf, 2001, 252. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxoqup>
- Стернин И. А. О понятии «эффективное общение». *Преподавание культуры общения в средней школе. Опыт работы. Дидактические материалы*, отв. ред. И. А. Стернин. Воронеж: ВОИПКиПРО, 1995. С. 5–9. [Sternin I. A. About the concept of "effective communication". *Teaching a culture of communication in high school. Experience. Didactic materials*, ed. Sternin I. A. Voronezh: VOIPKiPRO, 1995, 5–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wncgqf>
- Чучкова Г. С. Человек в коммуникативном пространстве Интернета. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2004. № 3. С. 384–387. [Chuchkova G. S. Man in the communicative space of the Internet. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2004, (3): 384–387. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdtkur>
- Шалина И. В. Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды. *Культурно-речевая ситуация в современной России*, отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2000. С. 272–287. [Shalina I. V. Communicative-speech disharmony: causes and types. *Cultural and speech situation in modern Russia*, ed. Kupina N. A. Ekaterinburg: Ural University, 2000, 272–287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rrpbdb>
- Шарипова В. А., Елинсон М. А., Исхакова О. С. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка. *Вестник Башкирского университета*. 2019. Т. 24. № 1. С. 210–214. [Sharipova V. A., Elinson M. A., Ickhakova O. S. Internet communication. New opportunities and methods of mediated communication or language degradation. *Bulletin of the Bashkir University*, 2019, 24(1): 210–214. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vyueiu>
- Ширяев Е. Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках. *Культурно-речевая ситуация в современной России*, отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2000. С. 13–21. [Shiryaev E. N. Types of norms and the question of cultural and speech assessments. *Cultural and speech situation in modern Russia*, ed. Kupina N. A. Ekaterinburg: Ural University, 2000, 13–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rrpbdb>
- Южанинова Е. Р. Интернет-коммуникация как способ самореализации личности. *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 5. С. 25–28. [Yuzhaninova E. R. Online communication as a way of self-realization. *Theory and Practice of Social Development*, 2013, (5): 25–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaskel>
- Bernes-Lee T. *Weaving the Web: The original design and ultimate destiny of the World Wide Web by its inventor*. San Francisco: Harper, 1999, 226.

оригинальная статья

Корпусная диагностика лингвистического конструирования вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиадискурсе

Лагажан Юлия Алексеевна

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

<https://orcid.org/0000-0002-5223-7806>lagazhan@sfedu.ru

Ленец Анна Викторовна

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

<https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

Scopus Author ID: 57194559313

Поступила в редакцию 25.01.2023. Принята после рецензирования 03.04.2023. Принята в печать 24.04.2023.

Аннотация: В 2020 г. важным медиасобытием стало вакцинирование от COVID-19, его условия и процесс, что сопровождалось ростом публикаций о вакцинации от COVID-19, в частности в немецкоязычном медийном пространстве, и обусловило необходимость изучения неологических процессов в современном немецком языке в условиях постпандемии и вакцинации. Отмечено многообразие и динамика лингвистических приемов в медийном дискурсе по формированию отношения читателей к процессу вакцинирования COVID-19 в немецкоязычном социуме. Цель – описать процедуры корпусной диагностики лингвистического конструирования процесса вакцинации от COVID-19 как медиасобытия. Материалом исследования стали 612 новостных статей о вакцинации в ведущих интернет-изданиях Германии, Австрии и Швейцарии (*Die Zeit*, *Der Standard* и *Tages-Anzeiger* соответственно) за период с 1 января 2021 г. по 31 декабря 2021 г. Эффективность корпусной диагностики с помощью программы Voyant Tools подтверждается сформированным корпусом текстов для последующего анализа, приводимыми результатами о частотности употребления языковых единиц с *Impfung*; описанием тенденций использования лексики в новостных текстах немецкоязычного ареала; анализом корреляций и коллокаций языковых единиц лексико-семантического поля *Impfung* и др. Корпусный анализ позволил установить особенности конструирования вакцинации от COVID-19 в медиадискурсе стран немецкоязычного ареала. В медиадискурсе Австрии и Швейцарии особый акцент делается на необходимости вакцинирования для граждан страны, в медиадискурсе Германии в фокусе внимания находятся социальные аспекты процесса вакцинирования. Самыми обсуждаемыми из всех видов вакцин в странах немецкоязычного ареала являются Pfizer / BioNTech и AstraZeneca.

Ключевые слова: вакцинация от COVID-19, неологизм, медиасобытие, немецкий язык, медиадискурс, корпусная лингвистика

Цитирование: Лагажан Ю. А., Ленец А. В. Корпусная диагностика лингвистического конструирования вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиадискурсе. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 471–480. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-471-480>

full article

Corpus Diagnostics in Linguistic Construction: Vaccination Against COVID-19 in the German-Language Media Discourse

Yulia A. Lagazhan

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

<https://orcid.org/0000-0002-5223-7806>lagazhan@sfedu.ru

Anna V. Lenets

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

<https://orcid.org/0000-0002-7394-2359>

Scopus Author ID: 57194559313

Received 25 Jan 2023. Accepted after peer review 3 Apr 2023. Accepted for publication 24 Apr 2023.

Abstract: In 2020, German media experienced a surge of publications about vaccination against COVID-19, which demonstrated a great diversity of linguistic tools that could shape public opinion on the matter. This article introduces a study of neological processes in the German language in the post-pandemic period. The research relied on the method of corpus diagnostics to develop a linguistic reconstruction of the COVID-19 vaccination as a media event. The research covered 612 news articles published in Germany, Austria, and Switzerland between January 1, 2021, and December 31, 2021. The Voyant Tools software generated a corpus of news texts with *Impfung* for a subsequent analysis, which made

it possible to reveal lexical trends, correlations, and collocations. The corpus analysis provided a linguistic reconstruction of the vaccination against COVID-19 in the German-speaking countries. Austrian and Swiss media discourse emphasized the need for vaccination for all citizens while Germany focused on the social aspects of vaccination. Pfizer / BioNTech and AstraZeneca appeared to be the most discussed vaccines in the German-speaking area.

Keywords: vaccination against COVID-19, neologism, media event, German, media discourse, corpus linguistics

Citation: Lagazhan Yu. A., Lenets A. V. Corpus Diagnostics in Linguistic Construction: Vaccination Against COVID-19 in the German-Language Media Discourse. *SibScript*, 2023, 25(4): 471–480. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-471-480>

Введение

Вся жизнь общества и происходящие события сопровождаются информационным бумом, медийностью и находят свое отражение в Интернете (в блогах, онлайн-изданиях, социальных сетях и др.). В нынешних реалиях мгновенная передача информации о значимых фактах и мероприятиях представляет собой медиа-событие – спонтанное или запланированное событие, которое вызывает широкий резонанс или несет важное социальное значение и освещается средствами массовой информации [Ним 2019]. Помимо событий, в которых общество принимает непосредственное участие, постоянно происходят различные стихийные бедствия или катастрофы, которые также вызывают широкий отклик в СМИ. К таким медиасобытиям относятся различные эпидемии и пандемии.

В различные исторические периоды человечество переживало большое количество тяжелых или смертельных заболеваний, таких как бубонная чума, оспа, холера и др. В 2019 г. весь мир охватила пандемия коронавируса (SARS-CoV-2; COVID-19), которая быстро распространилась по всему миру, часто приводя к тяжелым заболеваниям или летальному исходу. Несмотря на то что существуют результативные меры по предотвращению распространения COVID-19, самым эффективным способом борьбы с инфекцией явилась вакцинация, осуществляемая путем введения в организм антител против SARS-CoV-2. Вследствие этого в 2020 г. важным медиасобытием стало вакцинирование от COVID-19, его условия и процесс [Простякова 2022].

Обсуждение видов вакцин и способов вакцинации от COVID-19 началось во второй половине 2020 г. Освещение процесса вакцинирования становится одной из ключевых тем в медийном пространстве любой страны в 2021 г. [Реутов 2021; Chen et al. 2022; Trnka, Lorencova 2020]. Не являясь исключением и страны немецкоязычного ареала [Klosa-Kückelhaus 2021a; 2021b]. В августе 2020 г. была зарегистрирована первая вакцина от COVID-19 Минздравом России (Спутник V), позже были представлены и другие вакцины (Pfizer / BioNTech,

Moderna, AstraZeneca, Johnson&Johnson). Кампании по привлечению граждан к массовой вакцинации начались в январе 2021 г. Примером эффективности вакцинации в Европе становятся немецкоязычные страны – Австрия, Германия и Швейцария, где авторы новостных статей о вакцинировании от COVID-19 активно используют научную терминологию для формирования позитивного отношения к процессу вакцинирования. Ср.: *Ema prüft Zusammenhang von Johnson-&-Johnson-Impfstoff und Thrombosen* (Die Zeit. 09.04.2021); *Studie: 86 Prozent weniger Infektionen nach dritter mRNA-Impfung* (Der Standard. 02.12.2021).

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими факторами: ростом публикаций о вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медийном пространстве; необходимостью изучения неологических процессов в современном немецком языке в условиях постпандемии и вакцинации; многообразием и динамикой лингвистических приемов в медийном дискурсе по формированию отношения читателей к процессу вакцинирования от COVID-19 в немецкоязычном социуме. Цель – описать корпусную диагностику лингвистического конструирования процесса вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медийном пространстве. Задачи: установление основных направлений дискурсивного описания вакцинации как медиасобытия; анализ с помощью корпусной лингвистики языковой экспликации процесса вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медийном пространстве.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили новостные статьи о вакцинации в немецкоязычных изданиях. Для понимания конструирования вакцинации как медиасобытия были отобраны три тиражируемые немецкоязычные газеты Австрии, Германии и Швейцарии. Тема вакцинации получает широкое освещение в межрегиональной газете Германии *Die Zeit* (далее – DZ), в которой существует отдельная рубрика о коронавирусе

и вакцинации¹. Кроме того, журналистами газеты проводятся и собственные расследования в связи с вакцинацией. Информационным изданием Австрии, которое имеет широкое влияние на всей территории Республики и предоставляет полную информацию о вакцинации, является общенациональная газета издательства *Standard Verlagsgesellschaft "Der Standard"* (далее – DS). Данная газета публикует материал в соответствии с кодексом чести австрийской прессы, т. е. уважает право на частную жизнь и печатает самую актуальную информацию. Одной из самых влиятельных газет Швейцарии является *Tages-Anzeiger* (далее – ТА). Информационно-аналитическое издание публикует информацию о вакцинации, а также результаты исследований в различных сферах. Все упомянутые газеты оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения в немецкоязычных странах. Кроме того, в указанных изданиях представлены различные точки зрения на одни и те же события, связанные с COVID-19 и вакцинацией.

В исследовании применялись различные методы. Так, метод анализа дефиниций позволил проанализировать и сформулировать понятия медиадискурса, дискурсивного влияния и вакцинации. Для рассмотрения языковых средств, используемых авторами статей для описания процесса вакцинации, использовался семантико-стилистический анализ. Методом сплошной выборки было отобрано более 612 газетных статей о вакцинации на немецком языке за период с 1 января 2021 г. по 31 декабря 2021 г. Кроме того, для корпусного анализа текста и подсчета полученных данных использовалась программа *Voyant Tools*². Данная программа позволяет разрабатывать собственные инструменты для работы с текстами, используя функциональность и код *Voyant Tools*, а также различные инструменты: обобщение (формирование группы слов по определенной тематике), предметная область (выбор жанра текстов, материал исследования), гибкость (учет нюансов заданных параметров), модульность (возможность декомпозиции условий программы по внутренне связанным между собой модулям), интернационализация (возможность выбора из множества языков), производительность (обработка больших объемов текстовых данных), совместимость (взаимосвязь различных параметров программы между собой) и др. При этом анализ текстов и выявление соответствий выполняется автоматически.

Обзор литературы

Конструирование вакцинации от COVID-19 в институциональных дискурсах

История вакцинации берет начало с Античности и на протяжении развития общества остается актуальной темой изучения. До конца XIX в. борьба с быстро распространяющимися эпидемиями без такого важного инструмента, как вакцинации, была невозможна. Позднее Э. Дженнер в 1796 г. изобрел способ борьбы с оспой, который в последующем был назван вакцинацией, это и стало поворотным моментом в медицине. На сегодняшний день вакцинация стала одним из самых действенных способов противостояния большинству инфекций и является самым крупным достижением медицины в целом [Кубарь 2018]. Учеными отмечается, что эпидемии постепенно становятся вакциноуправляемыми, в том числе и пандемия коронавируса. Такое развитие вакцинологии, анализ и прогнозирование развития пандемии являются предметом изысканий отечественных [Реутов 2021; Сергиенко и др. 2022] и зарубежных ученых в области медицины [Trnka, Lorencova 2020; Chen et al. 2022]. Помимо тяжелого протекания заболевания коронавируса ученые активно изучают постковидные синдромы, т. к. в основном SARS-CoV-2 влияет не только на работу дыхательных путей, но и на мозг, мышечную и иммунную системы [Белопасов и др. 2021]. Другим важным направлением исследований в области медицины является вакцинация, ее разработка, эффективность и распространение [Chen et al. 2022]. Для первоначального описания COVID-19 журналистами и экспертами в области общественного здравоохранения было использовано понятие *equal opportunity killer* (убийца равных возможностей) как дифференциальный признак заложников пандемии³.

Социологи отмечают, что COVID-19 является и социальным заболеванием, в результате которого обострились социальные, экономические и расовые проблемы [Van Dorn et al. 2020; Wassler, Talarico 2021]. В период острого протекания пандемии ученые были сосредоточены главным образом на расширении масштабов технических и биомедицинских отраслей науки, которые не учитывали социальные условия [Trout, Kleinman 2020]. Но причины именно социальной стороны болезни лежат очень глубоко, т. к. пандемия и последующий карантин затронули экономическое положение человека, условия его проживания, профессиональную занятость и др. [Douglas et al. 2020].

¹ Alles zu Sars-CoV-2. *Die Zeit*. URL: <https://www.zeit.de/thema/coronavirus> (accessed 20 Oct 2022).

² Voyant Tools. URL: <https://voyant-tools.org/> (accessed 20 Oct 2022).

³ Blow C. M. Social distancing is a privilege: the idea that this virus is an equal-opportunity killer must itself be killed. *New York Times*. 5 Apr 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/05/opinion/coronavirus-social-distancing.html> (accessed 12 Dec 2022).

Помимо социальных и социокультурных проблем заболевание оказывает заметное влияние на ментальное здоровье. Так, пандемия COVID-19 вызвала разнообразие страхов и травмирующих эмоциональных реакций, которые распределяются учеными на следующие группы: страх перед возможным отсутствием медицинской помощи; страх перед негативным воздействием на домохозяйства; страх потери финансового благополучия; страх перед недостаточным запасом продовольствия и др. [Trnka, Lorencova 2020: 548]. Психологи активно исследуют влияние пребывания дома из-за COVID-19, т. к. изоляция в обществе воспринимается как позитивно, так и негативно. Для одних изоляция – это заключение, скука / депрессия или беспомощность, а для других – возможность чувствовать себя в безопасности [Bozdağ 2021: 240–241]. Также существует точка зрения, что меры социального дистанцирования часто вызывают различные психологические проблемы, такие как депрессия, тревога, страх, одиночество, негодование и растерянность [Hwang et al. 2020].

Лингвомедийное конструирование вакцинации от COVID-19

В период пандемии возможность получить информацию, быть на связи с близкими обеспечивалась за счет сети Интернет, социальных сетей и онлайн-СМИ. При этом последние стали мощным ресурсом, который влияет и контролирует мнение о пандемии и в дальнейшем о вакцинации. В связи с этим следует отметить как положительную, так и отрицательную роль СМИ. Отечественные [Lapenkov, Olejnik 2020] и зарубежные [Figueiredo, Massano-Cardoso 2021; Wormer 2020] ученые активно обсуждают пандемию и процесс вакцинации в СМИ. В условиях пандемии на раннем этапе ложная и вводящая в заблуждение информация о вакцинации бесконтрольно распространяется в медийном пространстве или социальных сетях. Исследования темы пандемии, которая продуцировала наибольшее количество информации, связаны с мистификациями или фальсифицированной информацией, имеющими политический характер [Román-San-Miguel et al. 2020]. Ключевая роль медийного пространства заключается в поощрении мер по охране физического и психологического здоровья и обеспечении жизнестойкости людей, принадлежащих к различным возрастным группам и социально-экономическим условиям [Anwar et al. 2020].

Тема вакцинации в медийном пространстве и социальных сетях является актуальной и широко обсуждаемой. Например, пользователи социальной сети Parler

активно делились мнением о вакцинации, в частности о скептицизме в отношении эффективности вакцины или отказе от вакцинации, вызванном логичными опасениями. Изначально дети не были приоритетной группой на раннем этапе введения вакцин против COVID-19, что вызвало недовольство среди общества [Baines et al. 2021].

Лингвисты также изучают процесс вакцинации, рассматривая при этом различные языковые явления: трансформация прецедентных текстов для заголовков; изменение семантики слов; использование ключевых слов *вакцина* и *вакцинация* и др. [Цонева 2021; Lenets, Lagazhan 2022]. В немецкоязычном медиадискурсе тема вакцинации была широко обсуждаемой в 2021 г. Изучение условий возникновения новой лексики, ее развитие в современном немецком языке представлено в многочисленных лингвистических исследованиях [Klosa-Kückelhaus 2021a; 2021b; Wolfer et al. 2020; Wormer 2020]. Большое внимание уделяется словарному запасу, который сначала становится избыточным, затем происходит естественное снижение появления неологизмов [Wolfer et al. 2020]. Всё информационное поле занято коронавирусом и вакцинацией, поэтому происходит закономерное уменьшение количества обсуждаемых тем и появление новой лексики, номинирующей корона-кризис (*Corona-Krise*) и вакцинацию (*Impfung*) [Wolfer et al. 2020]. В современном немецком языке активно изучаются словоформы с **impf*⁴. Лексико-семантические группы, номинирующие вакцинацию, используются в современных СМИ намного чаще, чем другие лексемы, связанные с пандемией. Поэтому закономерно, что активно используемым словом в немецком языке в 2021 г. становится *Impfung* (вакцинация).

Результаты

СМИ играют ключевую роль в освещении возникающих различных ситуаций в обществе и мире, что отражается в тезаурусе языков посредством новой лексики [Ленец, Зарипова 2018]. Газеты *Die Zeit*, *Der Standard* и *Tages-Anzeiger* начиная с 2021 г. широко освещают тему пандемии и вакцинации. Пандемия COVID-19, вакцинация и ее процессы являются одним из источников появления неологизмов о вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиадискурсе. В ходе исследования нами был сформирован корпус новостных статей о вакцинации от COVID-19. Статьи из указанных газет были отобраны при помощи поиска по рубрикам *Coronavirus* / *Impfung* за весь 2021 год, т. к. он характеризуется наиболее широким освещением темы вакцинации в Австрии, Германии и Швейцарии. Сформированный корпус позволил

⁴ Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.ovid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (accessed 20 Oct 2022).

проводить поиск лексических единиц и создать упорядоченный список словоформ с **impf**. Работа проводилась по следующему алгоритму:

- выбор новостных текстов, которые затем были разделены по месяцам отдельно по каждой газете;
- формирование корпуса текстов по каждой газете за весь 2021 год (сохранение в формате .txt);
- работа со сформированными корпусами текстов в программе Voyant Tools (автоматическое удаление стоп-слов).

Каждый текст корпуса сопровождается специальной разметкой. Составленный лингвистический корпус текстов является инструментом анализа текстов и эмпирической базой исследования конструирования вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медийном пространстве. Voyant Tools позволяет автоматически определить частотность употребления языковой единицы, тенденции использования лексики в новостных текстах немецкоязычного ареала, проанализировать корреляции и коллокации искомым слов, просматривать их контексты, высчитывать индексы исключительности (количество уникальных слов) и частотности (количество частых слов), проанализировать контекст употребления языковой единицы и т. д. На рисунке 1 представлен общий вид всех инструментов программы Voyant Tools.

В результате анализа сформированного лингвистического корпуса по теме вакцинации от COVID-19 были получены данные о самых используемых 12 словах, которые распределялись по убыванию частоты

их использования (табл.). Наблюдается высокая плотность часто используемых слов в немецкой газете DZ (от 312 до 118 на 12 самых используемых слов). При этом в немецкой газете авторы новостных статей о вакцинации акцентируют внимание, прежде всего, на людях (*Menschen*), их поступках, отношении к заболеванию (*Corona*) и количестве вакцинировавшихся / невакцинировавшихся / летальных исходов (*Zahl*), проценте вакцинировавшихся (*Prozent*) и новых вариантах заболеваний (*Neuinfektionen*) и т. д. Интересно, что ареал применения и значение вакцины не ограничивается только самой Германией (*Deutschland*), но и учитывает общие показатели по всему Европейскому союзу (*EU*). В этом нам видится осознание той ведущей роли Германии, которую она играет для всего европейского континента. Для описания процесса вакцинирования для журналистов важны также достижения ученых в области медицины (*RKI – Robert Koch-Institut*), которые уверяют, несмотря на побочные эффекты, что вакцинироваться необходимо. При этом сам процесс вакцинирования и вакцина находятся лишь на 11 и 12 месте соответственно (*Impfung, Impfstoff*).

В австрийской газете DS в фокусе внимания авторов находится, наоборот, сама вакцинация (*Impfung, Impfungen*), количество вакцинированных (*Prozent*) и результаты вакцинирования (*geimpft, impfen*). Интересно, что в австрийском медийном дискурсе активно используются сразу две лексемы для обозначения пациентов – *Personen* и *Menschen*. Исходя из результатов

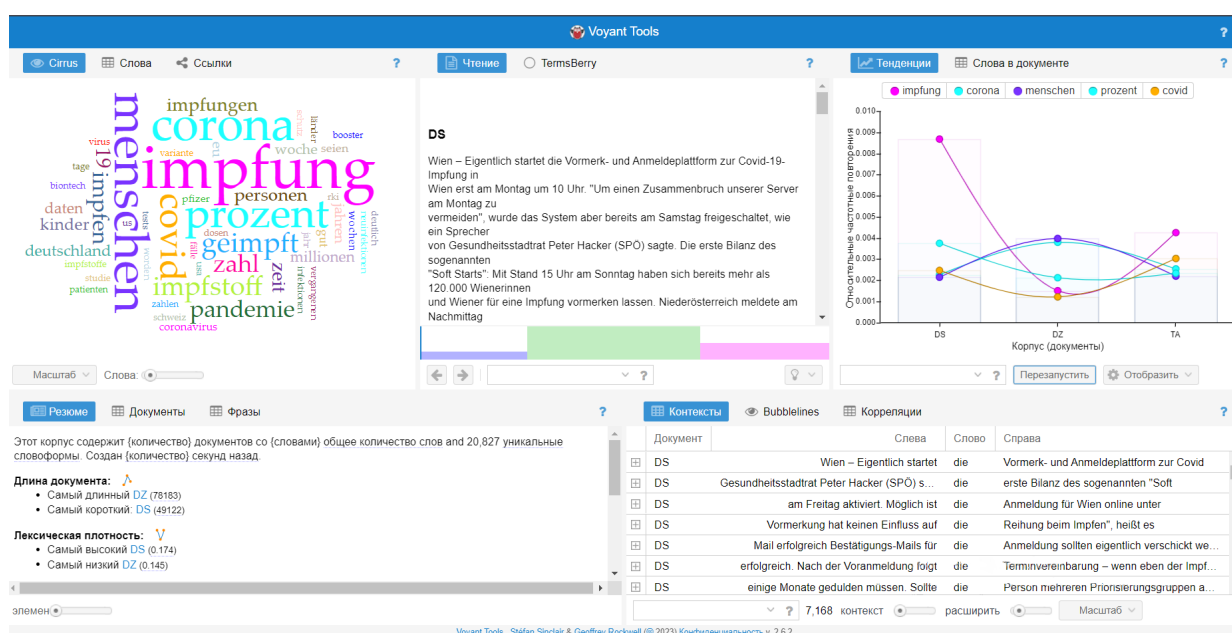

Рис. 1. Иллюстрация страницы инструмента Voyant Tools с текстами из газет *Die Zeit*, *Der Standard* и *Tages-Anzeiger*
 Fig. 1. News texts from *Die Zeit*, *Der Standard*, and *Tages-Anzeiger* processed by Voyant Tools

Табл. Частотность использования лексики по теме *Impfung* в новостных статьях из газет *Die Zeit*, *Der Standard* и *Tages-Anzeiger*
 Tab. Frequency of *Impfung* vocabulary in news articles published in *Die Zeit*, *Der Standard*, and *Tages-Anzeiger*

N°	Die Zeit		Der Standard		Tages-Anzeiger	
	Слово	Количество	Слово	Количество	Слово	Количество
1	Menschen	312	Impfung	427	Impfung	251
2	Corona	298	Prozent	185	Covid	179
3	Zahl	230	Covid	122	Corona	150
4	Zeit	171	Corona	112	Prozent	138
5	Prozent	167	Personen	111	Menschen	130
6	Deutschland	165	Menschen	106	Schweiz	120
7	EU	146	Geimpft	104	Impfstoff	105
8	Neuinfektionen	145	Impfen	88	Geimpft	104
9	Pandemie	129	Impfstoff	87	Impfen	103
10	RKI	122	Wien	83	Pfizer	92
11	Impfung	119	Impfungen	83	Pandemie	89
12	Impfstoff	118	Kinder	80	Coronavirus	85

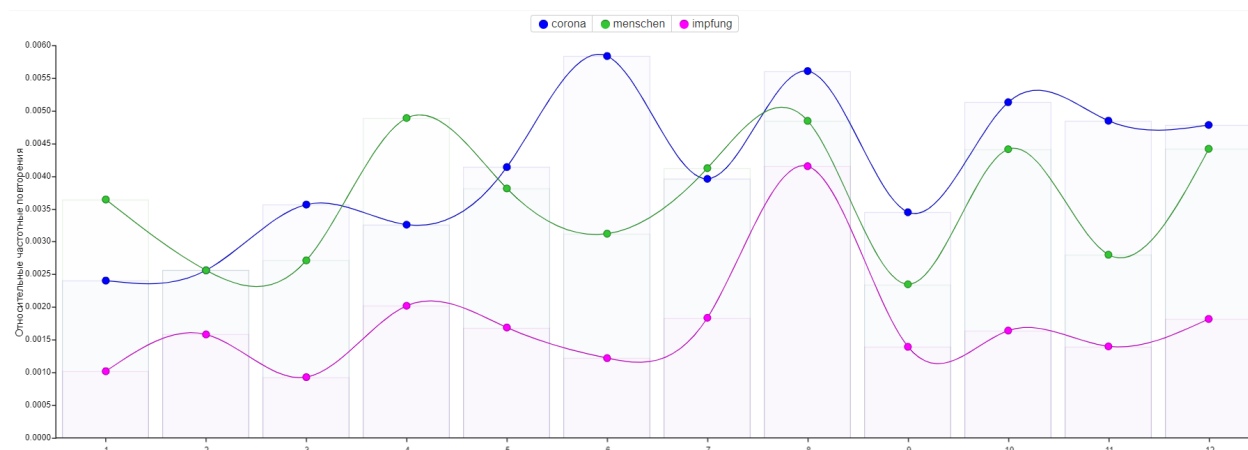
по конкордансам с данными языковыми единицами, заключим, что *Person* используется в значении человека с точки зрения его характеристики как владельца прав, а также описания групп людей, участвовавших в научных исследованиях. Лексическая единица *Menschen* использовалась в статьях для описания обычных людей, которые высказывают свое мнение по отношению к вакцинированию, к типам вакцин (*Impfstoff*), к пандемии (*Corona*, *Covid*). Отличительным признаком австрийской газеты является отсутствие упоминания страны в целом, лишь про столицу Австрии – Вену (*Wien*), что объясняется активностью горожан в процессе вакцинирования. Другой важной темой, освещаемой в медийном пространстве, является вакцинация детей (*Kinder*).

Авторы статей швейцарской газеты ТА также широко описывают вакцинацию (*Impfung*) как метод борьбы с заболеванием (*Covid*, *Corona*), убеждая высокими показателями вакцинировавшихся (*Prozent*) по всей стране (*Schweiz*). Отличительной чертой швейцарского медийного пространства является использование лексических единиц, номинирующих именно пандемию COVID-19 (*Covid*, *Corona*, *Pandemie*, *Coronavirus*). Широко обсуждаются кампании по вакцинированию, акторы вакцинации и типы вакцин (*Impfstoff*, *Pfizer*).

Следующим этапом в корпусном анализе конструирования вакцинации от COVID-19 (*Impfung*) является установление дистрибуции слов, связанных с вакцинацией. Таковыми были установлены *Corona*, *Menschen* как одни из самых часто используемых. На рисунке 2 представлен

пример гистограммы, где по горизонтальной оси расположены месяцы 2021 г., а по вертикальной – относительные частоты употребления указанных трех лексических единиц. Распределение рассматриваемых лексических единиц в немецкой газете *DZ* является статистически очевидным, т. к. совпадает с сезонностью заболевания и периодами повышения и спада количества заболевших коронавирусом. Такая тенденция направлена на вовлеченность немецкого общества в происходящие события, связанные с COVID-19. Полученные результаты о языковых фактах объясняются с учетом большого количества социальных фактов. Например, в гистограмме наблюдаются высокие показатели относительного частотного повторения языковых единиц *Impfung*, *Corona*, *Menschen* в июне (*Corona* – 0,0058396, *Menschen* – 0,0031235) и августе (*Corona* – 0,0056106, *Menschen* – 0,0048487, *Impfung* – 0,0041560) 2021 г. Такое повышение связано с преддверием осеннего сезона, когда заболеваемость возрастает. Кроме того, в эти месяцы активно обсуждалась вакцинация для детей и подростков, которым предстоял новый учебный год. Снижение обсуждения темы вакцинации в июле (*Impfung* – 0,0018382) связано с обсуждением другой актуальной темы – крупнейшего наводнения в Европе за последние 100 лет, которое продлилось 10 дней, с 12 по 22 июля 2021 г.

В австрийской газете *DS* нами отмечена такая же тенденция, как и в *DZ*. Вместе с тем в австрийских СМИ авторы статей делают акцент на процессе вакцинации, количестве вакцин и вакцинировавшихся.

Рис. 2. Гистограмма использования лексических единиц *Impfung*, *Corona*, *Menschen* в немецкой газете *Die Zeit*, 2021Fig. 2. Lexical units *Impfung*, *Corona*, and *Menschen* in *Die Zeit*, Germany, 2021

В медиадискурсе Швейцарии тенденция обсуждения вакцинации также происходит волнообразно, как и в Австрии и Германии. Использование лексической единицы *Impfung* не пересекается с *Menschen* и *Corona*, которые используются практически параллельно. Авторы статей пишут об этапах вакцинирования, видах и способах вакцинации. Так, для разных возрастных групп предоставляется возможность вакцинироваться или ревакцинироваться через полгода.

Установление словосочетаний с *Impfung* позволяет описать не только различные стороны самого процесса вакцинирования, но и установить эмоционально-оценочное отношение к процессу вакцинирования как важной реалии этого времени. Приведем коллокацию слова *Impfung* из новостных статей в австрийской газете DS: *Impfung zwingen*, *Impfung zurückzuführen*, *Impfung würde*, *Impfung wird*, *Impfung wie*, *Impfung werde*, *Impfung verstorben*, *Impfung verstärkt*, *Impfung verlangt*, *Impfung und*.

Особый интерес представляет сочетаемость с глаголами. Глаголы долженствования (*sollen geimpft werden*), принуждения (*zwingen*) или даже требования (*verlangen*) к вакцинации используются преимущественно по отношению к должностным лицам, персоналу, стажерам, ученикам и работникам общественных служб. В случае оформления граждан на государственную службу вакцинация необходима только в том случае, если нет ограничений по здоровью. Авторы статей для конструирования темы вакцинации отмечают, что сам процесс вакцинирования происходит без принуждения. Исключения составляют только медицинские работники, которые проводят вакцинацию. Особое внимание журналистами уделяется вакцинации среди различных возрастных и социальных групп Австрии. Так, пожилые люди на 2021 г. вакцинировались чаще. Полярность мнений о самой вакцинации выражается с помощью

убеждения читателей в эффективности вакцинации и укреплении организма (*verstärkt*), а с другой стороны, в обсуждении летальных исходов после вакцинации (*verstorben*).

При анализе новостных статей газет Германии и Швейцарии было выявлено, что в лексическая единица *Impfung* чаще всего используется с предлогами *zu*, *für*, *in*, *auf* и др. Они используются при описании конкретной социальной группы людей, которым необходима вакцинация, чтобы иметь возможность участвовать в мероприятиях (*Impfung für Kinder*, *eine Impfung zur Zugangs Voraussetzung*).

Следующим этапом корпусного исследования является установление корреляций в новостных статьях немецкоязычного ареала (рис. 3). Синим цветом обозначены исследуемые лексемы (*Impfung*, *Corona*, *Covid*), где *Impfung* является ключевой. Величина прямоугольников с лексическими единицами *Covid* и *Corona* обусловлена большей частотностью использования данных лексических единиц по сравнению с другими в статьях (например, количество единиц с *Covid* заметно больше). Насыщенность оранжевого цвета применяется для обозначения слов, которые чаще всего используются с *Impfung* (например, *Monate*, *Menschen* и *Schutz*). Толщина соединительных линий демонстрирует частоту корреляций между искомой лексической единицей и другими словами в новостных статьях. Так, в швейцарском медиадискурсе *Impfung* напрямую коррелирует с другими частотными лексическими единицами, такими как *Corona* и *Covid*. Интересным представляется взаимосвязь со словами *Monate*, *Menschen* и *Schutz*, которые используются для описания вакцинации как защиты от вируса или этапов вакцинации. Авторы статей, например, пишут о необходимости ревакцинации, т. е. постепенно в организме происходит снижение антител.

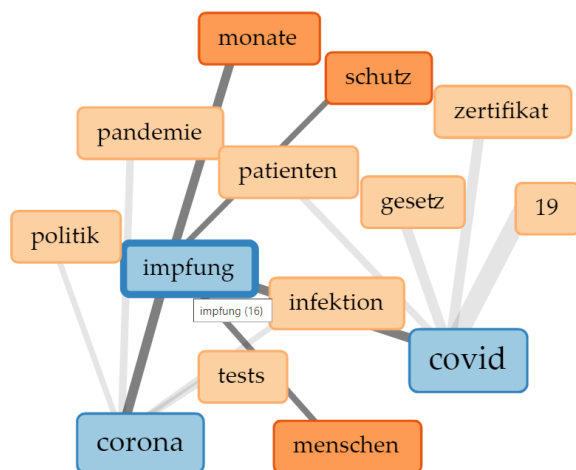

Рис. 3. Корреляции *Impfung* в швейцарской газете *Tages-Anzeiger*
Fig. 3. Correlations of *Impfung* in *Tages-Anzeiger*, Switzerland

В австрийской газете DS отмечается частое использование прилагательного *gut* для описания вакцины (59). С одной стороны, авторы статей задаются вопросом об эффективности вакцины (*Doch wie gut schützt die Impfung wirklich?*), с другой – при помощи данного прилагательного описывается положительное влияние вакцины (*Eine gut wirksame Schutzimpfung gegen Corona*). Вакцинация также взаимосвязана с существительным *Zusammenhang* при описании последствий для здоровья для вакцинировавшихся различных возрастных групп. Авторы статей подчеркивают временное действие вакцины, чтобы подготовить читателя к ревакцинации.

Корреляции в статьях немецкой газеты DZ отличаются, т. к. вакцинация является мерой по предотвращению распространения пандемии COVID-19. Лексические единицы *Menschen*, *Zahl*, *Corona* соотносятся с *Maßnahmen*, *Fälle*, *Neuinfektionen* и *bestätigen*, что формирует научный подход к актуальной общественной проблеме.

Итак, статистический анализ всех словоформ с **impf** позволяет заключить, что в 2021 г. тема вакцинации являлась самой актуальной в новостных статьях медийного дискурса Австрии, Германии и Швейцарии. Данный факт указывает на широкое и полное конструирование вакцинации как медиасобытия. При этом австрийский медиадискурс наиболее активно использует лексику, номинирующую вакцинацию, что составляет 50 % в сравнении с Германией и Швейцарией. Второе место по использованию анализируемой лексики занимает Швейцария (35 %). В медийном пространстве Германии данная лексика используется авторами статей реже всего и составляет 25 %. Использование лексемы *Impfung* в медийном пространстве Германии составляет 15 %,

в то время как в Австрии этот показатель составляет 53 %. В швейцарском медийном дискурсе также чаще используется данная лексема, чем в Германии, и составляет 32 %.

Одной из ключевых тем в конструировании вакцинации является обсуждение различных видов вакцин. В странах немецкоязычного ареала авторы статей пишут о Pfizer / BioNTech (США-Германия), Moderna (США), Janssen / Johnson&Johnson (Бельгия) и AstraZeneca (Великобритания-Швеция). Самой упоминаемой в немецкоязычном медийном пространстве вакциной является Pfizer / BioNTech, разработанная немецкой биотехнологической компанией BioNTech совместно с американской Pfizer и китайской Fosun Pharma. Авторы статей Швейцарии пишут в 44 % о данной вакцине. В газетном издании Германии вакцина упоминается 105 раз, что составляет 31 % и является средним показателем по немецкоязычному медиадискурсу. Репрезентация Pfizer / BioNTech в Австрии представлена не так активно, как в Германии и Швейцарии – 25 %. Другая широко обсуждаемая в медийном пространстве вакцина – AstraZeneca: в медийном дискурсе Германии – 65 %; Австрии и Швейцарии – по 18 % и 17 % соответственно. Последнее место среди всех описываемых вакцин в немецкоязычном пространстве занимает американская вакцина Moderna, о которой чаще всего пишут в Швейцарии (60 %), реже – в Австрии (25 %) и в Германии (15 %).

На основе проанализированных новостных статей о вакцинации было выявлено, что в медийном дискурсе немецкоязычного ареала тема вакцинации стала медиасобытием, которое широко и детально описывалось в течение всего 2021 г. Авторы статей описывают вакцины, их виды, процессы и этапы вакцинирования. Отдельно отмечается, что в газетных статьях затронуты все социальные и возрастные группы, что дает представление о широком обсуждении темы вакцинации в обществе.

Заключение

Тема вакцинации от COVID-19 вызвала широкое обсуждение в медийном пространстве немецкоязычных стран в 2021 г. Согласно проанализированным лексическим единицам, связанным с лексемой *Impfung*, в немецкоязычном медиадискурсе конструирование темы вакцинации осуществлялось при помощи использования языковых единиц со словоформой **impf**, а также лексических единиц, взаимосвязанных с вакцинированием – *Corona*, *Covid*, *Impfstoff*, *Prozent* и др. В результате корпусной диагностики были выявлены отличительные признаки конструирования вакцинации в странах немецкоязычного ареала.

Для медиадискурса Германии характерен социологический контекст обсуждения процесса вакцинирования, где в центре обсуждения темы вакцинирования находится человек и его отношение к данному процессу. В медиадискурсе Австрии и Швейцарии внимание читателей акцентируется на самой вакцинации от COVID-19, типах вакцин и необходимости высокого показателя коллективного иммунитета для всей страны (в Швейцарии) и для определенных групп общества, а также жителей Вены (в Австрии). Установлена корреляция между использованием медицинской терминологии и положительной характеристикой процесса вакцинирования. Данный факт позволяет утверждать, что уровень доверия к вакцинации от COVID-19 в странах немецкоязычного ареала конструируется с помощью активного использования авторами статей научной медицинской лексики (например, при обсуждении типов вакцин).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Ю. А. Лагажан – формальный анализ, исследование, методология, проверка, визуализация, написание первоначального варианта (59 %). А. В. Ленец – концептуализация, администрирование, надзор, проверка, написание и редактирование (41 %). **Contribution:** Yu. A. Lagazhan provided the formal analysis, research, methodology, verification, visualization, and the draft (59%). A. V. Lenets developed the research concept, supervised the research, and edited the manuscript (41%).

Литература / References

- Белопасов В. В., Журавлева Е. Н., Нугманова Н. П., Абдрашитова А. Т. Постковидные неврологические синдромы. *Клиническая практика*. 2021. Т. 12. № 2. С. 69–82. [Belopasov V. V., Zhuravleva E. N., Nugmanova N. P., Abdrashitova A. T. Post-COVID-19 neurological syndromes. *Journal of Clinical Practice*, 2021, 12(2): 69–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17816/clinpract71137>
- Кубарь О. И. Современные этические вызовы вакцинопрофилактики. *Этика вакцинации (критерий научного и гуманитарного прорыва)*, ред. О. И. Кубарь. СПб.: ФБУН НИИЭМ им. Пастера, 2018. С. 66–73. [Kubar O. I. Modern ethical challenges of vaccination. *Ethics of vaccination as the criteria of the scientific and humanistic approach*, ed. O. I. Kubar. St. Petersburg: Saint-Petersburg Pasteur Institute, 2018, 66–73. (In Russ.)]
- Ленец А. В., Зарипова А. Н. Лингвокультурный и прагматический аспекты использования терминов-реалий в медийных сообщениях о миграции (на материале медийного дискурса Германии и Австрии). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2018. Т. 8. № 4. С. 73–81. [Lenets A. V., Zaripova A. N. Linguoculture and pragmatics aspects of the use of culture-bound terms in mass media messages regarding migration (based on mass media discourse in Germany and Austria). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2018, 8(4): 73–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrznda>
- Ним Е. Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 4. С. 28–37. [Nim E. G. "Media events": A never-ending theory? *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2019, 25(4): 28–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6815>
- Простякова В. А. Газетный рынок Норвегии в период пандемии COVID-19. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11. № 1. С. 76–85. [Prostyakova V. A. Norwegian newspaper market during the COVID-19 pandemic. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2022, 11(1): 76–85. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).76-85](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).76-85)
- Реутов В. П. COVID-19: четыре возможных сценария развития пандемии. Разнообразие штаммов, влияющие на неврологические и ментальные расстройства у человека. *Евразийское Научное Объединение*. 2021. № 10-2. С. 117–153. [Reutov V. P. COVID-19: four possible pandemic scenarios. Varieties of strains affecting neurological and mental disorders in humans. *Evrasiiskoe nauchnoe obyedinenie*, 2021, (10-2): 117–153. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.5717304>
- Сергиенко Д. Ф., Кузьмин Е. А., Эмеева З. Ю., Косарева А. Р., Абдулаева П. М., Погосян К. А., Заплавный В. М. Вакцинация от COVID 19: предубеждения, предубеждения и истина. *Астраханский медицинский журнал*. 2022. Т. 17. № 2. С. 14–20. [Sergienko D. F., Kuzmin E. A., Emeeva Z. Y., Kosareva A. R., Abdulaeva P. M., Pogosyan K. A., Zaplavnyy V. M. Vaccination against COVID 19: prejudice, preconception and truth. *Astrakhan Medical Journal*, 2022, 17(2): 14–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48612/agmu/2022.17.2.14.20>

- Цонева Л. М. Особенности отображения вакцинации против коронавируса в медийном дискурсе. *Политическая лингвистика*, 2021. № 6. С. 37–45. [Coneva L. M. Specificity of presentation of vaccination against coronavirus in media discourse. *Political Linguistics*, 2021, (6): 37–45. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_04
- Anwar A., Malik M., Raees V., Anwar A. Role of mass media and public health communications in the COVID-19 pandemic. *Cureus*, 2020, 12(9). <https://doi.org/10.7759/cureus.10453>
- Baines A., Ittefaq M., Abwao M. #Scamdemic, #Plandemic, or #Scaredemic: What parler social media platform tells us about COVID-19 vaccine. *Vaccines*, 2021, 9(5). <https://doi.org/10.3390/vaccines9050421>
- Bozdağ F. The psychological effects of staying home due to the COVID-19 pandemic. *The Journal of General Psychology*, 2021, 148(3): 226–248. <https://doi.org/10.1080/00221309.2020.1867494>
- Chen C., Liu X., Yan D., Zhou Y., Ding Ch., Chen L., Lan L., Huang Ch., Jiang D., Zhang X., Guan Zh., Fu X., Du Y., Lin Yu., Zhu Ch., Wu J. W., Li L., Yang Sh. Global influenza vaccination rates and factors associated with influenza vaccination. *International Journal of Infectious Diseases*, 2022, 125: 153–163. <https://doi.org/10.1016/j.ijid.2022.10.038>
- Douglas M., Katikireddi S. V., Taulbut M., McKee M., McCartney G. Mitigating the wider health effects of covid-19 pandemic response. *BMJ*, 2020, 369. <https://doi.org/10.1136/bmj.m1557>
- Figueiredo S., Massano-Cardoso I. O impacto dos media no medo de contrair COVID-19. *Revista Portuguesa de Investigação Comportamental e Social*, 2021, 7(2): 89–102. <https://doi.org/10.31211/rpics.2021.7.2.225>
- Hwang T. J., Rabheru K., Peisah C., Reichman W., Ikeda M. Loneliness and social isolation during the COVID-19 pandemic. *International Psychogeriatrics*, 2020, 32(10): 1217–1220. <https://doi.org/10.1017/S1041610220000988>
- Klosa-Kückelhaus A. Ein Weg aus der Coronakrise: Das Impfen. Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. *Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS)*, 2021a. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_Impfen.pdf (accessed 20 Oct 2022).
- Klosa-Kückelhaus A. Über Corona sprechen: eine besondere Zeit und ihre Folgen. Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. *Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS)*, 2021b. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_Corona_FOLK.pdf (accessed 20 Oct 2022).
- Lapenkov D. S., Olejnik O. V. Neologisms in the language of German press. *Neophilology*, 2020, 6(21): 59–66. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-21-59-66>
- Lenets A. V., Lagazhan Yu. A. Pragmalinguistic potential of Covid-neologisms in the German media discourse of Germany, Austria and Switzerland. *Word, statement, and text in cognitive, pragmatic, and cultural aspects: XI Intern. Sci. Conf.*, Chelyabinsk, 7–9 Apr 2022. Chelyabinsk: ChelSU, 2022, pt. 1, 231–236. https://doi.org/10.47475/9785727118047_231
- Román-San-Miguel A., Sánchez-Gey Valenzuela N., Elías-Zambrano R. Las fake news durante el Estado de Alarma por COVID-19. Análisis desde el punto de vista político en la prensa española. *Revista Latina de Comunicación Social*, 2020, (78): 359–391. <https://doi.org/10.4185/RLCS-2020-1481>
- Trnka R., Lorencova R. Fear, anger, and media-induced trauma during the outbreak of COVID-19 in the Czech Republic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020, 12(5): 546–549. <https://doi.org/10.1037/tra0000675>
- Trout L. J., Kleinman A. Covid-19 Requires a Social Medicine Response. *Frontiers in Sociology*, 2020, 5. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.579991>
- Van Dorn A., Cooney R. E., Sabin M. L. COVID19 exacerbating inequalities in the US. *The Lancet*, 2020, 395(10232): 1243–1244. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30893-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30893-X)
- Wassler P., Talarico C. Sociocultural impacts of COVID-19: A social representations perspective. *Tourism Management Perspectives*, 2021, 38. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2021.100813>
- Wolfer S., Koplenig A., Michaelis F., Müller-Spitzer C. cOWIDplus Analyse: Wie sehr schränkt die Corona-Krise das Vokabular deutschsprachiger Online-Presse ein? OWIDplus. *Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS)*, 2020. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/mueller-spitzer_2.pdf (accessed 20 Oct 2022).
- Wormer H. German media and coronavirus: Exceptional communication – or just a catalyst for existing tendencies? *Media and Communication*, 2020, 8(2): 467–470. <https://doi.org/10.17645/mac.v8i2.3242>

© 2023. Шульгинов В. А., Алянский К. А.

Невежливые коммуникативные практики

оригинальная статья

Невежливые коммуникативные практики как инструмент создания сообществ в комментариях к спортивным новостям

Шульгинов Валерий Александрович

НИУ ВШЭ – Москва, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>

Scopus Author ID: 57215049020

vshulginov@hse.ru

Алянский Кирилл Алексеевич

НИУ ВШЭ – Москва, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0001-7283-0992>

Поступила в редакцию 13.04.2023. Принята после рецензирования 15.06.2023. Принята в печать 05.07.2023.

Аннотация: Описание конфликтных дискурсивных практик в онлайн-сообществах помогает выявить механизмы формирования языковых и социокультурных идеологий социальных групп, найти эффективные подходы к решению задачи по детоксификации текстов. В нашем исследовании анализируется околоспортивная коммуникация, характеризующаяся интердискурсивностью, наличием специфического сетевого этикета, отражением социальной и идеологической гетерогенности сообщества. Это позволяет рассмотреть типичные стратегии речевого поведения, направленные на создание угрозы социальному лицу чужого и захвата власти внутри сообщества. Материалом исследования послужил массив комментариев, собранный на портале Sports.ru, каждый пример был размечен по наличию / отсутствию речевой агрессии, после чего конфликтные комментарии маркированы одной или несколькими стратегиями. При разметке учитывалась общая интенция, заложенная в комментарий, и экспрессивная лексика, которая использовалась для характеристики адресата. На основе полученных данных представлено частотное распределение стратегий невежливости, которое показало стремление пользователей к захвату власти через личную характеристику оппонента (обычно это апелляция к возрасту, сарказм, гиперкорректное речевое поведение), а также атаку идентичности через пейоративные номинации команды. В результате выявлены различные стратегии образования номинаций, используемых в конфликтных ситуациях, определен набор социокультурных характеристик, позволяющих адресанту обозначить пользователя в качестве объекта атаки конфликтного речевого поведения.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, коммуникативные стратегии, сообщество практик, социальное лицо, социальные сети

Цитирование: Шульгинов В. А., Алянский К. А. Невежливые коммуникативные практики как инструмент создания сообществ в комментариях к спортивным новостям. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 481–490. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-481-490>

full article

Impolite Communication Practices as a Community-Building Tool in Sports News Comments

Valery A. Shulginov

HSE University – Moscow, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>

Scopus Author ID: 57215049020

vshulginov@hse.ru

Kirill A. Alyansky

HSE University – Moscow, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0001-7283-0992>

Received 13 Apr 2023. Accepted after peer review 15 Jun 2023. Accepted for publication 5 Jul 2023.

Abstract: Conflict discourse studies provide a valuable insight into linguistic and sociocultural ideologies of online communities. They also may offer effective approaches to linguistic detoxification. This research featured online communication of sport fans. Their discourse is interdiscursive, possesses a certain netiquette, and reflects the social and ideological diversity within the community. The authors explored common speech strategies aimed at threatening the social identity of outsiders or at the acquisition of power. The material involved an array of comments posted

on *Sports.ru*: each example was tested for speech aggression, and the conflict-marked comments were described from the strategy perspective. The sampling relied on the general intention and expressive vocabulary aimed at the addressee. The frequency distribution of impoliteness strategies revealed that users often tended to assert power through personal characterization of their opponents, e.g., agism, sarcasm, hypercorrect speech behavior, identity attacks via derogatory team nominations, etc. The analysis identified various conflict strategies employed to form derogatory nominations, as well as defined the socio-cultural characteristics that marked the addressee as a target of conflict-laden speech behavior.

Keywords: politeness, impoliteness, communication strategies, community of practice, social face, social networks

Citation: Shulginov V. A., Alyansky K. A. Impolite Communication Practices as a Community-Building Tool in Sports News Comments. *SibScript*, 2023, 25(4): 481–490. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-481-490>

Введение: принципы изучения (не)вежливой коммуникации

Исследования в области лингвистической вежливости направлены на то, чтобы выявить языковые механизмы, с помощью которых устанавливается дистанция в межличностном взаимодействии, а также формируется социальная иерархия в различных аспектах организации общества. В то же время существует достаточно социальный запрос на решение прикладной задачи разделения вежливого и невежливого речевого поведения, что находит отражение в исследованиях по автоматической детоксификации текстов [D'sa et al. 2020; Dementieva et al. 2021], что, на наш взгляд, возможно только в случае описания конфликтных дискурсов в различных социальных контекстах.

В традиционном понимании вежливость представляет собой систему межличностных отношений, направленных на облегчение взаимодействия путем снижения риска возможного конфликта и столкновения, которые присущи отношениям между людьми [Lakoff 1990: 34]. Эта система предупреждения столкновений была представлена П. Браун и С. Левинсоном в виде набора конкретных стратегий смягчающего речевого поведения, направленных на минимизацию угрозы социальному лицу, т. е. «позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контакте, как считают другие, некоторую линию поведения» [Гофман 2009: 18]. Таким образом, первые исследователи вежливости исходят из представления о рациональном «грайсовском» участнике коммуникативного взаимодействия, который придерживается принципа кооперации и использует оптимальные инструменты для достижения общей цели с собеседником. Продуктивность этого подхода подтверждается множеством исследований, построенных на его основе [Arundale 2006; Culpeper 1996; Eelen 2001; Naugh 2021; Jary 1998], но в то же время он имеет ряд ограничений, одним из которых (помимо его претензий

на универсальность) является отказ от анализа невежливой коммуникации как той, что находится за пределами рационального речевого поведения.

Между тем невежливое речевое поведение занимает существенную часть дискурса, что особенно ярко проявляется в сфере интернет-коммуникации. Конфликтный дискурс в интернет-пространстве оценивается исследователями как способ поиска общих коммуникативных норм и ценностей [Graham 2007], в качестве инструмента самопрезентации в «агрессивных тонах» в условиях массового интернет-общения [Речевая агрессия как свойство... 2011: 4]. Особенно ярко дискурсообразующая характеристика речевых конфликтов проявляется в формах интернет-коммуникации, построенных на конфликтных стратегиях, среди которых, наряду с шеймингом, О. В. Лутовинова выделяет «флейм, троллинг, холивар, хейтинг, кибербуллинг (кибермоббинг), киберсталкинг и грифинг» [Лутовинова 2022: 214]. В связи с этим более полным представляется дискурсивный подход к изучению коммуникации, в рамках которого вежливость и невежливость рассматриваются не как бинарное явление, а как непрерывный континуум (не)вежливости, включающий кооперативные и конфликтные стратегии речевого поведения. Этот подход позволяет рассматривать коммуникацию как *relational work*, под чем понимаются коммуникативные усилия, вложенные «в построение, поддержание, воспроизводство и трансформацию межличностных отношений между людьми, вовлеченными в общие социальные практики»¹ [Locher, Watts 2008: 96]. Этот подход приводит к трансформации представлений о том, какое речевое поведение оценивается в качестве вежливого. Как отмечает М. Теркурафи, ощущение вежливости возникает из-за «регулярных совместных возникновений определенных типов контекстов и определенных языковых выражений в качестве неоспоримых реализаций определенных действий» [Terkourafi 2005: 251].

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

При описании конфликтных речевых практик необходимо учитывать, что невежливость, обнаруживаемая в конкретных языковых формах, строго не закреплена за ними. Ряд исследователей отмечают зависимость интерпретации высказывания в качестве невежливого от ключевых параметров коммуникации: социокультурный контекст протекания общения [Culpeper et al. 2003], эффект, который оказывал оцениваемый речевой репертуар в исторической перспективе [Mills 2005], вклад, сделанный говорящим и слушающим в развитие коммуникации [Watts 2005]. Носителями ценностей и интерпретаций становятся сообщества практик, которые объединяют людей по совместному типу деятельности. По мнению П. Эккерта, конвенционализация смысла происходит вследствие того, что в процессе совместной деятельности участники непрерывно делятся опытом друг с другом: в результате формируется единая мировоззренческая позиция, которая находит отражение в том числе в общем представлении о том, что является (не)вежливой в данном социокультурном контексте [Eckert 2006].

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения дискурсивных практик в сообществах, участники которых оказываются регулярно включены в конфронтационное речевое поведение, что может определяться неоднородностью состава или столкновением идеологий. Таким образом, анализ конфликтной коммуникации становится инструментом в выявлении лингвистических и социокультурных характеристик социальных групп. Цель – описать конфликтные речевые практики, которые способствуют распространению ценностей среди участников онлайн-сообщества. В нашем исследовании представлено описание (не)вежливых речевых практик в комментариях к спортивным новостям. В основе спортивного дискурса лежит обсуждение соперничества между спортсменами и спортивными командами, которое распространяется и на поддерживающих их участников обсуждения. Гетерогенность сообщества, которое формируется вокруг интернет-ресурсов, посвященных спортивным новостям, позволяет рассмотреть конфликтные практики, общие для всех пользователей ресурса, а также принципы обозначения границ фанатских сообществ, взаимодействующих внутри общего дискурса. В этом случае невежливость может быть направлена на дискредитацию чужого на микроуровне, который при этом остается *своим* на уровне группы комментаторов данного ресурса. Мы рассмотрим общую специфику дискурса, типичные конфликтные стратегии и типичные номинации представителей других групп в ситуации конфронтации.

Методология сбора и описания данных

Комментарии представляют собой открыто или анонимно опубликованный короткий текст, рассуждение или замечание как реакцию на какое-либо сообщение в сети. В контексте нашего исследования функцию сообщения выполняют новости о спортивных событиях. Основными признаками комментариев в интернет-коммуникации являются конвергенция устной и письменной речи, их интеракционный характер (комментарий всегда является либо реакцией на предыдущую публикацию, либо сам становится предметом обсуждения), высокая степень социальности (дискурсивные практики в комментариях отражают ценности того сообщества, в котором он опубликован) [Горошко, Землякова 2011].

Важным стимулом применения конфликтных речевых стратегий становится природа сетевых сообществ, в которой протекает коммуникация. Л. Милрой использует анализ социальных сетей для понимания влияния социальных связей различного типа на использование языка и его изменения с течением времени [Milroy 1987; 2002]. Согласно этому подходу, человек может быть участником многочисленных сетей одновременно или последовательно в течение своей жизни. В ситуации обсуждения спортивных новостей онлайн-сообщество представляет собой эмерджентную социальную сеть, характеризующуюся спонтанностью возникновения. Участники такого типа сообщества оказываются вовлечены в процесс захвата и утверждения власти над собеседниками, что проявляется в трансляции ценностей и принципа организации социальных структур, сформированных в рамках их постоянных латентных социальных сетей [Watts 2003: 154].

На этапе сбора информации методом сплошной выборки были выделены конфликтные треды [Тиллабаева, Шульгинов 2020: 47], представляющие цепочки комментариев с различной динамикой развития конфликта, из которых был сформирован массив, включающий 1819 единиц текстового материала в жанре пользовательского комментария. В выборку вошли комментарии, которые были размещены пользователями сайта Sports.ru под новостями, опубликованными в разделе Футбол² в период с 01.01.2022 по 15.03.2022. Каждой единице текста был присвоен статус конфликтного или неконфликтного комментария в зависимости от исследовательской оценки содержания текста и контекста, в котором он был опубликован. В результате данной процедуры в качестве конфликтных были определены 545 единиц текста, которые в итоге составили материал

² Sports.ru. URL: <https://www.sports.ru/football/> (accessed 10 Mar 2023).

текущего исследования. В дальнейшем описании материала мы опирались на набор стратегий невежливого речевого поведения, который включает в себя:

- стратегию прямой невежливости (*bold-on-record impoliteness*);
- суперстратегию позитивной невежливости (*positive impoliteness*);
- суперстратегию негативной невежливости (*negative impoliteness*);
- сарказм или притворную вежливость (*impoliteness meta-strategy: sarcasm or mock politeness*);
- отказ от вежливости (*withhold politeness*) [Culpeper 1996: 356].

В рамках этой классификации представлено типологическое разделение невежливости на позитивную (направленную на то, чтобы нанести ущерб позитивному лицу адресата, которое включает желание нравиться, быть положительно оцененным и одобренным собеседником) и негативную (направленную на то, чтобы нанести ущерб негативному лицу адресата, его желание быть свободным в своих действиях) [Brown, Levinson 1987: 104].

При анализе необходимо учитывать тесную связь личного и публичного в ситуации интернет-общения: определенные негативные последствия для индивида несут за собой и такие же последствия для всей группы, с которой он ассоциируется [Nwoye 1992]. В связи с этим мы обращаем внимание на лицо социальной идентичности, отображающее и отстаивающее ценности, которые поддерживаются индивидом в рамках социальных или групповых ролей [Spencer-Oatey 2007]. Интенция, выраженная в конфликтном комментарии, может быть одновременно направлена на социальное (групповое) лицо реципиента или третьего лица при помощи сразу нескольких стратегий невежливости.

Результаты

Общая характеристика невежливых речевых практик в ситуации коммуникации в комментариях к спортивным новостям

Изучаемое нами сообщество характеризуется гендерной однородностью пользователей, что отражается в дискурсивной характеристике данных. Анализ пользовательских профилей позволяет установить, что среди пользователей, чьи комментарии вошли в выборку, 94 % идентифицируют себя как мужчины, менее 1 % составляют женщины. При этом описание результатов спортивных событий зачастую сопровождается использованием сниженной и инвективной лексики, относящейся к описанию сексуального контакта и скатологической тематике («телесный низ»). По мнению

В. Жельвиса, такое использование сквернословия в гендерно однородных, преимущественно мужских сообществах является средством социального доминирования, где инвектива становится средством управления *сверху вниз* [Жельвис 2022: 59]. Таким образом, в основе конфликтного дискурса лежат, в первую очередь, стратегии негативной вежливости, направленные на захват власти:

- **Изнасиловали, можно так сказать. Для мадрида это привычный счёт, что в мужском, что в женском футболе, если соперник Барса**³.

Зачастую такие метафоры используются в качестве элементов подтрунивания: *чувак, уважуха, такой каминг аут....* (в ответ на сообщение, представляющее высмеивание цитаты героя новостной статьи). В то же время конфликтные комментарии характеризуются использованием приема эвфемизации, что объясняется пунктом о запрете использования нецензурной лексики в пользовательском соглашении сайта. В единичных случаях нарушения этого запрета комментарий удаляется, а профиль автора временно блокируют. В связи с этим пользователи прибегают к различным способам эвфемизации лексики:

1. Графическая эвфемизация в виде замены букв иными символами в обценных или грубых словах: *Ты бы тут написал, все что имело в виду. Или засс...?; выучи матчасть что бы не выглядеть ду...ком; какие же вы все там дол...тые; так что не так страшны геи как эцсамы... эдораствы которые.*

2. Лексическая эвфемизация: *Неа, он не гей. Он лидер на букву П; Звездоболы питерские.*

Стремление к обозначению статуса проявляется не только в демонстративном нарушении коммуникативных норм, но и, наоборот, в стремлении к гиперкорректности. Стремясь возвыситься над оппонентом, пользователь осознанно выбирает лексику высокого регистра (в отличие от разговорной или стандартной лексики исходного комментария) и более сложные синтаксические конструкции: *дискутировать с тобой, практически ничего не знающего и не понимающего в футболе, мягко сказано смешно; Да, еще долгая работа, по искоренению таких как ты любителей каяться и навешивать ярлыки на всё общество, из-за одного эпизода явно провакативного.* Иногда гиперкорректное речевое поведение проявляется в использовании подчеркнуто вежливых этикетных формул, что не соответствует общему содержанию высказывания: *Это Ваше право. Еще один важный источник, сродни тем, что Вы доверяете, это надписи на заборах.*

Еще одна специфическая особенность коммуникации в комментариях к спортивным новостям – ее принципиальная интердискурсивность [Зильберт 2001;

³ Здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранены.

Пантеева 2020], которая проявляется в экстраполяции спортивных соревнований на исторические и политические столкновения:

- *Восстанавливали страну заключённые, цены только росли, карточки и талоны были вплоть до 90-х годов. Сам ты смешной, ничего ты не видел, слепец.*
- *Саудиты бомбили Йемен, а их спортсмены не лишились допуска... а.. пардоне, это ж другое. 1999 год, зверская бомбежка Югославии. США не исключен из олимпийской семьи.*

Таким образом, конфликты в комментариях к спортивным новостям характеризуются установкой на негативную невежливость, что проявляется как в использовании специфической обценной лексики, так и стремлением к выбору подчеркнуто вежливых форм и в усложнении структур комментария. Идеологические столкновения происходят сразу в двух плоскостях – фанатские сообщества различных команд, представленные непосредственными пользователями ресурса, а также оценка исторических и политических решений, основные акторы которых находятся вне дискурса.

Стратегии невежливой коммуникации

Рассмотрим принципы реализации типичных стратегий невежливых коммуникативных практик в комментариях к спортивным новостям.

1. Стратегия прямой невежливости

Данная стратегия используется в комментариях, выражающих несогласие с другим участником сообщества в экспрессивной уничижительной манере. При этом используется явный маркер невежливости, который обычно применяется для номинации адресата: *ты и он мудаки*; *а, так это тик токеры, они ж дэбиль*.

Пользователи довольно редко прибегают к стратегии прямой невежливости (всего 3,1 % от данных), что объясняется рядом причин: во-первых, выбор осторожных стратегий вызван соблюдением пользовательского соглашения, ограничивающего потенциальные способы атаки социального лица собеседника; во-вторых, безапелляционный ответ может спровоцировать ответную грубость и привести к затяжному конфликту. Адресант стремится смягчить степень вреда для реципиента и избежать потенциального ответного ущерба собственному социальному лицу. В связи с этим наибольшее распространение получают позитивные и негативные стратегии невежливости.

2. Суперстратегия позитивной невежливости

Широкое распространение угрожающих позитивному социальному лицу адресата актов (34,3 % от всех случаев) можно объяснить прагматическими целями адресантов: они стремятся отделить оппонента от сообщества, присвоив тому статус чужого, отвергнуть его

аргументы, спровоцировать на обсуждение какой-либо неприятной для противника темы.

В нашем материале распространены случаи атаки позитивного лица при помощи использования оскорблений и диминутивов: оппоненту присваивается номинация в виде инвективной лексемы (иногда окказиональной), целью использования которой является унижение достоинства:

- *Кого бояться? Ты о чем, ногошлёп?*
- *О цорнофан вылез, да еще с глюками, как обычно (окказионализм, указывающий на болельщика футбольного клуба «Спартак» (Москва), поддерживающего деятельность бывшего генерального директора клуба Т. Цорна).*

Еще одной часто используемой стратегией позитивной невежливости является исключение собеседника из своей социальной группы. Адресант присваивает реципиенту пейоративную номинацию, которая характеризует его как участника другого (враждебного) сообщества:

- *...удачи, учи матчасть и тусуйся на стороне с таким же...;*
- *Все с совкофилами ясно.*

Как показывают данные примеры, выключение из группы может предполагать не только командную отнесенность, но и историко-политический контекст.

Угроза положительному представлению о себе и своей ценности может происходить с помощью давления на точки расхождения мнений в чувствительных для собеседника темах разговора. В качестве таких тем могут выступать спортивные события прошлого, например матчи команд, считающихся непримиримыми соперниками, т. н. дерби:

- *Иди воды попей, а то память как у гупии рыбки, и напиши в зенит пусть на майках напишут 2000 год, а то за остальное сильно стыдно, когда болельщики об этом узнают что было с их командой все 90 лет существования... (автор комментария намекает на спорный эпизод в истории футбольного клуба «Зенит» (Санкт-Петербург), указывая год, когда его руководство приняло решение считать датой основания клуба 1925 г. вместо 1930 или 1936 г.).*

Основными аспектами атаки положительного лица становятся непосредственная уничижительная номинация оппонента, выключение из группы своих, мировоззренческие и идеологические представления оппонента.

3. Суперстратегия негативной невежливости

Стратегии негативной вежливости являются наиболее распространенными в комментариях к спортивным новостям (39,6 % от всего объема описываемых данных). Они проявляются в высмеивании оппонента или приведенных им аргументов, разрушении статуса

оппонента, вторжение в личное пространство, в том числе апелляции к характеристикам социальной идентичности адресата.

Широкое распространение получила стратегия проявления снисходительного отношения, презрения или высмеивания, при которой демонстрируется относительная власть над собеседником, принижается его роль и значимость. Используя эту стратегию, пользователи часто ссылаются на возраст адресата, причем такое явление отмечено не только со стороны старшего по возрасту в отношении младшего, но и в обратном направлении. При этом может высказываться мнение о некомпетентности оппонента из-за его низкого уровня знаний в определенной сфере:

- *Ты такой наивный, сынок!!!*;
- *Школьник, ты статью-то читал, данные смотрел? Готов поспорить что нет: Короче, троечник, уроки не забудь на завтра сделать, а то родителей в школу вызовут.*

Еще одним объектом унижения или высмеивания становится спортивная команда или спортсмен, в поддержку которых был опубликован предшествующий комментарий. В некоторых случаях отрицательное отношение артикулируется при помощи намеренного искажения орфографии в названии клуба или других связанных с ним слов:

- *У всех команд при СССР были равные условия, а спартак имея из международных титулов **капа дель соль «ВЯЛИКИЙ КЛУБ»**...*;
- *...вот вылететь спартакчу в 1976 году, это надо было постараться. наверно бухали по чёрному всей компашкой.*

Другой распространенной стратегией является эксплицитное присваивание собеседнику негативных характеристик, апелляции к личности в контексте ограничения прав на свободу действий:

- *Ты щас сам начинаешь очередную нездоровую канитель. Смотри на себя, стих ли ты сам;*
- *Пояснить сможешь или твоя стезя просто бездумно повторять за всеми модные мысли?*

В некоторых случаях атака негативного лица адресата реализуется в форме физических или моральных угроз. Так, адресант комментария при помощи стратегии запугивания или внушения собеседнику страха пытается указать на несостоятельность идей и мыслей, высказанных в предшествующем комментарии:

- *Принудительно вылечим тебя;*
- *приедь сюда и скажи.*

Также распространена стратегия игнорирования или пренебрежения присутствием собеседника. Это проявляется в демонстрации отсутствия интереса к собеседнику, в активном исключении его из коммуникации:

- *Если нечего ответить, так и молчали бы, не позорились;*
- *Больше нечего сказать, чудаки.*

Характерны случаи, когда неприятие личных позиций приводит к обоюдному прекращению диалога, при котором обе стороны демонстрируют желание сохранить свои первоначальные позиции в споре:

- (Пользователь 1) *Думаю не о чем говорить нам с вами*

- (Пользователь 2) *Согласен, я предпочитаю дискутировать с людьми со своим мнением, а не предпочитающими стадное чувство и вещающих клише на всех думающих как-то иначе.*

Таким образом, стратегии негативной (не)вежливости представляют собой достаточно вариативное речевое поведение, которое, с одной стороны, представляет собой инструмент выстраивания асимметричных статусных отношений, а с другой – граничит со стратегиями выхода из коммуникации (или исключения из коммуникации своего оппонента).

4. Сарказм или притворная вежливость

Одной из характерных особенностей интернет-дискурса является распространение речевой игры, что приводит к широкому использованию стратегии, связанной с непрямым выражением агрессии. Притворная вежливость часто сочетается с негативной стратегией высмеивания и выступает в качестве средства выражения неприятия чужого мнения. Маркеры такой стратегии – личное местоимение *вы* (в том числе написанное с заглавной буквы) и другие лексические средства выражения вежливости, но в данном случае с их помощью имплицитруется противоположное значение:

- *Огромное уважение от болельщиков зенита* (под комментарием с текстом о поддержке ЛГБТ-сообщества в спорте);
- *да у вас действительность виртуальная, культотрый ты наш...*
- *Ну вы там как, с калькулятором то подружились. 120 млн евро потерянные наши?*
- *Это Ваше право. Еще один важный источник, сродни тем, что **Вы** доверяете, это надписи на заборах.*

Языковая игра как характеристика интернет-дискурса, распространенность в среде спортивных болельщиков такой стратегии вежливости, как подтрунивание, сопутствуют использованию сарказма. При этом высказывания, имплицитующие агрессию в саркастической форме, могут быть восприняты реципиентом как открытая агрессия:

- *Когда такое было? Человек из «Янг Бойз» идёт на понижение* (под комментарием о переходе футболиста из швейцарского футбольного клуба «Янг Бойз» в московский «Спартак»).

Типы номинаций чужого в ситуации невежливой коммуникации

Выключение оппонента из дискурса является рас пространенной стратегией конфликтных практик в интернет-коммуникации. Она сопровождается использованием номинаций адресата, который обозначается как представитель внешней (часто враждебной) группы. Объектом конфликтного высказывания могут стать и участники сообщества (болельщики команды-соперника, пользователи с противоположными личными взглядами), и известные личности (акторы), упомянутые в статье, или даже сторонние акторы, которые воспринимаются в качестве символа сообщества, но в тексте статьи не указаны. В невежливом высказывании в адрес пользователя, который выражает поддержку соперничающей команде или спортсмену, распространены несколько воспроизводящихся практик присваивания номинаций. Пользователь может использовать номинации, которые основаны на имени собственном, являющимся названием команды или именем спортсмена, и содержат признаки намеренного нарушения орфографии. Например, 7партак используется в адрес болельщиков клуба «Спартак» (Москва) с намеком на поражение команды от санкт-петербургского «Зенита» со счетом 1:7, *Спаптак*, *Спам* – образованные при помощи контаминации названия клуба «Спартак» и города Москвы, *зинит*, *Зинитка*, *Барка*, *среал*. Иногда номинации образуются от прозвищ команды или спортсмена (*свинорылые*), цветов спортивного клуба (*голубой середняк*), его спонсоров или владельцев (*газпромовская содержанка*).

В некоторых случаях в качестве номинаций используются лексемы, основанные на топониме, официально устоявшемся или народном катойкониме или этнониме, связанном с городом или страной, которую представляет команда или спортсмен. При этом используются имеющие отрицательную коннотацию лексемы (*масквабад*, *Московия*). Также существуют случаи намеренного нарушения орфографии (*Петербурх*).

Еще одним способом формирования номинаций в отношении лица, поддерживающего соперничающую команду или спортсмена, является апелляция к истории, прошлым неудачам и достижениям спортивной команды или спортсмена: *Кона дель Соль* – товарищеский кубок, проводившийся в межсезонный период в Испании, единственный турнир, победителем которого стал футбольный клуб «Спартак» (Москва) в период 2004–2017 гг.; *пыльная недочашка* – в отношении выигрыша футбольным клубом «Зенит» (Санкт-Петербург) в 2008 г. Кубка УЕФА, второго по статусу турнира среди европейских профессиональных футбольных клубов.

В некоторых случаях проводится сравнение между достижениями поддерживаемой команды и командой оппонента, что сопровождается обозначением превосходства первой. Оно подкрепляется присваиванием уничижающих номинаций, таких как *полуклуб*, *посмешище*, *команда из ЛЕ* (Лига Европы УЕФА, второй по статусу европейский турнир для профессиональных клубных команд; употребляется в речи болельщиков клубов, играющих в Лиге Чемпионов УЕФА, главном европейском турнире).

Зачастую номинации пользователей, поддерживающих спортсменов-оппонентов, дегуманизируют соперника, отказывают ему в самостоятельности мышления и деятельности: *секта*, *сектанты* – в адрес болельщиков футбольного клуба «Спартак» (Москва), *газпромовский выкормыш*, *стадо спартачей*.

Для выражения несогласия с личной позицией участника сообщества используется ряд номинаций, дискредитирующих социальную идентичность пользователя:

- 1) номинации, связанные с предполагаемой политической позицией оппонента, отличающейся от политической позиции автора комментария; используются распространенные в русскоязычном сегменте сети инвективы, затрагивающие активный политический дискурс (*гозмань*, *дуди*, *руссофобы*, *совкофилы*, *скрепоносцы*);
- 2) номинации и импликатуры, призванные дегуманизировать оппонента, указать на стороннее влияние на оппонента и его личностную позицию, несамостоятельность принятия им решений (*бот*, *зомбоящер*, *стадо*, *работать по методичке*, *жертва пропаганды*);
- 3) номинации, призванные показать низкие моральные качества оппонента, в том числе в качестве болельщика (*глот* – сокращенное от *глотрихантер*, непостоянный болельщик, поддерживающий того спортсмена, который выигрывает в соревнованиях в данный момент времени; *диванный эксперт*, *кузьма* – пренебрежительное название для болельщика, не принимающего активное участие в деятельности фанатских организаций);
- 4) номинации и побуждения, призванные указать на возраст оппонента, при этом направленные от старших по возрасту пользователей к младшим (*детёныш*, *школьник*) или от младших к старшим (*старикашка*, *выпей таблетки*, *шли бы внуков нянчить*, *дедушка*);
- 5) эксплицитно выраженные инвективные номинации (*дурак*, *дебил*, *мудень*, *козлина*).

При попытке атаковать социальное лицо упомянутого в новостной статье актора в материалах исследования распространены высказывания, имплицитные чрезмерное употребление алкоголя (*закусывать надо, ну ты закусывай, бухать надо меньше*), отсутствие или спорность аргументации (*набрасывает на вентилятор, работает по методичке*), а также сексуализация адресата (*комментарий из-под руля, дешевая проститутка с Савеловского вокзала*).

При оскорблении группы или отдельного лица, не указанного в предыдущих текстах, используются прямые инвективы. Пассивные участники коммуникации стремятся участвовать в подобных дискуссиях чаще, чем в тех, где совершается атака на социальное лицо другого пользователя. Объектами атаки могут быть спортсмены (К. Роналду, Л. Месси), политические деятели (Б. Ельцин, российская несистемная оппозиция), другие пользователи сайта (*Я так понимаю ты про всяких Курчей, Витнятов и прочих Tybalt, которые тут на ветках пасутся*) и социальные группы (феминистки, гомосексуалы, граждане других государств).

Заключение

Невежливое речевое поведение регулярно воспроизводится в ситуации обсуждения спортивных новостей и становится частью коммуникативной нормы для этого типа дискурса, что определяется как спецификой сообщества эмерджентного типа, предполагающего выработку иерархии и коммуникативных норм в процессе непосредственного взаимодействия, так и особенностями спортивного дискурса, характеристиками которого являются интердискурсивность, эмоциональность и соперничество между его участниками. Фактически сообщество, образованное вокруг портала Sports.ru, оказывается гетерогенно по своей структуре и представляет совокупность микрообществ, противопоставленных друг другу ценностно и идеологически.

Наш материал показал, что в коммуникации в комментариях к спортивным новостям превалирует суперстратегия негативной вежливости, направленная на захват власти и ограничение свободы оппонента. Широкое распространение получила стратегия проявления снисходительного отношения, презрения или высмеивания, при которой демонстрируется относительная власть над собеседником, принижается его роль и значимость. При этом пользователи зачастую апеллируют к возрасту адресата, причем такое явление отмечено не только со стороны старшего по возрасту в отношении младшего, но и в обратном направлении. В качестве периферии мы выделяем способы захвата

власти вне ярко выраженного невежливого дискурса, в том числе с помощью сарказма или гиперкорректного речевого поведения, которое отражается в использовании подчеркнуто вежливых этикетных формул, специфической лексики и сложных синтаксических конструкций.

Суперстратегия позитивной вежливости направлена на нанесение ущерба самооценке адресата, что достигается не столько с помощью прямых оскорблений, сколько с использованием пейоративных номинаций, характеризующих оппонента как представителя враждебной группы. Это может быть искаженное название клуба или его символа, искаженное написание катонима или этнонима, а также отсылка к широкому идеологическому контексту. Таким образом, невежливое речевое поведение оказывается институционально направлено, что проявляется и в том, что в качестве объекта невежливости могут выступать не только участники обсуждения, но и известные спортсмены и политики.

В качестве перспективы исследования можно обозначить выработку подходов к описанию структуры сообществ в социальных сетях как сложных гетерогенных образований со своей внутренней иерархией. Использование невежливого дискурса в интернет-коммуникации является следствием более сложных социологических процессов, в основе которых лежит не только столкновение сообществ, но и отношения пересечения и вложенности между ними.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. А. Шульгинов – формирование концепции исследования, написание реферативного обзора по проблеме исследования, верификация данных, написание текста статьи.

К. А. Алянский – сбор и анализ данных, описание материала, анализ и интерпретация результатов, написание текста статьи.

Contribution: V. A. Shulginov developed the research concept, wrote the review, verified the data, and wrote the manuscript.

K. A. Alyansky collected and analyzed the data, described the material, interpreted the results, and wrote the manuscript.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00238 «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе». <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Funding: The research was supported by the Russian Research Foundation, Project No. 23-18-00238: Linguistic mechanisms of social interaction: the category of politeness in the dictionary and discourse. <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

Литература / References

- Горошко Е. И., Землякова Е. А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. 2011. Т. 24. № 1-1. С. 225–237. [Goroshko E. I., Zemlyakova E. A. Virtual genre studies: formation of the theoretical paradigm. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serii: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*, 2011, 24(1-1): 225–237. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhuxiz>
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с. [Goffman E. *Interaction ritual: Essays in face-to-face behavior*. Moscow: Smysl, 2009, 319. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxzunr>
- Жельвис В. И. Матерятся все?! Роль брани в истории мировой цивилизации. М.: АСТ, 2022. 220 с. [Zhelvis V. I. *Is it true that everyone swears? The Role of Swearing in the History of World Civilization*. Moscow: AST, 2022, 220. (In Russ.)]
- Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности). *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 103–112. [Zilbert A. B. Sports discourse: points of intersection with other discourses: intertextuality issues. *Language, consciousness, communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKSPress, 2001, iss. 19, 103–112. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ubldrr>
- Лутовинова О. В. Шейминг как речевой жанр. *Жанры речи*. 2022. Т. 17. № 3. С. 212–219. [Lutovinova O. V. Shaming as a speech genre. *Zanry Reci*, 2022, 17(3): 212–219. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
- Пантеева К. В. Интердискурсивность и особенности ее проявления в спортивном дискурсе. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2020. Т. 39. № 2. С. 289–298. [Panteeva K. V. Interdiscursivity and its peculiarities in sports discourse. *Issues in Journalism, Educational, Linguistics*, 2020, 39(2): 289–298. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-2-289-298>
- Речевая агрессия как свойство информационного пространства, под ред. М. В. Загидуллиной. Челябинск: ЧелГУ, 2011. 211 с. [Speech aggression as a property of information space, ed. Zagidullina M. V. Chelyabinsk: ChelSU, 2011, 211. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyduub>
- Тиллабаева А. А., Шульгинов В. А. Речевое поведение интернет-пользователей в ситуации конфронтационного общения. *Слово.ру: балтийский акцент*. 2020. Т. 11. № 4. С. 45–57. [Tillabaeva A. A., Shulginov V. A. Speech behavior of Internet users in conflict communication. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2020, 11(4): 45–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-4-4>
- Arundale R. B. Face as relational and interactional: A communication framework for research on face, facework, and politeness. *Journal of Politeness Research*, 2006, 2(2): 193–216. <https://doi.org/10.1515/PR.2006.011>
- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 345.
- Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics*, 1996, 25(3): 349–367. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00014-3](https://doi.org/10.1016/0378-2166(95)00014-3)
- Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A. Impoliteness revisited: with special reference to dynamic and prosodic aspects. *Journal of Pragmatics*, 2003, 35(10–11): 1545–1579. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00118-2](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00118-2)
- D'Sa A. G., Illina I., Fohr D. Towards non-toxic landscapes: Automatic toxic comment detection using DNN. *Proceedings of the Second Workshop on Trolling, Aggression and Cyberbullying*. 2020, 21–25. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1911.08395>
- Dementieva D., Moskovskiy D., Logacheva V., Dale D., Kozlova O., Semenov N., Panchenko A. Methods for detoxification of texts for the Russian language. *Multimodal Technologies and Interaction*, 2021, 5(9). <https://doi.org/10.3390/mti5090054>
- Eelen G. *A critique of politeness theories*. Manchester: St Jerome Publishing, 2001, vol. 1, 281. <https://doi.org/10.4324/9781315760179>
- Eckert P. Communities of practice. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006, 683–685.
- Graham S. L. Disagreeing to agree: conflict, (im)politeness and identity in a computer-mediated community. *Journal of Pragmatics*, 2007, 39(4): 742–759. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.11.017>
- Haugh M. Discourse and politeness. *The Bloomsbury handbook of discourse analysis*, eds. Hyland K., Paltridge B., Wong L. 2nd ed. Bloomsbury Academic, 2021, 219–232.

- Jary M. Relevance theory and the communication of politeness. *Journal of Pragmatics*, 1998, 30(1): 1–19. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(98\)80005-2](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)80005-2)
- Lakoff R. T. *Talking power: The politics of language in our lives*. NY: Basic Books, 1990, XII+324.
- Locher M. A., Watts R. J. Relational work and impoliteness: negotiating norms of linguistic behaviour. *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008, 77–99. <https://doi.org/10.1515/9783110208344.2.77>
- Mills S. Gender and impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 2005, 1(2): 263–280. <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.263>
- Milroy L. *Language and social networks*. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1987, 218.
- Milroy L. Social networks. *The Handbook of Language Variation and Change*, ed. Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N. Oxford: Blackwell, 2002, 549–572.
- Nwoye O. G. Linguistic politeness and socio-cultural variations of the notion of face. *Journal of Pragmatics*, 1992, 18(4): 309–328. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90092-P](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90092-P)
- Spencer-Oatey H. Theories of identity and the analysis of face. *Journal of Pragmatics*, 2007, 39(4): 639–656. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.12.004>
- Terkourafi M. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2005, 1(2): 237–262. <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.237>
- Watts R. J. Linguistic politeness research: Quo vadis? *Politeness in Language: Studies in History, Theory and Practice*, eds. Watts R., Ide S., Ehlich K. 2nd ed. NY: Mouton de Gruyter, 2005, 11–47.
- Watts R. J. *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 304. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615184>

© 2023. Иконникова О. Н., Калинин С. С.

Генезис лексических суффиксов

оригинальная статья

Генезис лексических суффиксов в языках салишской семьи

Иконникова Ольга Николаевна

Таганрогский институт управления и экономики,

Россия, Таганрог

<https://orcid.org/0000-0001-5075-9988>

Калинин Степан Сергеевич

Международный славянский институт, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9655>

Scopus Author ID: 57206675409

rage_of_gods@inbox.ru

Поступила в редакцию 04.04.2023. Принята после рецензирования 05.06.2023. Принята в печать 19.06.2023.

Аннотация: Лексическая суффиксация является одной из характерологических черт салишской языковой семьи. Лексические суффиксы представляют собой закрытый класс связанных морфем, выражающих разнообразные значения: соматические, локативные, явления природы, предметы, изготовленные человеком, наименования растений и ягод (фитонимы). Большая часть лексических суффиксов салишских языков представляют собой субстантивы. При этом данные суффиксы в большинстве случаев не соотносятся со свободными формами субстантивов ни синхронически, ни диахронически. Авторам представляется важной проблема происхождения и дальнейшего развития лексических суффиксов, которая в настоящее время не имеет однозначного решения. В статье на основании анализа синхронного и диахронного материала выдвигается альтернативная гипотеза возникновения лексических суффиксов посредством сжатия изначально зависимой предикативной конструкции до связанной морфологической формы по модели: зависимая предикация / номинализированный предикат → словосложение / инкорпорация → лексический суффикс (связанная форма). Следовательно, можно предполагать, что в основе синхронных салишских субстантивов диахронически лежат глагольные основы и, соответственно, семантика процессуальности. Таким образом, исследование происхождения и развития лексических суффиксов салишских языков помогает уточнить лингвистические представления о происхождении различных частей речи и о границе между ними, в частности о границе между субстантивами и глаголами.

Ключевые слова: части речи, лексический аффикс, лексический суффикс, происхождение лексических суффиксов, коннектив, номинализированный предикат, лексикализация, инкорпорация, салишские языки

Цитирование: Иконникова О. Н., Калинин С. С. Генезис лексических суффиксов в языках салишской семьи. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 491–499. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-491-499>

full article

Origin of Lexical Suffixes in the Salish Languages

Olga N. Ikonnikova

Taganrog Institute of Management and Economics,

Russia, Taganrog

<https://orcid.org/0000-0001-5075-9988>

Stepan S. Kalinin

International Slavic Institute, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9655>

Scopus Author ID: 57206675409

rage_of_gods@inbox.ru

Received 4 Apr 2023. Accepted after peer review 5 Jun 2023. Accepted for publication 19 Jun 2023.

Abstract: Lexical suffixation is an essential feature of the Salish language family. Such suffixes form closed classes of morphemes that express various types of meaning, e.g., somatisms, locatives, natural phenomena, artefacts, phytonyms, etc. Most Salish lexical suffixes are of substantive nature. However, they hardly ever correspond with free forms of substantives, be it synchronically or diachronically. The authors reviewed a number of theories concerning the origin and development of the Salish lexical suffixes. Based on the synchronic and diachronic analysis, they put forward the following hypothesis of the origin of the Salish lexical suffixes. The suffixes started as a dependent predicative construction, eventually compressed into a morphologically-coherent model according to the following evolution scheme: dependent predication / nominalized predicate → compounding / incorporation → lexical suffix (bound morpheme). Thus, the synchronous Salish substantives are diachronically based on verbal stems with their process semantics. The study adds to the linguistic understanding of the origin of various parts of speech and the borders between substantives and verbs.

Keywords: parts of speech, lexical affix, lexical suffix, origin of lexical suffixes, connective, nominal predicate, lexicalization, incorporation, Salish languages

Citation: Ikonnikova O. N., Kalinin S. S. Origin of Lexical Suffixes in the Salish Languages. *SibScript*, 2023, 25(4): 491–499. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-491-499>

Введение

Салишские языки представляют собой семью индейских языков, распространенную на северо-западе США и юго-западе Канады, которая в настоящее время находится на грани исчезновения. Языки бесписьменные, устойчивого наддиалектного варианта не имеют.

Салишские языки являются полисинтетическими. По типологии Й. Маттиссен, представленной в исследовании [Mattissen 2017: 72–73], их можно отнести к классу аффиксационных полисинтетических языков. Для этой разновидности полисинтетизма характерны слабая частеречная дифференциация, наличие морфем с диффузной семантикой, а также использование многочисленных лексических аффиксов (далее – ЛА) для передачи лексической и лексико-грамматической семантики.

Использование лексических суффиксов для выражения субстантивных значений может считаться одной из типологических особенностей этих языков (см., например, подробное описание этой особенности в работе Г. Дэвиса [Davis 2019: 461–462]). Количество лексических суффиксов (далее – ЛС) в разных салишских языках заметно варьируется: от 50 ЛС в языке северный стрейтс до 150 ЛС в языке халкомелем.

Представляется важным осветить различные подходы к дефиниции понятия ЛА. Так, А. Муро дает следующее определение: это «аффиксы, обладающие столь же богатым семантическим содержанием, как и отдельные лексемы»¹ [Muro 2008: 6]. Э. Даль вводит такое определение ЛА: это «морфемы, которые похожи на грамматические аффиксы тем, что они могут быть неслоговыми, всегда должны быть прикреплены к какому-то корню (а сами как корни функционировать не могут) и образуют относительно закрытые классы, однако передают конкретные значения, которые в большинстве языков мира были бы связаны с лексическими единицами или основами» [Даль 2009: 376].

Т. Прчиц под ЛА понимает деривационные префиксы и суффиксы особого типа, представляющие собой, с синхронной точки зрения, раздельнооформленные полнозначные морфемы, у которых конкретная фонетическая форма соотносится по меньшей мере с одним конкретным значением и конкретной функцией, выполняемой этими морфемами [Prčić 2019: 153]. Ш. Бишофф отмечает, что в салишских языках «лексические аффиксы –

закрытый класс связанных морфем – используются как инструмент продуктивного добавления семантического содержания к глагольной основе» [Bischoff 2007: 101]. Аналогичные свойства подобных морфем описываются и в исследовании А. И. Виняра [Виняр 2019: 10]: такие морфемы, передавая конкретные значения и сближаясь со свободными полнозначными лексемами, не способны образовывать словоформы без наличия корневого элемента.

Важной особенностью ЛС является то, что он представляет собой связанную морфему, которая не может употребляться самостоятельно, что и обуславливает наименование данного явления как суффикса в позиции к глагольному корню. Такая морфема, однако, обладает всей полнотой лексического значения. Она используется для передачи лексической, а не грамматической семантики.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена тем, что салишские языки относятся к исчезающим языкам, а следовательно, требуют более детального изучения в синхроническом и диахроническом аспектах (в перспективе полного исчезновения языков этой семьи), так и тем, что вопрос о происхождении ЛС салишских языков является дискуссионным (существует несколько различных, несводимых друг к другу концепций). Новизна исследования заключается в предложенной нами модели генезиса ЛС из номинализованных предикатов: эта модель обосновывается как синхронным, так и диахронным салишским языковым материалом.

Методы и материалы

Материалом нашего исследования послужили тексты, словари, описательные грамматики нескольких салишских языков, в число которых вошли следующие: лиллуэт [Van Eijk 1997; 2013], северный стрейтс (саанич) [Montler 1986], халкомелем [Galloway 1976; 2009; Suttles 2004], кёр-д'ален [Reichard 1938], сквамиш [Kuipers 1967b], спокан [Carlson 1972], томпсон [Thompson, Thompson 1996], лушудид [Bates et al. 1994], шусвап [Kuipers 1974]. В качестве источника для реконструкции салишских морфов использовался также этимологический словарь салишских языков [Kuipers 2002].

¹ Здесь и далее перевод цитат из англоязычных источников выполнен авторами статьи.

Основными методами исследований, используемыми в настоящей работе, являются сопоставительный метод, применяемый для анализа особенностей лексической и функциональной семантики ЛС, а также методы внутренней реконструкции и внешней реконструкции, применяемые для изучения исторического развития ЛС. Для исследования развития значения салишских ЛС и несвязанных лексем использовался метод этимологического анализа (в частности, анализировалась семантика реконструированных протосалишских лемм). Кроме того, для вычленения ЛС из состава словоформ и анализа их дистрибуции по словоформам используется метод морфемного анализа.

Результаты

ЛС можно разделить на несколько семантических классов: части тела; явления природы и стихии (волна, земля и т. п.; растения и деревья (в том числе и ягоды); предметы, сделанные человеком (каное, одежда, ткань, одеяло, стрела и т. п.).

Класс соматических ЛС является одним из многочисленных и составляет более половины из их числа. В синхронии ЛС демонстрируют полисемичность. Так, ЛС =ilgwas (=algwas) 'сердце, желудок', представленный в языке халкомелем, обозначает также метафорически 'центр разума, ума'. Кроме того, ряд ЛС участвует в образовании других частей речи салишских языков: в языке лушцид ЛС =ačī? 'рука' входит в структуру некоторых количественных числительных [Besck 2020: 1–2]. И. Пинкотт отмечает [Pincott 2021: 25], что новые ЛС в салишских языках возникают на основе соматических суффиксов, к которым присоединяются другие суффиксы.

Выделяются характерные особенности салишских ЛС:

1. Продуктивность деривационной модели Глагол + ЛС. В частности, как показало исследование Дж. Кэмпбелл [Campbell 2022: 48], ЛС могут сочетаться с глагольными апликативными и рефлексивными формами.

Примеры:

- (1) калиспел-спокан-флетхед
 spciw=cin
 Я освободившийся=рот
 Я молчал (букв. – я без языка) (полисемия ЛС =cin 'рот, язык')
- (2) халкомелем
 s-patpət=alexal
 NMLZ-постоянно.дуть=рука
 ветер, который предшествует грозе (рука, передняя конечность птицы-громовержца – сверхъестественного существа, которое, согласно поверьям американских индейцев, вызывает грозу).

2. Второй особенностью салишской лексической суффиксации является несоответствие на поверхностном уровне свободных субстантивов связанным ЛС. Это означает, что в салишских языках наблюдается явление, описанное, в частности, Э. Далем [Даль 2009: 377]: параллельное существование свободных слов, относящихся к классу имен, и связанных аффиксальных морфем, обладающих идентичной лексической семантикой. При этом последние встречаются только в составе глагольных словокомплексов. Наблюдается лишь несколько случаев сходства ЛС и соответствующих субстантивов. Такое наблюдение и было положено в основу гипотезы о том, что субстантивы являются источником ЛС (эта концепция подробнее раскрывается ниже).

Рассматриваемые особенности предопределяют и проблему генезиса ЛС в салишских языках, которая до сих пор не нашла однозначного решения. В связи с этим представляется важным осветить проблему возникновения ЛС салишских языков и основные, традиционно принятые подходы к ее решению, а также основные слабые места этих концепций. Важно рассмотреть альтернативные концепции формирования ЛС, что и будет сделано в дальнейшем.

Среди специалистов по салишским языкам традиционно принята гипотеза о происхождении ЛС из композитов и инкорпоратов. Так, М. Митун считает грамматикализацию субстантивных корней композитов, подвергшихся фонологической редукции из-за сдвига ударения на основной смысловой корень в композите, как наиболее вероятный процесс генезиса ЛС [Mithun 1997: 369–370]. Подобной теории придерживаются Б. Карлсон [Carlson 1990], Д. Кинкейд [Kinkade 1998], Д. Гердтс [Gerdtts 1999], сделавшие вывод, что ЛС – это бывшие существительные в составе композитов, которые в результате фонологической редукции потеряли начальный гласный: вследствие этого процесса образовалась связанная форма ЛС. На синхронном уровне их уже нельзя рассматривать в качестве существительных. М. Вильчко полагает, что источником ЛС являются инкорпорированные существительные, а именно корни субстантивной семантики [Wiltshko 2009: 216]. Сторонники вышеназванных теорий опираются в качестве доказательства на некоторые случаи схожести ЛС и соответствующих субстантивов.

Следует отметить концепцию С. Ньюмана, который считал, что источником лексических суффиксов были не существительные, а отдельный класс суффиксальных морфем, не имеющих общего прошлого с субстантивными корнями, но способных к вариативности и рекомбинации в пределах своего класса [Newman 1968: 27].

Анализируя процесс инкорпорации и словосложения в салишских языках в контексте связанных морфем, Ш. Бишофф отмечает, что процесс инкорпорации и словосложения отличается от лексической суффиксации тем, что ЛС при прикреплении к основе не демонстрирует дополнительных морфологических и морфонологических преобразований, в отличие от инкорпорации и словосложения, при которых используются номинализатор *s-* и соединительные элементы *-el-* (или его редуцированные варианты *-e-* / *-a-*). Это, как полагает исследовательница, ставит под сомнение вышеприведенные пути возникновения ЛС в салишских языках. Ш. Бишофф приводит следующие примеры из языка кёр-д'ален [Bischoff 2007: 106]:

Словосложение:

- (3) *q^wey-el-s-qe^wut*
заканчивать-CONN-NMLZ-писать-MDL
Он перестал записывать

В данном примере композита можно видеть присоединение к значащим корням коннектива *-el-* и номинализатора *-s-*.

Лексическая аффиксация:

- (4) *q^wey=cp*
заканчивать=рот
Он перестал есть.

В данном примере к корню прикрепляется ЛС без каких-либо морфонологических изменений.

В связи с этим Ш. Бишофф делает вывод, что возможный диахронический путь формирования ЛС – это не непосредственная инкорпорация субстантивов, а сам процесс инкорпорации привел к возникновению нового фонологического материала, который и стал будущими ЛС [Bischoff 2007: 106]. Тем не менее можно обнаружить примеры в салишских языках, в которых ЛС присоединяется к корню с коннективом, или номинализатором, или и с тем, и с другим элементами:

- (5) северный стрейтс (саанич)
s-x^w-ʔəp-əl=qən
NMLZ-LOC-проводить рукой-CONN=волосы
расческа
- (6) кёр-д'ален
s-int-el=ylmix^w-m
NMLZ-человек-CONN=земля-MDL
вождь
- (7) кёр-д'ален
t-peł-l=cp
LOC-толстослойный-CONN=рот
губы

Кроме того, Д. Кинкейд [Kinkade 1998] и А. Кёйперс [Kuipers 1967a] обращают внимание на продуктивный глагольный формант *m-*, встречающийся в соматизмах, который, на наш взгляд, в результате лексикализации

с локативом (*t-*, *-ŋ*), ЛС и номинализатором *s-* образует соматизмы. Ср.:

- (8) сквамиш =*us* (ЛС) – *smʔus* (свободная лексема) 'голова': лексикализация *s-* (NMLZ) + *m-* (LOC) + =*us* (ЛС 'лицо');
- (9) сквамиш = (ЛС) – *s-tai-* (свободная лексема) 'спина': лексикализация *t-* (LOC) + *-ai-* (CONN) + – (ЛС) + *s-* (NOM);
- (10) халкомелем =*eqsel* (ЛС) – *meqsel* (свободная лексема) 'нос': лексикализация: *m-* (LOC) + =*eqsel* (ЛС 'на носу');
- (11) халкомелем =*qən* (ЛС) – *meqən* (свободная лексема) 'голова': лексикализация *m-* (LOC) + *-e-* (CONN) + =*qən* (ЛС);
- (12) сквамиш =*qs* (ЛС) – *məqsn* (свободная лексема) 'нос': лексикализация *m-* (LOC) + *-ə-* (CONN) + *n-* (TR);
- (13) халкомелем =*əpsəm* (ЛС) – *təpsəm* (свободная лексема) 'шея': лексикализация *t-* (LOC) + =*əpsəm* (ЛС);
- (14) халкомелем =*iləs* 'на спине' (ЛС) – *sɪləs* (свободная лексема) 'спина': лексикализация *s-* (NMLZ) + =*iləs* 'на спине' (ЛС);
- (15) кёр-д'ален =*ina* (ЛС) – *tina* (свободная лексема) 'ухо': лексикализация *t-* (LOC) + =*ina* (ЛС);
- (16) северный стрейтс (саанич) =*esən* (ЛС) – *tesən* (свободная лексема) 'шея': лексикализация *t-* (LOC) + =*esən* (ЛС);
- (17) северный стрейтс (саанич) =*əqsən* (ЛС) – *ŋəqsən* (свободная лексема) 'нос': лексикализация *ŋ-* (LOC) + =*əqsən* (ЛС).

Подобные примеры можно обнаружить и в этимологическом словаре салишских языков [Kuipers 2002]:

- (18) протосалишский *=*qs* (ЛС) – **məqsn* 'нос';
- (19) протосалишский *=*us* (ЛС) – **mʔus* 'лицо, видеть';
- (20) протосалишский *=*anak* (ЛС) – **mna^k* 'живот, желудок, ягодицы, хвост';
- (21) протосалишский *=*ani/aʔ* (ЛС) – **tʔanaʔ* 'ухо';
- (22) протосалишский *=*x^wc* (ЛС) – **tix^wc* 'язык';
- (23) протосалишский *=*a^xwac* (ЛС) – **ta^xwac* 'грудная клетка'.

Одним из аргументов в пользу локативного прошлого консонантов (*t-*, *-ŋ*) может быть тот факт, что в языках халкомелем и лушудид ЛС по своей сути являются локативными и буквально переводятся как *на теле, во рту* и т. д. (см. примеры из языков лушудид и халкомелем выше и далее). Можно прийти к выводу, что соответствующие ЛС лексемы являются лексикализованными комплексами – комбинациями соответствующего ЛС, номинализатора, локатива, коннектива. Этот факт также опровергает версию происхождения ЛС из субстантивных основ или инкорпоратов.

Более того, во многих случаях ЛС и субстантивные основы не тождественны: наблюдаются случаи,

когда в состав субстантивных соматических лексем входят ЛС как конституэнты.

Ср. следующие примеры:

- (24) сквамиш, лиллуэт, томпсон *cisip* 'рот' (с- 'рот, губа, край, открытие', си- 'говорить, рассказывать' + форматив -*cin*);
- (25) сквамиш *məlq* 'гортань' (*məl*- 'круглый, сферический', ЛС =*q* 'голова');
- (26) лиллуэт *s-k'akst* 'рука' (s- NMLZ, *k'am-/k'an*- 'брат', =*akst* 'рука' (ЛС));
- (27) халкомелем *slexwiws* 'тело' (s- NMLZ, =*iws* 'на теле, коже', *lexw*- 'покрывать');
- (28) шусвап *s-qm-eltn* 'горло' (s- NMLZ, *qm*- 'глотать', =*eltn* 'горло' (ЛС));
- (29) лушудид *sisəd-qš* 'нос' (*sisəd*- 'сморкаться', =*qš* 'нос' (ЛС));
- (30) кёр-д'ален *s-ugw=aхп* 'рука, конечность', букв. – то, что вытягивается на некоторое расстояние от тела.

Помимо прочего, в различных салишских языках обнаруживаются соматические ЛС и субстантивы-соматизмы, производные от корней глагольной семантики.

Ср. следующие примеры:

калиспел-спокан-флетхед:

- (31) =*cin* 'рот, еда, слова, язык' (сн- 'мямлить, говорить тихим голосом');
- (32) =*erl* 'ягодица' (*rl*- 'пухлый, быть пухлым');

сквамиш:

- (33) *s-xəpʔ* 'ступня, нога' (*xəp-xəp* 'устанавливать родословную', s- NMLZ);
- (34) *k'alʔ* 'желудок' (*k'aiʔ*- 'быть голодным');
- (35) *s-qal-uap* 'ум, сердце, мнение' (*ql-qal-uap* 'думать, планировать' < *qal*- 'думать, говорить');
- (36) *s-xəmt-xm* 'почка' (букв. – то, что очень тяжело) (редупликация корня *xəmt*- 'тяжелый' с прикреплением номинализатора s-);

томпсон:

- (37) *s-qəem* 'грудь' (*qəem* 'сосать');
- (38) *tələʔ* 'язык' (*təl* 'высовывать');
- (39) *sq'meytn* 'горло' (*qəmt* 'глотать');

халкомелем:

- (40) *sqeto* 'грудь, молоко' (*qeto* – 'кормить грудью');
- (41) =*qeyl* (= *qel*) 'в голове, на верхушке' (ЛС) (*qit*- 'окружать, полностью охватывать по окружности');
- (42) *sqwemels* 'лоб' (букв. – часть, откуда растут волосы) (s- NMLZ, *qwem*- 'расти из корней', =*mels* 'часть' (ЛС));
- (43) *oqwelets* 'задняя часть тела', 'спина', ср. северный стрейтс (сонгиш) то же со значением 'быть позади';
- (44) *ma:qel* 'волосы (на голове)', букв. – отрываться от головы (= *qel* 'на голове');
- (45) *tomet'es* 'указательный палец' (*tomet'es* 'указывающий');

- (46) *q'euy'eu* 'кишки, внутренности' (редупликация корня *q'euy*- 'привязанный, пришитый, обвязанный');

лушудид:

- (47) *s-qəbu* 'грудь, молоко' (*qəbu*- 'кормить').

В протосалишском языке на основании этимологического анализа (в частности, словарных материалов А. Кёйперса [Kuipers 2002]) были обнаружены следующие типологические параллели:

- (48) **zilt*n 'принимать пищу' соотносится с ЛС =*ilt*n 'желудок, еда, есть';
- (49) **zux* 'замерзать, застывать' соотносится с соматизмом *zux* 'хп' 'нога (ступня)';
- (50) **p'us* 'легкие, сердце' может быть результатом инверсии (транспозиции) корня *sup*- 'дышать';
- (51) **qam* 'выкармливать' связан с протосалишским *s-qam* 'грудь';
- (52) **qana* 'слышать' может быть связан с протосалишским ЛС =*ana* 'ухо'.

Вышеприведенные примеры заставляют усомниться в общепринятой концепции развития ЛС из субстантивных основ.

Кроме того, в перечнях т. н. глобальных этимологий, составленных Д. Бенгтсоном и М. Руленом [Bengtson, Ruhlen 1994], в реконструкции протоалгонкино-вакашской макросемьи, выполненной С. Л. Николаевым [Nikolaev 2017], в материалах В. В. Шеворошкина по сопоставительному анализу праязыков нескольких семей [Shevoroshkin 2008], а также в этимологическом словаре салишских языков А. Кёйперса [Kuipers 2002] встречаются синкретичные формы, обозначающие соматизмы и связанные с ними действия. Диффузность семантики этих основ также в определенной степени ставит под сомнение гипотезу о субстантивах как источниках для появления ЛС. Ср. примеры исходных соматизмов в соответствующем праязыке и производные от них группы значений:

- УХО: 'ухо, слышать, слушать' [Nikolaev 2017: 256];
- ГЛАЗ: 'глаз, видеть, смотреть' [Nikolaev 2017: 257; Shevoroshkin 2008: 117];
- РУКА: 'рука, палец, давать, брать, показывать' [Bengtson, Ruhlen 1994: 322; Kuipers 2002: 106–107];
- РОТ: 'рот, говорить' [Kuipers 2002: 203];
- НОС: 'нос, пахнуть, сморкаться' [Bengtson, Ruhlen 1994: 296; Kuipers 2002: 160–161];
- ГОРЛО: 'горло, глотать' [Kuipers 2002: 232–233];
- ЯЗЫК: 'язык, лизать' [Kuipers 2002: 235; Nikolaev 2017: 272];
- ЗУБ: 'зуб, есть' [Kuipers 2002: 236–237];
- ГОЛОВА: 'голова, говорить' [Kuipers 2002: 208];
- ГРУДЬ: 'грудь, сосать, кормить' [Bengtson, Ruhlen 1994: 308];
- РУКА: 'рука, брать в руки' [Bengtson, Ruhlen 1994: 318].

М. Митун также отмечает [Mithun 1997: 361–362], что соматизмы как отдельные лексемы гораздо реже встречаются в текстах на салишских языках в сравнении с ЛС, поскольку участники коммуникации больше заинтересованы событиями и ролью людей в этих событиях, а не указаниями на конкретные части тела коммуникантов или субъектов повествования.

Теперь следует рассмотреть диахронические особенности развития салишских ЛС, связанные в том числе с возникновением коннектива. Частотным коннективом, соединяющим ЛС и корень в салишских языках, является коннектив *-el-*, который реконструируется А. Кёйперсом на протосалишском уровне как соединительный элемент между протосалишским суффиксом и соответствующим корнем [Kuipers 2002].

Можно выдвинуть гипотезу, что коннектив играл ключевую роль в процессе развития салишских ЛС. Некоторые салишисты обращали внимание на тот факт, что часть ЛС присоединяются к корню с помощью коннектива, одни только констатировали факт, и лишь немногие выдвигали предположения о том, существует ли такой коннектив исключительно для благозвучия или имеет определенную функционально-семантическую нагрузку.

Так, Х. Ватанабе отмечает, что в некоторых примерах в языке слиамон отмечаются различия в семантике в одних и тех же примерах с наличием коннектива или с отсутствием его, таким образом, полагая, что коннектив имеет некое семантическое содержание [Watanabe 2017: 628]:

(53) *šam* = *it'θa*

сухой=одежда

эта одежда сухая

(54) *šam* - *ay* = *it'a*

сухой-CONN=одежда

это – сухая одежда

На основании интерпретации вышеприведенных примеров Х. Ватанабе мы полагаем, что во втором примере присутствие коннектива акцентирует именно признак (а именно сухость одежды), в то время как в первом примере просто констатируется факт, что одежда сухая.

Коннектив *-əl-* указывает на то, что составляющие целого семантически связаны, но остаются отдельными словами, что свидетельствует о синтаксическом прошлом коннектива (см. далее). А. Кёйперс также в отношении языка сквамиш отмечал, что ряд суффиксов присоединяется к основе с помощью коннектива *-ai-* (*-i-*), что имеет семантическое различие [Kuipers 1967b: 119]:

ai = *aʔn* – ‘ухо’, *aʔn* – ‘щека’;

ai = *əq* – ‘макушка головы’, *əq* – ‘голова’;

ai - *us* – ‘глаз’, *-us* – ‘лицо’.

Однако это семантическое различие, согласно нашему исследованию, не наблюдается в других салишских языках, демонстрирующих полисемичность соматических ЛС. Ниже приведем несколько примеров.

Исходная семантема УХО:

- кёр-д'ален: =*ina-* (= *ana*) ‘ухо’;
- северный стрейтс (саанич): =*en* ‘ухо’;
- лиллуэт: =*ana* ‘ухо’;
- калиспел-спокан-флетхед: =*eneʔ* ‘ухо’;
- белла-кула: =*ik-an* ‘ухо’;
- халкомелем: =*əpə* ‘ухо, сторона’;
- северный стрейтс (самиш): =*əne* ‘ухо’;
- лушудид: =*ana* (= *na*) ‘сторона лица, ухо, всеобщий’;
- оканаган: =*nʔ* / =*əpəʔ* / =*inaʔ* ‘ухо, количество’.

Исходные семантемы со значениями ГЛАЗ, ЛИЦО:

- кёр-д'ален: =*us* ‘глаз, лицо, отверстие, через которое проходит свет, огонь’;
- северный стрейтс (саанич): =*alas* ‘глаз, круг, цвет’, =*as* ‘лицо’;
- лиллуэт: =*us* ‘лицо, лоб, голова’;
- калиспел-спокан-флетхед: =*us* ‘глаз, лицо, шея, огонь’;
- белла-кула: =*aqws* ‘глаза, стёкла, очки, краска, цвет’, =*us* ‘лицо’;
- халкомелем: =*əs* (= *as*) ‘лицо, круглый объект, луна, доллар (монета)’; =*aləs* (= *ələs*) ‘глаз, сетка, звезда, внешний вид, склонность’;
- северный стрейтс (самиш): =*aləs* ‘глаз’;
- лушудид: =*alus* (= *əlus*) ‘глаз, цвет’, =*us* ‘лицо, голова, верхняя часть чего-либо’;
- сквамиш: =*aius* ‘глаз’; =*us* ‘лицо’;
- колумбийский венатчи: =*us* (= *s*) ‘глаз, лицо, огонь, дорога’;
- калиспел-спокан-флетхед: =*us* (= *s*) ‘глаз, лицо, огонь’;
- оканаган: =*s* / =*u* / =*aʔs* ‘глаза, лицо, шея, огонь, спина, место, территория, рисунок, берег реки’.

Исходная семантема со значением ГОЛОВА:

- кёр-д'ален: =*qin* (= *qEn*) ‘голова, верхушка, кончик’;
- северный стрейтс (саанич): =*iqʷ* ‘голова’;
- лиллуэт: =*qin* ‘голова, олений рог’; =*qʷ* ‘голова, верхушка, волосы, животное’;
- калиспел-спокан-флетхед: =*qin* ‘голова, верхушка’;
- белла-кула: =*iixw* ‘голова, волосы, вершина, шляпа’;
- халкомелем: =*qən* (= *qin*) ‘голова, конец, носовая часть каноэ’; =*qʷ* (= *əqʷ*, = *aqʷ*, = *ələqʷ*) ‘голова’;
- северный стрейтс (самиш): =*iqʷ* (= *əqʷ*, = *əl-iʔqʷ*) ‘голова, волосы’, =*qən* ‘голова’;
- сквамиш: =*q* (= *əq*) ‘голова, верхушка’;
- колумбийский венатчи: =*qin* (= *qn*) ‘голова, верхушка’;
- калиспел-спокан-флетхед: =*qin* (= *q*) ‘голова’;
- оканаган: =*q* / =*qn* / =*qin* ‘голова, верхушка’.

В связи с вышесказанным представляется важным рассмотреть происхождение коннектива. На материале внутреннесалишских языков можно проследить, что коннектив *-el-* с алломорфами *-al-*, *-əl-*, *-l-*, *-e-*, *-i-*, *-ə-* является рефлексом маркера зависимой предикации (о которой говорилось в цитированных выше работах А. Кёйперса). Более того, этот же коннектив достаточно часто использовался при образовании композитов: это отражено в соответствующих грамматических описаниях языков лиллуэт, северный стрейтс (саанич), калиспел-спокан-флетхед.

Анализируя структуру композитов с ЛС во внутреннесалишском языке спокан, Д. Блэк приходит к выводу, что такое словосложение напоминает структуру предложений, состоящих из главного и придаточного предложений [Black 1996: 144–145]. Эти придаточные образовались в результате перегруппирования придаточного предложения (номинализованного предиката), учитывая, что маркер словосложения *-l-* репрезентирует рефлекс маркера придаточного предложения во внутреннесалишских языках. Показатель *-l-* в спокан также может трактоваться как лексический маркер в синхронии и как синтаксический маркер в диахронии. Как результат, приходим к выводу, что синтаксические конструкции лексикализовались в свободные и связанные формы (к последним и относятся ЛС).

Таким образом, рефлекс *-l-* во внутреннесалишских языках демонстрирует стадию исконной морфологии в диахронии протосалишского языка, когда происходила синтаксическая компрессия полипредикативных структур, а именно зависимой предикации (номинализованного предиката). С помощью такого типа предиката в связанной зависимой форме (в данном случае – ЛС) выражались субстантивные значения.

Заключение

Источником ЛС в салишских языках были не существительные, а особый класс суффиксальных морфем: об этом упоминает С. Ньюман [Newman 1968], данный вопрос обсуждался и в исследовании [Ikonnikova 2021]. Эти морфемы диахронически восходят к предикативной лексике. На основании вышеизложенного можно построить схему происхождения и развития салишских ЛС:

зависимая предикация / номинализованный предикат →
словосложение / инкорпорация →
лексический аффикс (связанная форма).

Схема показывает, что изначальная зависимая предикативная конструкция редуцировалась до связанной морфемы. Рефлексы во внутреннесалишских языках дают нам возможность проследить более древний этап диахронии ЛС в общезыковом плане.

Важно заметить еще следующее: с семантической точки зрения суффиксы сочетают в себе как субстантивные, так и глагольные значения. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в основе значительной части салишских субстантивов и ЛС с субстантивными значениями лежит базовый семантический компонент событийности или процессуальности. При этом зачастую такой компонент можно выявить только при помощи этимологического анализа той или иной словоформы.

Проведенный анализ еще раз подчеркивает, что событийный контекст языка актуален для языков микроколлективов (к ним относятся и салишские языки), что соответствует теории стадияльно-типологической эволюции языка и концепции номинативного ракурса языка [Иконникова 2017].

Приведенный нами материал согласуется и с рассуждениями Б. Гейне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2007: 59–60], которые постулируют, что существительные (субстантивы) и глаголы являются первичными частеречными классами в любом языке, несмотря на то что зачастую эти классы могут сближаться по своим типологическим параметрам. Происхождение салишских субстантивов и ЛС от глагольных основ также согласуется с идеями цитируемых выше авторов о возможности такого механизма генезиса связанных морфем из свободных слов, относящихся к определенным частям речи, хотя он относительно редко засвидетельствован в языках мира. Типологически схожая модель возникновения аппликативных суффиксальных показателей на основе классификаторов, которые в свою очередь исторически связаны с именными основами (возможно, за счет инкорпорации), описана и для ряда других языков, в частности для некоторых аравакских языков Южной Америки [Rose 2019: 436].

Следовательно, субстантивы (существительные) в диахронии салишских языков появляются относительно поздно в сопоставлении с глагольной (и вообще с предикативной) лексикой. В отдельную часть речи субстантивы выделяются уже после образования ЛС.

Перспективой настоящего исследования является сопоставительно-типологический анализ механизмов развития ЛА в салишских языках и ряде других языков, входящих в т. н. языковой союз тихоокеанского северо-западного побережья Северной Америки (вакашские, цимшианские, чимакумские, ряд атабаскских языков; см. об этом союзе [Davis 2019: 454]), для выявления схожестей и различий в механизме лексикализации данных аффиксов. Кроме того, с той же целью представляется перспективным сопоставление этих механизмов в салишских языках и в языках другой ареальной и генеалогической принадлежности, в частности, в эскимосско-алеутских и чукотско-камчатских.

Список условных сокращений

CONN – коннектив
 LOC – локатив
 MDL – средний залог
 NMLZ – номинализатор
 TR – показатель переходности
 = – лексический суффикс

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. Н. Иконникова – общая концепция исследования, сбор, обработка и интерпретация фактического материала, обсуждение результатов, концептуализация схемы развития лексических суффиксов, написание текста статьи (70 %).

С. С. Калинин – обсуждение результатов, концептуализация схемы развития лексических суффиксов, написание текста статьи (30 %).

Contribution: O. N. Ikonnikova developed the general research concept, collected the data, processed and interpreted the material, discussed the results, conceptualized the development scheme, and wrote the manuscript (70%).

S. S. Kalinin discussed the results, conceptualized the development scheme, and write the manuscript (30%).

Литература / References

- Виняр А. И. Суффиксальные предикаты в чукотском: семантика, типология и источник возникновения. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2019. № 3. С. 9–21. [Vinyar A. I. Suffixal predicates in Chukchi: semantics, typology and origins. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2019, (3): 9–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-9-21>
- Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: ЛКИ, 2009. 560 с. [Dahl Ö. *The growth and maintenance of linguistic complexity*. Moscow: LKI, 2009, 560. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qukmhj>
- Иконникова О. Н. К вопросу об исходной языковой структуре. *Когнитивные исследования языка*. 2017. № 29. С. 474–481. [Ikonnikova O. N. The problem of the initial linguistic structure. *Cognitive studies of language*, 2017, (29): 474–481. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zufmnj>
- Bates D., Hess T., Hilbert V. *Lushootseed dictionary*. Seattle-L.: University of Washington Press, 1994, 404.
- Beck D. Lushootseed numerals. *Papers for the International Conference on Salish and Neighboring Languages 55* (13–15 Aug 2020), eds. Reisinger D. K. E., Green H., Huijsmans M., Mellesmoen G., Trotter B. Vancouver, BC: UBCWPL, 2020, 1–11.
- Bengtson J. D., Ruhlen M. Global etymologies. *On the origin of languages: Studies in linguistic taxonomy*, ed. Ruhlen M. Stanford: Stanford University Press, 1994, 277–336.
- Bischoff S. T. *Functional forms-formal functions: An account of Coeur d'Alene clause structure*: PhD Dissertation. The University of Arizona, 2007, 189.
- Black D. J. *The morphological and phonological structures of Spokane lexemes*: PhD Dissertation. University of Victoria, 1996, 323+VII.
- Campbell J. Samish reflexives: A question of control. *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*, 2022, 32(1): 43–56.
- Carlson B. F. A grammar of Spokane: A Salish language of Eastern Washington. *University of Hawaii Working Papers in Linguistics*, 1972, 4(4): 166.
- Carlson B. F. Compounding and lexical affixation in Spokane. *Anthropological Linguistics*, 1990, 32(1-2): 69–82.
- Davis H. Salish languages. *The Routledge Handbook of North American languages*, eds. Siddiqi D., Barrie M., Gillon C., Haugen J., Mathieu E. NY-London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019, 453–472.
- Galloway B. D. Anatomy in Upper Stolo Halkomelem. A morphosememic study. *Papers for the 11th International Conference on Salishan Languages*. Seattle: University of Washington, 1976, 1–59.
- Galloway B. D. *Dictionary of Upriver Halkomelem*. Berkeley-LA-L.: University of California Press, 2009, vol. 1, 1674+1.
- Gerdts D. The combinatory properties of Halkomelem lexical suffixes. *Papes for the 34th International Conference on Salish and Neighboring Languages*. Kamloops: Simon Fraser University, 1999, 83–95.
- Heine B., Kuteva T. *The genesis of grammar: A reconstruction*. Oxford: Oxford University Press, 2007, 418+XVI.
- Ikonnikova O. N. On the issue of the origin of the Salish somatic lexical suffixes. *Language issues: a young scholars' perspective*: 8th school-conf., Moscow, 25–27 Mar 2021. Moscow: IL RAS, 2021, 31–32.
- Kinkade M. D. Origins of Salishan lexical suffixes origins of Salishan lexical suffixes. *Papers for the 33rd International Conference on Salish and Neighboring Languages*. Seattle: University of Washington, 1998, 266–295.

- Kuipers A. H. On divergence, interaction and merging of Salish language-communities. *Papers for the 2nd International Conference on Salish and Neighboring Languages*, Seattle, Washington, 28–29 Aug 1967. Seattle: University of Washington, 1967a, 1–8.
- Kuipers A. H. Salish etymological dictionary. *University of Montana Occasional Papers in Linguistics*, 2002, (16): 240.
- Kuipers A. H. *The Shuswap language: Grammar, texts, dictionary*. The Hague-Paris: Mouton, 1974, 292.
- Kuipers A. H. *The Squamish language: Grammar, texts, dictionary*. The Hague-Paris: Mouton and Co., 1967b, 407.
- Mattissen J. Sub-types of polysynthesis. *The Oxford Handbook of Polysynthesis*, eds. Fortescue M., Mithun M., Evans N. Oxford: Oxford University Press, 2017, 70–98. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199683208.013.5>
- Mithun M. Lexical suffixes and morphological typology. *Essays on Language Function and Language Type*, eds. Bybee J., Haiman J., Thompson S. A. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997, 357–371.
- Montler T. An outline of the morphology and phonology of Saanich, North Straits Salish. *University of Montana Occasional Papers in Linguistics*, 1986, (4): 264.
- Muro A. Lexical affixation in Salish and Wakashan and its relevance for a theory of polysynthesis. *Padua Working Papers in Linguistics*, 2008, (2): 1–28.
- Newman S. A comparative study of Salish lexical suffixes. *Papers for the Third International Conference on Salish Languages*. Victoria: University of Victoria, 1968, 1–34.
- Nikolaev S. L. Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Part 3: The Algonquian-Wakashan 110-item wordlist. *Journal of Language Relationship*, 2017, 15(3–4): 250–278. <https://doi.org/10.31826/jlr-2018-153-411>
- Pincott E. *The past and present of lexical suffixes in the Skwxwú7mesh language*: MA Dissertation. Simon Fraser University, 2021, 88+X.
- Prčić T. Exploring the properties of English lexical affixes by exploiting the resources of English general-purpose dictionaries. *Lexikos*, 2019, 29(1): 151–179. <https://doi.org/10.5788/29-1-1516>
- Reichard G. Coeur d'Alene. *Handbook of American Indian languages*, ed. Boas F. NY: Columbia University Press, 1938, pt. 3, 515–707.
- Rose F. From classifiers to applicatives in Mojeño Trinitario: A new source for applicative markers. *Linguistic typology*, 2019, 23(3): 435–466. <https://doi.org/10.1515/lingty-2019-0024>
- Shevoroshkin V. Original synthetic article: On the origin of Salish, Wakashan, and North Caucasian languages. *International Journal of Modern Anthropology*, 2008, 1(1): 85–121. <https://doi.org/10.4314/ijma.v1i1.60357>
- Suttles W. *Musqueam reference grammar*. Toronto: UBS Press 2004, 597.
- Thompson L. C., Thompson M. T. Thompson River Salish dictionary. *University of Montana Occasional Papers in Linguistics*, 1996, (12): 555.
- Van Eijk J. Lillooet-English dictionary. Roots and derivations. *The University of British Columbia Occasional Papers in Linguistics*, 2013, 2: 424.
- Van Eijk J. *The Lillooet language. Phonology, morphology, syntax*. Vancouver: UBC Press, 1997, 282.
- Watanabe H. The polysynthetic nature of Salish. *The Oxford Handbook of Polysynthesis*, eds. Fortescue M., Mithun M., Evans N. Oxford: Oxford University Press, 2017, 623–642. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199683208.013.36>
- Wiltchko M. √Root incorporation. Evidence from lexical suffixes in Halkomelem Salish. *Lingua*, 2009, 119(2): 199–223. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2007.10.012>

оригинальная статья

**Реализация вторичных функций времен
в комедиях итальянских авторов XVI в.**

Кутеко Дарья Андреевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-0918-602X>kuteko_darja@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.01.2023. Принята после рецензирования 22.03.2023. Принята в печать 27.03.2023.

Аннотация: Итальянский язык неформального общения на современном этапе развития характеризуется множеством инноваций. В частности, это касается использования глагольных форм: в разговорной речи употребляются преимущественно настоящее время, простой или сложный перфект (в зависимости от региона), имперфект и предпрошедшее прошлое. Происходит упрощение глагольной системы, которое приводит к расширению функций каждого из перечисленных времен. Однако, чтобы оценить степень инновативности данного феномена, следует обратиться к языку прошлых эпох. В статье анализируются комедии итальянских авторов XVI в., поскольку именно в это время в результате спора о языке наконец выбран единый для всего государства идиом. Кроме того, тексты комедий являются ценным материалом для исследования, так как для создания комического эффекта имитируют особенности разговорной речи, являясь одними из немногих доступных образцов повседневного общения предшествующих веков. Вероятно, именно из-за имитации разговорной речи в репликах персонажей низшего сословия встречаются многочисленные примеры реализации вторичных функций времен: конъюнктив вытесняется индикативом, настоящее время всё чаще используется в значении ближайшего будущего, функции будущего времени сужаются до выражения эпистемической модальности, имперфект употребляется при вежливых просьбах и некоторые другие. Сделан вывод, что итальянский язык на данном этапе не вырабатывает новые конструкции, но претерпевает процесс рестандартизации, при котором явления, характерные ранее лишь для просторечного узуса, становятся нормативными. Прескриптивная норма сменяется дескриптивной, соответствующей реальной речи носителей языка.

Ключевые слова: функции глагольных времен, вторичные функции, имитация разговорной речи, комический театр, рестандартизация итальянского языка, *italiano standard*, *italiano neostandard*

Цитирование: Кутеко Д. А. Реализация вторичных функций времен в комедиях итальянских авторов XVI в. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 500–508. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-500-508>

full article

Secondary Functions of Tenses in Italian Comedies of the XVI Century

Daria A. Kuteko

Moscow State Lomonosov University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-0918-602X>kuteko_darja@rambler.ru

Received 27 Jan 2023. Accepted after peer review 22 Mar 2023. Accepted for publication 27 Mar 2023.

Abstract: At its present stage, the Italian language of informal communication seems to demonstrate a lot of innovations. For example, the colloquial use of verb tenses is limited to *Presente Indicativo*, *Passato Prossimo* or *Passato Remoto*, *Imperfetto*, and *Trapassato Prossimo*. The obvious simplification of the verb system eventually expands the functions of each tense. However, a diachronic analysis may prove that this process is not as innovative as it seems. This research featured Italian comedies of the XVI century, which saw the emergence of a unified state language. The comedies provide a valuable research material: in pursuit of comic effect, their texts often imitated the contemporary colloquial speech. As a result, they yield a lot of valuable examples of everyday communication of previous centuries. Characters that portrayed lower-class people often used tenses in their secondary functions, e.g., they replaced the subjunctive

with the indicative, used the present to indicate the near future, formulated polite requests with the help of the imperfect, the functions of the future tense were narrowed down to an epistemic modality, etc. Therefore, the modern Italian language is not developing new constructions: it is undergoing a re-standardization, where colloquial phenomena are gradually becoming a norm. The prescriptive norm is being replaced by a descriptive one, which reflects the actual speech of native speakers.

Keywords: functions of verb tenses, secondary functions, imitation of colloquial speech, comic theatre, re-standardization of the Italian language, *italiano standard*, *italiano neostandard*

Citation: Kuteko D. A. Secondary Functions of Tenses in Italian Comedies of the XVI Century. *SibScript*, 2023, 25(4): 500–508. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-500-508>

Введение

Современный итальянский язык неформального общения характеризуется изменениями в использовании глагольных времен по сравнению с *italiano standard* – литературным языком Италии, смещенным «в сторону письменной речи, высоких / формальных стилистических регистров и языка привилегированных слоев общества» [Жолудева 2020: 501].

Единый термин, подходящий для описания этого нового витка развития языка, так и не был выбран. Альберто Миони называет его *italiano tendenziale* [Mioni 1983: 496], Франческо Сабатини – *italiano dell'uso medio* [Sabatini 1985: 172–173], Джузеппе Антонелли – *italiano giornaliero* [Antonelli 2007: 19], однако наибольшую популярность приобрело понятие *italiano neostandard*, введенное Гаэтано Берруто [Berruto 2017: 31–32]. Несмотря на отсутствие единообразия в терминологии, речь идет об одном и том же явлении – литературном языке современной Италии, обладающем большей, чем традиционно понимаемый нормированный итальянский язык, вариативностью, допускающей регионально маркированные черты, а также характеризующийся рядом морфологических и синтаксических инноваций [Crocco 2017; De Pascale et al. 2017].

Прежде всего, наблюдается упрощение глагольной системы: в ситуациях повседневной коммуникации употребляются преимущественно настоящее время (*Presente Indicativo*), простой (*Passato Remoto*) или сложный (*Passato Prossimo Indicativo*) перфект, имперфект (*Imperfetto Indicativo*) или же предпрошедшее прошлое (*Trapassato Prossimo Indicativo*) [Berruto 2017: 41]. Эта тенденция приводит к тому, что спектр функций каждого из перечисленных времен расширяется по причине необходимости замещения всего ряда глагольных форм, которым обладает *italiano standard*.

Однако вопрос о том, можно ли считать происходящие на данном этапе изменения инновативными, является спорным: примеры реализации вторичных функций времен встречаются уже в комедиях итальянских авторов XVI в. Соответственно, цель нашей работы состоит в том, чтобы глубже понять процессы, происходящие

в идиоме на текущей стадии, и определить, являются ли тенденции в использовании глагольных времен, наблюдаемые на современном этапе, инновативными. Задачи: подбор источников, позволяющих получить новые данные о состоянии языка в прошлом; анализ выбранного материала и сопоставление выявленных феноменов с тенденциями *italiano neostandard*; использование полученных результатов для формирования более полного представления как о состоянии итальянского языка в более ранние эпохи, так и о текущих процессах.

Актуальность работы заключается в том, что в современной итальянистике происходит переосмысление многих языковых явлений; неизменно высок интерес к *italiano neostandard*, но по-прежнему ведутся дискуссии, когда же возник итальянский язык неформального общения. Результаты исследования могут внести вклад в разработку этого вопроса и помочь приблизиться к пониманию специфики итальянской языковой нормы. Кроме того, проведенный анализ будет полезен в процессе преподавания истории и теории итальянского языка, при изучении типологии романских языков (в частности, аспекта, касающегося динамики формирования нормы) – в этом состоит практическая значимость.

Научная новизна связана с попыткой по-новому посмотреть на процессы, происходящие в современном итальянском языке, и осознать их истоки, несмотря на кажущуюся инновативность феноменов *italiano neostandard*. Другим важным аспектом являются материалы для анализа: ранее итальянские комедии XVI в. не были задействованы в качестве материала, представляющего интерес для лингвистического исследования и сопоставления с *italiano neostandard*.

Обращение к текстам XVI в. обусловлено особенностями формирования итальянского языка, присущими этому периоду: развитие книгопечатания, осознание того, насколько велика разница между итальянскими вольгаре и их языком-предком, а также постепенное появление кодифицированной нормы в других языках романского ареала подтолкнуло итальянских гуманистов к обсуждению принципов языкового

нормирования [Patota 1993: 94–95; Trovato 1994: 78]. Хотя политическое объединение итальянских земель произошло значительно позже [Жолудева 2014: 237], именно эта эпоха ознаменована т. н. спором о языке, в результате которого флорентийский диалект (язык *трёх венцов* – Данте, Петрарки и Боккаччо) был выбран в качестве основы единого для всего государства идиома [Migliorini 1949; 1960]. По этой причине историками языка принято рассматривать XVI в. как период разработки и кодификации итальянской прескриптивной нормы [Trovato 1994: 11; Cerruti et al. 2017: 5], следовательно, начиная с XVI в. можно говорить об итальянском языке, а не о многочисленных диалектах, активно употреблявшихся в ситуациях неформального общения, но вступавших в оппозицию с латынью, долгое время служившей литературным языком (при этом будучи понятной лишь очень ограниченному кругу лиц – преимущественно представителям высшего сословия, имевшим возможность получить образование) [Nencioni 1955: 20; Serianni 2002: 118].

Несмотря на то, что выбранная в результате спора о языке норма долгое время употреблялась исключительно на письме, и «вопрос об италофонии до объединения Италии – один из самых неясных в истории итальянской лингвистики» [D'Onghia 2018: 35], XVI в. стал ключевым для дальнейшего развития итальянского языка, ознаменовав некую точку отсчета его осознанного современниками, полифункционального, формально обусловленного названием и даже описанного в первых итальянских грамматиках, а не стихийно-хаотичного, ограниченного одним-единственным регионом существования [Жолудева 2018b: 38].

Жанр комедии тоже был выбран для анализа неслучайно: к нему нередко обращаются литературоведы и историки театра, но лингвистический аспект комедий до недавнего времени был несправедливо обойден вниманием. Теперь же становится всё более и более актуальным: дело в том, что для создания комического эффекта реплики персонажей комедий имитируют спонтанную устную речь [D'Onghia 2014]. Данный феномен разговорной речи в сценическом исполнении, которая передает ассоциирующийся с неформальным устным дискурсом комплекс языковых средств, а не фиксирует в точности реальные примеры спонтанной

устной речи [Жолудева 2018a], получил название *parlato-recitato* [Nencioni 1983: 12]. Следовательно, комедии XVI в. – практически единственные доступные на данный момент источники, позволяющие проследить тенденции, характерные для общения именно неформального регистра более пяти веков назад.

На это явление обращают внимание Джанфранко Ненчони, Бруно Мильорини, Лука Д'Онгия. Их работы, а также труды таких филологов и историков итальянского языка, как Газтано Берруто, Паоло Д'Аккиле, Альберто Мионо и Франческо Сабатини, послужили теоретической базой исследования – они помогли понять, какие феномены на данном этапе считаются инновативными и в чем особенности их употребления.

Методы и материалы

Комедии итальянских авторов XVI в., имитирующие спонтанную устную речь, были выбраны в качестве эмпирической базы с учетом специфики методов исторического социолингвистического исследования (в частности, невозможности опросить информантов или ознакомиться непосредственно с образцами повседневного общения пятивековой давности [Hernández-Camproy, Schilling 2014: 66–67]). Разыгрываемые в них бытовые ситуации помогают в той или иной степени реконструировать язык неформального общения XVI в. Формы же, которыми пользовались в документах и иных письменных источниках, были скорее попытками приблизиться к нормативному идиому, впрочем, совершенно не служившему языком первичной коммуникации.

Для полноты анализа были привлечены тексты авторов не только из центральных, но и из южных и северных регионов, относящиеся к различным временным периодам – как к началу, так и к концу XVI в.: «Каландрия»¹ аретинца Бернардо Довизи Биббиена (La Calandria, 1513), «Педант»² римлянина Франческо Бело (Il Pedante, 1529), «Обманутые»³ неизвестного автора из сиенской Академии Оглушённых (Gl' Ingannati, 1531), «Три тирана»⁴ уроженца провинции Лукка Агостино Рикки (I tre tiranni, 1533), «Постоянство в любви»⁵ сиенца Алессандро Пикколомини (L'amor costante, 1536), «Юноша»⁶ венецианца Людовико Дольче (Il Ragazzo, 1541), «Подсвечник»⁷ философа и поэта, родившегося близ Неаполя, Джордано Бруно (Il Candelaio, 1582),

¹ Dovizi B. (Bibbiena). *La Calandria. Commedie del Cinquecento*. Bari, 1912. Vol. I. P. 1–83.

² Belo F. *Il Pedante. Commedie del Cinquecento*. Bari, 1912. Vol. I. P. 83–163.

³ Accademia degli Intronati. Gl'Ingannati. *Commedie del Cinquecento*. Bari, 1912. Vol. I. P. 311–399.

⁴ Ricchi A. *I tre tiranni. Commedie del Cinquecento*. Bari, 1912. Vol. I. P. 163–311.

⁵ Piccolomini A. *L'amor costante. Commedie del Cinquecento*. Bari, 1912. Vol. II. P. 1–123.

⁶ Dolce L. *Il Ragazzo. Commedie del Cinquecento*. Bari, 1912. Vol. II. P. 205–295.

⁷ Bruno G. *Il Candelaio*. G. Daelli e Comp., Milano, 1863, 146.

«Пронуба»⁸ мантуанца Гаспаро Азиани (Pronuba, 1588). Это позволило рассмотреть XVI век полностью и сделать вывод, являются ли те или иные языковые феномены, которые обнаружены в текстах, связаны исключительно с региональными особенностями, или же можно говорить об их наличии в итальянском языке в целом.

Результаты

Presente постепенно вытесняет *Futuro*, начиная употребляться в значении ближайшего будущего времени:

- Prudenzio. *Andiamo all'ospizio, idest in domo...* <...> *Malfatto. Ecco, io vengo* (Il Pedante: 108)⁹ – Пруденцио. *Пойдём в убежище, то есть в дом...* <...> Мальфатто. *Точно, я пойду*)¹⁰.

Часто подобное употребление сопровождается прагматикой повелительного наклонения и такими временными маркерами, как *poi* (потом) или *subito* (немедленно):

- Pedante. *Flamminio, due verbicule; e poi ti do plenaria licenzia...* (Il Ragazzo: 219) – Педант. Фламминию, два глагольчика; а потом я дам тебе полную свободу;
- Lattanzio. <...> *Com'io son nella via di San Martino, subito mi spari dinanzi* (L'amor costante: 86) – Латтанцио. <...> Как я буду на улице Сан Мартино, ты сразу в меня выстрелишь.

Немало примеров и с *Futuro*, однако в них происходит переосмысление временного значения – возникает оттенок предположения, неуверенности:

- Spela. *Questa non sarà febbre, ma scemamento di cervello...* (Gl'Ingannati: 330) – Спэла. *Должно быть*, это не лихорадка, а помутнение рассудка...;
- Le brache *saran pur le sue* (Gl'Ingannati: 338) – Штаны-то её будут;
- Capitano. *Non ho ancor aperta la lettera, ma che ti pensi, sarà qualcheduno, che non ritrova strada...* (Pronuba: 22) – Капитан. Я ещё письмо не открыл, но что ты думаешь, *ведь будет же* кто-нибудь, кто не находит дорогу...

Futuro употребляется для указания на действие или факт, в достоверности которого есть сомнения, и у времени появляется эпистемическая модальность, что особенно применимо к *Futuro Anteriore*:

- Pilastrino. <...> *penso che questo sarà stato medicina a farli uscir l'amor da le calcagna* (I tre tiranni: 250) – Пиластрино. <...> думаю, *избавило его от любви-то, наверное, лекарство*.

Аналогичное значение сохраняется не только в активном, но и в пассивном залоге и усиливается лексическими маркерами вроде *forse* (может быть):

- Marco. <...> *Risposi: saranno forse segnate, che voi le conoscerete* (Il Candelaio: 70) – Марко. <...> Я ответил: *возможно, они будут помечены*, так вы их узнаете.

Но наметившиеся тенденции пока не отличаются регулярностью: еще встречаются контексты, где *Futuro* употребляется в своем основном значении для выражения действия, которое должно произойти в будущем (независимо от степени уверенности в его реализации):

- Lidio femina. <...> *Or che farò io, meschina Santilla?* <...> *Se io sposo costei, subito cognoscerà che io femina e non maschio sono* (La Calandria: 35) – Лидио-женщина. <...> Что же сейчас мне делать, бедняжке Сантилле? <...> Если я женюсь на ней, она сразу же узнает, что я не мужчина, а женщина.

Частотной является конструкция с глаголом *vedere* в форме *Futuro Semplice* **vedrò di + infinito**, имеющая значение *постараюсь сделать что-либо* и заменяющая более распространенную в *italiano standard* конструкцию **cercherò di + infinito** [D'Achille 2010]:

- Sguazza. *Quattro, otto, dodici, sedici. Sedici grossi. Vedrò di farli bastare* (L'amor costante: 24) – Сгуацца. Четыре, восемь, двенадцать, шестнадцать. Шестнадцать монет. *Постараюсь сделать так*, чтобы их хватило;
- Triuollino. <...> **vedrò di accommodarmi** (Pronuba: 58) – Триуоллино. <...> *попытаюсь устроиться*.

Любопытно, что **vedere + di + infinito** – не единственная несколько трансформировавшаяся на современном этапе конструкция, сохранившая при этом свою содержательную наполненность. Так, переосмысливаются способы передачи значения процессуальности: перифраза **stare + герундий**, активно употребляющаяся сейчас в ситуациях неформального общения, еще не существовала в XVI в., но ее функции выполняли конструкции **stare + a + infinito** и **andare + gerundio**, довольно часто встречающиеся в текстах комедий:

- Rufino. *State a udire* (Il Pedante: 121) – Руфино. *Приготовьтесь слушать*;
- Stragualcia. <...> *Che diavolo andate intrigando?* (Gl'Ingannati: 358) – Страгуалча. <...> Какого дьявола *вы тут затеваете?*

Кроме того, ряд дополнительных значений появляется и у *Imperfetto*:

1) время начинает использоваться при вежливой просьбе (т. н. *imperfetto di cortesia* – имперфект вежливости):

- Malfatto. *Volevo toccare un po' qua dentro* (Il Pedante: 103) – Мальфатто. *Я бы хотел потрогать немного тут*;

⁸ Asini G. *Pronuba*. Francesco Osanna, Mantova, 1588, 110.

⁹ Здесь и далее по тексту в скобках приведены названия произведений и страницы, на которых расположены цитаты.

¹⁰ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

- *Malfatto. Volevo stare con meco abbracciato* (Il Pedante: 135) – Мальфатто. Я хотел бы, чтобы меня обняли;
- 2) в значении настоящего времени:
 - *Vezzo mio, ti venivo a trovare* (Gl'Ingannati: 394) – Нежность моя, я здесь тебя навестить;
- 3) в условных периодах 3 типа, замещающая *Congiuntivo Trapassato* и *Condizionale Composto*:
 - *Agnoletta. <...> Ma ti so ben dire che noi donne, se non ci veniva il marchese a fargli andar via, a lungo andare ci capitavamo male* (Amor costante: 119) – Аньолетта. <...> Но я могу тебе точно сказать, что мы, женщины, если бы не пришел маркиз и не прогнал нас, явно бы не поладили;
- 4) при выражении будущего времени в прошедшем (эту функцию в *italiano standard* имеет *Condizionale Composto*):
 - *Marchetto. <...> E subito cominciò, con tante bravarie, con tanti squartamenti, a minacciare che voleva venire a liberare e' prigionieri...* (Amor costante: 85) – Маркетто. <...> И тотчас же начал так рьяно угрожать, что придёт освободит тюрьмы.

В том, что касается использования наклонений, отмечается общая тенденция вытеснения конъюнктива индикативом. Так, вместо *Congiuntivo* в придаточных, выражающих личное мнение и вводимых союзом *che* после глаголов субъективного восприятия, таких как *credere* (полагать), *pensare* (думать), *bastare* (быть достаточным), *sperare* (надеяться), *dubitare* (сомневаться) и т. д., начинают использоваться почти все времена *Indicativo*:

1. Presente Indicativo:

- *Gio. Bernardo. Olà, olà, ritiratevi, ritiratevi! ch'è credo, che messer Bonifacio viene* (Il Candelaio: 110) – Джованни Бернардо. Ну же, ну же, отступайте, отступайте! Потому что, думается мне, мессер Бонифачио идёт.

2. Futuro Semplice Indicativo:

- *Vergilio. Di questo ve ne potrete consigliar poi; che spero che non accadrà* (Amor costante: 58) – Верджилио. А это вы сможете посоветовать позже, чего, надеюсь, не произойдёт.

3. Trapassato Prossimo:

- *Sguazza. <...> Basta che la conclusione era che tutta la colpa rivolta adosso a Lucrezia* (Amor costante: 24) – Сгуацца. <...> Достаточно того, что в итоге вся вина была возложена на Лукрецию.

4. Futuro Anteriore Indicativo:

- *Vergilio. Se gli è così, dubito che cotesto Lorenzino ci arà fatto su disegno per sé* (Amor costante: 50) – Верджилио. Если так, то сомневаюсь, что этот Лоренцино сделал по рисунку для себя.

5. Passato Remoto:

- *Messer Ligdonio. <...> ma no importa: basta che fu una de quille dello tempo antico de' romani* (Amor costante: 66) – Мессер Лигдониио. <...> но неважно: достаточно, что она была одной из античных римских времен.

Нередко для выражения неуверенности в подобных случаях использования индикатива появляются лексические маркеры (например, *forse*):

- *Pronuba. <...> non vi mancheranno fanciulle nobili, ricche e belle al pari di Delia, e che forse vi amano più di lei* (Pronuba: 62) – Пронуба. <...> вы не испытаете недостатка в девушках благородного происхождения, богатых и красотой равных Делии, которые, возможно, полюбят вас больше, чем она;
- *Fannio. Non te disperare, ch'è forse e' cieli non te abbandoneranno* (La Calandria: 36) – Фаннио. Не отчаивайся, и тогда, быть может, небеса тебя не оставят.

Иногда это сопровождается плеонастическим союзом *che*, не вводящим придаточное предложение, но выполняющим эмфатическую функцию и роль текстового коннектора [Марченко 2019: 200] (данный феномен получил название *che polivalente*):

- *Messer Cesare. Forse che la mia somma disgrazie sarà finita in somma ventura...* (Il Ragazzo: 284) – Мессер Чезаре. Может быть так, что моё величайшее несчастье окажется великой удачей;
- *Fessenio. <...> E forse che non l'ha messo in bone mane?* (La Calandria: 22) – Фессенио. <...> А, может, что он не отдал его в хорошие руки?

Аналогичным образом индикатив на месте конъюнктива употребляется

1) при косвенном вопросе:

- *Polinico. <...> E sai tu come ell'è?* (La Calandria: 17) – Полинико. <...> А ты знаешь, какая она?; *Pedante. Ditemi, di grazia, come la cosa sta* (Gl'Ingannati: 386) – Педант. Скажите мне, Бога ради, как обстоит дело;

2) при инверсии:

- *Fessenio. <...> Ma, trovato che è una fanciulla, tutti si sono rasserenati* (La Calandria: 17) – Фессенио. <...> Но, обнаружив, что она девочка, все успокоились.

Впрочем, примеров с использованием *Congiuntivo* пока значительно больше. Независимо от периода написания комедии и родного автору региона, все времена наклонения активно употребляются в придаточных, вводимых союзом *che* после глаголов чувственного восприятия и волеизъявления, таких как *temere* (бояться), *volere* (хотеть), *desiderare* (желать) и др.:

1. Congiuntivo Presente:

- Siro. <...> *Ma non voglio che mai per mezzo mio faccia tal roffiania* (I tre tiranni: 187) – Сиро. <...> Но я не хочу, чтобы моими руками когда-либо устраивали такие сводни;

2. Congiuntivo Passato Prossimo:

- Messer Giannino. *Perch'io dubito che questo vecchiaccio non abbi sempre avuto in animo di godersi Lucrezia lui* (Gl'Ingannati: 82) – Мессер Джаннино. Потому что я сомневаюсь, чтобы этот старикан в глубине души не хотел всегда и сам насладиться Лукрецией;

3. Congiuntivo Imperfetto:

- Malfatto. *Be', io volevo che facessi l'imbasciata a quel compagno* (Il Pedante: 147) – Мальфатто. Ну, я хотел, чтобы ты наведалься к тому товарищу;

4. Congiuntivo Trapassato Prossimo:

- Filocrate. <...> *Dio volesse che non ci avesse visto!* (I tre tiranni: 195) – Филократ. <...> Сам Господь захотел, чтобы он нас не увидел!

Исключительно сослагательное наклонение (при этом важны времена – только *Congiuntivo Imperfetto* или *Congiuntivo Trapassato Prossimo*) используется:

- 1) в модальных придаточных после союза *come se*:
 - Caterina sola. <...> *Egli mi vorrà isquartare: come se io n'avessi tutta la colpa, di questo fatto!* (Il Ragazzo: 259) – Катерина одна. <...> Он захочет меня четвертовать: будто бы только я виновна в этом!;
 - Scatizza. <...> *tutte si facevan beffe del fatto mio, come se io fusse stato un zugo melato* (Gl'Ingannati: 333) – Скатитца. <...> все они высмеивали меня, будто я был простофилей;
- 2) во временных придаточных после союза *prima che*:
 - Valerio. <...> *Ritorna, prima che il tuo padre se ne accorga...* (Il Ragazzo: 262) – Валерио. <...> Возвращайся, прежде чем твой отец заметит.

Однако это наклонение чаще встречается в речи представителей высших слоев общества, имеющих образование, и почти не употребляется слугами – разве что изредка в беседах со знатью. Таким образом, использование конъюнктива или индикатива говорит об уровне образованности персонажа и является ярким средством речевой характеристики героев комедий.

Наиболее близкой реальному состоянию итальянского языка на данный момент представляется точка зрения Гаэтано Берруто, который не пишет ни о т. н. смерти сослагательного наклонения и движении к полному его исчезновению, ни о его широком распространении в придаточных предложениях, но отмечает опциональность употребления *Congiuntivo*. Это значит, что обязательность его употребления сменяется индивидуальным выбором говорящего, самостоятельно принимающего решение об использовании или не использовании

наклонения в речи, ориентируясь на собственный вкус и степень субъективности высказывания: чем она выше, тем выше вероятность появления глагольных форм в *Congiuntivo* [Berruto 2017: 42].

Наконец, отмечается тенденция к замещению пассивной диатезы активной, хотя частотны контексты употребления:

- 1) *si passivante* (т. е. конструкции с *si* и переходным глаголом, позволяющие образовать неопределенно-личное предложение [Жолудева 2018а: 794]):

- Messer Consalvo. <...> *Vediam più presto di mandar per qualche medico e vedere se si trovasse rimedio alla bevanda* (L'amor costante: 113) – Мессер Консальво. <...> Постараемся как можно скорее послать за доктором и посмотрим, найдётся ли средство от напитка;
- Gherardo. *Fa' adunque, Virginio, se desideri in questa cosa farmi piacere, come hai detto, che quanto più presto sia possibile si facciano queste benedette nozze* (Gl'Ingannati: 317) – Герардо. Так сделай же, Вирджинио, если, конечно, как ты говорил, желаешь доставить мне удовольствие, чтобы как можно скорее устроилась эта славная свадьба;
- Messer Cesare. *Se mi guarisci, tutti i porchi che si amazzaranno in Roma, questi tre anni, saranno per conto tuo* (Il Ragazzo: 213) – Мессер Чезаре. Если меня вылечишь, то все свиньи, которые за эти три года забиваются в Риме, будут твои;

- 2) *si impersonale* (а именно конструкции с *si*, позволяющие построить «безличное предложение с глаголом любого структурного типа (помимо безактантных – *piovere*, *nevicare* и т. п.) в третьем лице единственного числа» [Жолудева 2018а: 794]):

- Marchetto. *Mi par che, la prima cosa, si debbi dare spaccio a quei prigionieri* (L'amor costante: 85) – Маркетто. Мне кажется, что первым делом следует освободить тех узников;
- Caterina. <...> *A ogni modo, non ci si può vivere* (Il Ragazzo: 260) – Катерина. <...> В любом случае, здесь нельзя жить.

Стоит еще раз отдельно подчеркнуть, что упомянутые явления (впрочем, как и на современном этапе развития итальянского языка) пока еще имеют нерегулярный характер: так, частотны примеры с использованием конъюнктива, в модальных и временных придаточных и вовсе не употребляется индикатив, а *Futuro* всё еще продолжает выражать значения ближайшего будущего времени независимо от степени уверенности говорящего в возможности выполнения действия. Кроме того, достаточно высока степень полиморфии – сосуществования разных форм, выражающих одно и то же значение, например наличия двух форм:

1) причастие прошедшего времени глагола *vedere* (видеть) даже в пределах одной комедии:

- *...tanto mi raffigurava quanto se mai veduto non m'avesse* (L'amor costante: 29) – ...так он меня изобразил, словно никогда и не видал;
- *Agnoletta. M'ha visto...* (L'amor costante: 46) – Аньолетта. Он меня видел...;

2) причастие прошедшего времени глагола *perdere* (терять, проигрывать):

- *Fessenio. <...> e ora ricorre a maliastre, ad incantatrici, a negromanti che recuperare le faccino lo amante suo come se perduto l'avesse* (La Calandria: 11) – Фессенио. <...> и теперь обращается к ворожеям, колдуньям и некромантам, чтобы они помогли ей вернуть возлюбленного, будто она его уже утратила;
- *Fulvia. <...> Non è dolor pari a quello de una donna che si trova aver perso la sua giovinezza in vano* (La Calandria: 47) – Фульвия. <...> Нет боли равной той, что испытывает женщина, осознавшая, что потеряла свою молодость напрасно.

По этой причине едва ли можно сделать вывод об общеупотребительном и широком распространении реализации вторичных функций времен в комедиях итальянских авторов XVI в. или о зависимости наличия данного явления от периода написания комедии и диалектных особенностей – рассматриваемые феномены практически в равной степени присутствуют во всех выбранных для анализа комедиях.

В наименьшей степени они характерны для текста комедии неаполитанского автора Джордано Бруно: в «Подсвечнике» наблюдается вариативность в использовании сослагательного наклонения, однако в остальном используется полный спектр глагольных форм. Более того, активно употребляется *Passato Remoto* – простой перфект, характерный для южных диалектов и практически отсутствующий (особенно в разговорной речи) в центральной и северной Италии. Впрочем, неаполитанская комедия отличается от проанализированных текстов не только на морфологическом уровне: например, яркой чертой является использование предлога *in* со всеми топонимами, в том числе с городами:

- *...più bella della quale non è facile trovar in Napoli* (Il Candelaio: 27) – ...красивее которой трудно отыскать в Неаполе.

Это связано со структурными различиями южных и северных диалектов Апеннинского полуострова, которые сохраняются по сей день: только в южных регионах в ситуациях повседневной коммуникации активно используется простой перфект. Данная характеристика находит отражение и в тексте XVI в.: частотность использования *Passato Remoto* в комедии Дж. Бруно значительно выше, нежели у комедиографов из других регионов.

Заключение

На современной стадии развития итальянского языка совершенно очевидно движение к упрощению глагольной системы: многие времена и наклонения (например, *Passato Remoto* или все времена *Congiuntivo*) оказываются практически неупотребительными в ситуациях повседневной коммуникации или же выполняют функцию стилистически не нейтральных маркеров, характеризующих формальные речевые регистры. В то же время потребность выражать традиционно передаваемые ими значения остается, что приводит к расширению спектра функций других, более употребительных в ситуациях неформального общения времен. Следствием данного процесса в конечном итоге вполне вероятно может стать переосмысление временных значений и полная замена одних глагольных форм другими во всех речевых регистрах.

Проведенный анализ текстов комедий итальянских авторов XVI в. подтверждает, что говорить об инновативном статусе этой тенденции не вполне корректно, поскольку речь персонажей комедий уже изобилует примерами реализации вторичных функций времен, которые полностью соответствуют происходящим на нынешнем этапе процессам: настоящее время всё чаще употребляется в значении ближайшего будущего, заменяя *Futuro*; ряд функций *Futuro Semplice* и *Futuro Anteriore* сужается до выражения неуверенности в возможности совершения действия; имперфект вытесняет *Condizionale* в вежливых просьбах, а также в условных предложениях 3 типа (зачастую вместе с *Congiuntivo Trapassato*, начиная употребляться в обеих частях предложения); индикатив постепенно занимает место конъюнктива в дополнительных придаточных, определительных придаточных с неопределенным антецедентом, при косвенном вопросе и инверсии главной и придаточной частей; намечается общая тенденция использования активного залога вместо пассивного.

Тем не менее отсутствие систематичности проанализированных феноменов в комедиях авторов южной, центральной и северной Италии дает основание говорить скорее о наметившихся тенденциях (хотя, как можно судить ретроспективно, впоследствии и получивших развитие), нежели о регулярных явлениях. Причем реплики, в которых они содержатся, принадлежат преимущественно представителям низших сословий (или же представителям высших сословий, однако только в ситуациях общения со слугами), являясь средством речевой характеристики персонажей: неправильным, отличным от нормативного использованием времени или наклонения подчеркивается минимальный уровень или отсутствие образования героя. Слуги и паразиты коммуницируют, максимально упрощая

свою речь, зачастую пренебрегая согласованием времен и избегая сложных конструкций.

Таким образом, наличие примеров реализации вторичных функций времен в комедиях итальянских комедиографов XVI в. наглядно иллюстрирует, что на современной стадии итальянский язык не обогащается инновативными явлениями, но, скорее, претерпевает процесс рестандартизации, при котором явления, характерные для просторечного, сниженного узуса, меняют свое положение и становятся нормативными – «многие тенденции прослеживаются в текстах прошлого и, отцензурированные или попросту незамеченные

грамматистами, являются своего рода субстандартом по отношению к современному языку» [De Blasi 2014: 36]. Норма наконец становится дескриптивной, а не прескриптивной, и начинает соответствовать реальному узусу носителей языка [Berruto 2014: 156].

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Жолудева Л. И. К вопросу о понятии *italiano neostandard*. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 2. С. 499–506. [Zholudeva L. I. The concept of Italiano Neostandard. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 499–506. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-499-506>
- Жолудева Л. И. Конструкции "si impersonale" и "si passivante" в итальянском языке XVI века. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2018а. Т. 3. № 5. С. 794–801. [Zholudeva L. I. Impersonal and passive si-constructions in the Italian language of XVI century. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2018a, 3(5): 794–801. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ymjygd>
- Жолудева Л. И. Проблемы языкового нормирования в ранних итальянских и португальских лингвистических сочинениях: территориальная и функциональная основы нормы. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 1. С. 231–238. [Zholudeva L. I. Language standardization issues in early Italian and Portuguese linguistic treatises: territorial and functional bases of language norm. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2014, (1): 231–238. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/styvij>
- Жолудева Л. И. Речевая характеристика слуги в итальянских комедиях XVI века: к вопросу о параметрах языковой вариативности. *Научный диалог*. 2018b. № 11. С. 37–49. [Zholudeva L. I. Speech characteristics of servants in Italian comedies of the 16th century: on parameters of language variability. *Nauchnyi dialog*, 2018b, (11): 37–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-37-49>
- Марченко Е. Г. Имитация спонтанной устной речи в пьесах сиенских комедиографов XVI века. *Stephanos*. 2019. № 4. С. 197–203. [Marchenko E. G. Spontaneous spoken language imitation in the comedies by 16-century Siena-born authors. *Stephanos*, 2019, (4): 197–203. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2019-36-4-197-203>
- Antonelli G. *L'italiano nella società della comunicazione*. Bologna: Il Mulino, 2007, 206.
- Berruto G. *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo*. 2nd ed. Roma: Carocci, 2014, 278.
- Berruto G. What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview. *Towards a new standard: Theoretical and empirical studies on the restandardization of Italian*, eds. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. Berlin-Boston: De Gruyter, 2017, 31–60. <https://doi.org/10.1515/9781614518839-002>
- Cerruti M., Crocco C., Marzo S. On the development of a new standard norm in Italian. *Towards a new standard: Theoretical and empirical studies on the restandardization of Italian*, eds. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. Berlin-Boston: De Gruyter, 2017, 3–30. <https://doi.org/10.1515/9781614518839-001>
- Crocco C. Everyone has an accent. Standard Italian and regional pronunciation. *Towards a new standard: Theoretical and empirical studies on the restandardization of Italian*, eds. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. Berlin-Boston: De Gruyter, 2017, 89–117. <https://doi.org/10.1515/9781614518839-004>
- D'Achille P. *L'italiano contemporaneo*. Bologna: Il Mulino, 2010, 288.
- D'Onghia L. Da quanto tempo gli italiani parlano italiano? Riflessioni sparse sulla questione dell'italofonia preunitaria. *Trasversalità delle lingue e dell'analisi linguistica*, eds. Fiorentino G., Ricci C., Siekiera A. Firenze: Cesati, 2018, 35–48.
- D'Onghia L. *Drammaturgia. Storia dell'italiano scritto. II. Prosa letteraria*, eds. Antonelli G., Motolese M., Tomasin L. Roma: Carocci editore, 2014, 153–202.
- De Blasi N. *Geografia e storia dell'italiano regionale*. Bologna: Il Mulino, 2014, 247.

- De Pascale S., Marzo S., Speelman D. Evaluating regional variation in Italian: towards a change in standard language ideology? *Towards a new standard: Theoretical and empirical studies on the restandardization of Italian*, eds. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. Berlin-Boston: De Gruyter, 2017, 118–142. <https://doi.org/10.1515/9781614518839-005>
- Hernández-Campoy J. M., Schilling N. The application of the quantitative paradigm to historical sociolinguistics: Problems with the generalizability principle. *The handbook of historical sociolinguistics*, eds. Hernández-Campoy J. M., Conde-Silvestre J. C. Chichester-Malden: Wiley-Blackwell, 2014, 63–79.
- Migliorini B. La questione della lingua. *Questioni e correnti di Storia letteraria*. Milano: Calo Marzorati, 1949, 1–72.
- Migliorini B. *Storia della lingua italiana*. Firenze: Sansoni, 1960, 841.
- Mioni A. M. Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione. *Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini*, eds. Benincà P. et. al. Pisa: Pacini, 1983, vol. 2, 495–517.
- Nencioni G. *Autodiacronia linguistica: un caso personale*. Firenze: Olschki, 1983, 25.
- Nencioni G. *Fra grammatica e retorica*. Firenze: Leo Olschki Editore, 1955, 184.
- Patota G. I percorsi grammaticali. *Storia della lingua italiana. Vol. I. I luoghi della codificazione*, eds. Serianni L., Trifone P. Torino: Einaudi, 1993, 93–137.
- Sabatini F. L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane. *Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart*, eds. Holtus G., Radtke E. Tübingen: Narr, 1985, 154–184.
- Serianni L., Bottai B., Azeglio Ciampi C. *La lingua nella storia d'Italia*. Roma-Milano: Società Dante Alighieri; Libri Scheiwiller, 2002, 787.
- Trovato P. *Storia della lingua italiana: il primo Cinquecento*. Bologna: Mulino, 1994, 476.

© 2023. Касаткина Т. Ю.

Межъязыковое исследование ассоциативного значения слова жизнь

оригинальная статья

Межъязыковое исследование ассоциативного значения слова *жизнь*: на материале удмуртского, татарского и башкирского языков

Касаткина Татьяна Юрьевна

Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск

<https://orcid.org/0009-0000-3953-1624>

tatkas512@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.03.2023. Принята после рецензирования 26.06.2023. Принята в печать 26.06.2023.

Аннотация: Рассмотрен ассоциативно-полевой подход к исследованию значения слова с позиций психолингвистической парадигмы на материале удмуртского, башкирского и татарского языков. Основным языковым материалом послужили результаты свободных ассоциативных экспериментов. Актуальность работы определяется подходом, связанным с проблемами репрезентации знаний в языковом сознании носителей языка и изучением специфики этнических стереотипов. Сопоставительное психолингвистическое исследование семантики слова с носителями указанных языков проводится впервые. Цель – выявить особенности семантической структуры ассоциативных полей коррелятов лексемы *жизнь* в сопоставляемых языках: *улон* (удмуртский язык), *әүмер* (башкирский язык) и *гомер* (татарский язык). Количественные и качественные параметры позволили выявить универсальные и отличительные компоненты в содержании их ассоциативных структур. Количественные показатели свидетельствуют о том, что реакции носителей башкирского и татарского языков, входящие в ядро ассоциативного поля, обладают высоким уровнем стереотипности ответов. Реакции парадигматического типа преобладают над реакциями синтагматического типа во всех рассматриваемых ассоциативных полях. Качественная интерпретация когнитивных стратегий идентификации значения слова выявила их универсальность для удмуртов, башкир и татар. Идентификационный процесс проходил главным образом с опорой на конкретный ментальный образ предмета или объекта, а также на эмоционально-окрашенные и оценочные признаки в составе семантемы. Башкиры и татары на предложенный им стимул дали многословные, поясняющие реакции в отличие от носителей удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, башкирский язык, татарский язык, значение слова, количественный анализ, качественный анализ, носитель языка, семантическое поле, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, ментальный лексикон, языковое сознание, вербальные ассоциации, реакция, стимул

Цитирование: Касаткина Т. Ю. Межъязыковое исследование ассоциативного значения слова *жизнь*: на материале удмуртского, татарского и башкирского языков. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 509–521. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-509-521>

full article

Associative Meaning of the Word *Life* in the Udmurt, Tatar, and Bashkir Languages: An Interlanguage Comparative Study

Tatiana Yu. Kasatkina

Udmurt State University, Russia, Izhevsk

<https://orcid.org/0009-0000-3953-1624>

tatkas512@yandex.ru

Received 27 Mar 2023. Accepted after peer review 26 Jun 2023. Accepted for publication 26 Jun 2023.

Abstract: The research featured experimental material obtained from Udmurt, Bashkir, and Tatar respondents as part of a psycholinguistic approach to the study of lexical meaning by its associative field. This approach is connected with the knowledge representation in the linguistic consciousness of native speakers and the specifics of ethnic stereotypes. The study owes its scientific novelty to the fact that it is a first of its kind comparative psycholinguistic study of the word semantics that involves the speakers of Udmurt, Bashkir, and Tatar. The study identified the semantic content and structure

of the associative fields of the lexeme *life* in the abovementioned languages. It relied on the associative reactions received from the native speakers of Udmurt, Bashkir, and Tatar. The results of the psycholinguistic associative experiments served as the basic linguistic material for further cross-cultural research. The associative fields included the correlates of the lexeme *life* in the three languages: *ulon* (Udmurt), *gumer* (Bashkir), and *gomer* (Tatar). The quantitative and qualitative parameters allowed the author to identify universal and distinctive components in the content of the associative structures. The responses of Bashkir and Tatar speakers were mostly stereotypical in the core of the associative field. Paradigmatic reactions prevailed over syntagmatic ones in all associative fields. The qualitative interpretation of cognitive strategies appeared to be universal for the Udmurts, Bashkirs, and Tatars. The identification process was based on a specific mental image of a subject or object, as well as on emotionally-colored and evaluative signs as part of a semanteme. Unlike the Udmurt speakers, the Bashkirs and Tatars gave lengthy and explanatory reactions to the stimulus. The results can be used in teaching these national languages or as an effective tool for the formation of a multilingual personality through the study of associative lexical fields. In linguistic theories of semantics, an associative field can be used as a structured model for analyzing semantic representations of a word. The obtained results contribute to solving a certain range of theoretical issues related to the problem of mental vocabulary and human speech activity.

Keywords: Udmurt language, Bashkir language, Tatar language, word semantics, quantitative analysis, qualitative analysis, native speaker, semantic field, associative field, association experiment, mental lexicon, linguistic consciousness, verbal associations, reaction, stimulus

Citation: Kasatkina T. Yu. Associative Meaning of the Word *Life* in the Udmurt, Tatar, and Bashkir Languages: An Interlanguage Comparative Study. *SibScript*, 2023, 25(4): 509–521. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-509-521>

Введение

В последнее время наблюдается значительный рост интереса к сопоставительным исследованиям, вызванный, по мнению М. А. Стерниной и И. А. Стернина, «потребностью выявления универсальных черт языкового материала, стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков, интересом к изучению национальной специфики семантики и изучением национальной специфики языкового мышления, необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где указываются национально-специфические черты семантики переводных соответствий и др.» [Стернина, Стернин 2021: 6–7]. На сегодняшний день исследования по языковым контактам представителей различных культур находятся в центре научных интересов многих лингвистов, психолингвистов и этнолингвистов. Особый интерес представляет анализ содержания знаний, стоящих за словом, и национальных ценностей в обыденном сознании носителей разных культур, длительное время проживающих на одной территории в постоянном контакте.

В современной психолингвистической парадигме отсутствуют компаративные исследования, выполненные на материале удмуртского, башкирского и татарского языков. Важность и актуальность проведения сопоставительных исследований с носителями указанных языков продиктована возможностью определения универсальных и национально-маркированных признаков в содержании семантики национальных языковых единиц. В данной статье представлены некоторые

способы анализа структуры и содержания ассоциативного поля (АП) эквивалентов лексической единицы *жизнь* в исследуемых языках, выявлены стратегии и опоры, используемые испытуемыми при идентификации знакомого слова.

Целью исследования является сравнительный анализ АП удмуртской лексики *ulon*, башкирской *gumer* и татарской *gomer* для выявления общих и отличительных компонентов в ассоциативной структуре и содержании семантики. Новизна работы заключается в том, что межъязыкового сопоставительного исследования ассоциативного значения слова *жизнь* на материале вышеуказанных языков ранее не проводилось. Данные языки относятся к урало-алтайской языковой группе, которая включает в себя финно-угорские языки, куда входит удмуртский язык и тюркские, в составе которых присутствуют татарский и башкирский. Исследуемые нами языки являются агглютинативными – имеющими строй, при котором доминирующим типом словообразования является агглютинация («приклеивание» различных формантов (суффиксов, префиксов, аффиксов), каждый из которых имеет только одно значение). Объект исследования – ассоциативные реакции, полученные от носителей удмуртского, башкирского и татарского языков. Предмет – содержание структуры АП лексики *жизнь* в рассматриваемых языках.

Методическим вопросам проведения межъязыкового / межкультурного сопоставительного анализа посвящены работы известных отечественных

психолингвистов [Залевская 1998; Итигелова 2007; Некрасова 2004; Рогожникова 2000; Стернина, Стернин 2021].

Для нас большой интерес представляют исследования по развитию семантики слова у носителей башкирского и татарского языков [Габдуллина 2021; Габдуллина, Поснова 2021; Газизова 2005а; 2005b; Давлетбердина 2009; Рогожникова, Габдуллина 2011; Салихова 2002]. Особое внимание ученые уделяли вопросам моделирования ассоциативного поведения индивидов, владеющих башкирским и татарским языками, в ракурсе их национально-культурных особенностей. В вышеприведенных работах представлены экспериментальные материалы по исследованию психологической структуры значения слова, выявлению путей и способов идентификации значения слова и механизмов его функционирования в индивидуальном сознании. Прикладной аспект исследований на башкирском и татарском языках послужил триггером к исследованию семантики удмуртского слова и проведению интегративных сопоставительных исследований.

Результаты данного исследования могут найти применение в образовательной среде при обучении национальным языкам. АП слова может быть использовано при формировании у обучающихся знаний о семантических связях единиц языка, синонимии, антонимии и полисемии. В перспективе данные, полученные на большом массиве стимульного материала с включением значительного числа респондентов, будут способствовать решению проблем по сохранению и улучшению экологии коммуникации в мультилингвальной среде.

Любая языковая единица по своей природе является двусторонней, т. е. обладает материальной формой и смысловым содержанием – значением. Психолингвистические методы успешно справляются с задачей изучения того, что кроется за внешней оболочкой слова. Решение этой задачи становится возможным при проведении ассоциативного эксперимента, в результате которого на слово-стимул экспериментатор получает множество реакций, составляющих АП (ассоциативное окружение) слова. Несмотря на определенные недостатки, описанные в работе А. Д. Палкина [Палкин 2022], данный метод исследования обладает несомненными преимуществами по сравнению с другими интроспективными методами изучения семантики слова. Он предоставляет возможность моделировать семантические поля и способы распознавания лексической единицы. Вербальная ассоциация – это закрепившаяся в сознании человека психологическая связь между двумя словами, своеобразный отклик одного слова на другое. В отличие от чисто лингвистического подхода, «психолингвистическое описание семантики слова позволяет приблизить его

к психологической реальности, описать психологически реальное значение языковой единицы в единстве ее ядра и обширной периферии – последняя не выделяема без использования психолингвистических методов» [Стернин, Рудакова 2021: 141]. Важнейшие теоретико-методологические проблемы, связанные с использованием данных, полученных в свободном ассоциативном эксперименте, описаны в монографии сотрудников лаборатории психолингвистики Московского государственного лингвистического университета [Пищальникова и др. 2019].

АП слова многими исследователями рассматривается как эффективный инструмент для изучения семантической структуры памяти индивида, его ментального лексикона и коммуникативной способности. Каждая единица ментального лексикона человека одновременно входит в несколько разных полей [Касаткина 2020: 590]. АП наглядно демонстрирует отношения и связи между словами, складывающиеся у человека в процессе его психического и интеллектуального развития. Таким образом, исследование содержания АП слова может послужить важным инструментарием для изучения такого сложного ментального образования, как концепт. Всесторонний анализ ассоциативно-вербальных связей *стимул – реакция* позволяет выявить характеристики концепта – оценочное отношение к нему национального сознания.

Экспериментальным путем доказано, что АП не статичны. Лонгитюдные исследования подтверждают, что АП слова – это динамичное образование со сложной иерархической структурой, сохранившей результаты восприятия, понимания, усвоения слова индивидом в процессе его познавательной деятельности, которые ярко проявляются в способах идентификации стимула в условиях ассоциативного эксперимента.

В АП слова объединены на основе определенной семантической или смысловой близости. При анализе АП в составе семантемы выявляются вариативные семемы, устанавливается сила семантической связи между ними. АП слов используются в языкознании для решения таких важных проблем, как языковая способность человека, развитие и функционирование семантики слова в индивидуальном сознании, формирование ментального лексикона человека, моделирование семантических полей и др. [Залевская 2014; Овчинникова 2018; Попова, Стернин 2015; Потанина и др. 2016; Уфимцева, Балясникова 2021].

Работы по исследованию семантики слова с использованием ассоциативного эксперимента подтвердили, что ассоциативная структура значения многообразнее значения слова, зафиксированного в толковых словарях с минимальным набором лексико-семантических вариантов.

Она содержит образные, эмоционально-оценочные характеристики, а также некоторые стилистические и семантические нюансы [Горошко 2001; Залевская 2003; 2004]. По мнению Ю. А. Борисовой, «ассоциативное поле может быть представлено как функционально обусловленная многомерная психолингвистическая модель, которая содержит вербальные ассоциативные связи, выявленные в процессе АЭ [ассоциативного эксперимента]» [Борисова 2019: 269].

Ассоциативный эксперимент предоставляет ученым большие возможности для этнолингвистических сопоставительных исследований с целью определения межъязыковых сходств и различий в содержании семантики слова у представителей разных национальностей. В задачи такого рода исследований входит изучение индивидуального и коллективного языкового сознания, что становится возможным только при наличии репрезентативной выборки и достаточного объема экспериментального материала. Такие исследования приобретают особую актуальность в условиях многоязычного / многокультурного социума.

Методы и материалы

В качестве основного метода использован ассоциативный эксперимент, признанный одним из эффективных способов описания языкового сознания представителей разных культур, их стереотипов, мотивов и оценок. АП лексемы отражает актуальное коллективное языковое сознание этнической группы, описывает то, что средний носитель языка понимает под знакомой вербальной единицей. АП в сравнительных исследованиях используется как модель, предоставляющая опосредованный доступ к языковому сознанию носителей исследуемых национальных культур. Ассоциативный эксперимент предлагает исследователю богатый материал и возможности для изучения как универсальных тенденций в ассоциативном поведении людей, так и специфических, отражающих язык и культуру определенной этнической группы. В условиях многоязыкового социума проведение исследований с использованием ассоциативного эксперимента приобретает особую значимость.

Материалом для сопоставительных исследований могут служить ассоциативные словари, в основу которых легли результаты масштабных экспериментов с носителями разных языков. Данные этих словарей дают возможность лингвистам изучать системность образа мира носителей разных культур, проводить межъязыковые исследовательские работы с разными целями и задачами. Для сопоставления структуры и содержания АП

мы воспользовались ассоциативным словарем башкирского и татарского языков¹. В нем представлены результаты многолетних массовых психолингвистических исследований, проведенных уфимскими психолингвистами для определения национальной специфики функционирования семантики слова в индивидуальном и групповом сознании и выявления стандартного для общества набора слов-реакций на слово-стимул.

Как следует из предисловия к словарю, «среди респондентов, принявших участие в ассоциативном эксперименте на территории Республики Башкортостан, были студенты 1-3 курсов факультета башкирской и татарской филологии Башкирского государственного университета, студенты 1-2 курсов факультетов информатики и робототехники, защиты в чрезвычайных ситуациях Уфимского государственного авиационного технического университета, студенты уфимского медресе им. Марьям Султановой, студенты национальных групп Уфимского государственного института искусств, а также молодые актеры Уфимского государственного татарского театра "Нур", а также жители сельских районов»². Общее число реакций на любое слово-стимул в словаре – 100. Ассоциативные статьи, полученные на слова *гомер* (тат.) и *гүмер* (башк.), заимствованы нами из этого словаря.

Гомер: озын (длинная) 28; тормыш (жизнь / быт); яшәу (жить) 7; итү (проживать) 3; вакыт (время); кыска (короткая); тормыш юлы (жизненный путь); юлы (путь); яшәеш (бытие); юл (путь) 2; авыр (тяжелая); ак болыт (белое облако); аккан су (текущая вода); бирелгән вакыт (отведенное время); буге (всю жизнь); бәхетле (счастливая); бөтен эйбер дә бетә (всё проходит); гомер тиз үтә (жизнь быстро проходит); гомерләр уза (жизнь проходит); еллар агышы (текут года); ике килми (два раза не даётся); кеше (человек); кеше гомере (жизнь человека); кояш чыга бата (солнце встаёт, садится); кунак (гость); кыска һәм озын була (бывает длинной и короткой); машина; мизгел (мгновение); мәгънәгә үтүе (провести со смыслом); озын гомер (длинная жизнь); озак (долго); озак яшәу (долго жить); матур итеп яшәу (жить красиво); тиз үткән нәрсә (быстро проходящая вещь); тиз үткән кебек (как будто быстро проходит); тукталышсыз юл (путь без остановок); шаулап торган дингез (бурлящее море); юллары (пути); язмыш (судьба); яраткан кешең (любимый человек); яшь (молодой, год, возраст); яшәу озынлыгы (продолжительность жизни); яшәу дәвере (период жизни); яшәсе һәм яшәлгән юл (прожитый и предстоящий прожить путь); үземнең (моя); үлгәнче яшәу (жить, пока не умрешь); үтте (прошла); үтә (проходит); үтә дә китә (пролетает);

¹ Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков, гл. ред. Т. М. Рогожникова. М.: ФЛИНТА; НАУКА, 2016. 364 с.

² Там же.

үткән һәм киләсе (прошлое и будущее); үткән тормыш (прожитая жизнь); үткән вакыт (прошлое время) 1. 100 + 54 + 1 + 41.

Гүмер: озон (длинная) 26; тормош (жизнь / быт) 6; бәхетле (счастливая); бәхет (счастье); дөнъя (мир); озон юл (длинная дорога) 3; бер генә (только раз); вакыт (время); йәшлек (молодость); кыска (короткая); мөхәббәт (любовь); үлем (смерть) 2; аз (мало); аккан һыу (текучая вода); аңлашылмаган нәмә (непонятная вещь); бала сак (детство); бергенә бирелә (дается один раз); бөтмәс (нескончаемая); бәхетле гүмер (счастливая жизнь); еп (нить); имтихан (экзамен); йылга (река); йәшәлгән йылдар (прожитые годы); йәш (возраст); йәшәү (жить); йәшәү вакыты (время жизни); йәшәү дәүре (период жизни); 1 йәштән алып – үлгәнәгә тиклем (от одного года до смерти); кеше (человек); кеше был дөнъяла берзе йәшәй (человек живет один раз на этой земле); кеше гүмере (жизнь человека); кешегә ер йөзөндә йәшәргә бирелгән вакыт (время, данное человеку для жизни); кеше йәшәү дәүре (период жизни человека); көрәш (борьба); матур (красивая); мизгел (мгновение); мәгәнәле (со смыслом); озак (долгая); озак йәшәү (жить долго); озон озак интегегү (долго-долго мучиться); олатай (дедушка); төрлө уйзар (разные мысли); тура һызык (прямая линия); тыугандан үлгәнсе үткән (проходит от рождения до смерти); ул һәр вакыт бар (она всегда есть); һағыш (грусть, тоска); һикәлтәле юл (ухабиастая дорога); һукмак (тропинка); һыу (вода); һәр кешегә бирелгән (дана каждому человеку); шишимә (родник, источник); юл (путь, дорога); юл озон (дорога (длинная)) 1; нулевая реакция 1. 100 + 55 + 1 + 41.

Ассоциативный эксперимент с носителями удмуртского языка был проведен в соответствии с общепринятыми в психолингвистике правилами и методикой. Перед проведением экспериментатор объяснил участникам цель и задачи эксперимента, условия и время выполнения задания. Суть эксперимента заключается в необходимости реагировать на предъявленные стимулы первым словом, которое приходит на ум испытуемому. Ответы письменно фиксируются в регистрационном листе с указанием возраста, пола и профессии участника.

В эксперименте с носителями удмуртского языка участвовало более 140 человек. Поскольку в ассоциативных статьях на башкирское и татарское слово жизнь представлено по 100 реакций, то для удобства проведения анализа по количественным показателям будем учитывать только 100 анкет удмуртов. Основную массу респондентов составили студенты Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета, которые обучаются на родном для них языке. Частично к эксперименту были привлечены жители городов и сельской

местности Удмуртской Республики, средний возраст которых составил 34 года.

На стимул **улон** участники эксперимента дали следующие реакции:

Улон: умой (хорошая); кузь (длинная) 12; секыт (трудная); улон инты (место жительства) 8; корка (дом); кулон (смерть) 5; уж (работа); шудо (счастливая) 4; улыны-вылыны (жить-поживать); ужаны (работать) 3; аръёс (годы); мөз-мыт (скучная) 2; вакчи дыр (короткое время); вордскем инты (место рождения); узыр (богатая); трос аръёс (много лет); пинальёс (дети); дунне вылын улыны (жить на свете); узыр улыны (жить богато); валантэм (непонятная); улон сюрес (жизненный путь); студентъёслэн (студенческая); мынам улонэ (моя жизнь); лякыт углу (легкой не бывает); нюръяськон (борьба); улон сярсы вераны (говорить про жизнь); сюрес (дорога / путь); шудон өвөл (не игра); яратон (любовь); егитъёс (молодежь); анай но атае (мама и папа); будущее; коньдон (деньги); семья; туалал улон (современная жизнь); планета; адыми (человек); проблема; мынам тазалыке (мое здоровье); улон дун (цена жизни); улон понна (ради жизни); улон корка (жилой дом); дышетскон (учеба); сюлмаськон (беспокойство) 1. 100 + 67 + 0 + 33 [Касаткина 2020].

Как и в любом ассоциативном словаре, реакции расположены по мере убывания их частоты. Ответы с частотой встречаемости 1 составляют периферию АП. В конце словарной статьи приводятся количественные показатели реакций, например, 100 + 67 + 0 + 33, где первая цифра указывает на общее число реакций на стимул; вторая – число разных реакций; третья – число отказов дать реакцию; четвертая – число единичных реакций. Внутри словарной статьи указаны данные по количеству респондентов и их ответы. Эти показатели позволяют легко выделить ядро АП и его периферию. В ядро входят стереотипные, многократно повторяющиеся ассоциаты. Единичные реакции можно с уверенностью отнести к ближней или дальней периферии АП.

Таким образом, в ходе ассоциативного эксперимента исследователь получает для каждого слова-стимула некоторый набор реакций, которые в совокупности образуют психолингвистическое значение слова. Внутри АП элементы, составляющие его, образуют семантические микрополя. АП, полученное в ходе массового анкетирования респондентов, может служить инструментом лингвистического и психолингвистического анализа внутренней структуры значения слова.

Для проведения межъязыкового исследования семантики слова жизнь и его коррелятов в удмуртском, башкирском и татарском языках получен весь необходимый материал для проведения анализа АП по количественным и качественным параметрам.

Результаты

Количественный анализ содержания ассоциативных полей

В психолингвистической литературе описывается разнообразие возможных подходов к количественному анализу АП. В большинстве работ по внутриязыковому и междиязыковому анализу состава АП учитываются: 1) уровень стереотипности реакций (три наиболее частые реакции); 2) среднее количество разных и единичных реакций на стимул; 3) соотношение синтагматических и парадигматических реакций (%) [Касаткина 2018: 39]. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

1. Стереотипность проявляется в том, что многие реакции можно предсказать, они регулярны, возникают автоматически, произвольно на любой вербальный раздражитель. Г. А. Мартинович полагает, что все реакции с частотностями больше двух являются стандартными или стереотипными; реакции с частотностью 2 следует рассматривать как промежуточный участок АП. Автор высказывает мысль, что при увеличении числа респондентов частотность многих из них будет возрастать [Мартинович 1990]. Статистический анализ количественных данных, представленных в таблице 1, позволил нам выделить стереотипные реакции удмуртов, башкир и татар.

Башкиры и татары обладают более высоким уровнем стереотипности мышления, чем удмурты. Наиболее частым ответом оказались реакции *озон* (длинная) и *озын* (длинная) соответственно. Второй по частотности воспроизведения у татар и башкир оказалась также одинаковая реакция – *тормыш* (быт / жизнь) и *тормош* (быт / жизнь). Как видно из примеров, татарский и башкирский как родственные языки очень близки по написанию и произношению слов. В отличие от них, удмуртские респонденты на предъявленный стимул дали стереотипные ответы *умой* (хорошая) и *кузь* (длинная). Ассоциативная пара *жизнь* – *длинная* оказалась самой частой в трех исследуемых языках. В числе стереотипных реакций (5 %) у удмуртов присутствует антонимическая пара *улон* – *кулон* (жизнь – смерть). У 2 % башкир стимул *гүмер* вызвал ассоциацию *улем* (смерть). В АП татарской лексики *гомер* реакция *смерть* отсутствует.

Центр АП удмуртской лексики *улон* представлен следующим набором ассоциатов: *умой* (хорошая); *кузь* (длинная); *секыт* (трудная); *улон инты* (место жительства). Жизнь представляется в языковой картине мира удмуртов прежде всего длинной, трудной и связана с местом жительства. Ядро татарской лексики *гомер* составляют ассоциаты *озын* (длинная); *тормыш* (быт / жизнь); *яшәү* (жить). Как и в случае с удмуртами, жизнь для представителей татарской культуры представляется длинной и связана с бытом. Ядерную зону

Табл. 1. Реакции с наиболее высокими показателями стереотипности
Tab. 1. The most stereotyped responses

Экспериментальная группа	Стереотипные реакции на стимул <i>жизнь</i>	Показатель стереотипности
Удмурты	умой (хорошая)	12 %
	кузь (длинная)	12 %
	улон инты (место жительства)	8 %
	секыт (трудная)	8 %
Татары	озын (длинная)	28 %
	тормыш (быт / жизнь)	7 %
	яшәү (жить)	7 %
Башкиры	озон (длинная)	26 %
	тормош (быт / жизнь)	6 %
	бәхетле (счастливая)	6 %

АП башкирского слова *гүмер* занимают реакции *озон* (длинная); *тормош* (жизнь); *бәхетле* (счастливая); *бәхет* (счастье). Для башкир, как и для удмуртов и татар, жизнь – длительный жизненный процесс. Отличие от двух других групп заключается в том, что жизнь для них есть счастье.

2. В структуре АП исследуемых лексем отражены количественные показатели как разных, так и единичных реакций на стимул. На татарский стимул *гомер* было дано 54 % разных реакций; на башкирский стимул *гүмер* – 55 %; на удмуртский стимул *улон* – 67 %. Согласно данным Ассоциативного словаря носители татарского и башкирского языков дали одинаковое количество единичных ответов (по 41 %). В эксперименте с носителями удмуртского языка единичные ответы составляют 33 %. Количественный анализ результатов ассоциативного эксперимента выявил, что показатели единичных и разных реакций внутри родственных языков (татарском и башкирском) в нашем исследовании оказались схожими.

Единичные реакции, составляющие периферию АП, также заслуживают внимания при проведении анализа. В полученных АП исследуемых слов выделим несколько сегментов, представленных единичными реакциями. В АП слова *гомер*: а) *субъект* – *кеше* (человек);

кунак (гость); *яраткан кешең* (любимый человек); б) **объект** – машина; юллары (пути); тукталышсыз юл (путь без остановок); *шаулап торган дингез* (бурлящее море); в) **действие** – *бөтен эйбер дә бетә* (всё проходит); *гомер тиз үтә* (жизнь быстро проходит); *гомерлар уза* (жизнь проходит); *мәгънәгә үтүе* (провести со смыслом); *үтә* (проходит); *үтә дә китә* (пролетает).

АП башкирского стимула **гүмер**: а) **субъект** – *кеше* (человек); *олатай* (дедушка); б) **объект** – *дөнъя* (мир); *мөхәббәт* (любовь); *йәшлек* (молодость); юл (путь, дорога); *имтихан* (экзамен); *көрәш* (борьба); в) **действие** – *кеше был дөнъяла берзе йәшәй* (человек живет один раз на этой земле); *озак йәшәү* (жить долго); *озон озақ интегегү* (долго-долго мучиться); *тыугандан үлгәнсе үткән* (проходит от рождения до смерти).

Носители удмуртского языка дали 33 % единичных реакций. Среди единичных реакций удмуртов выделяются следующие зоны: а) **субъект** – *пинальёс* (дети); *егитъёс* (молодёжь); *анай но атае* (мама и папа); *семья*; *адями* (человек); б) **объект** – *сюрес* (дорога / путь); *яратон* (любовь); *коньдон* (деньги); *дышетскон* (учеба); *вордскем инты* (место рождения); в) **действие** – *дунне вылын улыны* (жить на свете); *узыр улыны* (жить богато); *улон сярәсь вераны* (говорить про жизнь).

3. В языке существуют два основных типа внутрисистемных отношений – парадигматические и синтагматические. Парадигматические отношения между единицами языка могут быть представлены минимальными объединениями слов, например оппозициями, и максимальными – семантическими полями или лексико-семантическими группами. Синтагматические отношения – последовательность любых языковых элементов, образующих в речи более сложные единицы. Считается, что парадигматические и синтагматические связи, существующие между единицами языка, вместе способствуют наиболее полному раскрытию значения слова.

Синтагматические атрибутивные реакции:

- **улон** (удм.): *умой* (хорошая); *кузь* (длинная); *секыт* (трудная); *шудо* (счастливая); *мёзмыт* (скучная); *узыр* (богатая); *валантэм* (непонятная); *студентъёслэн* (студенческая); *туала улон* (современная жизнь); *чебер* (красивая);
- **гомер** (тат.): *озын* (длинная); *кыска* (короткая); *авыр* (тяжелая); *бәхетле* (счастливая); *озын гомер* (длинная жизнь);
- **гүмер** (башк.): *озон* (длинная); *бәхетле* (счастливая); *кыска* (короткая); *бөтмәс* (нескончаемая); *матур* (красивая); *озак* (долгая).

Кроме этого, в АП исследуемых слов присутствует множество предикативных синтагматических отношений между стимулом и реакцией:

- **гомер** (тат.): *гомер тиз үтә* (жизнь быстро проходит); *гомерлар уза* (жизнь проходит); *ике килми* (два раза не дается); *кыска һәм озын була* (бывает длинной и короткой); *мәгънәгә үтүе* (провести со смыслом); *тиз үткән кебек* (как будто быстро проходит); *үтте* (прошла); *үтә* (проходит); *үтә дә китә* (пролетает);
- **гүмер** (башк.): *бергенә бирелә* (дается один раз); *тыугандан үлгәнсе үткән* (проходит от рождения до смерти); *ул һәр вакыт бар* (она всегда есть); *һәр кешегә бирелгән* (дана каждому человеку);
- носители удмуртского языка в основном отреагировали на предъявленный стимул **улон** атрибутивными синтагматическими реакциями.

Таким образом, у носителей удмуртского языка зарегистрировано 44 % синтагматических реакций, у татар – 33 %, у башкир – 34 %. Самыми часто воспроизводимыми парами с данным типом связи для удмуртов стали пары **улон** – *умой* (хорошая) 12; *кузь* (длинная) 12. Для носителей татарского и башкирского языков – **гомер** – *озын* (длинная) 28; **гүмер** – *озон* (длинная) 26.

Количественные показатели по синтагматическим реакциям в трех исследуемых группах привели к выводу, что большинство респондентов в ходе эксперимента продуцировали реакции парадигматического типа. Примеры парадигматических ассоциаций пригодны для изучения синонимии и антонимии [Дударева 2017; Рудакова, Стернин 2015]. В качестве примера приведем такие татарские реакции на стимул **гомер**, как *тормыш* (жизнь / быт); *яшәеш* (бытие); *язмыш* (судьба). В башкирском АП присутствуют синонимические реакции – *тормош* (жизнь); *язмыш* (судьба). Антонимические реакции: **улон** – *кулон* (смерть); **гүмер** – *үлем* (смерть).

В содержании АП слова *жизнь* для носителей удмуртского, башкирского и татарского языков сосредоточены семантические признаки, связанные с состоянием бытия человека и его временным периодом:

- **улон** (удм.): *улыны-вылыны* (жить-поживать); *вакчи дыр* (короткое время); *трос аръёс* (много лет); *будущее*; *туала улон* (современная жизнь);
- **гомер** (тат.): *яшәү* (жить); *итү* (проживать); *вакыт* (время); *яшәеш* (бытие); *бирелгән вакыт* (отведенное время); *мизгел* (мгновение); *язмыш* (судьба); *яшәү озынлыгы* (продолжительность жизни); *яшәү дәвере* (период жизни); *яшәсе һәм яшәлгән юл* (прожитый и предстоящий прожить путь); *үлгәнче яшәү* (жить, пока не умрешь); *үтте* (прошла); *үтә* (проходит); *үтә дә китә* (пролетает); *үткән һәм киләсе* (прошлое и будущее); *үткән тормыш* (прожитая жизнь); *үткән вакыт* (прошлое время);
- **гүмер** (башк.): *тормош* (жизнь); *вакыт* (время); *йәшлек* (молодость); *аз* (мало); *бала сак* (детство); *бергенә бирелә* (дается один раз); *бөтмәс* (нескончаемая);

йэшэлгэн йылдар (прожитые годы); йэш (возраст); йэшәү (жить); йэшәү вакыты (время жизни); йэшәү дәүре (период жизни); йәштән алып – үлгәнгә тиклем (от одного года до смерти); кеше йэшәү дәүре (период жизни человека); мизгел (мгновение); озак йэшәү (жить долго); тыугандан үлгәнсе үткән (проходит от рождения до смерти).

Содержательная вариативность ответов внутри АП дает возможность их группировки по тематическим полям, учитывая смысловые отношения и связи между стимулом и реакцией:

А. Жизнь как сложный процесс:

- **улон** (удм.): *секыт* (трудная); *лякыт* углу (легкой не бывает); *нюръяськон* (борьба); *шудон ѓвѓл* (не игра); *проблема*; *сюлмаськон* (беспокойство);
- **гомер** (тат.): *авыр* (тяжелая); *шаулап торган дингез* (бурлящее море);
- **гүмер** (башк.): *имтихан* (экзамен); *көрәш* (борьба); *һағыш* (грусть, тоска); *һикәлтәле юл* (ухабистая дорога).

В. Оценка жизни (положительная или отрицательная):

- **улон** (удм.): *шудо* (счастливая); *умой* (хорошая); *кузь* (длинная); *секыт* (трудная); *мѓзмыт* (скучная); *узыр* (богатая); *лякыт уг лу* (легкой не бывает); *туала улон* (современная жизнь); *чебер* (красивая); *студентъѓслэн* (студенческая);
- **гомер** (тат.): *озын* (длинная); *кыска* (короткая); *авыр* (тяжелая); *бәхетле* (счастливая); *кыска һәм озын була* (бывает длинной и короткой); *озын гомер* (длинная жизнь); *матур итеп яшәү* (жить красиво);
- **гүмер** (башк.): *озон* (длинная); *бәхетле* (счастливая); *кыска* (короткая); *бѓтмәс* (нескончаемая); *бәхетле гүмер* (счастливая жизнь); *матур* (красивая); *озак* (долгая).

С. Жизненные ценности:

- **улон** (удм.): *пинальѓс* (дети); *ярәтон* (любовь); *мынам тазалыке* (мое здоровье);
- **гүмер** (башк.): *бәхет* (счастье); *мөхәббәт* (любовь).

Таким образом, жизнь для носителей удмуртской, татарской и башкирской культур имеет универсальные оценочные характеристики. В АП слов присутствуют реакции, отражающие как положительное, так и отрицательное восприятие жизни.

Анализ структуры АП стимулов *гомер*, *гүмер* и *улон* позволил выделить общие ассоциации на стимул *жизнь* в языковом сознании татар, башкир и удмуртов. В таблице 2 приведен набор общих ассоциаций, совпадающих по двум или по всем трем исследуемым языкам.

В целом необходимо отметить, что степень семантического сходства АП исследуемых лексем велика. Понятие *жизнь* относится к общечеловеческим ценностям, является универсальным и значимым

для представителей всех культур. Наши экспериментальные данные указывают на схожесть его понимания у людей рассматриваемых нами этнических групп. Во всех трех группах в ассоциативном значении слова *жизнь* нашли отражение семы *способ существования, быт; длительность; качество; функционирование, деятельность*. Анализ содержания АП продемонстрировал, что ассоциации, данные носителями татарского, удмуртского и башкирского языков, отличаются в большей степени не по глубинным семантическим признакам, а по формальным. У татар и башкир реакции-словосочетания преобладают над реакциями-словами, даны более развернутые ответы, присутствуют реакции-сравнения.

Сопоставительный анализ АП также выявил, что в АП удмуртской лексики *улон* присутствуют ассоциации, которых нет в АП татар и башкир: *улон инты* (место жительства); *корка* (дом); *уж* (работа); *вордскем инты* (место рождения); *пинальѓс* (дети); *коньдон* (деньги); *семья; мынам тазалыке* (мое здоровье); *анай но атае* (мама и папа). Стоит признать, что перечисленные реакции нельзя отнести к национально-специфическим. В рассматриваемых АП национальная маркированность ассоциаций не нашла своего яркого выражения на уровне семантики. По своему содержанию АП татар и башкир наиболее семантически близки.

Табл. 2. Набор общих реакций в структуре ассоциативных полей слов *гомер*, *гүмер* и *улон*

Tab. 2. Common responses in the structure of *gomer*, *gumer*, and *ulon* associative fields

Жизнь (рус.)	Гомер (тат.)	Ғүмер (башк.)	Улон (удм.)
Длинная	озын	озон	кузь
Счастливая	бәхетле	бәхетле	шудо
Трудная / тяжелая	авыр	–	секыт
Короткая	кыска	кыска	вакчи дыр
Непонятная / непонятная вещь	–	анлашыл-маған нәмә	валантәм
Человек	кеше	кеше	адями
Дорога / путь	юлы / юл	юл	сюрес
Время	вакыт	вакыт	–
Любовь	–	мөхәббәт	ярәтон
Смерть	–	үлем	кулон
Борьба	–	көрәш	нюръяськон
Жить / поживать	яшәү	йәшәү	улыны-вылыны

Способы идентификации значения слова

Под идентификацией слова в психолингвистике понимается способность и готовность человека оперировать продуктами предшествующего когнитивного опыта при встрече со словом и его значением. Слово выступает в качестве средства, осуществляющего доступ к семантическим структурам памяти языковой личности. Идентификация слова включает «полный набор процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чем идет речь, с учетом эмоционально-оценочных нюансов, при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации» [Залевская 1998: 12].

Для распознавания и точной идентификации значения слова человек использует индивидуальные опорные элементы и стратегии. Ассоциативная связь **стимул → реакция**, как правило, устанавливается с опорой на поверхностные формальные признаки слова (фонетические, словообразовательные, автоматические, совпадающие по некоторым элементам и т. д.) или с опорой на глубинные семантические связи, когда от испытуемого потребуются определенная интеллектуальная активность для извлечения необходимой информации из памяти.

Анализ содержания АП исследуемых лексем позволил нам прийти к следующим выводам:

1. При идентификации слова-стимула удмурты, татары и башкиры в основном опирались на **конкретный ментальный образ предмета или объекта**, например:

- **улон** (удм.): корка (дом); *вордскем инты* (место рождения); *анай но атае* (мама и папа); *коньдон* (деньги); *семья*; *пинальёс* (дети);
- **гомер** (тат.): *кеше* (человек); *кунак* (гость); *машина*; *яраткан кешең* (любимый человек);
- **гүмер** (башк.): *кеше* (человек); *олатай* (дедушка).

2. Некоторые респонденты при восприятии и идентификации стимула проявили способность «двигаться в рамках более отдаленных семантических и смысловых расстояний» [Холодная 2002: 72] и отреагировали на стимул **абстрактными реакциями**: **улон** (удм.): *кулон* (смерть); *яратон* (любовь); *будущее*; *сюлмаськон* (беспокойство); **гомер** (тат.): *вакыт* (время); *яшәеш* (бытие); *юл* (путь); *мизгел* (мгновение); *язмыш* (судьба); **гүмер** (башк.): *бәхет* (счастье); *дөнъя* (мир); *вакыт* (время); *йәшлек* (молодость); *мөхәббәт* (любовь); *үлем* (смерть); *язмыш* (судьба); *бәхетле гүмер* (счастливая жизнь); *йәш* (возраст); *кәрәш* (борьба); *мизгел* (мгновение); *һагыш* (грусть, тоска).

3. С структуре АП слова присутствуют **реакции развертывания**, включающие группу многословных ответов (словосочетания и законченные предложения): **улон** (удм.): *улон корка* (жилой дом); *улыны-вылыны*

(жить-поживать); *вакчи дыр* (короткое время); *улон сярсы вераны* (говорить про жизнь); *трос аръёс* (много лет); *улон дун* (цена жизни); *дунне вылын улыны* (жить на свете); *узыр улыны* (жить богато); *улон сюрес* (жизненный путь); *лякыт углу* (легкой не бывает); *шудон өвөл* (не игра); *улон понна* (ради жизни); **гомер** (тат.): *тормыш юлы* (жизненный путь); *ак бирелгән вакыт* (отведенное время); *бөтен эйбер дә бетә* (всё проходит); *гомер тиз үтә* (жизнь быстро проходит); *еллар агышы* (текут года); *ике килми* (два раза не даётся); *кыска һәм озын була* (бывает длинной и короткой); *мәгънәгә үтүе* (провести со смыслом); *тиз үткән нәрсә* (быстро проходящая вещь); *тукталышсыз юл* (путь без остановок); **гүмер** (башк.): *озон юл* (длинная дорога); *аңлашылмаган нәмә* (непонятная вещь); *бергенә бирелә* (дается один раз); *йәшәлгән йылдар* (прожитые годы); *кеше был дөнъяла берзе йәшәй* (человек живет один раз на этой земле); *кеше гүмере* (жизнь человека); *кешегә ер йөзөндә йәшәргә бирелгән вакыт* (время, данное человеку для жизни); *кеше йәшәү дәүере* (период жизни человека); *тыугандан үлгәнсе үткән* (проходит от рождения до смерти).

4. Реакции, включающие **эмоционально-окрашенный и оценочный признак** значения слова: **улон** (удм.): *умой* (хорошая); *секут* (трудная); *шудо* (счастливая); *мбзым* (скучная); *узыр* (богатая); *валантэм* (непонятная); *лякыт углу* (легкой не бывает); **гомер** (тат.): *авыр* (тяжелая); *бәхетле* (счастливая); *матур итеп яшәү* (жить красиво); **гүмер** (башк.): *бәхетле* (счастливая); *аңлашылмаган нәмә* (непонятная вещь); *бөтмәс* (нескончаемая); *бәхетле гүмер* (счастливая жизнь); *матур* (красивая); *озон озак интегеү* (долго-долго мучиться); *һагыш* (грусть, тоска); *һикәлтәле юл* (ухабиная дорога).

5. **Сравнения и метафоры**: **гомер** (тат.): *ак болыт* (белое облако); *аккан су* (текущая вода); *шаулап торган дингез* (бурлящее море); **гүмер** (башк.): *аккан һуу* (текущая вода); *еп* (нить); *йылга* (река); *тура һызык* (прямая линия); *һукмак* (тропинка); *һуу* (вода); *шишмә* (родник, источник); **улон** (удм.): *нюръяськон* (борьба); *сюрес* (дорога / путь). Как видно из приведенных примеров, ответы носителей татарского и башкирского языков отличаются языковой экспрессивностью.

6. **Эго-реакции**: **улон** (удм.): *мынам тазалыке* (мое здоровье); **гомер** (тат.): *үземнең* (моя). Башкирские реакции этого типа отсутствуют.

7. **Словообразовательные реакции** и реакции, имеющие в своем составе предъявленный стимул или его дериват: **улон** (удм.): *улон понна* (ради жизни); *мынам улонэ* (моя жизнь); *узыр улыны* (жить богато); *улон сюрес* (жизненный путь); *улон инты* (место жительства); *улыны-вылыны* (жить-поживать); *улон сярсы вераны* (говорить про жизнь); *туала улон* (современная жизнь);

улон дун (цена жизни); **улон** корка (жилой дом); **гомер** (тат.): **гомер** тиз үтә (жизнь быстро проходит); **гомерләр** уза (жизнь проходит); **кеше** **гомере** (жизнь человека); **озын** **гомер** (длинная жизнь); **гүмер** (башк.): **бәхетле** **гүмер** (счастливая жизнь); **кеше** **гүмере** (жизнь человека).

Таким образом, осуществляя доступ к слову, идентифицируя значение знакомого слова, носители удмуртского, башкирского и татарского языков использовали схожие стратегии и опоры. В основном при распознавании вербального знака носители рассматриваемых языков опирались на более сложные семантические признаки слова с включением всей информации, которая хранится в сознании и подсознании индивида. В реальности подход к языку как психическому явлению подразумевает интеграцию всех интеллектуальных возможностей индивида в процессе идентификации вербального языкового знака.

Заключение

Проблема изучения того, что кроется за внешней оболочкой слова, по-прежнему представляет большой исследовательский интерес. На материале ассоциативных полей, полученных от носителей удмуртского, башкирского и татарского языков, был рассмотрен психолингвистический подход к исследованию значения слова. В психолингвистике слово и его значение трактуются как средство доступа к индивидуальным и коллективным знаниям, хранящимся в долговременной семантической памяти человека. Данный подход позволяет выявить семантический потенциал лексической единицы и многообразие ее семантически-релевантных связей и отношений в сознании языковой личности. Анализ ассоциативных полей слова *жизнь* в исследуемых языках позволил оценить ассоциативно-вербальное окружение лексемы и многообразие ассоциативных процессов, задействованных при идентификации значения слова индивидом. В структуре ассоциативных полей слов **улон**, **гомер** и **гүмер** были выделены ядерная и периферийная зоны, которые отражают актуальные, наиболее значимые для носителей языка признаки значения слов.

Межъязыковой анализ ассоциативных статей на предложенные стимулы позволил сделать следующие выводы:

1. Количественный анализ полученного материала выявил, что стереотипные реакции удмуртов составили 32 % от общего числа реакций, у башкир – 38 %, у татар – 42 %. Эти реакции являются автоматическими, легко воспроизводимыми ввиду частой встречаемости в текстах и речевой деятельности человека.

2. Ядро АП удмуртской лексемы **улон** представлено реакциями *кузь* (длинная) 12; *умой* (хорошая) 12; *улон инты* (место жительства) 8; *секыт* (трудная) 8; *улон*

инты (место жительства) 8; *кулон* (смерть) 5; *корка* (дом) 5. Ядро татарской лексемы **гомер** занимают реакции *озын* (длинная) 28; *тормыш* (быт) 7; *яшәү* (жить) 7; *итү* (проживать) 3. Центр башкирского стимула **гүмер** образован ассоциациями *озон* (длинная) 26; *тормош* (жизнь) 6; *бәхетле* (счастливая) 3; *бәхет* (счастье) 3; *дөнъя* (мир) 3; *озон юл* (длинная дорога) 3.

3. Анализ ассоциативных полей исследуемых лексем выявил высокую степень семантического сходства. В ассоциативном значении слов **улон**, **гомер** и **гүмер** нашли отражение семы *способ существования, быт; длительность; качество; функционирование, деятельность*. Во всех трех языках общими ассоциациями в составе анализируемых ассоциативных полей стали следующие реакции: *длинная, счастливая, короткая, человек, путь, жить / поживать*. Общими реакциями для башкир и удмуртов стали реакции *непонятная, любовь, смерть, борьба*. Наряду с общими реакциями присутствуют и отличительные. В АП удмуртской лексемы **улон** представлены ассоциации, которые отсутствуют в ассоциативных полях татар и башкир: *место жительства, дом, работа, место рождения, дети, деньги, семья, мое здоровье, мама и папа*.

4. В рассматриваемых ассоциативных полях национальная маркированность ассоциаций не нашла своего яркого выражения на уровне семантики, поскольку понятие *жизнь* относится к общечеловеческим ценностям, является универсальным и значимым для представителей всех культур. Анализ содержания ассоциативных полей продемонстрировал, что ассоциации отличаются в большей степени не по глубинным семантическим признакам, а по формальным. У татар и башкир реакции-словосочетания преобладают над реакциями-словами, даны более развернутые ответы, присутствуют реакции-сравнения, выявлена высокая стереотипность реакций.

5. В исследуемых группах большинство респондентов на предложенный стимулотреагировали реакциями парадигматического типа.

6. Качественная интерпретация материала показала, что доступ к слову и извлечение значения слова из долговременной семантической памяти у удмуртов, башкир и татар происходит с опорой на базовые стратегии и опоры. В основном носители трех языков идентифицировали стимулы, опираясь на конкретный ментальный образ предмета или объекта, а также на эмоционально-окрашенное и оценочное восприятие стимула и связанных с ним субъективных переживаний и оценок.

Ассоциативный эксперимент позволил установить систему ассоциативных связей исследуемых слов. Массив ассоциативных реакций, полученный

от удмуртов, башкир и татар, представляет собой особый инструмент для изучения значения вербальной единицы и процессов развития и функционирования семантики слова в национальном языковом сознании. Разумеется, выводы и данные, полученные лишь от ста испытуемых в каждой исследуемой группе, нельзя полностью перенести на языковую картину мира всех носителей удмуртской, башкирской и татарской культур. Тем не менее данные ассоциативных словарей, тезаурусов и психолингвистических экспериментов широко используются языковедами для проведения внутриязыковых и межъязыковых исследований для изучения национально-культурного своеобразия этнического сознания.

Ассоциативное поле может быть использовано в языкознании как модель для анализа значения слова, его смысловых связей и коммуникативного потенциала. Полученные результаты также способствуют решению определенного круга теоретических задач, связанных с проблемой структурирования ментального лексикона человека и его речевой деятельности. Ассоциативные поля предоставляют исследователю богатый материал для сопоставительных изысканий на материале различных языков, для выявления универсальных и национально-маркированных

характеристик в содержании семантики лексической единицы. Нельзя отрицать их большой прикладной потенциал в преподавании и самостоятельном изучении национальных языков. Результаты исследования могут рассматриваться как эффективный инструмент для формирования мультилингвальной личности через изучение ассоциативно-вербальной сети слов.

Результаты исследования могут найти широкое применение при обучении отдельным национальным языкам или как эффективный инструмент для формирования мультилингвальной личности через изучение ассоциативных полей слов. В лингвистических теориях ассоциативное поле может быть использовано как иерархически структурированная модель для анализа семантических репрезентаций слова. Полученные результаты способствуют решению определенного круга теоретических задач, связанных с проблемой ментального лексикона и речевой деятельностью человека.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 1-1. С. 265–275. [Borisova Yu. A. Association experiment in the modern psycholinguistic research. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, 8(1-1): 265–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25799/AR.2019.43.1.074>
- Габдуллина В. Р. Своеобразие в характере ассоциирования в татарском, башкирском и русском языках. *Русский лингвистический бюллетень*. 2021. № 1. С. 25–29. [Gabdullina V. R. On the uniqueness in the nature of association in the Tatar, Bashkir and Russian languages. *Russian Linguistic Bulletin*, 2021, (1): 25–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.14>
- Габдуллина В. Р., Поснова Е. Н. Особенности ассоциирования в тюркских языках. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2021. Т. 31. № 5. С. 945–953. [Gabdullina V. R., Posnova E. N. Association peculiarities in Turkic languages. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2021, 31(5): 945–953. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-5-945-953>
- Газизова Л. В. О результатах ассоциативного эксперимента с носителями татарского и башкирского языков. *Человек. Язык. Культура: науч.-практ. конф.* (Курск 20 октября 2005 г.) Курск: КГУ, 2005а. Вып. 6. С. 7–12. [Gazizova L. V. An associative experiment with native speakers of the Tatar and Bashkir languages. *Human. Language. Culture: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, Kursk, 20 Oct 2005. Kursk: KSU, 2005a, iss. 6, 7–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukxggj>
- Газизова Л. В. Процедура анализа характера связи между исходным словом и ассоциациями на материале русского, татарского и башкирского языков. *Лингвометодические проблемы обучения иностранным языкам в вузе: науч.-метод. конф.* (Уфа, 18 апреля 2005 г.) Уфа: БашГУ, 2005b. С. 52–55. [Gazizova L. V. The procedure for analyzing the nature of the relationship between the stimulus and associations in the Russian, Tatar and Bashkir languages. *Linguistic and methodic problems of teaching foreign languages at university: Proc. Sci.-Method. Conf.*, Ufa, 18 Apr 2005. Ufa: BashSU, 2005, 52–55. (In Russ.)]
- Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.-Харьков: РА; Каравелла, 2001. 320 с. [Goroshko E. I. *Integrative model of free associative experiment*. Moscow-Kharkov: RA; Karavella, 2001, 320. (In Russ.)]

- Давлетбердина А. Р. Исследование национально-культурной специфики устойчивых сравнений на материале русского, башкирского, татарского языков. *Галерея ассоциативных портретов*, ред. Т. М. Рогожникова. Уфа: УГАТУ, 2009. С. 379–389. [Davletberdina A. R. Research of national-cultural specificity of stable comparisons in the Russian, Bashkir, and Tatar languages. *Gallery of associative portraits*, ed. Rogozhnikova T. M. Ufa: USATU, 2009, 379–389. (In Russ.)]
- Дударева Я. А. Возможности использования «Неймингового словаря русского языка» в исследовании синонимии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 1. С. 154–158. [Dudareva Ya. A. The use of "The Naming Dictionary of the Russian Language" in studying synonyms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (1): 154–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-1-154-158>
- Залевская А. А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция. *Слово и текст: психолингвистический подход*. 2004. № 2. С. 56–71. [Zalevskaya A. A. Conceptual integration as a basic mental operation. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskiy podkhod*, 2004, (2): 56–71. (In Russ.)]
- Залевская А. А. Ментальный лексикон: конструкт, метафора или миф? *Global trends of development of ethnic languages in the context of providing Intern. communications / Traditions and modern trends in the process of formation of humanitarian values: LXXXIII Intern. Research and Prac. Conf. and II stage of the Championship in Philology*. (L., 26 Jun – 2 Jul 2014). L.: IASHE, 2014. С. 42–44. [Zalevskaya A. A. Mental lexicon: a construct, a metaphor, or a myth? *Global trends of development of ethnic languages in the context of providing Intern. communications / Traditions and modern trends in the process of formation of humanitarian values: LXXXIII Intern. Research and Prac. Conf. and II stage of the Championship in Philology*, London, 26 Jun – 2 Jul 2014. L.: IASHE, 2014, 42–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/towyir>
- Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: ВГУ, 1998. 206 с. [Zalevskaya A. A. *The word in the human lexicon: a psycholinguistic study*. Voronezh: VSU, 1998, 206. (In Russ.)]
- Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка. *Методология современной психолингвистики*, ред. В. А. Пищальникова. М.: АлтГУ, 2003. С. 72–78. [Zalevskaya A. A. Linguistic consciousness and descriptive model of language. *Methodology of modern psycholinguistics*, ed. Pishchalnikova V. A. Moscow: AltSU, 2003, 72–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxkwcv>
- Итигелова В. С. Ассоциативный эксперимент как средство выявления национально-культурной специфики образов языкового сознания (на примере образов семьи и государства). *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2007. № 2-2. С. 148–150. [Itiglova V. S. Associative experiment as a means of revealing the national-cultural specificity of images of linguistic consciousness: images of the family and the state. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2007, (2-2): 148–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcfmyl>
- Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2020. Т. 14. № 4. С. 589–603. [Kasatkina T. Yu. Associative field as a model for word meaning analysis. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2020, 14(4): 589–603. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603>
- Касаткина Т. Ю. Психолингвистические исследования семантики слова. Ижевск: УдГУ, 2018. 192 с. [Kasatkina T. Yu. *Psycholinguistic studies of word semantics*. Izhevsk: UdsU, 2018, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmmceh>
- Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле. *Вопросы психологии*. 1990. № 2. С. 143–146. [Martinovich G. A. Types of verbal connections and relations in the associative field. *Voprosy Psikhologii*, 1990, 2: 143–146. (In Russ.)]
- Некрасова С. В. О методике проведения межъязыкового анализа экспериментального материала. *Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология*, ред. Т. М. Рогожникова. Уфа: УГАТУ, 2004. С. 232–235. [Nekrasova S. V. Methodology of interlanguage analysis of experimental material. *Problems of teaching foreign languages: methodology, linguistics, and psychology*, ed. Rogozhnikova T. M. Ufa: USATU, 2004, 232–235. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyqjez>
- Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона. *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 36. С. 84–98. [Ovchinnikova I. G. Syntagmatic mistakes in Russian speech in the aspect of the mental lexicon structure. *Journal of Psycholinguistics*, 2018, (36): 84–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-36-2-84-98>
- Палкин А. Д. Ассоциативный эксперимент: к обсуждению метода. *Российская психолингвистика: итоги и перспективы: XX Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. (Москва, 27–28 мая 2022 г.) М.: РУДН, 2022. С. 48–49. [Palkin A. D. Associative experiment: discussing the method. *Russian Psycholinguistics: Results and Prospects: XX Intern. Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*, Moscow, 27–28 May 2022. Moscow: RUDN, 2022, 48–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvjxyk>

- Пищальникова В. А., Карданова-Бирюкова К. С., Панарина Н. С., Степыкин Н. С., Хлопова А. И., Шевченко С. Н. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М.: Р. Валент, 2019. 200 с. [Pishchalnikova V. A., Kardanova-Biryukova K. S., Panarina N. S., Stepykin N. S., Khloпова A. I., Shevchenko S. N. *Association experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics*. Moscow: R. Valent, 2019, 200. (In Russ.)]
- Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. 4-е изд., стер. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с. [Popova Z. D., Sternin I. A. *Language and national picture of the world*. 4th ed. M.-Berlin: Direct-Media, 2015, 101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwnbuz>
- Потанина Ю. Д., Подлесская В. И., Федорова О. В. Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: данные русского мультимодального корпуса. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Междунар. конф. «Диалог»*. (Москва, 1–4 июня 2016 г.) М.: РГГУ, 2016. Вып. 15. С. 566–577. [Potanina Yu. D., Podlesskaya V. I., Fedorova O. V. Verbal working memory and lexico-grammatical signals of speech difficulties: data from the Russian multimodal corpus. *Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. Intern. Conf. "Dialogue"*, Moscow, 1–4 Jun 2016. Moscow: RSUH, 2016, iss. 15, 566–577. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlzcgn>
- Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа: УГАТУ, 2000. 242 с. [Rogozhnikova T. M. *Psycholinguistic study of the functioning of the polysemous word*. Ufa: USATU, 2000. 242. (In Russ.)]
- Рогожникова Т. М., Габдуллина В. Р. Ассоциативное портретирование: опыт экспериментального исследования (на материале башкирского и татарского языков). *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2011. № 4. С. 168–172. [Rogozhnikova T. M., Gabdullina V. R. Associative portraiture: experimental research in the Bashkir and Tatar languages. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye humanitarnye issledovaniia*, 2011, (4): 168–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxeoxz>
- Рудакова А. В., Стернин И. А. Методика психолингвистического исследования синонимов. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 24. С. 258–271. [Rudakova A. V., Sternin I. A. Methodology of psycholinguistic study of synonyms. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (24): 271–285. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txixix>
- Салихова Э. А. Изучение структуры ассоциативных полей слов: опыт теоретико-экспериментального исследования. Уфа: Вост. ун-т, 2002. 165 с. [Salikhova E. A. *Structure of associative fields of words: an experience of theoretical and experimental research*. Ufa: Vost. un-t, 2002, 165. (In Russ.)]
- Стернин И. А., Рудакова А. В. Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова). *Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)*, ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. М.: ИЯз РАН, 2021. С. 140–148. [Sternin I. A., Rudakova A. V. Meaning as a phenomenon of linguistic consciousness: psycholinguistic meaning of the word. *Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)*, eds. Sternin I. A., Ufimtseva N. V., Myagkova E. Yu. Moscow: IL RAS, 2021, 140–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyvpqn>
- Стернина М. А., Стернин И. А. Сопоставление как лингвистическая методология. Воронеж: Ритм, 2021, 215 с. [Sternina M. A., Sternin I. A. *Comparison as a linguistic methodology*. Voronezh: Ritm, 2021, 215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mneunc>
- Уфимцева Н. В., Балясникова О. В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю. Н. Караулова. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 2. С. 238–254. [Ufimtseva N. V., Balyasnikova O. V. National identity and the associative-verbal network: on a hypothesis of Y. N. Karaulov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, 12(2): 238–254. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254>
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 272 с. [Kholodnaya M. A. *The psychology of intelligence: paradoxes of research*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2002, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvnrad>

оригинальная статья

Способы репрезентации индивидуально-авторских характеристик**3. Смит в оригинале и переводе**

Куракина Наталья Александровна
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, Россия, Калининград
<https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>
NaPetrusevich1@kantiana.ru

Корнева Регина Геннадьевна
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, Россия, Калининград

Поступила в редакцию 16.02.2023. Принята после рецензирования 03.05.2023. Принята в печать 10.05.2023.

Аннотация: Идиостилевые особенности творчества писателей являются актуальным вопросом изучения художественного дискурса, а их сохранение или несохранение в переводе на другие языки – интересной проблемой переводческой практики. Цель – изучить способы репрезентации индивидуально-авторских особенностей в творчестве З. Смит и особенностей их манифестации в переводе. Актуальность и новизна исследования заключаются в необходимости уточнения процедуры изучения и описания идиостилевых особенностей З. Смит в аспекте осуществления переводческой деятельности. Методы: семантическая интерпретация, сравнительно-сопоставительный анализ, контент-анализ, количественные подсчеты, лингвистический анализ на основе модели концептуального профиля, разработанной М. Ю. Мухиным. Материал: оригинал романа З. Смит «О красоте» и его перевод О. Качановой и А. Власовой. Самыми частотными особенностями в творчестве З. Смит являются лексические средства (сравнения, междометия, метафоры, аллюзии, лексические повторы); различные фонографические средства, например, капитализация, графико-фонетические, фонетико-произносительные особенности, характеризующиеся разнообразными акцентами, отраженными с помощью точной фонетической передачи с применением графонов, обилие знаков препинания, выступающих в тексте в качестве графонов. Сделан вывод, что в целом в официальном переводе О. Качановой и А. Власовой переданы и фактический смысл содержания реплик героев, и лексическая часть их речевых портретов за счет использования различных переводческих трансформаций (перестановка слов, лексическая замена, компенсация); в большинстве случаев вполне обоснованным и уместным является использование дословного перевода, сохранение метаграфемы текста-оригинала; однако графическая фиксация особенностей речи героев не всегда находит отражение в тексте перевода.

Ключевые слова: индивидуально-авторские характеристики, идиостилевые особенности, концептуальный профиль, денотативные сферы, денотативные классы, лингвистические средства, художественный дискурс

Цитирование: Куракина Н. А., Корнева Р. Г. Способы репрезентации индивидуально-авторских характеристик З. Смит в оригинале и переводе. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 522–533. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-522-533>

full article

Representation of Zadie Smith's Individual Style in Original Text and Translation

Natalia A. Kurakina
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad
<https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>
NaPetrusevich1@kantiana.ru

Regina G. Korneva
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Received 16 Feb 2023. Accepted after peer review 3 May 2023. Accepted for publication 10 May 2023.

Abstract: Author's individual style and its preservation in translation are a relevant issue of translation practices. This research is the first attempt in domestic linguistics to study Zadie Smith's individual style and its manifestation in translation based on M. Yu. Mukhin's analysis model. The methodology involved the methods of semantic interpretation, comparative analysis, content analysis, quantitative calculations, and linguistic analysis based on the conceptual profile model.

The study featured Z. Smith's novel *On Beauty* and its translation performed by O. Kachanova and A. Vlasova. The analysis revealed the most frequent linguistic and stylistic means and denotative spheres and classes, e.g., such lexical means as simile, interjection, metaphor, allusion, and lexical repetition; various phonographic means, e.g., capitalization, graphic imagery, excessive punctuation, and graphon used to portray a wide variety of accents, etc. The official Russian edition conveyed the actual meaning and the lexical speech portraits by an effective use of various translation transformations, e.g., word order, lexical substitution, compensation, etc. In most cases, literal translation proved to be appropriate as it preserved the metagraphemic of the original text. However, the graphic fixation of the characters' speech not always found its reflection in the translation text.

Keywords: author's individual characteristics, individual style, conceptual profile, denotative spheres, denotative classes, linguistic and stylistic means, artistic discourse

Citation: Kurakina N. A., Korneva R. G. Representation of Zadie Smith's Individual Style in Original Text and Translation. *SibScript*, 2023, 25(4): 522–533. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-522-533>

Введение

Проблема понимания термина *идиостиль* волнует умы отечественных и зарубежных ученых еще со второй половины XX в. Отметим, что первым лингвистом, предложившим дефиницию термина *идиостиль*, мы по праву можем считать А. И. Ефимова, а исследователем, который ввел термин в широкое употребление среди научных деятелей по изучению языка и литературы, – В. П. Григорьева. Традиционно анализ идиостилевых особенностей автора производится в первую очередь на основе анализа лексических и стилистических средств в произведении. Наше утверждение подтверждается выводами множества исследований, в том числе современных, относительно феномена идиостиля. А. И. Ефимов обозначал данное понятие как индивидуальную систему построения речевых средств, которая формируется и применяется автором в процессе создания художественных произведений [Ефимов 1954: 143]. В. П. Григорьев, как и А. И. Ефимов, рассматривал анализ общих закономерностей выбора писателем языковых средств в качестве основы для анализа индивидуальных особенностей автора, т. е. индивидуально-специфические черты писателя при таком подходе реализуются в лексикоцентризме [Григорьев 1983: 128]. В. В. Виноградов тоже предлагал делать суждения об индивидуально-специфических особенностях писателя, сформировав структурированную и связанную систему средств речевого выражения [Виноградов 1961: 85]. Н. Е. Петрова подчеркивает, что данный термин имеет в своем составе часть *идио*, что в переводе с греческого (*idio*) означает *особенный*, поэтому слово *идиостиль* этимологически является индивидуальным явлением, воплощением субъективного и итогом творческого отбора языковой личностью того, что с большей точностью воплощает ее картину мира. Не менее значимой является вторая часть сложного слова *идиостиль*, отсылающая к термину *стиль* как совокупности приемов использования средств языка [Петрова 2022].

Среди разнообразных аспектов рассмотрения идиостиля можно выделить подход М. Ю. Мухина [Мухин 2010а; 2010b; 2010с; 2010d]. Так, в исследовании индивидуально-авторских особенностей идиостиля можно обозначить следующие аспекты: анализ авторских концептуальных систем и авторских синтагматических отношений в лексике. Согласно точке зрения М. Ю. Мухина, у каждого автора имеется индивидуальный набор денотативных классов (концептуальный профиль автора), представленных в его литературных произведениях и отражающих его мировоззрение и восприятие окружающей действительности. Но, как отмечает исследователь, выявление концептуального профиля автора не исчерпывает вопрос об идиостиле писателя: необходима индивидуальная концептуальная система. Концептуальная система представляет собой индивидуальное единство взаимосвязанных денотативных сфер, реализованное в творчестве автора и обусловленное художественной концептуализацией мира. Она формируется, как и любая другая система, посредством выстраивания закономерной структурной взаимосвязи ее компонентов, что требует, в свою очередь, обращения к текстовой реализации сфер, составляющих профиль. М. Ю. Мухин подчеркивает, что концептуальные профили – результаты статистического и идеографического анализа. Для того чтобы судить об идиостилевых особенностях, необходимо дать корректирующие комментарии, основанные на анализе конкретных денотативных групп, а следовательно, конкретных лексических контекстов. Построение концептуального профиля на базе выявления частотных языковых единиц позволяет надеяться на минимизацию зависимости идиостилевого исследования от авторской интенции, сюжета конкретных текстов и читательского субъективизма [Мухин 2010а]. В отношении интерпретации понятия *идиостиль* М. Ю. Мухин придерживается подхода В. А. Пищальниковой [Пищальникова 1992].

Мы придерживаемся этого подхода к трактовке термина *идиостиль* и понимаем под ним систему логико-семантических способов репрезентации доминантных личностных смыслов концептуальной системы автора художественного текста, воплощенную в эстетической деятельности и предполагающую индивидуальную трансформацию языковых выражений.

Цель исследования – изучить способы репрезентации индивидуально-авторских особенностей в творчестве З. Смит и особенностей их манифестации в переводе.

Методы и материалы

Материалом для проведения лингвистического анализа идиостилевых особенностей автора художественного текста посредством применения модели концептуального профиля стало произведение «О красоте» Зэди Смит (родилась в 1975 г. в Северо-Западной части Лондона) в оригинале¹ и перевод² данного произведения в исполнении О. Качановой и А. Власовой. Благодаря книге «Белые зубы» имя писательницы зазвучало в новом ключе. З. Смит получила такую престижную литературную награду, как Премия Коста (Costa Book Awards, до 2005 г. называвшуюся Уитбредовской (Whitbread Book Award)), а также Мемориальную премию Джеймса Тейта Блэка (James Tait Black Memorial Prize). Ее вторая книга получила более сдержанный прием, и З. Смит решила попробовать себя в роли преподавателя творческого письма и курса по этике в романе, устроившись на работу в известный американский университет Гарвард. Этот факт нашел отражение в ее третьем романе «О красоте»: действие разворачивается в вымышленном университетском городке Америки, а главные герои работают на кафедре либерального колледжа. Роман был опубликован в 2005 г. и включен в шорт-лист премии Букер (Booker Prize), удостоен премий Сомерсета Моэма (Somerset Maugham Award), Оранж (Orange Prize for Fiction), Энисфилд-Вульф (Anisfield-Wolf Book Award), премии писателей Содружества (Commonwealth Writer's Book Award)³.

В данной работе идиостилевые особенности писательницы изучены с применением методов семантической и прагматической интерпретации, сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и перевода художественного произведения, лингвистического анализа на основе уже упомянутой модели концептуального профиля автора. В исследовании предпринята попытка формализованного построения концептуальной системы автора художественного текста на основании частотности

лингвистических средств и последующего тематического (идеографического) анализа. Статистика встречаемости языковых средств обеспечила четкий принцип систематизации концептуальных оснований текста. Лингвистический анализ с привлечением конкретных лексических контекстов позволил интерпретировать полученную информацию. Структурный взгляд на индивидуальную концептуальную систему писательницы обеспечен поиском строгих оснований текстового анализа и филологической и лингвистической интерпретации. В нашем случае эти основания заложены в контент-анализе (формализованной выборке материала) и количественных подсчетах. Идеографический анализ лингвистических средств позволил систематизированно представить концептуальную систему автора в виде уникального ряда денотативных приоритетов и задать направления для дальнейшей филологической или лингвистической интерпретации.

Концептуальная система Зэди Смит в данном исследовании представлена как набор доминантных денотативных сфер. Контент-анализ и количественные подсчеты обеспечивают релевантность исследования.

В данной работе мы, вслед за М. Ю. Мухиным, используем названия денотативных сфер из словарей, разработанных и разрабатываемых лексикографическим коллективом «Русский глагол» под руководством заслуженного деятеля РФ Л. Г. Бабенко. Эти тезаурусы содержат множество денотативных сфер, разбитых на лексические группы. Идеографическая лексикография – исследуемое в области лингвистики направление, результатом которого является выпуск словарей, где представлена классификация лексико-семантических множеств, систематизация классов слов. Данная статья основывается на подходе к идеографической интерпретации лексической семантики Уральской семантической школы [Бабенко 2014; 2019; Казарин, Петрухина 2020].

Результаты

Текст оригинала позволил выявить встречаемость определенных лингвистических средств, отражающих индивидуально-авторские особенности, и установить их частотность методом контент-анализа (табл. 1).

На базе выявленных частотных лингвистических средств и посредством анализа проблематики романа З. Смит «О красоте» нами были выявлены доминантные денотативные сферы: живая природа; человек как живое существо; населенный пункт; нации; родственные и семейные отношения; человек

¹ Smith Z. On Beauty: a novel. L.: Penguin Books, 2006. 445 p.

² Смит З. О красоте. Роман. Пер. с англ. О. Качановой и А. Власовой. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2010. 560 с.

³ Zadie Smith. URL: <https://literature.britishcouncil.org/writer/zadie-smith> (accessed 7 Feb 2023).

Табл. 1. Встречаемость лингвостилистических средств в романе З. Смит

Tab. 1. Linguistic and stylistic means in Zadie Smith's *On Beauty*

Лингвостилистические средства	Частотность употребления, количество	Лингвостилистические средства	Частотность употребления, количество
Сравнения	99	Обособления	4
Междометия	68	Капитализации	4
Метафоры	59	Ономатопеи	4
Вульгаризмы	59	Умолчания	4
Фонографические средства	58	Несобственно-прямая речь	3
Сленгизмы	57	Отступления от грамматических норм	3
Эпитеты	55	Восклицательные предложения	3
Аллюзии	49	Каламбуры	3
Лексические повторы	42	Антитезы	3
Иронии	16	Параллелизмы	3
Гиперболы	15	Эвфемизмы	2
Олицетворения	15	Пословицы и поговорки	2
Неологизмы	13	Заимствования	2
Перечисления	10	Литоты	2
Цитаты	7	Вопросительные предложения	2
Оксюморны	5	Метонимии	1
Многосоюзиe	5	Зевгмы	1
Перифразы	5	Саспенсы	1

и его внутренний мир; язык и речь; общественно-государственная сфера; социальная сфера жизни человека⁴ – и 21 денотативный класс с рядом групп и подгрупп. В таблице 2 представлены самые яркие денотативные сферы и классы в романе.

В данном исследовании мы рассмотрели несколько контекстов, относящихся к доминантным денотативным сферам. Обратимся к анализу частотных идиостилевых особенностей. Одной из характерных для идиостиля З. Смит особенностей является такое лингвистическое явление, как аллюзия, помещенная автором в другое лексическое средство – сравнение. Эта особенность находит точное отражение в переводе О. Качановой и А. Власовой. Рассмотрим пример:

(1) *Erskine was never seen out of a suit (Howard had been wearing different versions of the same black jeans for ten*

*years), and the mandarin impression he gave was perfectly completed by his neat salt-and-pepper beard, pointed like a White Russian's, with a matching moustache and 3-D freckles around his cheeks and nose (On beauty: 3)*⁵ – Его невозможно увидеть не в костюме (Говард же десяток лет носит вариации на тему черных джинсов); завершают внешний официоз укомплектованная усами, аккуратная седоватая бородка клинышком, как у белогвардейца, и выпуклые родинки на носу и щеках (О красоте: 28).

Избегая дословного перевода, переводчики выражают сравнение бородки (что в данном контексте в сочетании с эпитетом *аккуратная* имеет положительную коннотацию) с помощью существительного творительного падежа *клинышком* (димиутив придает дополнительную стилистическую окраску сравнению), после чего, подобно З. Смит, вводят сравнительный оборот

⁴ Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам, под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Словари.ру, 2011. 834 с.

⁵ Далее по тексту примеры из оригинала произведения и перевода даны в круглых скобках с указанием названия и страницы.

Табл. 2. Доминантные денотативные сферы и классы в романе З. Смит

Fig. 2. Dominant denotative spheres and classes in Zadie Smith's *On Beauty*

Денотативная сфера	Денотативный класс	Денотативная группа	Денотативная подгруппа
Человек как живое существо	Человек как живой организм	Форма и строение организма человека	<ul style="list-style-type: none"> • расы • особенности телосложения человека • оценка внешности человека • части тела или туловища человека
		Физиологические состояния и процессы, характерные для человека	–
		Движения и жесты человека	–
	Процесс жизненного существования человека	<ul style="list-style-type: none"> • периоды жизни человека • человек определенного возраста 	–
	Физиологические и бытовые потребности человека	Одежда и предметы одежды	–
Родственные и семейные отношения	<ul style="list-style-type: none"> • люди по отношению к браку, супружеству • семья и ее члены, человек по отношению к семье 	–	–
Язык и речь	Речь	Характеристики речи человека	Характерные особенности произношения, выговора, манеры речи
		Характеристики человека по особенностям речи	–

посредством использования союза. В первом случае мы можем наблюдать пример удачной лексической замены Participle II *pointed* на лексическую единицу переводящего языка, не являющуюся ее словарным эквивалентом, т. е. с иным референциальным значением [Бархударов 1975: 208]. Аллюзия, использованная автором «О красоте», передана в тексте переводчиков дословно, без каких-либо сносок, что, на наш взгляд, является лучшим решением, т. к. русскоязычному реципиенту не нужно расшифровывать значение такого слова, как *белогвардеец*. Это связано с тем, что данная аллюзия отсылает читателей к значимому в первую очередь для российской истории событию военных лет – Белому движению, в частности к его участникам с характерными для них внешними особенностями.

Подобно тому, как искусно З. Смит вводит аллюзии при помощи сравнений, писательница прекрасно владеет способностью совмещать такие стилистические средства, как лексический повтор, находящий широкое применение в романе «О красоте», с фонографическими средствами:

(2) *Now, listen to this next bit carefully: in the morning THE WHOLE KIPPS FAMILY have breakfast together and a conversation TOGETHER and then get into a car TOGETHER (are you taking notes?) – I know, I know – not easy to get your head around. I never met a family who wanted to spend so much time with each other* (On beauty: 1) – А теперь важный момент, слушай внимательно: по утрам Кипсы завтракают ВСЕЙ СЕМЬЕЙ и ВСЕ ВМЕСТЕ общаются, а потом ВМЕСТЕ садятся в машину (ты записываешь?). Знаю-знаю, тебя так просто не проймешь. Я еще ни разу не видел, чтобы домашние проводили друг с другом столько времени (О красоте: 11).

В данном примере переводчики воспользовались капитализацией, свойственной идиостилю писательницы, для того чтобы как можно точнее воспроизвести лингвистическую специфику творчества автора. Графическое оформление языковых единиц существенно меняет их восприятие. Так, слово, выделенное прописными буквами, не только является средством выразительности письменной речи, но и оказывает прагматико-речевое воздействие: встречая слово с таким

шрифтовым выделением, как капитализация, реципиент невольно повышает голос как в прямом смысле, при прочтении вслух, так и мысленно, читая про себя. Именно поэтому можно сделать вывод, что капитализация является важной составляющей метаграфемике [Нефляшева 2009: 94]. Использование заглавных букв вместо строчных мотивировано целью создания определенной коннотации и вместе с тем фона всего художественного текста: это обрамляет образ героев, описываемых мест, событий, позволяет раскрыть авторский потенциал [Ланина 2022: 149].

По нашим оценкам, переводчики сумели сохранить исходную эмоционально-эстетическую составляющую, работая над стилистической функцией. Мы пришли к такому выводу, проанализировав текст оригинала с характерными для него **денотативными сферами родственных и семейных отношений, человек и его внутренний мир и денотативными классами семья и ее члены, человек по отношению к семье, одиночество, отчуждение**. По прочтении романа становится очевидным, что Джером преследует цель призвать к здравому смыслу свою семью Белси, находящуюся в политической и личной схватке с семьей Кипс, чьи семейные ценности и традиции импонируют герою.

В целом фонографические средства следует считать одними из самых важных для анализа идиостилевых особенностей З. Смит, судя по их частотности. В эту группу, в частности, относятся графико-фонетические и фонетико-произносительные особенности речей персонажей, характеризующихся разнообразными акцентами, которые писательница отражает с помощью точной фонетической передачи с применением графонов.

В. А. Кухаренко предложила ввести в научный оборот термин *графон* – «преднамеренное нарушение графической формы слова или словосочетания, используемое для отражения его подлинного произношения» [Кухаренко 2000: 6]. Каждый графон может быть определен в одну из двух возможных групп: окказиональные графоны и рекуррентные [Кухаренко 1988: 17–19, 21–23]. Посредством использования графонов первой группы можно передать настроение, душевное состояние, возраст говорящего; следовательно, они носят окказиональный, временный характер. С помощью графонов второй группы можно отразить происхождение, общественный статус героя, уровень его образованности; значит, графоны этого типа имеют рекуррентный, т. е. постоянный характер.

С той ли целью, чтобы красочнее передать эмоции героев, когда их переполняет злость или радость, для того ли, чтобы продемонстрировать, как звучит речь современного жителя Америки, который

иммигрировал в эту страну, но неизменно одно: используя различные графоны, З. Смит удалось воссоздать национальный колорит и отразить мировоззрение героев произведения.

Рассмотрим речевой портрет Леви Белси – младшего сына в семье Белси. Старший брат Леви, Джером, и сестра Зора родились в Англии, тогда как сам Леви – в Америке. Всем трем присущи разные американские акценты, но особенно выделяется на фоне других манера общения Леви с характерным для него бруклинским акцентом, который появился в его двенадцать лет. Обращаясь к отцу, он говорит *raw* (On beauty: 3), прощаясь, напутствует: *Be safe, yo* (On beauty: 3), а во время разговора Леви вопрошает: *Man, why you gotta be all... I just ahks a question...* (On beauty: 2) или беспечно бросает *eyeano* (On beauty: 3) (предположительно имеющее значение *I don't know*). В приведенных примерах З. Смит демонстрирует, как можно мастерски вводить в повествование графические средства передачи речевых особенностей персонажей, прибегая к использованию самых различных приемов: замена, редукция, добавление звуков.

Переводчики, работая над переводом подобных слов, сталкиваются с определенными трудностями, которые, как правило, О. Качанова и А. Власова при переводе романа «О красоте» решают посредством опущения или компенсации (за счет использования стилистически окрашенной лексики). К примеру, слово, состоящее из необычного набора букв *eyeano*, переводят окказионализмом *физзна* (О красоте: 34), а для перевода реплики Леви *Be safe, yo* ограничиваются фразой *Береги себя* (О красоте: 34), не передавая данную стилистическую особенность подлинника в виде акцентной составляющей речевого портрета героя. Благодаря такому приему переводческой трансформации, как компенсация, О. Качанова и А. Власова восполняют потерянный элемент. Так, в этом же диалоге Леви с отцом в исходном языке из уст Леви звучит нейтральная лексика *don't worry about it* (On beauty: 3) или *It's indoors. Obviously* (On beauty: 3), но в переводе они заменяются разговорной лексикой *не боись* (О красоте: 33) или *стопудово* (О красоте: 34). О. Качановой и А. Власовой, согласно нашей точке зрения, удастся достичь адекватности перевода.

Безусловно, отличия системы русского языка от системы английского не позволяют напрямую перенести в текст русского перевода умышленные искажения написания слов в оригинале. Для аппроксимации смысла, заложенного в языке оригинала, графоны при переводе можно заменить на приемы иного качества (лексические или синтаксические) [Петухова, Никитичев 2019: 318], с чем О. Качанова и А. Власова в данных примерах справляются успешно.

Намеренное отклонение от грамматической нормы языка также отличает речевой портрет Леви:

(3) *No, no, but that don't make no difference. Any black lady who be white enough to live on Redwood thinks 'zackly the same way as any old white lady. 'Who is white enough,' corrected Zora. 'It's the worst kind of pretension, you know, to fake the way you speak – to steal somebody else's grammar. People less fortunate than you. It's grotesque* (On beauty: 10) – А без разницы. Если эта черная старуха такая белая, что живет на Редвуде, то и думает она под стать любой белой. – Не «без разницы», а «какая разница», – поправила Зора. – Что за идиотский фарс? Зачем коверкать свою речь, воровать язык людей, которым куда меньше повезло в жизни? Это отвратительно (О красоте: 103).

Переводчики, передавая данное стилистическое средство, снова применили способ компенсации. Выбор такого приема достижения эквивалентности перевода, на наш взгляд, является эффективным и подлежит простому объяснению. В грамматике русского языка в настоящем времени глагол-связка *быть* выступает в нулевой форме, в то время как для английского языка такое лингвистическое явление является нехарактерным. Конструкция *без разницы*, за счет которой переводчики сохраняют стилевую окраску произведения, в данном контексте является просторечной. В тексте оригинала допускается грубая грамматическая ошибка, т. е. нарушается согласование между подлежащим и сказуемым, тогда как в переводе используется лишь конструкция, которая имеет оттенок стилистической сниженности и которую способен заметить не каждый реципиент. Эмоциональный ответ Зоры на грамматическую ошибку брата позволяет подчеркнуть присутствие грамматического средства в тексте оригинала и переведенном тексте.

Поскольку фонографические средства составляют значительную часть от общего числа средств выразительности в романе «О красоте», для формирования представления об особенностях идиостиля З. Смит нам представляется важным рассмотреть примеры употребления писательницей вопросительных знаков, выступающих в тексте в качестве графонов:

(4) *I read your one-liner query and then like a fool I searched for a further attachment (like, say, a letter???)*, but I guess you're too busy / mad / etc. to write (On beauty: 1) – Прочел твой ехидный вопросец и, как дурак, полез искать вложенный файл (письмо, например), но догадался, что ты слишком занят / рассержен / и так далее, чтобы писать (О красоте: 12).

Для начала отметим, что перевод стилистического средства в виде перечисления можно назвать эквивалентным, т. к. переводчики сохранили коннотативный смысл высказывания, посредником которого

является использование косых черт вместо запятых или союзов. Использование З. Смит множества вопросительных знаков, функционирующих в тексте как графоны (*like, say, a letter???*), передает определенные коннотации, т. к. графон определяется как графическая фиксация индивидуальных произносительных особенностей [Ползунова, Никитин 2017]. Согласно А. П. Сковородникову, термин *графон* – фигура речи, «стилистически значимое отклонение от графического стандарта и / или орфографической нормы» [Сковородников 2011: 106]. Тем не менее в работе А. А. Орловой и О. Н. Поддубской отмечается, что на практике множество средств графического варьирования формы слова направлены на визуальное восприятие, несмотря на то что само название понятия *графон* подразумевает сочетание отклонения графической и фонетической формы слова [Орлова, Поддубская 2018: 423]. Отражение дополнительных оттенков смысла предложения часто, в том числе в данном случае, осуществляется соответствующими средствами пунктуации [Мелехова, Сергиевская 2020: 253]. В частности, вопросительный знак играет немаловажную роль в конструировании смысла. Более того, как утверждает Н. В. Майзенгер, особую содержательно-прагматическую значимость вопросительный знак имеет в утвердительных по структуре предложениях [Майзенгер 2004]. Однако переводчики для передачи данного средства выразительности писательницы использовали метод опущения, который в этом случае, по нашему мнению, является неэффективным.

Лучшим переводческим решением стало бы сохранение пунктуационного оформления. Нашу позицию можно объяснить следующим образом. Писатели, создающие художественную литературу, стремятся найти новые способы придать тексту выразительность, к примеру, посредством пунктуационно-графических средств, что является неотъемлемой частью идиостиля автора [Султанова 2018: 485]. В текстах художественного стиля речи пунктуационно-графические средства содержат невербальную информацию и обладают высокой степенью антропоцентричности, потому что первое восприятие текста с использованием данных средств приходится на зрительный уровень. Более того, дополняя смысловую составляющую высказывания, эти средства характеризуются экспрессивностью и посредством их осуществляется интерпретация / декодирование авторского текста [Арязмова 2013: 11].

Вторыми по частотности стилистическими средствами в романе являются междометия. В зависимости от их происхождения междометия можно разделить на 3 основных подкласса: 1) первичные междометия, или непроизводные (*oh, mmm*), т. е. те, которые считаются междометиями с момента их возникновения

и, как правило, являются односложными, не поддающимися разложению на морфемы словами [Алференко 2020: 65]; 2) вторичные, или знаменательные, междометия (*for Godssake, Christ*), т. е. такие, которые появились в языке как следствие ослабления лексического значения ряда знаменательных слов и их использования в качестве средства выражения эмоций; 3) междометия смешанного типа (*Oh, dear God*) – сформированные путем сочетания первичного и вторичного междометий.

Независимо от принадлежности междометия к какому-либо подклассу, каждое слово из этого класса придает живость и яркость речи говорящих, хотя часто (в основном это касается непроеизводных междометий) оно имеет неопределенное значение, т. к. семантически зависимо от контекста. Наиболее употребляемым междометием в романе З. Смит «О красоте» является эмотивное непроеизвольное междометие *oh*. В зависимости от ситуации и соответствующей интонации оно может выражать:

- 1) негодование: '*Oh, yeah, that's right,*' said Kiki, '*it's in the diary, the diary that was left in Michigan, during the famous conference when you had more important things on your mind than your wife and family*' (On beauty: 2); '*Oh, Jerome, please – get up out of that nasty thing, come with me. You live in that goddamn beanbag. Don't make me go alone. Zora went with her girls already*' (On beauty: 6);
- 2) замешательство или смущение: *Oh... No, I don't... I'll find out – it's here somewhere – don't worry... you drive – I'll find it* (On beauty: 3); '*Oh, I see... that's very... Is that in the City, or – ?*' (On beauty: 4); '*Now it was Carl's turn to grow inhibited. He pulled his baseball cap down low. He put his hands in his pockets. 'Oh, hey,' said Zora, acutely embarrassed*' (On beauty: 9);
- 3) притворство: '*Oh, absolutely,*' said Howard, generously, he felt. '*Jerome and I, we're just not... well, we have different ideas about things and... you and your father must be closer than us – more able to... well, I don't know*' (On beauty: 4); '*Oh, of course that's right,*' said Claire tightly – she seemed not to want to discuss the subject. '*He doesn't like*' (On beauty: 7);
- 4) просьбу, мольбу, жалобу или печаль: *Oh, Jerome, please – one minute. We can't spend five minutes together? What do you think of those?* (On beauty: 6); '*Oh, please... Carlene, please call me Carlene. I feel the pull of an office and paperclips whenever anybody calls me Mrs Kipps...*' (On beauty: 11); '*Howard hurried to the door, but then turned just before he opened it. 'Oh – Keeks –' His face was childish, apologetic, completely inadequate. It made Kiki suddenly despair...*' (On beauty: 12);
- 5) внезапное озарение, догадку: *Honey – let's not talk shop tonight, OK? It's not polite. We've got all semester for that, haven't we... Oh, and before I forget, God, it's our wedding anniversary in a week and a half – we're gonna have like a shin-dig, nothing much, some Marvin Gaye, some soul-food – you know, very mellow...* (On beauty: 8);
- 6) побуждение к действию: '*Oh, Howard, come on – you have to be a genius to write music like that*' (On beauty: 8);
- 7) благодарность или восхищение: '*Kiki was touched. 'Oh, that's very sweet'; 'Oh – it's so gorgeous,' said Kiki, skim-reading the rest to herself in a quick whisper. 'Is it Plath? That's wrong, isn't it'*' (On beauty: 11).

Безусловно, данный список не является полным.

Обратимся также к одному из показательных примеров частотного использования писательницей междометий:

(5) '*God, he was right here. God. He's around here some place... God, where is he?*' It was an ailment Zora inherited from her father: when confronted with people she knew to be religious she began to blaspheme wildly. The three guests stood patiently around her, watching Zora's fireworks of anxiety (On beauty: 13) – **Черт**, он только что был здесь. Отошел, наверное. Да где же он, **черт побери**? Этот недуг Зора унаследовала от отца: оказавшись в компании религиозных людей, она начинала жестоко чертыхаться. Гости терпеливо стояли вокруг, наблюдая протуберанцы Зориной паники (О красоте: 132).

Во время домашней вечеринки в доме Белси в дверь раздается звонок, и Говард Белси поручает дочери встретить гостей. Эта задача отнюдь не прельщает героиню – она чувствует себя очень неловко, когда остается один на один с приглашенными гостями, и ее охватывает волнение. Об этом свидетельствует неоднократное использование междометия *God*. Наши выводы подтверждаются фактом использования других лексических повторов (*he, here*) в той же реплике, а также словами автора, в которых З. Смит характеризует поведение героини (посредством метафоричного сочетания *fireworks of anxiety*).

Одна из трудностей, с которой сталкиваются переводчики при работе с междометными единицами, заключается в том, что варианты перевода далеко не всегда передают все коннотации из-за специфичности значения междометий, которое невозможно отразить обычным способом, применяемым для других слов языка, т. к. эти языковые единицы выражают субъективно-чувственное отношение к реальности, не называя его [Парсиева 2008: 162]. Переводя междометия, необходимо сохранять их эмоциональный компонент и передавать значение, соответствующее контексту. Задача для переводчиков усложняется тем, что огромное множество междометий не имеют

фиксированных языковых параллелей, поэтому переводчикам необходимо подобрать функциональный аналог или создать новое соответствие.

Рассмотрим, к какому решению пришли переводчики в выбранном нами примере. О. Качанова и А. Власова в двух из трех случаев воспользовались приемом антонимического перевода при работе с междометием *God* (имеющим языковую параллель в русском языке *Бог*): в одном случае мы можем наблюдать в переводе слово с противоположным исходному слову значением *черт*, а в другом – сочетание слов *черт поberi*. Данные варианты перевода (ситуативные эквиваленты) являются уместными, с нашей точки зрения, поскольку после реплики Зоры следуют слова автора, сообщающие о том, что у Зоры есть недуг (в оригинальном тексте *ailment*): среди религиозных людей она начинала жестоко чертыхаться (*blaspheme wildly*).

В одном из трех случаев переводчики опускают перевод повторяющегося междометия *God*. Основываясь на анализе всего текста перевода, мы можем заключить, что переводчики прибегают к этому методу довольно часто, работая с междометиями. По нашему мнению, такое решение нельзя назвать удачным. Автор отбирает экспрессивные языковые средства и принимает решение относительно частотности их использования; все это формирует определенный индивидуально-авторский стиль. Прибегая к способу опущения, перевод теряет изначальную эмоциональность и, как следствие, не отражает идиостиль автора в полной мере.

Об индивидуальных характеристиках З. Смит мы можем судить и по высокой частотности использования писательницей метафорических единиц.

Примеры:

(6) *It was an ailment Zora inherited from her father: when confronted with people she knew to be religious she began to blaspheme wildly. The three guests stood patiently around her, watching Zora's fireworks of anxiety* (On beauty: 13) – Этот недуг Зора унаследовала от отца: оказавшись в компании религиозных людей, она начинала жестоко чертыхаться. Гости терпеливо стояли вокруг, наблюдая протуберанцы Зориной паники (О красоте: 132).

(7) *Everywhere cramped rows of Victorian terraces, the maiden aunts of English architecture, the culture museums of bourgeois Victoriana...* (On beauty: 4) – С обеих сторон – ряды стиснутых соседями однообразных викторианских громадин, незамужних тетюшек английской архитектуры, музеев буржуазной викторианы... (О красоте: 45).

Одной из наиболее оптимальных классификаций передачи метафор мы считаем ту, которая предложена А. Дейгнан, Д. Габрис и А. Сольска [Deignan et al. 1997].

Обратимся к основным положениям данного подхода и определим в соответствии с ним рассмотренные примеры:

- 1) аналогичная концептуальная метафора и ее эквивалентное лингвистическое воплощение (в оригинале и переводе метафоры идентичны) (пример 7);
- 2) аналогичная концептуальная метафора и ее иное лингвистическое воплощение (метафорический перенос идентичен или максимально приближен, но нашел воплощение с помощью других слов и / или выражений) (пример 1);
- 3) иная концептуальная метафора;
- 4) слова и выражения с аналогичными прямыми значениями, но различными метафорическими значениями [Яковенко, Шайхалиева 2021: 205–207]

Объясним наши решения относительно распределения примеров. В примере 7 мы наблюдаем дословный перевод метафоры. Отметим, что метафора не адаптирована под нашу культуру. В основе метафоры в тексте-переводе лежит такое культурное явление, как викторианская архитектура, которая уподобляется незамужней женщине. Для того чтобы раскрыть суть данной метафоры, можно обратиться к стереотипам о незамужних женщинах, гласящих о присущих им взыскательности и излишней самодостаточности, и сопоставить данные стереотипы с образом архитектуры викторианской эпохи, которую отличают здания с множеством элементов, насыщенностью цвета, резьбой по фасаду, башнями, балконами, фризами, островерхими крышами, множеством окон различных размеров, террасами, высокими входами с крыльцом, обилием фактур и декора. С нашей точки зрения, переводчик применил неудачную стратегию передачи исходной метафоры, оставив ее без переводческого комментария.

Рассмотрим яркий пример четвертого типа передачи метафор (пример 6). Образное выражение *Zora's fireworks of anxiety* передано в тексте-переводе как *протуберанцы Зориной паники*. Безусловно, в значениях слов *фейерверк* / *салют* (*firework*) и *протуберанец* есть общее значение: *яркий фонтан раскаленного вещества* (фейерверк – пороховых составов, протуберанец – газа), который поднимается и удерживается над поверхностью (фейерверк – над поверхностью земли, протуберанец – над поверхностью Солнца). Таким образом, мы можем сделать вывод, что метафорический перенос максимально приближен, но имеет различия в лексическом выражении. Данное переводческое решение является адекватным, т. к. в исходном языке использовано множественное число слова *firework*, которое при дословном переводе (фейерверки / салюты) оказывается менее предпочтительным, чем предложенное в тексте-переводе *протуберанцы*.

Заключение

Самыми частотными особенностями в творчестве З. Смит, которые ярко отражают ее идиостиль, являются лексические средства в виде сравнения, междометия, метафоры, аллюзии, лексического повтора; различные фонографические средства, например, капитализация, графико-фонетические, фонетико-произносительные особенности, характеризующиеся разнообразными акцентами, отраженными с помощью точной фонетической передачи с применением графонов, обилие знаков препинания, выступающих в тексте в качестве графонов.

Особую трудность при работе с иностранным художественным текстом у переводчиков вызывает передача графической фиксации речевых партий персонажей произведения: стилистически окрашенной лексики, особенностей произношения и синтаксиса [Капустина, Дубовицкая 2021]. Учитывая тот факт, что речевая характеристика героев произведений З. Смит занимает отнюдь не последнее место в анализе их литературных портретов, в речевых партиях героев в тексте-переводе надлежало задействовать все вышеупомянутые уровни. В частности, мы имеем в виду речевые особенности персонажей романа «О красоте». Вполне разумно утверждать, что они являются ключевой составляющей в художественно целостной характеристике героев «О красоте», что наглядно демонстрирует частотность фонографических средств (табл. 1), которые являются важной составляющей идиостилевых особенностей З. Смит. Немаловажную роль в идиостиле З. Смит играют диалогические единства, в рамках которых писательница отражает особенности территориальных акцентов, на которых говорят литературные герои. Именно в художественных диалогах мы наблюдаем разнообразные нарушения норм орфоэпии, что отражается с помощью окказиональных и рекуррентных графонов.

В целом в официальном переводе произведения «О красоте» О. Качановой и А. Власовой переданы и фактический смысл содержания реплик героев, и лексическая часть их речевых портретов за счет использования

различных переводческих трансформаций (перестановка слов, лексическая замена, компенсация); в большинстве случаев вполне обоснованным и уместным является использование дословного перевода, сохранение метаграфемы текста-оригинала; однако графическая фиксация особенностей речи героев не всегда находит отражение в тексте перевода.

На базе выявленных частотных лингвистических средств и посредством анализа проблематики романа З. Смит «О красоте» нами выявлены 9 доминантных денотативных сфер, 21 денотативный класс с рядом групп и подгрупп, которые в совокупности являются наиболее важными для концептуальной системы писательницы.

Полученные результаты могут найти применение в дисциплинах по теории и практике перевода, по художественному переводу, а также когнитивной лингвистике, в частности в применении полученных знаний при анализе концептуального профиля автора. Теоретическая значимость результатов связана с расширением представления об индивидуально-авторских особенностях З. Смит; содержащиеся выводы помогут создать единую и детальную модель описания концептуального профиля автора.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Алференко Е. В. Проблема статуса отыменных междометий в системе языковых единиц. *Вестник Воронежского института высоких технологий*. 2020. № 2. С. 63–68. [Alferenko E. V. Problem of the status of denominative interjections in the system of language units. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokikh tekhnologii*, 2020, (2): 63–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ljycfm>
- Арзамова О. В. Метаграфемика композиционно-речевых структур новейшей русской художественной прозы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2013. № 2. С. 11–14. [Arzayamova O. V. Metagrafemica of the composition speech structures in latest Russian literary prose. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2013, (2): 11–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdwwzp>

- Бабенко Л. Г. Когнитивные стратегии современной идеографической лексикографии: категоризация мира и типология классов слов. *Русистика и современность: XXII Междунар. науч. конф.* (Астрахань, 4–6 октября 2019 г.) Астрахань: Астраханский ун-т, 2019. С. 13–16. [Babenko L. G. Cognitive strategies of modern ideographic lexicography: world categorization and typology of word classes. *Russian Studies and Modernity: Proc. XXII Intern. Sci. Conf.*, Astrakhan, 4–6 Oct 2019. Astrakhan: Astrakhan University, 2019, 13–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bgqlmn>
- Бабенко Л. Г. Эволюция идеографической интерпретации лексики в Уральской семантической школе: от словаря глаголов к Универсальному идеографическому словарю. *Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций: Междунар. науч. конф.* (Екатеринбург, 23–24 октября 2014 г.) Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 3–7. [Babenko L. G. The evolution of the ideographic interpretation of vocabulary in the Ural Semantic School: from a dictionary of verbs to a Universal Ideographic dictionary. *Theoretical semantics and ideographic Lexicography: Evolution of Interpretations: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Ekaterinburg, 23–24 Oct 2014. Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2014, 3–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlseyr>
- Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с. [Barkhudarov L. S. *Language and translation: Issues of general and particular theory of translation*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1975, 240. (In Russ.)]
- Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. 616 с. [Vinogradov V. V. *The authorship problem and the theory of styles*. Moscow: Goslitizdat, 1961, 616. (In Russ.)]
- Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. М.: Наука, 1983. 225 с. [Grigoryev V. P. *Idiostyle grammar*. Moscow: Nauka, 1983, 225. (In Russ.)]
- Ефимов А. И. О языке художественных произведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Учпедгиз, 1954. 288 с. [Efimov A. I. *About the language of artistic works*. 2nd ed. Moscow: Uchpedgiz, 1954, 288. (In Russ.)]
- Казарин Ю. В., Петрухина Е. В. Уральская семантическая школа. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 9: Филология*. 2020. № 1. С. 95–104. [Kazarin Yu. V., Petrukhina E. V. Ural semantic school. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2020, (1): 95–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ujrlyp>
- Капустина А. А., Дубовицкая Е. Ю. Способы воссоздания речевого портрета персонажа при переводе (на материале современной английской литературы). *Державинский форум*. 2021. Т. 5. № 19. С. 60–65. [Kapustina A. A., Dubovitskaya E. Y. Methods of recreating the character's speech portrait in translation (based on the material of modern English literature). *Derzhavinskii forum*, 2021, 5(19): 60–65. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zxkkfy>
- Кухаренко В. А. Интерпретация текста. 2-е изд. М.: Просвещение, 1988. 189 с. [Kukharensko V. A. *Interpretation of the text*. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1988, 189. (In Russ.)]
- Кухаренко В. А. Практикум зі стилістики англійської мови. Вінниця: Нова книга, 2000. 160 с. [Kukharensko V. A. *Workshop on English language stylistics*. Vinnitsia: Nova kniga, 2000, 160. (In Ukr.)]
- Ланина Е. В. Фоностилистические средства создания образов и психологического состояния в произведениях С. Кинга. *Modern Science*. 2022. № 6-2. С. 149–155. [Lanina E. V. Phonostylistic means of creating images and psychological state in S. King's works. *Modern Science*, 2022, (6-2): 149–155. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ttbpw>
- Майзенгер Н. В. Позиционно-содержательная и прагматическая значимость знаков препинания в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 19 с. [Maizenger N. V. *Positional, content, and pragmatic significance of punctuation marks in modern English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2004, 19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/niagfh>
- Мелехова Л. А., Сергиевская Л. А. Пунктуация в аспекте коннотатива при изучении синтаксиса в вузе. *Современное педагогическое образование*. 2020. № 11. С. 253–256. [Melekhova N. A., Sergievskaya L. A. Punctuation in the connotative aspect for the study of syntax in universities. *Modern Pedagogical Education*, 2020, (11): 253–256. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/miupnp>
- Мухин М. Ю. Концептуальные профили произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова (по данным сопоставительного анализа частотной лексики). *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2010а. № 8. С. 61–65. [Mukhin M. Yu. The conceptual profiles of the oeuvre of M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov and M. Sholokhov (according to the data of the comparative analysis of frequent vocabulary). *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 2010a, (8): 61–65. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mtxxyfv>
- Мухин М. Ю. Михаил Булгаков: количественные и концептуальные аспекты идиостиля. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2010б. № 4. С. 33–38. [Mukhin M. Yu. Mikhail Bulgakov: statistical and conceptual features of individual style. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2010b, (4): 433–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ndqxpt>

- Мухин М. Ю. От лексической статистики – к концептуальной системе автора (по текстам В. Набокова). *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2010с. № 1. С. 74–80. [Mukhin M. Yu. From lexical statistics to the writer's conceptual system (with reference to V. Nabokov's works). *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2010с, (1): 74–80. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mlujjd>
- Мухин М. Ю. Частота слова в тексте и штрихи к концептуальной системе Михаила Шолохова. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2010д. № 21. С. 20–24. [Mukhin M. Yu. Lexical frequency and some ideas on the conceptual system of M. Sholokhov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2010d, (21): 20–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mvgwip>
- Нефляшева И. А. Графические средства современного окказионального словообразования: капитализация. *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2009. № 10. С. 94–97. [Neflyasheva I. A. Graphic means of modern occasional word-forming: capitalizing. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2009, (10): 94–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mvpzpb>
- Орлова А. А., Поддубская О. Н. Паралингвистические средства. Графон и его типы. *Студенческая наука Под-московью: Междунар. науч. конф. (Орехово-Зуево, 5–6 апреля 2018 г.)* Орехово-Зуево: ГГТУ, 2018. С. 423–426. [Orlova A. A., Poddubskaya O. N. Paralinguistic means. Graphon and its types. *Contribution of student research to the science of the Moscow Region: Proc. Intern. Sci. Conf., Orekhovo-Zuevo, 5–6 Apr 2018*. Orekhovo-Zuevo: MGOGI, 2018, 423–426. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xtsyep>
- Парсиева Л. К. Непроизводные междометия: проблемы перевода. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 59. С. 160–165. [Parsieva L. K. Underived interjections: translation problems. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (59): 160–165. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jwbwnh>
- Петрова Н. Е. К уточнению понятий «идиолект» и «идиостиль». *Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание*, сост. А. С. Макурина. Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2022. С. 223–226. [Petrova N. E. To refine the concepts "idiolekt" and "idiostyle". *A work of art in modern culture: creativity – performance – humanitarian knowledge*, comp. Makurina A. S. Chelyabinsk: SUSIA, 2022, 223–226. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lqabzv>
- Петухова Е. В., Никитичев И. Г. Графон в художественном переводе: возможные механизмы передачи и адекватность. *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: III Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 25–27 апреля 2019 г.)* Симферополь: Ариал, 2019. С. 314–319. [Petukhova E. V., Nikitichev I. G. Graphon in literary translation: possible transmission mechanisms and adequacy. *Translation discourse: an interdisciplinary approach: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Simferopol, 25–27 Apr 2019*. Simferopol: Arial, 2019, 314–319. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/waxlfu>
- Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психоллингвистический аспект. Барнаул: АлтГУ, 1992. 73 с. [Pishchalnikova V. A. *The problem of individual style. Psycholinguistic aspect*. Barnaul: ASU, 1992. 73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zclukd>
- Ползунова М. В., Никитин С. С. Графон как феномен современного языкового пространства. *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2017. № 9-1. С. 149–152. [Polzunova M. V., Nikitin S. S. Graphon as a phenomenon of the contemporary linguistic space. *Philology. Theory & Practice*, 2017, (9): 149–152. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zehlzh>
- Сковородников А. П. Графон. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты, ред. А. П. Сковородников. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 106–109. [Skovorodnikov A. P. *Graphon. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings*, ed. Skovorodnikov A. P. 3rd ed. Moscow: FLINTA, 2011, 106–109. (In Russ.)]
- Султанова А. Н. Некоторые особенности воссоздания авторской пунктуации при переводе. *Современные научные исследования и разработки*. 2018. Т. 1. № 4. С. 485–486. [Sultanova A. N. Some peculiarities of manifestation of the author's punctuation in translation. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i razrabotki*, 2018, 1(4): 485–486. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yoqnud>
- Яковенко Т. И., Шайхалиева А. М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода. *Гуманитарные и социальные науки*. 2021. № 4. С. 200–208. [Yakovenko T. I., Shaikhalieva A. M. Metaphor translation approaches in foreign translation theory. *The Humanities and Social Sciences*, 2021, (4): 200–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-87-4-200-208>
- Deignan A., Gabrys D., Solska A. Teaching English metaphors using cross-linguistic awareness-raising activities. *ELT Journal*, 1997, 51(4): 352–360. <https://doi.org/10.1093/elt/51.4.352>

оригинальная статья

Риторическая значимость характеристики подсудимого и потерпевшего в речах судебных ораторов

Оленев Станислав Владимирович
Северо-Восточный нефтяной университет, Китай, Дацин
<https://orcid.org/0000-0002-7116-1309>
Scopus Author ID: 56258188400
stanislav.olenov@gmail.com

Люнгрин Вероника Андреевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 07.10.2022. Принята после рецензирования 30.11.2022. Принята в печать 16.01.2023.

Аннотация: Личностная характеристика подсудимого является значимой композиционно-содержательной частью речи сторон защиты и обвинения в судебных прениях с участием коллегии присяжных заседателей. На материале речей известных судебных ораторов XIX в. (Ф. Н. Плевако, Н. В. Муравьев, П. А. Александров, А. Ф. Кони) рассмотрена риторическая значимость использования характеристик как подсудимого, так и потерпевшего, играющих немаловажную роль в составлении общей картины произошедшего и позволяющих сформировать понятие о подсудимом и потерпевшем со стороны закона и морали. Цель – теоретически и практически осмыслить риторическую значимость использования характеристики личности подсудимого и потерпевшего в речах адвоката и прокурора в рамках судебных прений. В работе сделан акцент на риторическом аспекте использования психологической и социологической характеристик, так как именно убеждение является важной стороной выступления адвокатов и обвинителей в суде присяжных заседателей. Полученные результаты могут быть использованы при составлении рекомендаций практикующим юристам по оптимальным способам подготовки к выступлению в суде. Выделены ценностно-значимые положения, учет которых позволит оптимизировать составление современных судебных речей для произнесения перед коллегией присяжных заседателей: 1. Использование отрицательной личностной характеристики потерпевшего вызывает недоверие аудитории к его словам, что является положительным фактором для стороны защиты. 2. Чувства сострадания и жалости, которые оратор вызывает у присяжных в отношении потерпевшего, сокращают шансы подсудимого на оправдательный приговор или смягчение наказания. 3. Использование характеристики подсудимого, составленной посредством рассказов о детстве и судьбе обвиняемого, о становлении его личности, характера, дает оратору возможность указать присяжным заседателям на положительные или отрицательные черты его характера и тем самым сформировать необходимую установку. 4. Характеристика личности подсудимого может быть дана посредством описания отдельных качеств, что также позволяет сформировать портрет личности.

Ключевые слова: характеристика личности подсудимого, риторический анализ, судебная речь, суд присяжных заседателей, психологический анализ преступления, убеждение присяжных заседателей, прения сторон

Цитирование: Оленев С. В., Люнгрин В. А. Риторическая значимость характеристики подсудимого и потерпевшего в речах судебных ораторов. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 534–542. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-534-542>

full article

Characteristics of the Defendant and the Victim in Forensic Rhetoric

Stanislav V. Olenov
Northeast Petroleum University, China, Daqing
<https://orcid.org/0000-0002-7116-1309>
Scopus Author ID: 56258188400
stanislav.olenov@gmail.com

Veronika A. Lyungrin
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 7 Oct 2022. Accepted after peer review 30 Nov 2022. Accepted for publication 16 Jan 2023.

Abstract: Defendants' and victims' characteristic has always been an important part of forensic rhetoric in a jury trial. This research featured speeches by such famous Russian lawyers and prosecutors of the XIX century as F. N. Plevako, N. V. Muravyov, P. A. Aleksandrov, and A. F. Koni, who described the criminal and the victim in their speeches

to offer the jury a general insight into the case and allow them to develop a legal and moral profile of the defendant and the complainant. The study introduces a theoretical and practical understanding of the rhetorical significance of this element of forensic speech as part of persuasion technique in a jury trial. The results obtained can be used as recommendations for practicing lawyers. The following axiological and semantic provisions can optimize the compilation of modern court speeches. 1. Negative description of the victim can make the jury distrust the victim's statement, which is a positive factor for the defense. 2. If the lawyer manages to evoke compassion and pity for the victim, it may reduce the defendant's chances for an acquittal or mitigation. 3. Stories from the defendant's childhood that reveal their character development give the speaker the opportunity to change the jury's attitude. 4. A portrait given by individual qualities also makes it possible to form a necessary attitude to the personality of the defendant.

Keywords: defendants' characteristics, rhetorical analysis, judicial speech, trial by jury, psychological criminal analysis, persuasion of jurors, hearing of arguments

Citation: Olenov S. V., Lyungrin V. A. Characteristics of the Defendant and the Victim in Forensic Rhetoric. *SibScript*, 2023, 25(4): 534–542. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-534-542>

Введение

В связи с принятием Федерального закона № 190-ФЗ от 23.06.2016 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»¹ расширен перечень составов преступлений, по которым дело может быть рассмотрено судом с участием присяжных заседателей. На завершающем этапе судебного разбирательства перед участниками судебных прений – прокурором и адвокатом – стоит задача: выступить перед коллегией присяжных заседателей с речью, целевой установкой которой является убеждение аудитории в корректности и обоснованности своей позиции.

В настоящий момент теме суда присяжных в научной и справочной юридической литературе уделяется немало внимания. Например, комплексный анализ основных проблем становления, развития и перспектив суда присяжных как одного из основных элементов судебной власти представлен в монографии В. И. Чесных [Чесных 2000]. Исследовательские работы А. А. Демичева посвящены сравнительному анализу суда присяжных в России от его истории в дореволюционный период к современному судопроизводству [Демичев 2001; 2002]. Вопрос специфики современного российского суда присяжных затронут в недавней монографии Н. В. Бушной [Бушная 2016: 136]. В монографии Н. А. Дудко серьезное внимание уделено процессу развития суда присяжных в России [Дудко 2013]. Кроме того, следует отметить еще ряд значимых работ, посвященных вопросам функционирования и путей совершенствования современного суда присяжных в РФ [Гуськова 2008; Золотых 1996; Ляхов, Золотых 1997; Насонов 2016; 2020; Шкарлет 2019].

В то же время при значительном внимании к собственно правовой специфике функционирования суда присяжных недостаточен, на наш взгляд, научный интерес к коммуникативной, точнее риторической, специфике судебных прений и к путям совершенствования речевой практики адвокатов и обвинителей. Составители учебных пособий по судебной риторике и основам судебного красноречия указывают на коммуникативную специфику судебной речи, произносимой перед присяжными заседателями, сам факт наличия которых побуждает оратора к усилению психологической составляющей аргументации: «Если в условиях дореволюционной России судебное красноречие имело целью не только объективное исследование обстоятельств дела, но и воздействие на чувства присяжных заседателей, то в условиях советского судопроизводства доказательственная сторона судебного разбирательства приобрела гораздо большее значение, чем психологический анализ. Судебная речь стала значительно меньше по объему, ей в большей степени стали присущи формы логического развертывания и в гораздо меньшей – средства эмоционального воздействия» [Ивакина 2007: 45]. Однако современные лингвистические и, в частности, риторические исследования специфики обвинительной и защитительной речи в суде присяжных все еще крайне немногочисленны: см., например, статьи [Баишева 2021; Гавриленко 2011; Муравьев 2020; Пригарина 2019; Рябова 2018; Хорькова 2016].

Актуальность предпринятого исследования обусловлена недостаточной изученностью современной практики суда присяжных и, следовательно, риторических особенностей современных судебных речей,

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей. Федеральный закон № 190-ФЗ от 23.06.2016. СЗ РФ. 27.06.2016. № 26. Ч. I. Ст. 3859.

произносимых перед присяжными заседателями, в то время как остро стоит практическая проблема, связанная с повышением эффективности и качества таких речей: юристы уделяют повышенное внимание приемам, позволяющим сделать речь красочнее, эмоциональнее, убедительнее.

Современное судебное красноречие несколько отличается от речей прошлых столетий, однако именно опора на опыт риториков XIX и XX веков позволяет лингвистам исследовать с теоретических и прикладных позиций относительно новую для современной России разновидность речей судебных прений – выступление в суде присяжных. Учитывая успешную практику известных ораторов прошлого, можно выделить ряд правил, дающих возможность сделать речь современных юристов эмоциональнее, убедительнее и в целом эффективнее.

Одним из значимых содержательно-композиционных элементов судебной речи, к которому в той или иной степени обращаются все судебные ораторы, является характеристика личности подсудимого. П. А. Катышев указывает, что судебная речь «характеризуется единством темы, состоит из содержательно и структурно связанных между собой высказываний, имеет определенную композиционную структуру, отвечающую параметру целостности» [Катышев 2007: 127]. Исследователь включает характеристику личности подсудимого в число восьми обязательных содержательно-композиционных элементов: «Композиция судебной речи предполагает единство и отдельность восьми частей речи: (1) вступления, (2) изложения фактических обстоятельств дела, (3) анализа и оценки собранных по делу доказательств, (4) юридической квалификации преступления, (5) характеристики личности подсудимого, (6) анализа причин и условий совершения преступления, (7) вынесения предложения о санкции, т. е. тезиса, и (8) заключения» [Катышев 2007: 127]. При этом современная судебная речь, предназначенная для произнесения перед коллегией присяжных заседателей, характеризуется наличием процессуальных норм, отчасти ограничивающих возможности судебного оратора при раскрытии личности подсудимого. Например: «Данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также

иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого»².

Таким образом, цель данной статьи – исследовать и оценить риторическую значимость использования характеристики личности потерпевшего и подсудимого в прениях сторон. Задачи: 1) рассмотреть и описать примеры использования судебными ораторами XIX в. характеристики подсудимого и потерпевшего в прениях сторон; 2) выявить и оценить возможный перлокутивный эффект характеристики личности подсудимого и потерпевшего, вносимый в процесс убеждения присяжных.

Методы и материалы

Основной метод исследования – комплексный риторический анализ публичных речей судебных ораторов. В качестве эмпирического материала для анализа используются речи государственных обвинителей и адвокатов XIX в., произнесенные в прениях сторон в суде с участием коллегии присяжных заседателей. Выбор материала обусловлен тем, что именно для ораторов XIX в. характеристика личности считалась психологически и риторически важным аспектом, которому они уделяли существенное внимание в выступлениях, тогда как «на сегодняшний день, к сожалению, он практически отсутствует. Современные обвинители излагают характеристику личности подсудимого, как правило, формально» [Лазарева 2018: 235]. В качестве эмпирического материала использованы речи как адвокатов, так и обвинителей: отбор материала производился методом сплошной выборки и не был ограничен какими-либо целевыми показателями в области тематики, состава преступления и т. д. При первичном исследовании речей было установлено, что не все проанализированные речи содержат характеристику подсудимого или потерпевшего. Источниками эмпирического материала послужили сборники речей судебных ораторов XIX в.³ Всего было проанализировано 26 речей, 7 из которых использованы в качестве источников иллюстративных примеров для данной статьи.

Личность как объект психологии, правоведения и юридической лингвистики

«Личность человека выступает многофакторным общественным явлением. Она входит в предмет исследования различных наук, каждая из которых рассматривает данный объект сквозь призму своих специфических

² УПК РФ. № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 07.10.2022). Ч. 8. Ст. 335. Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. СЗ РФ. 24.12.2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

³ Судебные речи известных русских юристов, сост. Е. М. Ворожейкин, отв. ред. М. М. Выдря. 3-е изд., испр. М.: Госюриздат, 1958. 871 с.; Судебные речи знаменитых русских адвокатов, под ред. Е. Л. Рожникова. М.: Проспект, 2021. 320 с.

задач» [Кисленко 2021: 78]. С позиций психологии, «личность – это уникальный набор характеристик человека, которые воздействуют на его убеждения, мотивацию, эмоции, поведение и даже на окружающую среду. Личность также может ссылаться на устоявшиеся модели мыслей, поведения и факторов мотивации, которые развиваются в течение всего жизненного цикла человека, чтобы повлиять на то, как человек воспринимает окружающий его мир, а также на его убеждения, отношение к миру и самовосприятие» [Байнов 2018: 170]. Психология изучает личность с точки зрения целостной системы психических процессов, свойств и отношений. Философия рассматривает личность как субъект деятельности, познания, творчества. Социология делает акцент на роли личности в обществе и оценивает ее на основе учета социально-демографических данных.

Юриспруденция также уделяет внимание изучению личности как объекту междисциплинарного исследования [Кисленко 2021: 78]. В правоведении под термином *личность* понимается человек как субъект правовых отношений, который способен самостоятельно принимать решения и нести юридическую ответственность за свои поступки. Каждая отрасль права по-своему изучает личность. Семейное право регулирует отношения между людьми в рамках семьи: вступление в брак, рождение детей, усыновление. Финансовое право рассматривает личность как субъект финансовых отношений между людьми, между человеком и государством: налогообложение, ипотека, инвалидность. В уголовном праве и уголовном законодательстве личность – это, прежде всего, человек, физическое лицо, обладающее, с одной стороны, биологическими (анатомическими) признаками (например, пол), с другой – социологическими, психологическими, духовными свойствами, которые выражаются в его способности к глубокому абстрактному мышлению, к членораздельной речи и т. д. Также личности присущи психологические характеристики, главная из которых – вменяемость, т. е. «психическое состояние лица, заключающееся в его способности при определенном развитии, социализации, возрасте и состоянии психического здоровья во время совершения каких-либо действий (например, преступления) отдавать отчет себе в своих действиях и руководить ими» [Лоханский 2012: 124]. Нарушение личностью норм законодательства ведет к санкциям против совершившего противоправные действия.

Характеристика личности занимает одно из важных мест в рассмотрении обстоятельств события, ставшего предметом разбирательства в рамках уголовного дела. Еще на этапе предварительного следствия изучается

личность подозреваемого: его характер, вкусы, привычки, религиозные взгляды, моральные и нравственные принципы. «Исходя из содержания пункта 3 ч. 1 ст. 73 УПК при производстве по уголовному делу обязательному доказыванию (в числе прочих) подлежат обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого» [Загвоздкин 2016: 263], что включает индивидуальные особенности личности, проявившиеся в совершении преступных действий. Общая картина события преступления позволяет установить его субъективную сторону, без которой невозможно строить обвинение. Субъективная сторона события преступления включает в себя вину, мотив и цель. Вина – основополагающий фактор обвинения, подразумевающий умысел или действия, совершенные по неосторожности⁴. «При принятии решения о типе и суровости наказания судья должен принимать во внимание общественную опасность преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также влияние назначенного наказания на возможность исправления осужденного и на условия жизни его семьи» [Волков 2014: 65].

Характеристика обвиняемого помогает следствию определить способность личности к совершению преступления, наличие мотива и, следовательно, целесообразность привлечения лица к уголовной ответственности, тип и суровость наказания.

Судебные ораторы обращались к характеристике сторон судебного заседания и в дореволюционном суде. Современные судебные ораторы в своих выступлениях не уделяют значительного внимания характеристике личности и индивидуальным обстоятельствам, однако именно эти факторы играют значимую роль в формировании мнения коллегии присяжных заседателей, т. к. присяжные в первую очередь оценивают дело с социально-бытовой точки зрения и с точки зрения морали. «В целом считаем необходимым выделить две составляющие судебной тактики при изучении личности подсудимого: 1) изучение личности подсудимого на основе формально-документального подхода; 2) изучение личности на основе социально-психологического подхода (показания свидетелей, поведение в суде самого лица, профессиональный и социальный опыт судьи)» [Осипова, Прейбис 2018: 93].

П. С. Пороховщиков (П. Сергеич) отмечает, что немаловажную роль в речи судебного оратора играет психология преступления. Оратор изберет ту или иную структуру речи в описании дела, опираясь на характеристику подсудимого и на его душевные побуждения. Психологический анализ личности является неотъемлемой частью судебного разбирательства.

⁴ Уголовное право России. Общая часть, под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009. 496 с.

Прокурор может утверждать, что подсудимый способен совершить инкриминируемые ему деяния, т. к. описанные действия в отношении потерпевшего свойственны характеру обвиняемого. Адвокат, в свою очередь, может настаивать на том, что приписываемые обвиняемому действия были совершены под давлением со стороны других лиц или обстоятельств. Здесь же уместно использовать и характеристику потерпевшего для пояснения мотивов подсудимого или для указания на их отсутствие [Пороховщиков 1988: 55]. В. Л. Васильев подчеркивает: «Психологическое исследование личности потерпевшего и его деятельности в стадии предварительного следствия и суда представляется весьма актуальным, так как способствует решению целого ряда вопросов: более правильной квалификации преступлений, глубокому исследованию причин и условий, всестороннему расследованию уголовных дел, обнаружению новых обстоятельств и т. д.» [Васильев 2009: 353]. Безнравственное поведение самого потерпевшего может оказаться провокацией, нацеленной на обвиняемого, что может сыграть ключевую роль в развитии следствия и не должно быть упущено при слушании дела в суде. Безусловно, любое поведение со стороны потерпевшего не может оправдать противоправные действия со стороны подсудимого, однако это может позволить лучше понять произошедшее и, возможно, смягчить наказание обвиняемому. Напротив, потерпевший, который не оказывал ни физического, ни психологического воздействия на подсудимого, вызывает больше сочувствия у присяжных и настраивает против обвиняемого.

Поскольку присяжные заседатели являются непрофессиональной аудиторией, оратор апеллирует прежде всего к чувствам и эмоциям слушателей, т. к. аудитория такого рода считается малоподготовленной, а значит, выступление должно быть в высокой степени эмоциональным. В таком случае характеристика подсудимого и потерпевшего выступает в роли разновидности аргумента к пафосу (по Аристотелю): оратор передает аудитории некую эмоцию (сочувствие, сострадание, пренебрежение, жалость, гнев, возмущение, ненависть и т. д.), на основании которой присяжные склоняются к принятию того или иного правового решения.

Результаты

Анализ судебных речей позволил получить результаты, которые можно свести к ряду ценностно-значимых положений, учет которых позволит оптимизировать составление современных судебных речей для произнесения перед коллегией присяжных заседателей. Сформулируем их в виде четырех основных положений и проиллюстрируем примерами.

1. Использование отрицательной личностной характеристики потерпевшего вызывает недоверие аудитории к его словам, что является положительным фактором для стороны защиты

Знаменитый адвокат Ф. Н. Плевако в речи по делу об убийстве артистки Висновской дает психологическую характеристику потерпевшей. Оратор показывает ее настрой, ее помыслы, что наталкивает на соображение о том, что она сама желала смерти и действительно могла ее просить у подсудимого: *Она хотела бы, записала она десять лет тому назад, умереть в комнате, обтянутой розовой материей, таинственно освещенной лампой, среди цветов и музыки... Женские семейные инстинкты не умирали в ней. Мечты ранней девичьей поры об избраннике не оставляли ее в более зрелую пору. На это нам намекают ее разговоры о женихах, ищущих ее руки. А если это верно и верно с тем вместе мое мнение о ней, то мы можем смело заглянуть в ее внутренний мир, в эту следующую пору ее жизни и отгадать мечты и Чувства, какие она тогда переживала.* Так оратор показывает, что потерпевшая имела нестабильную психику и могла повлиять на действия подсудимого, спровоцировав его на совершение преступления. Однако мотива у подсудимого не было, что является важным фактором для квалификации расследуемого события и, как следствие, для избрания санкции.

В речи Ф. Н. Плевако в защиту князя Грузинского по делу об убийстве доктора Э. Ф. Шмидта адвокат показывает своего подзащитного с положительной стороны, характеризует его как порядочного человека, которому пришлось испытать сильные трудности: *Он был богат – его ограбили, он был честен – его обесчестили, он любил и был любим, – его разлучили с женой и на склоне лет заставили искать ласки случайной знакомой, какой-то Фени.* Использование цепочки антитез и синтаксического параллелизма в качестве дополнительных риторических приемов выразительности позволяет усилить впечатление и вызвать сильное сочувствие аудитории к подсудимому.

При этом потерпевший Шмидт описывается оратором резко отрицательно: *В этой истории сила была не в белье, а в дерзости и злобной хитрости Шмидта.* Адвокат называет потерпевшего трусливым, описывает его действия в отношении князя Грузинского как провокационные, достойные порицания и презрения со стороны общества. Этим адвокат и добивается оправдательного приговора коллегии присяжных. Контраст личностей подсудимого и потерпевшего позволяет оратору указать на те или иные качества подсудимого, которые становятся основой оценки степени его виновности [Пороховщиков 1988: 55].

2. Чувства сострадания и жалости, которые оратор вызывает у присяжных в отношении потерпевшего, сокращают шансы подсудимого на оправдательный приговор или смягчение наказания

В обвинительной речи по делу «о клубе червонных вальсов» прокурор Н. В. Муравьев эмоционально описывает деяния группировки, расценивая их как *нравственную грязь, грубый цинизм, гибель человека*. По его словам, такие люди – *обессиленные, поработанные, доведенные вином до состояния бессловесного животного и преждевременно отнятого у семьи*. Использование эпитетов помогает автору вызвать у присяжных пренебрежение к подсудимым, безразличие. Описывая действия обвиняемых Массари и Эрганьянца, оратор обращается к присяжным с просьбой вспомнить *несчастную, опирающуюся на костыли старушку, обобранную сыном до нищеты, то была мать, не сказавшая слова в укор сыну*. Прокурор создает оппозицию *плохой – хороший*, что позволяет ярче выделить действия подсудимых и вызывает чувство жалости и сострадания к потерпевшей, которая является олицетворением всех тех, кто пострадал от рук мошенников. Это дает обвинителю возможность выразить свое отношение к подсудимым и передать свой настрой аудитории.

3. Использование характеристики подсудимого, составленной посредством рассказов о детстве и судьбе обвиняемого, о становлении его личности, характера, дает оратору возможность указать присяжным заседателям на положительные или отрицательные черты его характера и тем самым сформировать необходимую установку

Подобное бытовое повествование раскрывает процесс формирования личности. В известной речи А. Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем обращается к судьбе подсудимого: *Оценка поведения его на суде не должна быть, по моему мнению, предметом наших обсуждений. Но мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены*. Далее А. Ф. Кони описывает жизнь подсудимого, начиная с 16 лет: *У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное беззастенчивое проявление грубой чувственности. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», беспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно – и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», – стало быть, человек, не очень останавливающийся в своих порывах*. Обвинитель делает упор на среду, в которой происходило формирование личности Емельянова.

Оратор показывает слушателям, что заложенные в его характер качества не отличаются высокой моралью, подсудимый является человеком безнравственным. А. Ф. Кони называет Емельянова *неспокойным*, представляя его как человека конфликтного. Подчеркивая только отрицательные черты личности Емельянова, фокусируясь на них, оратор вызывает отрицательные эмоции аудитории. Такая характеристика позволяет сформировать у присяжных устойчивое мнение о подсудимом и склонить их на сторону обвинения.

В речи по делу Качки Ф. Н. Плевако дает красочную историю жизни своей подзащитной, начиная с ее рождения. Таким способом адвокат доказывает, что совершенное Качкой преступление было актом душевной болезни, *полученной из-за несчастной жизни*. Он описывает детство подзащитной, которое было лишено любви матери: *Таким образом, воспитание доразрушило то, чего не могло разрушить физическое нездоровье*. Подобное повествование не может не вызвать сочувствия присяжных к подсудимой. Далее оратор обращается к юности Качки, к подробностям ее первой любви, которая оказалась неудачной и привела к необратимым последствиям. Ф. Н. Плевако вызывает у аудитории сострадание, благодаря чему ему удастся доказать тезис о психологическом нездоровье подсудимой. По решению присяжных, она была отправлена на лечение.

В речи по делу Лукашевича оратор Ф. Н. Плевако также обращается к характеристике детства подсудимого, делает акцент на том, какой формировалась его жизнь: *Вместе с тем он был лишен главного условия, необходимого для правильного роста того здорового дерева, которое называется «нравственным человеком», – того условия, которое природа предоставляет с рождения всякому человеку: это – участие матери, которого Н. Лукашевич никогда не видел*. Адвокат стремится вызвать в сознании аудитории сочувствие к личности Лукашевича, что может сыграть большую роль в принятии решения присяжных.

В знаменитой речи по делу Веры Засулич адвокат П. А. Александров использует развернутую, подробную биографию подзащитной, которая позволяет судить о формировании характера, взглядов его подопечной после двух лет, проведенных под следствием: *Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду. Ей сказали «Иди» – даже не прибавили; «И более не согрешай», – потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их*. Таким образом, адвокат показывает, что пришлось пережить обвиняемой, что повлияло на ее мировоззрение. Подробная и насыщенная тонкими психологическими мотивировками история жизни подзащитной, в соответствии с которой Засулич выступает жертвой

обстоятельств, позволяет понять причины, толкнувшие ее на преступление против представителя власти. Так оратор не только формирует описание субъективной стороны состава преступления, но и формирует эмоциональное отношение к подзащитной, вызывая сострадание и милосердие присяжных.

Отметим, однако, что в современном суде присяжных такое пристальное внимание к формированию личности подсудимого или потерпевшего вряд ли является возможным, поскольку далеко не каждый из элементов подробной характеристики личности подсудимой соотносится с ответами на вопросы, которые ставятся перед современными присяжными в соответствии с установленными процессуальными нормами: «По каждому из деяний, в совершении которых обвиняется подсудимый, ставятся три основных вопроса: 1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния»⁵.

4. Характеристика личности подсудимого может быть дана посредством описания отдельных качеств, что также позволяет сформировать портрет личности В речи по делу об убийстве Рыжова А. Ф. Кони дает личности подсудимого негативную оценку: *Шляхтин человек, не владеющий здравым смыслом, а человек нервный, раздражительный, болезненный от неправильной жизни*, но тем не менее прокурор не использует для достижения своей цели оскорблений и выражений, унижающих достоинство подсудимого.

Характеристика подсудимого должна соответствовать нормам этики, принятым в судебном заседании: прокурор должен быть беспристрастен, защитник – сдержан [Пороховщиков 1988: 56]. В то же время в современной практике речей в суде присяжных негативная характеристика личности, в частности личности подсудимого, частично ограничена процессуальными нормами, нацеленными на предупреждение той предвзятости, с которой могут подойти к вердикту присяжные заседатели.

Таким образом, характеристика личности помогает судебным ораторам сформировать положительное или отрицательное отношение к участникам судебного процесса, а в конечном итоге – склонить слушателей на свою сторону, убедить в правомерности своей точки зрения.

Заключение

В судебной речи, произносимой для коллегии присяжных заседателей, важную роль играет характеристика как обвиняемого, так и подзащитного. Благодаря описанию, которое дают ораторы в ходе судебного заседания, слушателям открываются жизненные ценности участников дела, их характеры, качества личности, принципы, мировосприятие, что помогает дать объективную оценку субъективной стороне совершенного преступления, согласиться с одной из сторон: обвинением или защитой. Помимо этого, характеристика личности помогает вызвать эмоции присяжных к подсудимому, сформировать отношение к его действиям и подтолкнуть к тому или иному решению. Для повышения уровня убедительности речи, создания образа обвиняемого ораторам необходимо уделять внимание всем разрешенным аспектам характеристики личности: упоминать не только значимые обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, согласно УПК РФ, но и давать характеристику личности, включающую его психологические особенности, нравственные качества, моральные ценности. При этом риторически более эффективными являются такие способы формирования впечатления о личности человека, которые ориентированы на восприятие рядовым человеком (присяжным заседателем), не имеющим специальной правоведческой подготовки и опирающимся на логику и здравый смысл, что, не исключает действия эмоций, способных повлиять на принятие решения. Прежде всего, речь идет о повествовательных (нарративных) моделях построения текста, позволяющих представить логическую конструкцию, лежащую в основе судебной речи, в доступном, понятном и убедительном виде.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

⁵ УПК РФ. Ч. 1. Ст. 339. Содержание вопросов присяжным заседателям.

Литература / References

- Баишева З. В. Характеристика личности подсудимого в судебной речи (риторический аспект). *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 10-3. С. 92–96. [Baisheva Z. V. Characteristics of the defendant's personality in courtroom speech (rhetorical aspect). *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2021, (10-3): 92–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.084>
- Байнов А. М. Психология личности. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2018. № 11. С. 169–171. [Baynov A. M. Personality psychology. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 2018, (11): 169–171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yyhuhi>
- Бушная Н. В. Суд присяжных в России: история и современность. Ставрополь: СФ МПГУ, 2016. 144 с. [Bushnaya N. V. *Jury trial in Russia: history and modernity*. Stavropol: SB MPSU, 2016, 144. (In Russ.)]
- Васильев В. Л. Юридическая психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с. [Vasilyev V. L. *Juridical psychology*. 6th ed. St. Petersburg: Piter, 2009, 608. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxvncj>
- Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. № 4. С. 63–85. [Volkov V. V. The influence of socio-economic status of defendants on court decisions. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2014, (4): 63–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tdosaf>
- Гавриленко А. А. Проблемы изучения личности подсудимого в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей. *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 345. С. 104–107. [Gavrilenko A. A. Problems of study of the personality of the defendant in a jury trial. *Tomsk State University Journal*, 2011, (345): 104–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nsieth>
- Гуськова А. П. К вопросу об эффективности правосудия. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2008. № 1. С. 38–41. [Guskova A. P. The problem of the effectiveness of justice. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2008, (1): 38–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mnicpj>
- Демичев А. А. Периодизация истории суда присяжных в России. *Журнал российского права*. 2001. № 7. С. 137–150. [Demichev A. A. Periodization of the history of jury trials in Russia. *Journal of Russian Law*, 2001, (7): 137–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmyzur>
- Демичев А. А. Перспективы российского суда присяжных. *Государство и право*. 2002. № 11. С. 101–104. [Demichev A. A. Prospects for a Russian jury trial. *Gosudarstvo i Pravo*, 2002, (11): 101–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmyzxt>
- Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в России. Барнаул: АлтГУ, 2013. 225 с. [Dudko N. A. *Phased introduction of jury trial in Russia*. Barnaul: ASU, 2013, 225. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdczin>
- Загвоздкин Н. Н. Установление личности обвиняемого: уголовно-процессуальные, криминалистические и иные аспекты. *Право и политика*. 2016. № 2. С. 262–271. [Zagvozdkin N. N. Identification of the accused: criminal procedure, forensic and other aspects. *Pravo i politika*, 2016, (2): 262–271. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.2.17818>
- Золотых В. В. Исследование данных о личности подсудимого. *Российская юстиция*. 1996. № 8. [Zolotykh V. V. Investigation of the identity of the defendant. *Russian Justice*, 1996, (8). (In Russ.)]
- Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М.: Юрист, 2007. 464 с. [Ivakina N. N. *Fundamentals of judicial eloquence: rhetoric for lawyers*. Moscow: Iurist, 2007, 464. (In Russ.)]
- Катышев П. А. Ортологическое моделирование современной судебной речи. *Юрлингвистика*. 2007. № 8. С. 123–130. [Katyshev P. A. Orthological modeling of modern judicial speech. *Legal Linguistics*, 2007, (8): 123–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkgxvh>
- Кисленко С. Л. Исследование данных, характеризующих личность подсудимого: проблемные аспекты теории и право-применительной практики. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2021. № 1. С. 77–93. [Kislenko S. L. Research of the data characterizing the defendant's personality: problematic aspects of theory and law enforcement practice. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2021, (1): 77–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-1-77-93>
- Лазарева В. А. Судебная речь по уголовному делу. Самара: Самар. ун-т, 2018. 336 с. [Lazareva V. A. *Court speech in a criminal case*. Samara: Samara University, 2018, 336. (In Russ.)]
- Лоханский С. С. Уголовно-правовая характеристика признаков понятия «личность». *Право: современные тенденции: Междунар. науч. конф. (Уфа, 20–23 июля 2012 г.)* Уфа: Лето, 2012. С. 124–130. [Lokhanskii S. S. Criminal law characterization of the characteristics of the concept of personality. *Law: Current Trends: Proc. Intern. Sci. Conf., Ufa, 20–23 Jul 2012*. Ufa: Leto, 2012, 124–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqcecj>
- Ляхов Ю. А., Золотых В. В. Суд присяжных – путь к справедливой юстиции. *Российская юстиция*. 1997. № 3. С. 9–10. [Liakhov Yu. A., Zolotykh V. V. Jury as a way to fair justice. *Russian Justice*, 1997, (3): 9–10. (In Russ.)]

- Муравьев С. И. Искусство убеждать: некоторые особенности реализации принципа состязательности сторон при отправлении правосудия судом присяжных. *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 5. С. 486–496. [Muravyov S. I. The art of persuasion: some peculiarities with implementation of adversarial principle in administering justice by the jury trial. *Voprosy rossiiskoi iustitsii*, 2020, (5): 486–496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuqgik>
- Насонов С. А. Когда защите стоит выбирать суд присяжных. *Уголовный процесс*. 2020. № 3. С. 22–29. [Nasonov S. A. When the defense should choose a jury trial. *Ugolovnyi protsess*, 2020, (3): 22–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yumrkw>
- Насонов С. А. Концептуальные основы реформирования суда присяжных в России. *Судья*. 2016. № 5. С. 26–28. [Nasonov S. A. Conceptual foundations for reforming the jury trial in Russia. *Sudya*, 2016, (5): 26–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhjuzn>
- Осипова Е. В., Прейбис И. И. Судебная тактика при изучении личности подсудимого. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2018. № 2-2. С. 88–95. [Osipova E. V., Preibis I. I. Judicial tactics of investigating information about defendant in court. *News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2018, (2-2): 88–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzokgt>
- Пороховщиков П. С. Искусство речи на суде. М.: Юрид. лит., 1988. 384 с. [Porokhovshchikov P. S. *The art of speech at trial*. Moscow: Iurid. lit., 1988, 384. (In Russ.)]
- Пригарина Н. К. Коммуникативно-риторическая стратегия создания эмоциональной атмосферы сочувствия к подсудимому в судебной защитительной речи. *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2019. № 4. С. 164–167. [Prigarina N. K. Communicative rhetorical strategy of creating an emotional atmosphere of sympathy for the defendant in the defense lawyer's speech during the trial. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2019, (4): 164–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hlsprj>
- Рябова Л. Г. Речь государственного обвинителя в суде присяжных: структурно-риторические особенности. *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 12. С. 436–440. [Ryabova L. G. The speech of the public prosecutor of the jury: structural and rhetorical features. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2018, (12): 436–440. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsdaej>
- Хорькова И. В. Приемы античной судебной риторики в практике суда присяжных. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 2. С. 231–241. [Khorkova I. V. Methods of antique judicial rhetoric in practice of jury. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, (2): 231–241. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynhkiy>
- Чесных В. И. Возрождение и организация суда присяжных в России: исторические и конституционно-правовые аспекты. М.: Б. и., 2000. 337 с. [Chesnykh V. I. *Revival and organization of jury trial in Russia: historical and constitutional legal aspects*. Moscow, 2000, 337. (In Russ.)]
- Шкарлет Н. А. Теория и практика учета судом личности подсудимого при условном осуждении. *Российское правосудие*. 2019. № 10. С. 101–105. [Shkarlet N. A. Theory and practice of the court's consideration of the defendant's identity in probation. *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, (10): 101–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2019.10.101-105>

оригинальная статья

Взаимосвязь структурных компонентов новостных текстов политического характера с комментариями детской таргет-группы

Вдовиченко Елизавета Анатольевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>
elizaveta90@mail.ru

Жданова Светлана Юрьевна
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Россия, Пермь
<https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>
Scopus Author ID: 56681975500

Каменева Вероника Александровна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>
Scopus Author ID: 57296227500

Поступила в редакцию 16.05.2023. Принята после рецензирования 21.06.2023. Принята в печать 26.06.2023.

Аннотация: У молодого населения сформировалась привычка потребления новостной информации, одним из следствий в медиасреде стало недавнее появление в Интернете новостных журналов, ориентированных на детей в возрасте от 8 до 12 лет, с возможностью комментирования статей. Цель – изучить детские комментарии во взаимосвязи со структурными компонентами франкоязычного новостного текста политического характера со структурой *Inverted pyramid* на материале франкоязычного журнала *1jour1actu*. Комментарии детей, оставленные на новостной текст политического характера, ориентированный на их возрастную группу, являются новым и не исследованным научным объектом, к тому же с учетом структуры первичного новостного текста. Применены методы контент- и интент-анализа, а также концепция когнитивного конструктивизма морального сознания. Методом сплошной выборки за период 2013–2022 гг. был отобран материал исследования в количестве 50 новостных текстов политической тематики, среди которых выявлено 11 текстов со структурой *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида). В генеральную совокупность исследования были включены все статьи выбранной структуры, выявленные за указанный период. Интент-анализу подверглись 111 комментариев, оставленных к новостным политическим статьям франкоговорящими детьми в возрасте 8–12 лет. Результат показал, что дети активно читают новостные тексты политического характера и выражают свое мнение об информации, изложенной в таких структурных элементах, как *Lead* (Вводка), *Body* (Тело), *Background* (Фон), *Tail* (Хвост). Наибольший отклик среди детей находит структурный компонент *Background* (Фон), в котором освещаются факты, повлиявшие на новостное событие. На написание комментария детей подталкивают данные о пострадавших в результате политических событий, протестующих, недовольных политическими решениями; описание жизненных ситуаций, которые могут произойти не только с политическим деятелем, но и с ними; события, влияющие на судьбу их страны и других стран. В своих комментариях они используют лексические единицы с положительной или отрицательной коннотацией, чтобы выразить одобрение или неприятие новостных событий; вопросительные предложения для выражения недовольства; эмодзи, чтобы лучше передать свои эмоции на прочитанную новостную информацию. Но несмотря на высокую эмоциональную окрашенность, комментарии детей, в отличие от комментариев взрослых, не являются конфликтными, в них отсутствует явная категоричность. Комментируя новостные политические тексты, дети выражают свои чувства, при этом часто используют такие выражения, как *я думаю, мне кажется, но я не совсем уверен*. Данный факт свидетельствует о неустойчивости взглядов детей и занимаемой ими позиции. Анализ показал, что дети в своих высказываниях ориентируются зачастую на мнение взрослого, часто дополняют и вторят друг другу, они не высказывают свою позицию, а дополняют или подтверждают в своих комментариях уже кем-то высказанное мнение.

Ключевые слова: новость, текст политической тематики, *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида), комментарий, дети

Цитирование: Вдовиченко Е. А., Каменева В. А., Жданова С. Ю. Взаимосвязь структурных компонентов новостных текстов политического характера с комментариями детской таргет-группы. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 543–555. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-543-555>

full article

Structural Elements of Political News Texts and Comments from Children Target Group

Elizaveta A. Vdovichenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>

elizaveta90@mail.ru

Svetlana Yu. Zhdanova

Perm State University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>

Scopus Author ID: 56681975500

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Scopus Author ID: 57296227500

Received 16 May 2023. Accepted after peer review 21 Jun 2023. Accepted for publication 26 Jun 2023.

Abstract: Modern online media offer online news magazines with commenting options for children from 8 to 12 years old. This paper features children's comments in their relation to the structure of a French-language political news text designed as *Inverted pyramid*. Children's comments to political news aimed at their age group are a new and unexplored scientific object. The research relied on the concept of cognitive constructivism of moral consciousness and involved such methods as content and intent analyses. Children proved to be active readers of political news: they expressed their opinions on the information presented in such structural elements as *Lead*, *Body*, *Background*, and *Tail*. The greatest response was triggered by *Background*, which narrates the facts that influenced the news event. Children usually reacted to information about victims of political events, political protesters, descriptions of life situations they can associate with, and events of global significance.

Keywords: news, political text, Inverted pyramid, commentary, children

Citation: Vdovichenko E. A., Kameneva V. A., Zhdanova S. Yu. Structural Elements of Political News Texts and Comments from Children Target Group. *SibScript*, 2023, 25(4): 543–555. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-543-555>

Введение

В настоящее время благодаря появлению различных переносных гаджетов (айфонов, смарт-часов, планшетов) Интернет как средство массовой информации активно развивается и все более набирает популярность. Человек может в любое время и в любом месте ознакомиться с новостной информацией, которую публикуют журналы, ориентируясь на целевую аудиторию, чтобы она была массово читаемой. «Целевая аудитория выявляется по следующим критериям:

1. Демографический (пол, возраст, образование, социальное положение в обществе, национальность, размер семьи).

2. Географический (страна проживания, численность населения, доступность СМИ и Интернета, климат, развитие инфраструктуры, качество жизни).

3. Экономический (вид деятельности, уровень доходов, покупательская способность, структура расходов и покупок).

4. Психологический (интересы, темперамент, черты характера, образ жизни, система ценностей, психологический профиль).

5. Поведенческие факторы (трафик и интересы в Интернете, использование социальных сетей, какими социальными сетями преимущественно пользуется, количественный и качественный характер поведения в социальных сетях, наличие вредных привычек, гибкость в смене привычек)» [Красовская и др. 2019: 114].

Также зарубежные ученые отмечают, что и у молодого населения цифровой мир сформировал привычку потребления новостной информации [Crispin 2011] и ее комментирования. Совсем недавно в Интернете стали появляться франкоязычные новостные журналы, ориентированные на детей и предлагающие молодому поколению не только ознакомиться с различными новостями, но и выразить свою точку зрения, оставив комментарий под статьей.

Комментарий – короткое сообщение, в котором выражается мнение читателя по сетевому материалу [Кузьмина 2011: 222; Никонова 2020: 75; Стекова 2008: 20–22; Щипицина 2015: 528]. Данное сообщение обладает оценочностью, спонтанностью, экспрессивностью [Алтухова 2012; Асмус 2021; Bruce 2010].

Ученые отмечают, что комментарий благодаря своей диалогичности [Степанова 2013] оказывает влияние на оценку и интерпретацию первичного текста [Anderson et al. 2014; Lee 2012].

Ранее ученые изучали комментарии к новостным текстам, адресованные массовой аудитории, как правило, взрослой [Абросимова, Кравченко 2017; Никонова 2020; Пасечная, Щербина 2020; Полоян 2020; Фаломкина 2020; Цзюй 2018]. Они исследовали оценочность комментариев с положительной / отрицательной оценками содержания статьи. Е. В. Новгородова классифицировала комментарии, поделив их на два основных вида: текстоцентрические и персоноцентрические [Новгородова 2020: 121–122]. Н. Д. Голев, Л. Г. Ким, В. С. Мельникова и Д. А. Юнг обратили свое внимание на проявление конфликтности в комментариях читателей новостных текстов [Голев, Ким 2023; Голев и др. 2022]. Стратегиям и тактикам посвятили свои работы С. Ж. Ергалиева, Н. В. Мельник и И. В. Савельева. Н. В. Мельник и И. В. Савельева занимались изучением лингвоперсонологических стратегий восприятия первичного текста авторами интернет-комментариев [Мельник, Савельева 2017; Савельева 2013]. С. Ж. Ергалиева, Н. В. Мельник и др. выделили три стратегии создания комментариев: персонную, текстовую и объединенную, а также их тактики: ассоциативности, домысливания, эмоциональности, копиальности содержания, копиальности формы и ключевых слов [Ергалиева, Мельник 2019; Yergaliyeva et al. 2018; 2021].

Согласно обзору научной литературы, в основном ученые исследовали комментарии взрослой аудитории, не обращая внимания на структуру первичного новостного текста. В связи с этим комментарии детей, оставленные на новостной текст политического характера, ориентированный на их возрастную группу, являются новым и не исследованным научным объектом, к тому же с учетом структуры первичного новостного текста.

Цель настоящей работы – выявить взаимосвязь структурных компонентов франкоязычного новостного текста политического характера, имеющих структуру *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида), с комментариями от детской таргет-группы на материале франкоязычного журнала *1jour1actu*.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили комментарии к новостным текстам политического характера, адресованным детям 8–12 лет, из франкоязычного журнала *1jour1actu*.

В исследовании был использован метод контент-анализа, согласно которому во внимание принимались количественные и качественные характеристики анализа

комментариев детей к новостным политическим текстам. В ходе проведенного контент-анализа методом сплошной выборки за период 2013–2022 гг. было отобрано 50 новостных текстов политической тематики, среди которых выявлено 11 текстов со структурой *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида). В генеральную совокупность исследования были включены все статьи выбранной структуры, выявленные за указанный период. Интент-анализу подверглись 111 комментариев, оставленных к новостным политическим статьям франкоговорящими детьми в возрасте 8–12 лет. Также применена концепция когнитивного конструктивизма морального сознания [Пиаже 2003; 2006; 2008; Eisenberg 1986; Kohlberg 1984].

Результаты

Учеными выделяются разные структуры новостных текстов, самая популярная и используемая журналистами – *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида) [Arfiyanti et al. 2018; Pottker 2003; Shishkova 2015]. Сначала в ней сообщается о новостном событии, а потом уже предоставляются подробности, с которыми читатель может и не знакомиться. Данная структура новостного текста попала в поле зрения многих ученых [DeAngelo, Yegiyani 2018; Khan et al. 2018; Rafiee et al. 2017; Taher et al. 2022; Tomson et al. 2008]. Зарубежные ученые выделили структурные компоненты, для названия которых отечественные ученые чаще применяют транскрибирование, например, «Лид», «Бэкграунд»; или перевод: «Тело / Корпус», «Заголовок», «Вводка», «Фон». В нашей работе мы придерживаемся английских названий с переводом для структурных элементов, сохраняя их определения. Итак, новостной текст обладает следующими компонентами:

- *Title* (Заголовок) – главная часть новостной статьи, т. к. по нему читатель решает, читать статью или нет [Колесниченко 2013].
- *Lead* (Вводка) – графически выделенная информация, которая размещается перед текстом и кратко сообщает о главном новостном событии [Мельник, Тепляшина 2004: 257; Хазагеров, Корнилова 2008: 74].
- *Body* (Тело) – компонент, проясняющий суть новостного события и его значение, в нем излагается главное новостное событие с подробностями [Жуков 2014; Колесниченко 2013; Самарцев 2007].
- *Background* (Фон) – предыстория события, сведения, необходимые для его понимания [Иванова 2017].
- *Tail* (Хвост) – дополнительная информация, которая не влияет на восприятие содержания статьи.

Согласно проведенным исследованиям, набор структурных компонентов может быть полным, но может и отсутствовать такой компонент, как *Tail* (Хвост).

В ходе анализа комментариев, оставленных детьми, во взаимосвязи со структурными компонентами новостного текста политической тематики со структурой *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида) было выявлено, что молодые читатели не останавливаются только на ознакомлении с *Title* (Заголовком), в котором сообщается тема статьи. В анализируемом материале не встретилось ни одного комментария на *Title* (Заголовок).

Следующий структурный компонент *Inverted pyramid* (Перевернутой пирамиды) новостного текста – *Lead* (Вводка), главная функция которой – привлечь и удерживать внимание читателя. Среди оставленных комментариев молодыми читателями была отмечена их реакция на содержание данного структурного компонента.

Например, в статье *Pourquoi on a créé l'Europe?*¹ (Зачем создали Европу?) в *Lead* (Вводке) молодому читателю сообщается, что европейские страны объединились в союз, чтобы помогать друг другу в решении различных проблем:

(1) *Après les 2 guerres mondiales du siècle dernier (1914–1918 et 1939–1945), les pays qui y avaient participé rêvaient d'union et de paix. Ils décidèrent alors de s'associer afin d'avoir des règles de vie communes et de s'entraider en cas de problèmes économiques* – После двух мировых войн прошлого века (1914–1918 и 1939–1945) участвовавшие в них страны мечтали о союзе и мире. Они решили объединиться для того, чтобы разработать общие правила совместного проживания и помощи друг другу в случае экономических проблем.

На содержание данного структурного компонента новостного текста читатели дали свои комментарии:

- *On a créé l'Europe pour la paix. C'est bien d'avoir créé l'Europe pour réunir tous les pays et ne plus avoir de guerres. Je suis pour car on ne peut plus avoir de soucis grâce à l'Europe* – Создали Европу для мира. Хорошо, что создали Европу, чтобы объединить все страны, и чтобы больше не было войн. Я за, потому что больше не может быть проблем из-за Европы.
- *On a besoin l'UE pour s'entraider, financièrement peut-être* – Нам нужен ЕС, чтобы помогать друг другу, возможно, финансово.
- *Nous pensons que l'UE est très important parce qu'elle est bonne pour la démocratie. L'Union européenne contribue à la paix dans le monde. Dans l'UE, il existe une coopération sur plusieurs sujets, par exemple: défense, sécurité, commerce et environnement* – Мы считаем,

что ЕС очень важен, потому что он полезен для демократии. Европейский союз вносит свой вклад в обеспечение мира во всем мире. В ЕС существует сотрудничество по нескольким темам, например: оборона, безопасность, торговля и окружающая среда.

В комментариях молодых читателей названы причины объединения европейских стран: основными являются мир, чтобы не было войн, и решение экономических проблем. Оставляя подобные комментарии, читатели показывают, что они ознакомились со статьей и теперь знают ответ на главный вопрос, который звучит в *Title* (Заголовке).

В статье *"Vive l'Ukraine!"*³ (Да здравствует Украина!) в *Lead* (Вводке) сообщается о тысячах протестующих жителей Украины, число которых увеличивается:

(2) *Des milliers de personnes manifestent à Kiev, la capitale de l'Ukraine, depuis deux semaines. Lundi, elles étaient des centaines de milliers* – Тысячи людей протестуют в Киеве, столице Украины, в течение двух недель. В понедельник их было сотни тысяч.

На что реакция молодого читателя была следующая:

- *des milliers, vous dites?* 🙄🙄🙄 – Вы говорите, тысячи? 🙄🙄🙄

Удивление читателя по поводу количественных данных о протестующих выражено неполным вопросительным предложением и эмоджиконами, усиливающими удивление.

Следующий структурный элемент новостного текста со структурой *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида) – *Body* (Тело), где читателю еще раз сообщается о новостном событии, только уже с подробностями. Содержание данного структурного компонента должно оказывать воздействие на читателя и вызывать его на диалог благодаря своему коммуникативно-прагматическому потенциалу [Негрышев 2006]. Но несмотря на это, среди 111 комментариев был отмечен единичный случай, когда читатель выразил свое мнение по содержанию *Body* (Тела) в статье *"Vive l'Ukraine!"*⁴ (Да здравствует Украина!) о том, что большая часть жителей Украины недовольны действием своего президента, так как он предпочитает союз с Россией, а не с Европой:

(3) *Le président de l'Ukraine a refusé de signer un traité d'alliance avec l'Union européenne. Il préfère un autre partenaire: la Russie. La plupart des Ukrainiens sont contre cette décision* – Президент Украины отказался

¹ Pourquoi on a créé l'Europe? *1jour1actu*. 9 May 2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/pourquoi-on-a-cree-leurope> (accessed 30 Apr 2023).

² Здесь и далее по тексту перевод примеров выполнен Е. А. Вдовиченко.

³ "Vive l'Ukraine!" *1jour1actu*. 11 Dec 2013. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/ukraine-86953> (accessed 30 Apr 2023).

⁴ Ibid.

подписывать союзнический договор с Европейским союзом. Он предпочитает другого партнера: Россию. Большинство украинцев против этого решения.

Согласно одному оставленному комментарию, читатель эксплицитно поддерживает решение президента Украины, используя для этого лексические единицы *le grand chaumage, la faillite, une grande illusion, victimes et des blessés*. Он приводит явные доводы, которыми мог руководствоваться сам президент, чтобы не подписывать соглашение с Европейским союзом. Вместе с тем существуют большие сомнения в том, что данные комментарии сделал ребенок. Содержание комментария по своей структуре, стилистике, логике изложения, аргументации, свидетельствующей об уровне развития мышления, в большей мере характеризует взрослого человека. В этой связи возможно предположить, что заинтересованные взрослые активно принимают участие в новостных сайтах, предназначенных для детей, оставляют свои комментарии, делая «вбросы», регулируют тем самым ход обсуждения политических новостей детьми. Аргументом в пользу того, что комментарий был оставлен именно взрослым человеком, является также тот факт, что это был единственный комментарий к информации структурного элемента новостного текста *Body* (Тела).

Структурный компонент *Background* (Фон) в новостном тексте со структурой *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида) является самым популярным по данным анализа комментариев молодых читателей. В нем представляются детали, факты, связанные с новостным событием, которые привели или повлияли на происходящее.

Так, в статье *Premier tour de l'élection présidentielle: quels sont les résultats?*⁵ (Первый тур президентских выборов: каковы результаты?) в *Background* (Фоне) рассказывается, что Эммануэль Макрон и Марин Ле Пен, как и на прошлых выборах, прошли во второй тур президентских выборов, который состоится 24 апреля. Следует отметить, что данные подробно сообщаются только в этой части новостного текста.

(4) *Ces 2 candidats sont maintenant qualifiés pour le second tour, qui se déroulera le 24 avril... Lors de l'élection présidentielle précédente, en 2017, c'était déjà Emmanuel Macron et Marine Le Pen qui étaient au second tour. Mais, cette année, leurs scores pourraient être plus proches l'un de l'autre...* – Эти 2 кандидата прошли квалификацию во второй тур, который состоится 24 апреля... На предыдущих президентских выборах, в 2017 году, Эммануэль

Макрон и Марин Ле Пен также прошли во второй тур. Но в этом году их рейтинг может сравняться...

На данную информацию реакции молодых читателей были следующие:

- *Maman râlait devant la télé, je lui ai demandé, elle me dit; hè bas on avancera jamais c'est toujours Marine et Emmanuel au deuxième tour... donc ça va être long si ça dure comme ça* – Мама ругалась перед телевизором, и я ее спросил. Она мне ответила: «Ну, мы никогда не продвинемся вперед, так как Марин и Эммануэль постоянно проходят во второй раунд»... это надолго, если это будет продолжаться.
- *Merci pour votre article! Notre classe de CM2 a remarqué qu'une erreur s'y était glissée! Le second tour aura lieu le 24 avril, et non le 24 mars!* – Спасибо за вашу статью! Наш класс CM2 заметил, что закралась ошибка! Второй тур состоится 24 апреля, а не 24 марта!

Своими комментариями молодые читатели указывают на то, что они в курсе политических дел в стране, т.к. владеют информацией о том, что Эммануэль Макрон и Марин Ле Пен неоднократно сражались за пост президента (*toujours Marine et Emmanuel*). А также они сообщают редактору журнала, что он перепутал дату второго тура.

В статье *Au revoir Monsieur le Président Obama!*⁶ (До свидания, господин Президент Обама!) в *Background* (Фоне) написано о заслугах Барака Обамы, приводятся негативные факты правления Дональда Трампа:

(5) *Il faut dire que le nouveau président est très différent de Barack Obama... En effet, Donald Trump s'est engagé à supprimer plusieurs mesures prises par le président, comme par exemple l'Obamacare. Cette loi permet aux Américains les plus pauvres d'avoir un meilleur accès aux soins médicaux... Barack Obama était un président très apprécié pour son charisme. Il faisait souvent des blagues pendant ses discours. Mais surtout, il est pacifiste: il a d'ailleurs reçu le prix Nobel de la paix en 2009, pour ses engagements contre la guerre dans le monde. Tandis que Donald Trump, c'est plutôt tout le contraire: il défend le port d'armes aux États-Unis et il a une attitude parfois agressive, avec des discours violents et racistes* – Надо сказать, что новый президент сильно отличается от Барака Обамы... Действительно, Дональд Трамп пообещал отменить несколько реформ, принятых президентом, например, *Obamacare*. Эта реформа позволяет бедным американцам иметь лучший доступ к медицинскому обслуживанию... Барак Обама был президентом, которого очень ценили за его харизму.

⁵ Premier tour de l'élection présidentielle: quels sont les résultats? *1jour1actu*. 11 Apr 2022. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/premier-tour-de-lelection-presidentielle-quels-sont-les-resultats> (accessed 30 Apr 2023).

⁶ Au revoir Monsieur le Président Obama! *1jour1actu*. 14 Jan 2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/au-revoir-monsieur-le-president-obama-27534> (accessed 30 Apr 2023).

Он часто шутил во время своих выступлений. Но прежде всего он пацифист: он получил Нобелевскую премию в 2009 году за свои обязательства против войны в мире. В то время как Дональд Трамп, скорее, наоборот: он защищает ношение оружия в Соединенных Штатах, иногда ведет себя агрессивно, делает грубые и расистские высказывания.

Молодые читатели отреагировали следующим образом на данную информацию:

- *A mon avis, je pense que Obama est bien meilleur que Trump* – На мой взгляд, я думаю, что Обама намного лучше Трампа.
- *Je pense Barack Obama est un président très bon. Il était un président très intéressant à les gens. Donald Trump n'est pas intéressant à les gens, seulement sa opinion est important pour lui* – Я думаю, что Барак Обама – очень хороший президент. Он был очень интересным президентом для людей. Дональд Трамп не интересен людям, для него важно только его мнение.
- *C'est un article intéressant pour trouver plus informations des présidents Trump et Obama. Je pense que Obama est meilleur que Trump. Parce que Trump semble moi moins indulgent avec la population que Obama. Trump ne semble pas un président très bon. Je trouvais Obama un président qui est conscient de tout. Il a fait beaucoup pour la monde. Il a gagné le prix Nobel de la paix. A mon avis, Il peut encore participer aux élections de président* – Это интересная статья, в которой можно найти больше информации о президентах Трампе и Обаме. Я думаю, что Обама лучше Трампа. Потому что Трамп кажется мне менее снисходительным к населению, чем Обама. Трамп не кажется очень хорошим президентом. Я считал Обаму президентом, который знает обо всем. Он много сделал для мира. Он получил Нобелевскую премию мира. На мой взгляд, он все еще может участвовать в президентских выборах.
- *Je trouve qu'Obama est beaucoup mieux que Trump. Il a plus de sentiments, Il n'oublie pas les gens. Trump est le contraire d'Obama, il est très agressif. Je pense qu'il y a un Guerre mondiale quand Trump est le président. Il n'a pas de patience pour siéger dans la politique. Si cela à moi, le président Obama peut-être encore 4 ans le président de l'Amérique* – Я считаю, что Обама намного лучше Трампа. У него больше чувств, он не забывает о людях. Трамп – полная противоположность Обаме, он очень агрессивен. Я думаю, что может быть мировая война, когда Трамп станет президентом. У него нет терпения заниматься политикой. По мне, президент Обама, возможно, еще 4 года будет президентом Америки.

- *Je pense que Donald Trump est moins capable de Barack Obama pour être président. Moi, j'aurais voté pour Clinton parce que Trump est un raciste. Trump va défaire beaucoup qu'Obama est fait comme Obamacare... Selon moi, Obama peut être président une deuxième fois comme en France* – Я думаю, что Дональд Трамп менее способен быть президентом, чем Барак Обама. Я бы проголосовал за Клинтон, потому что Трамп – расист. Трамп собирается отменить многое из того, что Обама сделал, например Obamacare... На мой взгляд, Обама может стать президентом во второй раз, как это было во Франции.
- *Je pense que Donald Trump va être un président mauvais. Il va défaire beaucoup de choses bons que Obama a réalisé. A mon avis, Obama était un président très bon, il avait beaucoup des idées clair et bon, et Trump par contre, personne ne sait exactement quoi il va faire pendant son temps comme président. Selon moi, Obama ne doit pas quitter son métier. J'espère que Donald Trump va aller un bon président, mais je ne suis pas du tout sur* – Я думаю, что Дональд Трамп будет плохим президентом. Он отменит много хороших вещей, которые создал Обама. На мой взгляд, Обама был очень хорошим президентом, у него было много ясных и хороших идей, а Трампа, с другой стороны, никто еще не знает, неизвестно, что он собирается делать во время президентства. Я считаю, что Обама не должен бросать свою работу. Я надеюсь, что Дональд Трамп станет хорошим президентом, но я совсем не уверен.
- *Je pense que Trump n'est pas capable d'être le président de l'Etat Unis. Il veut construire un mur chez Mexico. Moi, je pense que c'est ridicule. Je trouve Obamacare très bon pour les personnes qui habitent dans l'état unis* – Я думаю, что Трамп не способен быть президентом Соединенных Штатов. Он хочет построить стену в Мехико. Я думаю, что это смешно. Я считаю, что Obamacare очень полезен для людей, которые живут в штате.
- *Trump ruine le travail de Obama. Obama a gouverné l'Amérique depuis huit ans très bien. Maintenant Trump arrive et il va ravager tout les bonnes choses que Obama a fondé. Les choses comme l'ObamaCare et le paix dans le pays. Je pense que le paix partira et aussi le satisfaction de la population* – Трамп разрушает работу Обамы. Обама очень хорошо правил Америкой в течение последних восьми лет. Теперь приходит Трамп, и он разрушит все хорошее, что основал Обама. Такие вещи, как ObamaCare и мир в стране. Я думаю, что исчезнет мирное время, а также удовлетворенность населения.

- *Je pense que Barack Obama était un des mieux président parce qu'il avait des très bonnes idées. Son création le plus bon était à mon opinion Obamacare, Obamacare a aidé beaucoup de gens pauvres qui n'ont pas l'argent pour acheter des médecins quand ils sont malades. Aussi, je ne pense pas que Trump est une personne mauvaise parce qu'il a aussi des idée qui vont changer l'Amérique mais pas tout le monde voit les profits des idées. Mais j'ai une conjecture que certains de ses idées sont presque impossible* – Я думаю, что Барак Обама был одним из лучших президентов, потому что у него были очень хорошие идеи. Его самым хорошим творением, на мой взгляд, была Obamacare, Obamacare помогла многим бедным людям, у которых нет денег, чтобы платить врачам, когда болен. Кроме того, я не думаю, что Трамп – плохой человек, потому что у него также есть идеи, которые изменят Америку, но не все видят выгоду от этих идей. Но у меня есть предположение, что некоторые из его идей практически невыполнимы.

Во всех комментариях, как и в представленной информации в *Background* (Фоне), молодые читатели сравнивают Барака Обаму с Дональдом Трампом, указывая на заслуги первого. Они используют словосочетания *bien meilleur* (намного лучше), *très bon* (очень хороший), *meilleur* (лучший), *un des mieux* (один из лучших), *beaucoup mieux* (намного лучше), чтобы подчеркнуть то, что Барак Обама был одним из лучших правителей страны. А по отношению к Дональду Трампу были использованы словосочетания, дающие ему отрицательную оценку: *n'est pas intéressant* (не интересен), *moins indulgent* (менее снисходительный), *très agressif* (очень агрессивен), *Il n'a pas de patience* (у него нет терпения), *un raciste* (расист), *un président mauvais* (плохой президент), *personne mauvaise* (плохой человек). Также в большинстве комментариев отмечаются не только отрицательные качества Дональда Трампа, но и то, что он может привести страну к упадку: *va défaire* (собирается отменить), *va défaire beaucoup de choses bons* (отменит много хороших вещей), *va ravager tout les bonnes choses* (разрушит все хорошее), *le paix partira* (исчезнет мирное время).

В статье *Les États-Unis espionnent la France*⁷ (США шпионят за Францией) в *Background* (Фоне) рассказывается, что США и Франция являются союзниками долгое время, поэтому президент Франции возмущен тем, что Америка шпионит за ним. Хотя американская пресса заявляет, что не только США, но и Франция шпионит за ними. Но если это так, то это помогло бы странам

в будущих переговорах. На это молодые читатели отреагировали следующим образом:

- *Si ces informations ne sont pas utilisées n'importe comment, ni vendues, ni échangées et sont bien gardées, je vois pas trop ce que ça peut faire* – Если эта информация каким-либо образом не используется, не продается и не обменивается, и хорошо хранится, я не совсем понимаю, что она может сделать.
- *C'est cool l'espionnage mais quand meme les americains c'est pas leur affaire si ils sont amis ils n'ont qu'a nous demander des informations après c'est le président qui voit!* – Шпионаж – это круто, но тем не менее это не касается американцев, если они друзья, им нужно только запросить у нас информацию после того, как президент увидит это!

Согласно оставленным детьми комментариям, видно, что они не понимают сути проблемы, которую видит президент Франции, т.к. Франция и США, по словам журналиста, являются друзьями, следовательно, молодые читатели предполагают, что страны могут запрашивать друг у друга информацию, и при этом она никуда не передается дальше.

Следующим элементом новостного текста со структурой *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида) является *Tail* (Хвост). Как было отмечено ранее, этот элемент не всегда присутствует в новостном тексте, т.к. его содержание не влияет на понимание всей статьи. Нам встретилось всего две статьи, к которым молодые читатели оставили свои комментарии именно по информации, изложенной в *Tail* (Хвосте), что еще раз свидетельствует, что есть дети, которые читают новостные тексты политической тематики до конца.

Например, в статье *Au revoir Monsieur le Président Obama*⁸ (До свидания, господин Президент Обама!), к которой было оставлено самое большое количество детских комментариев по содержанию *Background* (Фона), также молодыми читателями была прокомментирована информация из структурного элемента *Tail* (Хвост) о том, что Бараку Обаме надо съехать из Белого дома, забрав при этом с территории все свои вещи. А также он планирует найти новую работу и место жительства в этом же городе, чтобы дать возможность доучиться своим дочерям:

- (6) *Car oui, ils sont obligés de déménager pour laisser la place au nouveau président... Mais ils ne vont pas déménager bien loin. Ils ont décidé de rester encore un peu à Washington. Le temps pour les filles de terminer leurs études et pour Barack Obama de se trouver un nouveau métier* – Поэтому да, они

⁷ Les États-Unis espionnent la France. *1jour1actu*. 25 Jun 2015. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/nsa-espion-france-60436> (accessed 30 Apr 2023).

⁸ Au revoir Monsieur le Président Obama!..

вынуждены переехать, чтобы освободить место для нового президента... Но они не собираются переезжать очень далеко. Они решили остаться в Вашингтоне ненадолго. Дочерям надо закончить учебу, а Бараку Обаме найти новую работу.

Читатели отреагировали следующим образом:

- *...C'est grave qu'il doit déménager et chercher d'un nouveau métier a mon opinion, il peut rester dans la maison-blanche mais je crois que ça n'est pas une solution* – ...Это тяжело, что ему нужно переехать и искать новую работу, на мой взгляд, он может остаться в Белом доме, но я считаю, что это не выход.
- *Quel malheur, que Obama devrait la maison blanche abandonné. Parce que c'est sa maison, où il vit avec sa famille. A mon opinion qu'il a le droit de profiter encore de certaines avantages. Les gens se aussi les choses de leur travail, un type de recompense* – Какое несчастье, что Обама должен покинуть Белый дом. Потому что это его дом, где он живет со своей семьей. На мой взгляд, он имеет право по-прежнему пользоваться некоторыми преимуществами. Люди также получают вещи от своей работы, своего рода вознаграждение.

В своих комментариях дети выражают горечь от того, что Бараку Обаме и его семье надо покинуть Белый дом, где он прожил много лет во время президентства. Они используют лексические единицы *grave* (тяжело), *très stupid* (очень глупо), *quel malheur* (какое несчастье).

В статье *Élection présidentielle: Benoît Hamon, élu candidat de la gauche*⁹ (Президентские выборы: Бенуа Амон, избранный кандидат от левых) в *Tail* (Хвосте) сообщается, что у Бенуа Амона два противника на президентских выборах – Эммануэль Макрон и Марин Ле Пен:

(8) *Parmi eux, certains ont déjà annoncé qu'ils soutiendraient le candidat Emmanuel Macron... Mis à part Emmanuel Macron, qui séduit déjà beaucoup d'électeurs, Benoît Hamon aura comme adversaire Marine Le Pen, la présidente du Front national* – Среди них некоторые уже объявили, что поддержат кандидата Эммануэля Макрона... Помимо Эммануэля Макрона, который уже соблазняет многих избирателей, у Бенуа Амона будет в качестве оппонента Марин Ле Пен, президент Национального фронта.

Молодые читатели дали следующие комментарии:

- *Marine Le Pen ? Quelle couchemar !* 😞😞 – Марин Ле Пен? Какой кошмар! 😞😞
- *Moi, j'aime bien Emmanuel Macron mais PAS Marine Le Pen???* – Я люблю Эммануэля Макрона, но НЕ Марин Ле Пен).

В своих комментариях дети выразили недовольство по отношению к Марин Ле Пен, узнав, что она является одним из кандидатов на президентских выборах. Для выражения неприятного удивления авторы комментариев используют лексическую единицу *couchemar* и отрицательную частицу *PAS*, написанную заглавными буквами в середине предложения, в конце предложения они ставят восклицательный и вопросительные знаки, а также грустные эмодзи. Следует отметить, что данная реакция читателей указывает на то, что дети имеют свое мнение о политических деятелях.

Обсуждение

Исследование франкоязычных детских комментариев во взаимосвязи с элементами новостного текста со структурой *Inverted pyramid* (Перевернутая пирамида) показало, что франкоговорящие дети в возрасте 8–12 лет проявляют интерес к новостным текстам политической тематики, достаточно активно оставляют свои комментарии (111 комментариев на 50 статей). Данный факт можно объяснить возрастными особенностями детей, стремлением к удовлетворению потребности в общении со сверстниками, потребности в информации и желанием с кем-нибудь ее обсудить, поделиться своими мыслями и переживаниями.

Результаты проведенного контент-анализа показали, что структура восприятия детьми новостных политических текстов отражает не все элементы *Inverted pyramid* (Перевернутой пирамиды), характеризующие структуру новостного политического текста. Полученные данные свидетельствуют о том, что в процессе восприятия новостного текста у детей отсутствуют комментарии в отношении такого блока, как *Title* (Заголовок), незначительный процент комментариев наблюдается в отношении *Lead* (Вводки) и *Body* (Тела). Вместе с тем полученные результаты позволяют утверждать, что наиболее привлекательными в структуре восприятия новостного текста для франкоговорящих детей 8–12 лет выступают элементы *Background* (Фон) и *Tail* (Хвост). Данный факт можно объяснить стремлением детей глубоко погрузиться в новостную ситуацию, узнать как можно больше подробностей – предысторию события, дополнительную информацию.

Контент-анализ позволяет говорить, что комментарии детей к новостным текстам, так же как и взрослых [Абросимова, Кравченко 2017; Фаломкина 2020], носят оценочный характер. Это проявляется в оценке личности политика с позиции *лучше / хуже*, с использованием механизма сравнения, например – *Барак Обама был*

⁹ *Élection présidentielle: Benoît Hamon, élu candidat de la gauche. 1jour1actu. 02 Feb 2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/election-presidentielle-benoit-hamon-elu-candidat-de-la-gauche-31338> (accessed 30 Apr 2023).*

лучше, чем Дональд Трамп. Важно подчеркнуть, что дети оценивают не результаты деятельности политика, а оценивают личность в целом, например – *я не думаю, что Трамп плохой человек*.

Важно подчеркнуть, что в комментариях детей, выражающих оценочные суждения, отсутствует четкая аргументация, обосновывающая позицию автора. Раскрывая причины того, почему тот или иной политический лидер лучше или хуже, дети ограничиваются констатацией и перечислением обобщенных характеристик, пишут, что *он интересен, прислушивается к людям, хочет мира*, с целью усиления выраженности своих чувств дети используют слово *очень*: *Барак Обама – очень хороший президент; Он был очень интересным президентом для людей; Дональд Трамп не интересен людям; Я надеюсь, что Дональд Трамп станет хорошим президентом, но я совсем не уверен*.

Анализ показывает, что в структуре восприятия новостных политических текстов у франкоговорящих детей 8–12 лет преобладает эмоциональный компонент. Это находит свое отражение как в содержании комментариев детей, так в использовании специальных приемов и характеристик письменной речи, усиливающих эмоциональные переживания. Так, в своих комментариях дети ставят несколько восклицательных или вопросительных знаков одновременно, пишут слова заглавными буквами в середине предложения, активно используют эмодзи.

Эмоциональный компонент в содержательных характеристиках речи проявляется в том, что дети используют при оценке политического лидера такой параметр, как *нравится / не нравится*, к примеру – *Я люблю Эммануэля Макрона, но НЕ Марин Ле Пен*. Пытаясь перечислить причины симпатии или антипатии, дети основываются на собственных впечатлениях, анализируют политика не с точки зрения того, что он сделал и какие важные пункты в предвыборной программе политику удалось реализовать, а с позиции оценки личностных качеств, например, пишут, что *у него больше чувств или он более агрессивен*.

Таким образом, дети пишут комментарии и пытаются высказать свое мнение, основываясь исключительно на собственных эмоциональных впечатлениях. Данный факт можно объяснить психофизиологическими особенностями детей данного возраста, в частности, наличием первой сигнальной системы, преобладанием правого полушария, обуславливающим повышенную чувствительность детей и их эмоциональность. Также данный факт можно объяснить синкретичностью восприятия, которая проявляется в том, что детям этого возраста трудно выделить наиболее существенные характеристики в новостном политическом контенте.

Хотя в нарративе детей преобладают такие высказывания, как *мир, делал все для страны, хорошо правил*, но какие конкретные содержательные составляющие стоят за данными высказываниями, дети не вполне осознают. Эмоциональность детей и синкретичность восприятия также проявляются в повышенном внимании детей к деталям. Так, в ходе исследования было обнаружено, что особое впечатление на детей производят количественные показатели, например число участников событий.

В комментариях детей отчетливо проявляется механизм переноса, т.к. дети глубоко переживают события, типичные жизненные ситуации, которые могут быть характерны не только для политика, но могут быть свойственны и обычным людям. Дети сопереживают президенту, его семье, когда они должны покинуть Белый дом и сменить место жительства. Выражая искреннее сочувствие, они пишут в своих комментариях: *бедные люди; Что с ними будет?; Это тяжело, что ему нужно переехать и искать новую работу*.

Интересным является факт, что, несмотря на высокую эмоциональную окрашенность, комментарии детей, в отличие от комментариев взрослых, не являются конфликтными, в них отсутствует явная категоричность. Комментируя новостные политические тексты, дети выражают свои чувства, при этом часто используют такие выражения, как *я думаю, мне кажется, но я не совсем уверен*. Данный факт свидетельствует о неустойчивости взглядов детей и занимаемой ими позиции.

Когнитивный компонент в структуре восприятия новостных политических текстов франкоговорящими детьми в возрасте 8–12 лет является слабовыраженным, включает в основном характеристики, которые отражают общечеловеческие ценности: дети пишут о мире, о том, что не хотят войны, считают, что страны должны объединиться и помогать друг другу. Интересным является то, что дети зеркально отражают содержание статьи, в которой говорится о целях и причинах создания Евросоюза. Данный факт можно объяснить подверженностью детей данного возраста внушению, с другой стороны, можно предположить, что формирование биоэтического сознания молодого поколения, характеризующего осознание ценности всего живого, формируется в том числе посредством содержания новостных лент, представленных в СМИ.

Еще одна особенность, которая проявилась в детских комментариях, заключается в том, что дети в своих высказываниях ориентируются зачастую на мнение взрослого, например – *мама так говорила*. Данный факт можно интерпретировать с точки зрения концепции когнитивного конструктивизма морального сознания Ж. Пиаже [Пиаже 2003; 2006; 2008] и Л. Кольберга

[Kohlberg 1984]. Согласно данной концепции, дети 8–12 лет находятся на преконвенциональном уровне, стадии гетерономной морали и все свои суждения строят, основываясь на признании власти авторитетов, полагаясь на мнение взрослого. С точки зрения подхода Ж. Пиаже к развитию интеллекта в детском возрасте, можно объяснить отсутствие у детей понимания причин и алогичность суждений, например – *Хилари Клинтон лучший президент, потому что ее муж тоже был президентом*. Интересная особенность – дети в своих комментариях, подобно эху, дополняют и вторят друг другу, они не высказывают свою позицию, а дополняют или подтверждают в своих комментариях уже кем-то высказанное мнение. Данный факт также можно объяснить спецификой развития детского мышления, проявлением комфортности [Kohlberg 1984], ориентацией на одобрение и мнение других [Eisenberg 1986].

Заключение

Анализ комментариев показал, что дети активно читают новостные тексты политического характера и выражают свое мнение по информации, изложенной в них, т.к. комментарии были даны к содержанию почти всех структурных элементов: *Lead* (Вводка), *Body* (Тело), *Background* (Фон) – и даже *Tail* (Хвоста).

Предполагалось, что больше всего комментариев должно было быть на часть *Body* (Тело), которая обладает повышенным информационно-прагматическим потенциалом, но в ходе исследования было выявлено, что среди детей наибольший отклик находит такой структурный компонент новостного текста, как *Background* (Фон), в котором не только сообщается о новостном событии, но и о фактах, которые привели к его возникновению, и последствиях, к которым оно может привести.

Литература / References

- Абросимова Е. А., Кравченко Ю. Д. Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента). *Медиаискон*. 2017. № 2. [Abrosimova E. A., Kravchenko Yu. D. Reader comment as a phenomenon of media text interpretation (based on internet comments and experiment data). *Mediascope*, 2017, (2). (In Russ.)] URL: <http://www.mediascope.ru/2317> (accessed 30 Apr 2023). <https://www.elibrary.ru/yzgnsx>
- Алтухова Т. В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации. *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 1. С. 150–154. [Altukhova T. V. Correlation of the elements of oral and written speech in virtual communication. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2012, (1): 150–154. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/owhddp>
- Асмус Н. Г. Аксиологический потенциал интернет-комментария как отражение социальных ценностей. *Российские исследования*. 2021. Т. 2. № 2. С. 22–32. [Asmus N. G. The axiological potential of internet comments as a reflection of social values. *Russian Studies*, 2021, 2(2): 22–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hczsqk>
- Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев). *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–26. [Golev N. D., Kim L. G. Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Media Linguistics*, 2023, 10(1): 4–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101>

На написание комментария детей подталкивают следующие факты: приведенные журналистом конкретные количественные данные о пострадавших в результате политических событий, протестующих и т.д.; описание жизненных ситуаций, которые могут произойти не только с политическим деятелем, но и с ними; события, влияющие на судьбу их страны и других стран. В своих комментариях они используют лексические единицы с положительной или отрицательной коннотацией, чтобы выразить одобрение или неприятие новостных событий; вопросительные предложения для выражения недовольства; эмодзи, чтобы лучше передать свои эмоции на прочитанную новостную информацию.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Вдовиченко – отбор материала, систематизация результатов, подготовка текста. В. А. Каменева – общее научное руководство, разработка концепции, систематизация результатов, подготовка текста. С. Ю. Жданова – анализ материала, формулирование выводов исследования.

Contribution: E. A. Vdovichenko selected the material, systematized the results, and wrote the draft. V. A. Kameneva provided general scientific guidance, developed the research concept, systematized the results, and wrote the article. S. Yu. Zhdanova analyzed the material and formulated the conclusions.

- Голев Н. Д., Мельникова В. С., Юнг Д. А. Понятийно-категориальное описание конфликтной ситуации (на примере Интернет-комментариев на тему вакцинации от коронавируса). *Юрислингвистика*. 2022. № 25. С. 50–55. [Golev N. Melnikova V. S., D., Jung D. A. Conceptual and categorical description of the conflict situation (case study of internet comments on vaccination against coronavirus). *Legal Linguistics*, 2022, (25): 50–55. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2508](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2508)
- Ергалиева С. Ж., Мельник Н. В. Лингвоперсонологический потенциал политических интернет-комментариев. *Политическая лингвистика*. 2019. № 3. С. 46–53. [Yergaliyeva S. Z., Melnik N. V. Linguopersonological potential of political online commentaries. *Political Linguistics*, 2019, (3): 46–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl19-03-05>
- Жуков А. С. О некоторых структурных особенностях новостных медиатекстов. *Молодой ученый*. 2014. № 2. С. 943–945. [Zhukov A. S. Some structural features of news media texts. *Molodoi uchenyi*, 2014, (2): 943–945. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvnpet>
- Иванова Л. В. Новостная журналистика. Тольятти: ТГУ, 2017. [Ivanova L. V. *News journalism*. Tolyatti: TSU, 2017. (In Russ.)] URL: <https://studfile.net/preview/7544390/> (accessed 30 Apr 2023).
- Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста. М.: Аспект Пресс, 2013. 399 с. [Kolesnichenko A. V. *The journalist's handbook*. Moscow: Aspect Press, 2013, 399. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/schjun>
- Красовская Н. Р., Гуляев А. А., Лахтин А. Ю. Способы разграничения целевых аудиторий и каналы коммуникации с ними. *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 3. С. 114–115. [Krasovskaya N. R., Gulyaev A. A., Lakhtin A. Yu. Methods of differentiation and channels of communication with target audiences. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2019, (3): 114–115. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xpnuyq>
- Кузьмина Н. А. Лирический текст в научной и авторской рефлексии. *Функциональная семантика*, ред. Е. А. Красина. М.: РУДН, 2011. С. 222–238. [Kuzmina N. A. Lyrical text in scientific and author's reflection. *Functional semantics*, ed. Krasina E. A. Moscow: PFUR, 2011, 222–238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tldlrn>
- Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2004. 272 с. [Melnik G. S., Teplyashina A. N. *Fundamentals of creative activity of a journalist*. St. Petersburg: Piter, 2004, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtwjhb>
- Мельник Н. В., Савельева И. В. Лингвоперсонологические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 4. С. 197–204. [Melnik N. V., Saveleva I. V. Linguopersonological strategies of text perception (case study of internet comments to political discourse). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 197–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-197-204>
- Негрышев А. А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовка – текст. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2006. № 1. С. 97–109. [Negryshev A. A. Pragmatics of the newspaper news headline: mechanisms of information transforming in the system headline – text. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2006, (1): 97–109. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/htbiep>
- Никонова Л. Особенности использования языковых средств оценки в интернет-комментариях на русском и немецком языках. *Научно-практические исследования*. 2020. № 1-2. С. 75–78. [Nikonova L. Features of the use of language evaluation tools in Internet comments in Russian and German. *Nauchno-prakticheskiye issledovaniya*, 2020, (1-2): 75–78. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pohpgg>
- Новгородова Е. В. Вариативно-интерпретационный аспект описания интернет-комментариев. *Человек в информационном пространстве: конф.* (Ярославль, 12–14 ноября 2020 г.) Ярославль: ЯГПУ, 2020. С. 118–123. [Novgorodova E. V. Variable interpretation aspect of the description of the online review. *Man in the information space: Proc. Conf.*, Yaroslavl, 12–14 Nov 2020. Yaroslavl: YSPU, 2020, 118–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwcfef>
- Пасечная Л. А., Щербина В. Е. Способы выражения оценки в интернет-комментариях. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 9. С. 87–92. [Pasechnaya L. A., Shcherbina V. E. The ways of expression of evaluation in internet commentaries. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, (9): 87–92. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jjllcs>
- Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М.: Акад. проект, 2006. 479 с. [Piaget J. *The moral judgment of the child*. Moscow: Akad. proekt, 2006, 479. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tnipaz>
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: РИМИС, 2008. 436 с. [Piaget J. *The language and thought of the child*. Moscow: RIMIS, 2008, 436. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxusrp>

- Пиаже Ж. Психология интеллекта. М.: Питер, 2003. 191 с. [Piaget J. *The psychology of intelligence*. Moscow: Piter, 2003, 191. (In Russ.)]
- Полоян А. В. Полилог в интернет-дискурсе: коммуникативно-прагматический аспект (на материале новостных сообщений и комментариев к ним). *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 2. С. 232–243. [Poloyan A. V. Polylogue in internet discourse: communicative and pragmatic aspect (based on news reports and comments to them). *The Humanities and Social Sciences*, 2020, (2): 232–243. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-79-2-232-243>
- Савельева И. В. Стратегии восприятия политических текстов авторами комментариев в интернет-среде. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 2-2. С. 152–156. [Saveleva I. V. The strategies of political discourse perception by the authors of internet comments. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 152–156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qbrljk>
- Самарцев О. Р. Творческая деятельность журналиста. М.: Акад. проект, 2007. 548 с. [Samartsev O. R. *Creative activity of a journalist*. Moscow: Akad. proekt., 2007, 548. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvkgkl>
- Стеклова Т. И. Примечание, комментарий, интерпретация: попытка разграничения понятий. *Комментарий и интерпретация текста*, ред. Т. А. Трипольская. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 14–23. [Steksova T. I. Note, commentary, and interpretation: an attempt to distinguish between concepts. *Commentary and interpretation of the text*, ed. Tripolskaya T. A. Novosibirsk: NSPU, 2008, 14–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/splogp>
- Степанова Л. Н. Типология комментария в условиях перехода в Сеть (на основе лексикографического анализа). *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского*. 2013. Т. 26. № 1. С. 398–403. [Stepanova L. N. Typology of commentary in conditions of entering Network (based on lexicographic analysis). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*, 2013, 26(1): 398–403. (In Russ.)]
- Фаломкина И. П. Речевая агрессия в комментариях социальных сетей и мониторинг социальной напряженности (на материале комментариев в профиле @KUZBASS_NEWS). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 8-2. С. 101–105. [Falomkina I. P. Verbal aggression in social media comments and monitoring of social tension (as exemplified by comments in @KUZBASS_NEWS). *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2020, (8-2): 101–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.08-2.21>
- Хаззагеров Г. Г., Корнилова Е. Е. Риторика для делового человека. М.: Флинта, 2008. 136 с. [Khazagerov G. G., Kornilova E. E. *Rhetoric for a business person*. Moscow: Flinta, 2008, 136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sdqkst>
- Цзюй Ч. Интернет-комментарий как форма оценивания гостя культурно-просветительской радиопрограммы. *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 6. С. 678–680. [Ju C. Internet-commentary as a form of evaluation for the guest in the cultural and educational radio. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, (6): 678–680. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbjbhn>
- Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария. *Вестник Башкирского университета*. 2015. Т. 20. № 2. С. 528–532. [Shchipsitsina L. Yu. Genre status of an online comment. *Bulletin of the Bashkir University*, 2015, 20(2): 528–532. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ucacel>
- Anderson A. A., Brossard D., Scheufele D. A., Xenos M. A., Ladwig P. The "Nasty Effect:" online incivility and risk perceptions of emerging technologies. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2014, 19(3): 373–378. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12009>
- Arfiyanti R., Syihabuddin M., Damaianti V. S., Anshori D. Construction of the language and the structure of news text in blog. *Proceedings of the International Conference on Language Phenomena in Multimodal Communication (KLUA 2018)*, 2018, 228: 166–173. <https://dx.doi.org/10.2991/klua-18.2018.25>
- Bruce I. Evolving genres in online domains: the hybrid genre of the participatory news article. *Genres on the Web: Text, Speech and Language Technology*, eds. Mehler A., Sharoff S., Santini M. Frankfurt am Main-Leeds-Stockholm: Springer, 2010, vol. 42, 323–348. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9178-9_15
- Crispin S. *Attracting young readers – tactics for engagement*. A report for the Robert Bell Travelling Scholarship. Christchurch: University of Canterbury, 2011, 25. URL: https://www.canterbury.ac.nz/media/documents/reports/Shanna-Crispin_robert_bell_report_nov11.pdf (accessed 30 Apr 2023).
- DeAngelo T. I., Yegiyani N. S. Looking for efficiency: how online news structure and emotional tone influence processing time and memory. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2018, 96(2): 385–405. <https://doi.org/10.1177/1077699018792272>
- Eisenberg N. *Altruistic emotion, cognition, and behavior*. Hillsdale, 1986, 256.

- Khan S. U. R., Islam M. A., Aleen M., Iqbal M. A., Ahmed U. Section-based focus time estimation of news articles. *IEEE Access*, 2018, 6: 75452–75460. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2882988>
- Kohlberg L. *Essays on moral development. Vol. 2. The psychology of moral development*. San-Francisco: Harper & Row, 1984, XXXVI+729.
- Lee E.-J. That's not the way it is: how user-generated comments on the news affect perceived media bias. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2012, 18(1): 32–45. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2012.01597.x>
- Pottker H. News and its communicative quality: The inverted pyramid – When and why did it appear? *Journalism Studies*, 2003, 4(4): 501–511. <https://doi.org/10.1080/1461670032000136596>
- Rafiee A., Spooren W., Sanders J. Culture and discourse structure: A comparative study of Dutch and Iranian news texts. *Discourse & Communication*, 2017, 12(1): 58–79. <https://doi.org/10.1177/1750481317735626>
- Shishkova D. D. Lexical and syntactic peculiarities of an English newspaper article. *Russian Linguistic Bulletin*, 2015, (3): 37–39. <https://doi.org/10.18454/RULB.3.02>
- Taher Y., Moussaoui A., Moussaoui F. Automatic fake news detection based on deep learning, fast text and news title. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 2022, 13(1): 146–158. <https://dx.doi.org/10.14569/IJACSA.2022.0130118>
- Tomson E. A., White P. R. R., Kitley P. "Objectivity" and "hard news" reporting across cultures: comparing the news report in English, French, Japanese and Indonesian journalism. *Journalism Studies*, 2008, 9(2): 212–228. <https://doi.org/10.1080/14616700701848261>
- Yergaliyeva S. Z., Anesova A. Z., Uaikhanova M. A., Melnik N. V., Yergaliyev K. S. Linguistic analysis of Kazakh and Russian online political commenting tactics. *Media Watch*, 2021, 12(2): 288–302. <https://doi.org/10.15655/mw/2021/v12i2/160433>
- Yergaliyeva S. Z., Melnik N. V., Zhumabekova B. K., Yergaliyev K. S., Omarov N. V. Personal linguistic parametrization of text generation of the internet comments. *XLinguae*, 2018, 11(3): 2–15. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.03.01>

оригинальная статья

Особенности региональной политической коммуникации в соцсетях: сравнительный анализ

Евпак Евгений Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-2366-7743>

jevpak.72@mail.ru

Поступила в редакцию 24.01.2023. Принята после рецензирования 10.03.2023. Принята в печать 27.03.2023.

Аннотация: Актуальность и новизна исследования связаны с изучением особенностей политической коммуникации в соцсетях в региональном субъекте. Цель – выявить особенности политической коммуникации в социальных сетях в Республике Тыва. Используются материалы сайта и инстаграм-страницы КПРФ и КПРФ-Тыва. Путем описания коммуникативных особенностей ведения социальных сетей КПРФ на федеральном уровне и сопоставления полученных данных с анализом коммуникации в региональном пространстве сформирован перечень базовых характеристик политической коммуникации в национальном субъекте. Дана оценка интегрированности региональных политических организаций в интернет-коммуникацию, их способности эффективно использовать манипулятивный потенциал соцсетей. Выявлен комплекс характеристик, подтверждающих соответствие уровня развития виртуального взаимодействия Тувинского республиканского отделения КПРФ с пользователями социальных сетей и официального сайта и степени развития регионального компонента политической коммуникации в РФ. Выделены особенности политической коммуникации в национальной республике: ориентация на публикацию уникального контента; стремление к сокращению текста; приоритет графической формы представления информации; адаптация материала к требованиям адресата посредством выделения ключевых категорий.

Ключевые слова: политическая лингвистика, интернет-коммуникация, социальные сети, web-страница, региональная политическая коммуникация

Цитирование: Евпак Е. В. Особенности региональной политической коммуникации в соцсетях: сравнительный анализ. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 556–566. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-556-566>

full article

Regional Political Communication in Social Media: Comparative Analysis

Evgeny V. Evpak

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-2366-7743>

jevpak.72@mail.ru

Received 24 Jan 2023. Accepted after peer review 10 Mar 2023. Accepted for publication 27 Mar 2023.

Abstract: Political communication has its peculiarities in each subject of the Russian Federation. This research compared the official website and Instagram of the Communist Party of the Russian Federation with those of the Communist Party of the Republic of Tyva. The research revealed the basic characteristics of political communication in Tyva, the integration of regional political organizations into Internet communication, and their ability to use the manipulative potential of social networks. The Tyva Communist Party demonstrated a high level of virtual communication with social network users. The regional political communication was oriented towards unique content that reflected the regional specifics of political discourse. The posts were short, with a lot of infographics; the material was adapted to the requirements of the addressee by highlighting key categories.

Keywords: political linguistics, Internet communication, social networks, web page, regional political communication

Citation: Evpak E. V. Regional Political Communication in Social Media: Comparative Analysis. *SibScript*, 2023, 25(4): 556–566. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-556-566>

Введение

Региональная специфика политической коммуникации реализуется в том числе посредством социальных сетей. Актуальность исследования связана с изучением особенностей политической коммуникации в соцсетях в региональном субъекте. Как отмечает Н. Д. Голев, «Коммуникация в социальных сетях – вызов обществу 21 века. Он рождает необходимость научного отклика на стихийно возникший и стихийно развивающийся феномен новейшего времени. Отдельного обозначения заслуживает лингвополитологический аспект коммуникации в социальных сетях» [Голев 2021: 5]. Данная проблематика нашла широкое применение в научном дискурсе [Голянская, Мельник 2019; Ионов 2019; Никитина и др. 2018; Оленев 2021; Сельников 2019; Сяо 2021; Туманян и др. 2022; Хомяков 2022]. Наибольшее внимание заслуживает региональный аспект, который репрезентирует политический дискурс [Ким, Инешина 2022; Кондратьева, Чернова 2019; Кузбасс... 2020; Чепкасов 2016; 2017; 2018].

Цель – выявить особенности политической коммуникации в социальных сетях Республики Тыва.

В настоящей статье под региональной политической коммуникацией понимается совокупность потоков, формирующихся вокруг ролевых, функциональных или целенаправленных взаимодействий региональных политических акторов на устойчивой основе. Данная система обеспечивает информационную среду для воспроизведения регионального политического пространства. На региональном уровне существует ряд определенных потребностей, решаемых в процессе взаимодействия политических субъектов и населения:

1. Власть и различные политические организации заинтересованы в получении подробной картины социально-экономического, общественно-политического и культурного развития региона. Если для органов власти данная информация нужна в качестве материала для работы (выполнения стратегического планирования, решения проблем населения, повышения уровня жизни жителей и др.), то для оппозиционных организаций такая информация выступает в качестве инструмента манипуляции и повышения собственной лояльности в регионе.

2. Сегодня у населения возникает потребность в информационной вовлеченности. Вследствие этого появляется необходимость в создании и распространении информационных сообщений о деятельности организаций.

3. Взаимодействие с населением дает возможность согласовывать деятельность органов власти и активных граждан. Такая форма взаимодействия позволяет избежать различных общественных волнений, регулировать публичные коммуникации.

У политических партий есть ряд специфических особенностей, обусловленных их основной целью (легальное участие в политической конкуренции) и ориентацией на представительство целей определенных социальных слоев. Среди таких специфических задач:

- отслеживание социально-экономического и общественно-политического состояния региона для выработки оптимальной стратегии политической борьбы;
- укрепление взаимоотношений со сторонниками, увеличение их количества;
- пропаганда определенных политических идей и партийных программ;
- создание имиджа и формирования публичного положительного образа, мобилизация электората при необходимости массовой поддержки (выборная кампания, лоббирование законодательной инициативы, отстаивание интересов представителей и сочувствующих партии).

Особую роль в развитии регионального сегмента политической коммуникации играет Интернет. Политические акторы с его помощью осваивают новые формы и методы виртуального политического взаимодействия, позволяющего поддерживать принципы открытой циркуляции информации в информационном пространстве политики. На региональном уровне складывается особое виртуальное политическое пространство, основными коммуникаторами которого выступают ведущие политические силы региона (органы власти, политические партии, крупные общественные объединения, СМИ, информационно-аналитические агентства, значимые политические фигуры, интернет-аудитория). Функциональный набор участников региональной политической коммуникации различен, но при этом можно выделить универсальные элементы, свойственные всем коммуникаторам: распространение и хранение информации, политический пиар, инициация дискуссий и обсуждений решения социально-политических проблем региона, организация внутренней деятельности.

Методы и материалы

Применены методики дискурс-анализа, дающие возможность выявить уровень и качество интегрированности региональной политической организации в интернет-коммуникацию, эффективность реализации воздействующего потенциала социальных сетей; коммуникативные методики, позволяющие установить уровень виртуального взаимодействия регионального Тувинского республиканского отделения КПРФ с адресатом – пользователями социальных сетей и официального сайта – степень развития регионального

компонента политической коммуникации РФ. Материалом стали сайт и инстаграм-страница КПрФ и КПрФ-Тыва. Материал, используемый для анализа, опубликован в 2019–2022 гг.¹

Для осуществления качественного анализа особенностей политической коммуникации КПрФ в региональном пространстве нужно описать коммуникационный процесс в интернет-пространстве, реализующийся на федеральном уровне. При анализе мы руководствовались моделью коммуникационного процесса Г. Лассуэла [Lasswell 1948], которая позволила подробно описать компоненты коммуникации, обнаружив специфические особенности данного процесса, и определить уровень, которому они соответствуют [Поздышева, Береговая 2015; Ухинова 2015].

Результаты

Политический текст в интернет-коммуникации

Появление Интернета кардинально изменило процесс общения. Став особой средой обмена информацией, Интернет позволил объединить людей независимо от территориального расстояния, языкового барьера и множества других, ранее негативно влияющих факторов. Люди получили возможность получать практически любую информацию от других пользователей. Активнее происходит формирование новой медиасреды, появляется большое количество ньюсмэйкеров, т. к. для создания контента не требуется каких-либо особых условий. Многие сообщества, организации, политические партии, группы по интересам пользуются появившимися возможностями, создавая собственные площадки с их уникальным контентом. Под их влиянием люди организовываются в широкие сообщества, руководствуясь желанием быть частью коллектива. Такие площадки становятся средством коммуникации. В процессе своего развития они формируют собственную модель взаимодействия, ролевую иерархию, законодательную базу (в качестве таковой могут выступать правила сообщества или устав). По выражению А. Б. Бушева, «Сети, сетевой дискурс представляет собой расширение возможностей конкретного человека по достижению и коммуникативному приобщению к разнообразным дискурсам» [Бушев 2021: 19]. «Закономерные инновационные изменения затрагивают сферу политических коммуникаций, внося в них новые модели и алгоритмы, определяющие отношения политических акторов по поводу власти. Расширяется сфера публичного политического дискурса, взаимодействия власти и общества. Политические интернет-

коммуникации способствуют налаживанию диалога власти и общества, публичности и большей открытости в деятельности власти, установлению обратной связи политической элиты с интернет-сообществом и народом в целом» [Акопов 2014: 3]. Как отмечает В. А. Ефремов, «Электронные технологии создали не только уникальную сферу коммуникации, но и новую форму бытования языка, которая не покрывается известными представлениями об особенностях устной и письменной речи, – интернет-дискурс» [Ефремов 2021: 98].

Любой текст, попадающий в Интернет, приобретает особые характеристики. Он включается в систему гипертекстовых связей, становясь частью какого-либо другого текста; получает свою позицию в системах поиска; соединяется с аудиовизуальной информацией. Доступность текста становится зависимой от выделения ключевых слов, наличия гиперссылок, существующих отличительных признаков в системах поиска. Находясь в текстовом окружении на веб-странице, текст начинает играть роль главного, второстепенного, дополнительного текста. Электронная страница, содержащая текст, может рассматриваться со стороны лингвистического оформления. В таком случае мы будем изучать семиотический процесс обозначения языковыми средствами объектов объективной реальности. В таком процессе существуют общие закономерности представления идентичной по содержанию и прагматической направленности информации. Но существуют различия в актуализации языковых знаков, обусловленные этно- и социокультурными традициями функционирования семиотических информационных систем, жанрово-стилистическими характеристиками текста, типологическими различиями языков.

Каждый текст в интернет-дискурсе имеет свое жанровое определение. Структура интернет-жанров является многоуровневой: к гипержанрам интернет-дискурса относятся сайт; блог; социальная сеть; электронная библиотека. Интернет-жанрами являются электронное письмо; форум; чат; доски объявлений; рекламные баннеры; сообщения в социальных сетях; виртуальная конференция; пост, заметка автора; комментарий. В гипержанре можно выделить субжанры, например, в гипержанре блога – субжанры поста и комментария. Для текстов, реализующихся в интернет-пространстве, существует ряд особенностей.

Интернет навязывает особые требования, выполнение которых приводит к эффективности коммуникации в данной среде. В науке эта среда получила номинацию интернет-коммуникация. При этом природа данного

¹ Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

определения весьма противоречива. По Б. М. Гаспарову, коммуникативное пространство обозначает «мысленно представляемую среду», необходимую для воспроизведения и восприятия высказывания в процессе коммуникации, которая накладывает свой отпечаток на этот процесс [Гаспаров 1996: 69]. «Изменение коммуникативного пространства, таким образом, ведет к изменениям и самого процесса. <...> Интернет предоставляет новую когнитивную среду, в которой происходит самоорганизация нового знания как фрагмента реальности и, следовательно, продукта различных социальных и культурных традиций, установления понимающей связи между коммуникантами. Тем самым Интернет представляет собой уникальный социальный феномен, образующий новую познавательную систему, систему ценностно-ориентированных установок» [Морозова 2010: 151].

Особенности контента федерального сайта КПРФ

Лингвистическое оформление сайта КПРФ² начинается с центральной страницы, на которой пользователи могут видеть актуальные новости, одна из которых является центральной (наиболее важная и ориентированная на широкую аудиторию). Охарактеризуем подробнее рубрики сайта:

О партии. Здесь находится краткая справка по истории партии, ее структуре, целях и задачах на данном этапе. В данной рубрике есть дополнительные разделы, позволяющие читателям сайта лучше ориентироваться и получать более точный отклик на свой запрос (Устав КПРФ, Программа партии, Как вступить в КПРФ, Стать сторонником КПРФ, Наши ссылки, Контактная информация, Официальные документы ЦК КПРФ, Структура руководящих органов).

Жизнь партии. Как написано в самой рубрике: *В общем, раздел «Жизнь партии» – это представление о том, чем живет, как действует 158-тысячная КПРФ, ее 81 региональное отделение, более 2 тыс. местных и почти 14 тысяч первичных отделений*³. Новости можно отфильтровать по дате. Дополнительные разделы: Новости ЦК КПРФ, Региональные новости и Мнение коммуниста – позволяют ранжировать информацию по уровню, занимаемому адресантом в организационной структуре партии.

За что борются коммунисты. Здесь цитируется программа КПРФ, которая отражает мотивы борьбы организации за выполнение собственных программных требований, актуализируется девиз партии в качестве основного смысла борьбы коммунистов. В основе представления информации на странице лежит программа

минимум, по каждому пункту которой отражаются материалы партийных СМИ, связанные по теме с программным требованием.

Депутатская вертикаль партии. Рубрика базируется на информации о депутатской деятельности представителей КПРФ. Данные ранжируются в вертикальном порядке, всего три уровня: *деятельность депутатов фракции КПРФ в ГД ФС РФ*, деятельность региональных и муниципальных депутатов. Отдельно есть раздел, включающий в себя материалы с различных мероприятий по обсуждению законодательных инициатив КПРФ. Существует возможность фильтровать новости по дате публикации. В разделе *деятельность депутатов фракции КПРФ в ГД ФС РФ* можно отдельно просмотреть данные о депутатах, заявления фракции и поименное голосование фракции.

КПРФ и мир. Так как КПРФ является частью мирового коммунистического движения, сотрудничает и развивает связи с зарубежными организациями, на сайте представлена данная рубрика. На основной странице раздела содержатся данные об организациях-сотрудниках, некоторые численные показатели, характеризующие мировое коммунистическое движение. Здесь, как и в других рубриках, можно получить ссылки на новости, опубликованные партийными изданиями, они делятся на новости стран социализма, стран – бывших республик СССР, капиталистических стран, союза коммунистических партий (СКП) – КПСС. В разделе новостей СКП – КПСС существует отдельная рубрикация: основные программные цели и идейные принципы, декларация коммунистических партий в составе СКП – КПСС, руководство СКП – КПСС, ссылка на СКП – КПСС.

Агитатору. Данная рубрика имеет сложную структуру, каждый уровень имеет свои особенности:

1. Каталог материалов – в этом разделе находятся графические, видео-, аудио- и печатные материалы, выложенные для оказания помощи агитатору и пропагандисту.

2. Библиотека – здесь находится иллюстрированный список литературы, рекомендованный к прочтению партийцам и сочувствующим. Список делится по источникам (классики, документы Компартии, публикации Г. А. Зюганова, партийная пресса, исследования).

3. Материалы РУСО – тут дается информация об Общероссийской общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации». Рассматриваются основные задачи организации, дается ссылка на сайт РУСО, рассказывается о деятельности членов организации.

² Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: <https://kprf.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Там же.

4. История и мы – помимо истории партии в данном разделе находятся данные о символике и атрибутике партии, основных датах, важных для международного коммунистического движения, тексты советских песен.

5. Оппоненты – в этом разделе даются ссылки на новости партийных изданий с информацией о жизни политических оппонентов.

6. Политика и юмор – здесь содержатся ссылки на юмористические заметки ярких партийных и заинтересованных в реализации партийных целей деятелей.

7. Народное творчество – здесь материалы делятся на художественную и научно-популярную литературу, в зависимости от выбора даются ссылки на материалы авторов, присылающих свои работы в КПРФ.

Архив. В разделе находятся ссылки на все материалы партийных СМИ (ранжируются по дате публикации), на официальные документы ЦК КПРФ (информация по Съездам КПРФ, Пленумам ЦК КПРФ, Президиумам ЦК КПРФ, Секретариатам ЦК КПРФ). В рубрике отдельно собраны информационно-аналитические материалы, созданные партийными деятелями и журналистами. Есть раздел с фоторепортажами, сделанными на мероприятиях, в которых участвовали партийцы.

Отдельно на сайте есть окно для поисковых запросов, сформулированных пользователями сайта. В дополнительной строке прописано официальное название партии и годы ее существования. Также прописаны условия использования информации, опубликованной на сайте, другими интернет-страницами и СМИ.

В графическом оформлении сайта используются фирменные цвета КПРФ – белый и красный. Текстовая информация располагается на белом фоне и написана черным шрифтом, такая подача позволяет адресату воспринимать информацию в максимально удобном для чтения формате. Заголовки выделяются более жирным красным шрифтом. Все тексты оформлены в одной стилистике, что создает индивидуализированные особенности, выделяющие сайт КПРФ среди других виртуальных пространств. Идентичный стиль оформления всех рубрик и разделов сайта дает возможность пользователям максимально быстро адаптироваться к использованию сервиса. Каждая статья на сайте имеет качественное оформление. В нем отражаются место статьи на сайте в соответствии с рубрикой и разделом (каждое указание является гиперссылкой, что позволяет перейти в соответствующую подборку). Заголовок несет сразу несколько функций: привлекает внимание, представляет главную информацию, облегчает выбор пользователю, вызывает интерес, структурирует текст. Лид, который помогает

читателю кратко ознакомиться с представленной информацией. Фотоматериалы, которые осуществляют графическое сопровождение текстовой информации. Ссылка на источник данных, указывающая на авторство (не является гиперссылкой). Основная статья, состоящая зачастую из нескольких абзацев. Ссылка на социальные сети, в которых можно увидеть представленный материал. Поле для комментариев, дающее возможность моментально получить обратную связь. Материалы по теме – подборка статей, позволяющая изучить материалы, отражающие похожую проблематику. Ссылка для получения статьи в виде, пригодном для печати. Данная возможность помогает распространять статью не только в электронном, но и в печатном формате.

Особенности контента сайта КПРФ-Тыва

На главной странице⁴ присутствует большое количество изображений, нажав на которые, пользователь переходит к определенному информационному материалу. Линейка изображений начинается с изображения республиканского государственного символа – герба Тывы. Центральное место занимает информация о наиболее важном на данный момент событии в жизни республиканского отделения КПРФ. Периодически в данном блоке появляется поздравительная статья, которая посвящается определенному событию. Большое место на стартовой странице занимает ссылка на федеральный сайт молодежной организации КПРФ – Ленинский Комсомол. В правой части размещаются эмблемы организаций-спутников КПРФ (Всероссийский Женский союз «Надежда России», Общероссийская общественная организация «Дети войны»), данные изображения являются гиперссылками на сайты этих организаций. Прямо под ними находятся ссылки на главные партийные СМИ – телеканал «Красная линия» и газету «Правда». Далее идут ссылки на различные республиканские новости, выпускаемые на самом сайте Тувинского отделения, ютуб-канале «Республика» и федеральном сайте. Большинство новостей имеют графическое сопровождение (картинка или видео). На сайте четыре рубрики, каждая из которых имеет свою структуру:

Партия. Здесь содержится информация, идентичная разделу *О партии* на федеральном сайте КПРФ. При этом стоит отметить, что на федеральном сайте – более качественное графическое оформление. Шрифт имеет яркий цвет, изображение, предваряющее текстовую информацию, располагается так, что полностью включается в оформление сайта. Изображение на сайте КПРФ-Тыва не включается в оформление, а располагается над

⁴ Коммунистическая партия Российской Федерации. Тувинское республиканское отделение. URL: <http://kprftuva.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).

текстом в центре страницы, при этом не взаимодействуя с другими элементами. Отдельно стоит отметить, что на федеральном сайте в разделе *Как вступить в КПРФ* есть специальная интерактивная форма для подачи заявки, на республиканском сайте такой формы нет, предлагается отправить заявку на официальную почту организации.

Структура. В данной рубрике находится текстовая и графическая информация по трем позициям: руководство, местные отделения, депутатская вертикаль. В каждом из разделов отсутствуют какие-либо ссылки, представленная информация отражает структуру республиканского отделения, знакомит с функционерами, работающими на территории Тывы.

Общественные организации. Здесь представлена информация об организациях, сотрудничающих с партией:

1. Ленинский коммунистический союз молодежи. В разделе *Организации* дается информация об истории ЛКСМ РФ и его деятельности в федеральных масштабах. При этом после вербального контента находятся фотографии, на которых отображаются мероприятия, проводимые представителями данного движения в Тыве. Это отражает взаимодействие организации на разных уровнях.

2. Дети войны. Здесь также отражается информация о федеральной организации (ее принципы, местонахождения, члены и т.д.), представлены фото о республиканских мероприятиях.

3. Надежда России.

4. Спортивный клуб КПРФ.

5. Пионерия.

В данных разделах представлена актуальная информация об организации и фотогалерея событий; есть возможность перейти в официальные группы и на сайты этих организаций.

Народный контроль. Данная рубрика посвящена Кызылскому городскому проекту, объединяющему неравнодушных горожан, стремящихся стать общественными инспекторами. На странице располагается перечень вопросов, находящихся на учете у инспекторов, порядок осуществления контроля, контакты для записи в общественные инспекторы Горконтроля; видеосюжеты о работе проекта. Стилистически сайт копирует оформление федерального сайта. Со стороны текстового материала сайт дает возможность ознакомиться с уникальным контентом, который отражает региональную специфику политического дискурса. При отборе информации для сайта видна ориентация на молодежь. Она проявляется в приоритете фото- и видеоматериала над текстовыми сообщениями, большей проработанности страниц с данными о молодежных движениях и мероприятиях, проводимых для данной целевой аудитории. В оформлении статей

на сайте прослеживаются общие черты, но в целом нет единого формата. Если характеризовать общие тенденции, то здесь мы можем выделить следующее:

- Заголовок, который обладает теми же функциями, что и заголовки статей на федеральном сайте. Отличием является то, что материалы федерального сайта в заголовке статей часто имеют указание на область или муниципалитет, в котором произошло описываемое событие, а на сайте Тывы либо вообще нет указания (чаще появляется данный вариант), либо это исключительно муниципалитет.
- Рубрикатор, в котором указываются разделы, содержащие ссылку на статью. При этом на федеральном сайте рубрикатор отображает структуру разделов в иерархическом порядке, а на республиканском разделы отображаются в линейном порядке.
- Короткая статья, зачастую состоящая из одного абзаца.
- Автор материала (фамилия и имя).
- Дата и время публикации.
- Количество комментариев и просмотров.

Особенности реализации политического взаимодействия через инстаграм-страницу Федеральный уровень

Федеральная инстаграм-страница КПРФ имеет особое оформление. Все закрепленные элементы (основная фотография профиля, актуальные истории) обработаны в одинаковой стилистике. В качестве информационного наполнения используются ссылки на все официальные группы в популярных социальных сетях, ссылка на программу партии и обращение к посетителям страницы.

Все публикации можно разделить на три группы по характеру и форме подачи информации:

1. Длинные видео, которые подаются при помощи IGTV, они не имеют графического оформления. Содержанием таких роликов зачастую являются выступления крупных деятелей КПРФ. В качестве текстового сопровождения используется несколько элементов: заголовки и цитата, отражающая суть выступления.

2. Высказывания депутатов по актуальным событиям и деятельности КПРФ. Такие публикации имеют несколько общих элементов графического оформления (большие яркие кавычки, выноски с текстом). Также используются фрагменты текста: цитата, реже – заголовок речи.

3. Аналитические или информационные сообщения. При оформлении такого материала используется заголовок и яркое изображение.

Особое место среди публикаций занимают поздравительные посты. При их оформлении используется плакатная форма, в которой присутствуют графические

и текстовые элементы. Такие посты посвящаются государственным праздникам и крупным событиям, связанным с международным коммунистическим движением. В большинстве публикаций используются хештеги, которые можно разделить на три группы:

1. Регулярные. Они позволяют вводить публикации КПРФ в определенную группу материалов, публикуемых в Инстаграме. К таким хештегам относятся *КПРФ, общество, комсомол, социализм*.

2. Ситуативные. Данные хештеги нужны для актуализации публикуемой информации, включения данных постов в материалы, публикуемые по определенным событиям. Примеры: *молодежь, образование, губернатор*.

3. Геолокационные. Такие хештеги помогают развивать региональные отделения, включая материалы КПРФ в местную повестку. Здесь фигурируют такие хештеги, как *Норильск, Тыва, Москва*.

В инстаграме существует возможность оставлять комментарии, многие подписчики КПРФ пользуются этим, но администраторы страницы не отвечают на сообщения пользователей, поэтому коммуникация носит односторонний характер.

Региональный уровень

Закрепленные элементы инстаграм-страницы Тувинского отделения КПРФ не имеют общей стилистики. В актуальных историях содержится информация о событиях в региональном партийном отделении, о мероприятиях республиканского комсомола, о протестных действиях и цитаты партийных деятелей. Публикации на инстаграм-странице КПРФ-Тыва делятся на две группы: заимствованные со страницы *kprf.official* и созданные на республиканском уровне. По оформлению посты можно разделить на группы:

1. Сложные графические объекты, которые включают в себя текст, фотографию и фоновые геометрические фигуры, позволяющие структурировать передаваемую информацию.

2. Фотографии, в нижней части которых расположена подпись, оформленная красным и белым цветами.

3. Фотографии без дополнительного оформления.

4. Короткие видео.

При этом каждый пост имеет текстовый комментарий, который размещается под фотографией, такой формат определяется социальной сетью, а не адресантом.

Так как Instagram ориентирован на передачу информации в виде фото, видео и графики, то вербальные средства используются либо на самих фотографиях и графических рисунках, либо после них, в специально отведенном окне. При этом возникает необходимость в максимальной оптимизации передаваемой текстовой информацией, что приводит к сокращению текста.

Хештеги можно разделить на две группы:

- региональные: *тыва; кызыл; центразии;*
- федеральные: *кпрф; лксмрф; комсомол.*

Есть отдельная группа хештегов, которую можно определить как ситуативную. Такие хештеги используются не во всех публикациях, но при этом они отражают тематику, которой посвящен пост (*силавединстве; экономика; нетростуценнапроезд*).

Анализ политической коммуникации КПРФ по модели Г. Лассуэла

Федеральный уровень

Материалы социальных сетей КПРФ полностью соответствуют материалам официальных сайтов организации, поэтому наиболее целесообразным материалом для анализа коммуникации выступает коммуникационный процесс, проходящий через официальный сайт, т. к. и сам процесс коммуникации в социальных сетях идентичен процессу на сайте.

Рассмотрим структурные элементы коммуникации по модели Г. Лассуэла.

Коммуникатор. Тот субъект, который инициирует акт коммуникации. На федеральном сайте КПРФ коммуникатором является пресс-служба партии, т. к. именно этот орган ведет коммуникацию. Но при детальном анализе обнаруживается более сложная система:

1. Многие материалы написаны от лица ярких деятелей КПРФ, в их речи содержатся различные обращения и просьбы, например: *Меня ужасает та ситуация, к которой мы можем прийти через полгода, год. И я принял решение снова подставить плечо* (С. Левченко). В таком акте коммуникации адресантом является уже не только пресс-служба, оформляющая речь в виде интервью, но и сам Сергей Левченко. Подобных примеров множество на федеральном сайте: Г. А. Зюганов, П. Н. Грудинин, Д. Г. Новиков и др.

2. Есть ряд статей и обращений, которые созданы организациями-спутниками КПРФ, примером может служить одно из обращений ЛКСМ РФ: *Комсомол XXI века: Бьёмся мы за права человека и не струсим под гнётом врага*. Коммуникаторами в таком взаимодействии становятся сами организации: ЛКСМ РФ, Дети войны, Пионерия, Надежда России и т. д.

Отдельное внимание стоит уделить рубрике *Народное творчество*, в ней коммуникация носит особый характер, т. к. мы имеем дело с творческим взаимодействием автора и читателя. В данном случае коммуникатором будет автор, написавший то или иное произведение.

Сообщение. На федеральном сайте находится большой объем данных, поэтому характер сообщения зависит от ряда факторов, в результате анализа можно выявить наиболее частотные формы сообщений (жанровая

характеристика), большинство носит агитационно-пропагандистскую направленность, что отвечает требованиям политической коммуникации. По причине того, что сайт в основном носит информационную функцию, его материалы соответствуют по форме классическим жанрам дискурса СМИ:

1. Хроника. Примером могут служить большинство материалов, посвященных мероприятиям, проводимым в региональных отделениях. Зачастую они сопровождаются большим количеством фотографий, отражающих порядок событий.

2. Заметка. Сюда стоит отнести и небольшие информационные сообщения, публикуемые ЦК КПРФ, и поздравительные сообщения, и сообщения о деятельности региональных отделений.

3. Отчет. Такая форма фигурирует при сообщении результатов конференций, проводимых на разных уровнях организации. Наиболее информативными являются отчеты с крупных партийных и федеральных мероприятий (Пленумы, Слеты, выборные кампании и т. д.).

4. Репортаж. Сопровождает такие мероприятия, как митинги, массовые пикеты, крупные партийные конференции, ключевые праздничные мероприятия. На момент возникновения сложностей с проведением массовых мероприятий, в связи с обострением эпидемиологической обстановки в мире многие мероприятия перешли в онлайн-формат, что дало почву для увеличения и изменения формата репортажей, публикуемых ресурсами КПРФ. В новой форме были освещены всероссийская онлайн-маёвка, ряд комсомольских конференций, обсуждение публикации Г. А. Зюганова по *Русскому вопросу*.

5. Интервью. В таком жанре публикуются различные аналитические материалы крупных партийных деятелей, их обращения и реакции на различные события.

Коммуникант. Все материалы, публикуемые на сайте, обращены на партийцев и сочувствующих партии людей, поэтому можно считать коммуникантом пользователей сайта, а объектом воздействия – людей, заинтересованных в реализации целей и задач КПРФ. С другой стороны, существует ряд материалов, которые имеют характер обращений к таким представителям, как:

1. Государственные органы. Примером могут служить многочисленные обращения Г. А. Зюганова к правительству РФ, Первых Секретарей региональных отделений к депутатам различных уровней и т. д.

2. Президент России В. В. Путин. Здесь присутствуют и обращения от партийных деятелей, и от граждан РФ, и от партийных отделений.

3. Определенная группа населения. Здесь выделяются группы по половой принадлежности, по возрастному критерию, по убеждениям (обращения к защитникам

отечества, патриотам и т. д.), по территориальной принадлежности (россиянам, жителям определенной области или города), по национальности.

Канал передачи. Имеет сложную многоступенчатую структуру, т. к. строится на соотношении нескольких способов передачи информации:

1. Интернет. Интернет как канал коммуникации определяет коммуникационный процесс. В связи с новизной и уникальными возможностями представляет научный интерес.

2. СМИ. Сайт КПРФ по своим особенностям можно отнести к средству массовой информации, поэтому и выступать он будет на уровне классических СМИ, отражая все присущие им особенности.

Обратная связь. На сайте существует ряд возможностей по осуществлению реакции на контент со стороны пользователей:

1. Комментарии. Данный вид связи используется не очень активно, при этом даже в ситуации, когда пользователи реагируют на материалы, оставляя свои комментарии, администрация сайта не реагирует на них.

2. Возможность направления ответа по определенным координатам. Такой возможностью пользуются многие посетители сайта, в случае обращений администрация реагирует оперативно и качественно (дает ответ, высылает нужную информацию, перезванивает адресату).

Региональный уровень

Если на федеральном уровне акцент сделан на сайт, то на региональном – на социальных сетях. Большее количество контента ориентировано на определенную платформу, что можно увидеть и на материалах Тувинского отделения КПРФ. Рассмотрим взаимодействие представителей партии в Тыве с подписчиками региональной инстаграм-страницы через призму коммуникативной модели Г. Лассуэла.

Коммуникатор. Нельзя выделить одного инициатора коммуникации, конечно, можно объединить всех адресантов понятием *пресс-служба* Тувинского республиканского отделения КПРФ, но данное обобщение не будет отражать действительную природу коммуникатора. Наиболее частотные адресанты:

1. Представители федеральной пресс-службы КПРФ. Сюда относятся все посты, материалы которых были взяты с федерального сайта. Они редко подвергаются редакции, текст и графическое сопровождение идентичны данным, опубликованным на сайте.

2. Первый секретарь Туврескома КПРФ. Первый секретарь Тувинского республиканского отделения КПРФ – Тамоев Роман Телманович – часто обращается к жителям республики, партийцам и другим адресатам с целью донесения собственной позиции по актуальным

вопросам и отражения партийной позиции. При создании такого контента используются качественные видеоматериалы и графическое сопровождение. Отдельно стоит отметить, что в обращениях данного адресанта используются эмодзи, соответствующие эмоциональной составляющей обращений.

3. Яркие представители КПРФ-Тыва. Здесь присутствуют сразу несколько форм: цитирование, прямая речь и видеообращение. Такой коммуникатор позволяет показать массовость организации и ее способность отражать интересы разных групп населения (молодежь, пенсионеры, предприниматели и т. д.). Обращение сопровождается фотографией говорящего, находящегося в обстановке, которая соответствует теме поста.

4. Представители пресс-службы Тувинского отделения КПРФ. Пресс-служба транслирует значимые события или акции, реализующиеся партией в республике.

Сообщение. Сообщения, заимствованные с федерального сайта, полностью соответствуют ранее составленной классификации. Посты, созданные региональным отделением самостоятельно, более соответствуют требованиям Инстаграма. В них находят отражение специфические особенности социальной сети:

1. Приоритет графической подачи над вербальной. Сопровождающий фото- и видеоматериалы текст сокращается (используются неполные предложения, различные виды сокращений, исключаются сложные конструкции).

2. Ориентация на плакатную форму. Вследствие того, что графический объект занимает большую часть публикации, возникает необходимость переноса словесной информации на изображение. Для того чтобы подобная манипуляция была органична, текст подвергается стилизации. На инстаграм-странице Тувинского отделения КПРФ размещено большое количество публикаций, оформленных в виде плаката.

3. Стремление произвести впечатление на пользователя. Для оказания воздействия на посетителей страницы используются следующие уникальные для национальной республики приемы: использование национальных костюмов на фотографиях, добавление в текст фраз на тувинском языке, акцентуация внимания при отборе материалов с региональной спецификой.

Коммуникант. Адресаты-объекты, на которые ориентировано информационное воздействие:

1. Жители республики. Многие акции и мероприятия проводятся с целью вовлечения жителей региона в деятельность партийного отделения. Помимо непосредственного участия жителей республики в партийной жизни, отделение заинтересовано в реализации целей и задач партии, что должно реализовываться через различные формы публичного выражения мнения.

2. Партийцы, являющиеся членами республиканского отделения. Взаимодействие с ними осуществляется при помощи множества средств и способов коммуникации, инстаграм является одним из способов.

3. Представители властных структур республики. Благодаря тому, что инстаграм-страница КПРФ-Тыва является массовой, обращения к таким структурам, как городские Хуралы депутатов, Хуралы представителей и т. д., являются эффективным способом привлечения внимания представителей власти к местной проблематике.

Канал передачи. В качестве канала передачи информации используется Инстаграм. В отличие от федерального уровня, региональная страница менее привязана к традиционным СМИ и ярче отражает особенности Интернета как канала коммуникации.

Обратная связь. Пользователи имеют широкий спектр возможностей осуществить реакцию на публикуемый материал:

1. Отметка Нравится. Данная форма реакции позволяет пользователям продемонстрировать одобрение какой-либо инициативы Тувинского республиканского отделения КПРФ, выразить согласие с действиями ЦК КПРФ, поддержать акцию, инициированную отделением.

2. Комментарий. Каждый пользователь может оставить свое сообщение под любой публикацией. При этом есть ряд ограничений, которые оговариваются в пользовательском соглашении социальной сети (нецензурная лексика, оскорбление других пользователей, нарушение авторских прав и т. д.).

3. Отправка сообщений администрации страницы. Такая форма взаимодействия позволяет напрямую обратиться к представителям партии, ответственным за определенную сферу деятельности регионального партийного отделения.

4. Подписка на публикацию. При проявлении подобной реакции адресат выражает желание получать информацию, публикуемую отделением. Ошибочно будет считать, что при оформлении подписки пользователь выражает одобрение, ведь цель у данного действия может быть любая: контроль оппозиционной деятельности организации со стороны властных структур, интерес к определенной личности и т. д.

Заключение

Для выявления региональной специфики электронных средств массовой коммуникации КПРФ мы проанализировали федеральные источники, выявили основные особенности ведения сайта, который служит базой для публикации материалов в других социальных сетях, и особенности ведения инстаграм-страницы. Далее были

проанализированы сайт и инстаграм-страница на уровне субъекта, выявленные черты позволили сопоставить данные источники и обнаружить особенности политической коммуникации в национальной республике. Среди отличительных черт наиболее ярко реализованы:

- ориентация на публикацию уникального контента, который отражает региональную специфику политического дискурса;
- стремление к сокращению текста;
- приоритет графической формы представления информации;
- адаптация материала к требованиям адресата посредством выделения ключевых категорий.

Данные черты полностью соответствуют характеристикам региональной политической интернет-коммуникации. Но при этом выявлен комплекс других характеристик, которые подтверждают соответствие уровня развития виртуального взаимодействия Тувинского республиканского отделения КПРФ с пользователями социальных сетей и официального сайта и степень развития регионального компонента

политической коммуникации в РФ. При этом стоит отметить, что КПРФ в Тыве активно развивает способы и средства политической коммуникации, данное положение подтверждается следующим:

1. Контент данного адресанта несет не только информационную, но и коммуникационную нагрузку.
2. На своих ресурсах Тувинское республиканское отделение КПРФ публикует материалы, которые соответствуют наиболее передовым формулам организации интернет-публикаций.
3. Коммуникатор, которым является КПРФ в Тыве, стремится к созданию публикаций, соответствующих требованиям той социальной сети, в которой они публикуются.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Акопов Г. Л. Политика и интернет. М.: Инфра-М, 2014. 205 с. [Akopov G. L. *Politics and the Internet*. Moscow: Infra-M, 2014, 201. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uhhtfv>
- Бушев А. Б. Сетевая коммуникация как предмет изучения нескольких феноменов. *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 1. С. 10–29. [Bushev A. B. Network communication as a subject of study of several phenomena. *Social networks: a complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Кемерово: KemsU, 2021, vol. 1, 10–29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fqynea>
- Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996. 351 с. [Gasparov B. M. *Memory. Image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: NLO, 1996, 351. (In Russ.)]
- Голев Н. Д. Социальные сети как актуальный объект междисциплинарного научного знания. *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 2. С. 5–9. [Golev N. D. Social networks as an actual object of interdisciplinary scientific knowledge. *Social networks: a complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Кемерово: KemsU, 2021, vol. 2, 5–9. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uteqtj>
- Голянская В. А., Мельник Н. В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ. *Филология и человек*. 2019. № 3. С. 29–41. [Golyanskaya V. A., Melnik N. V. Strategies and tactics of political manipulation in the media. *Filologiya i chelovek*, 2019, (3): 29–41. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)3-03)
- Ефремов В. А. Речевая агрессия в интернет-дискурсе: случай группы "Buceta rosa". *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 2. С. 98–124. [Efremov V. A. Speech aggression in Internet discourse: the case of the Buceta rosa group. *Social networks: a complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Кемерово: KemsU, 2021, vol. 2, 98–124. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lstkkn>
- Ионов А. С. Политическая коммуникация в эпоху цифровизации – анализ социальных сетей. *Меридиан*. 2019. № 15. С. 528–530. [Ionov A. S. Political communication in the age of digitalization – analysis of social networks. *Meridian*, 2019, (15): 528–530. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kpsgsj>
- Ким Л. Г., Инешина С. В. Диктумно-модусные преобразования речевой единицы в интернет-пространстве: причины и следствия (на материале высказываний российских чиновников). *Политическая лингвистика*. 2022. № 2. С. 100–110. [Kim L. G., Ineshina S. V. Dictum-modus transformations of speech units in the Internet space: causes and consequences (a case study of Russian officials' utterances). *Political linguistics*, 2022, (2): 100–110. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cizyuo>

- Кондратьева О. Н., Чернова Ж. В. Самопрезентация политика в социальных сетях (на материале официальной страницы в социальной сети «ВКонтакте» губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2019. Т. 18. № 6. С. 129–138. [Kondratyeva O. N., Chernova Zh. V. Self-presentation of the politician in social networks (on a material of official page in the social network "VKontakte" of the governor of the Kemerovo area of Sergey Tsivilev). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, 18(6): 129–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-6-129-138>
- Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона, отв. ред. О. Н. Кондратьева. М.: Перо, 2020. 308 с. [Kuzbass: complex cognitive-discursive modeling of the image of the region, ed. Kondratyeva O. N. Moscow: Pero, 2020, 308. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snbdju>
- Морозова О. Н. Особенности Интернет-коммуникации: определение и свойства. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2010. Т. 1. № 5. С. 150–158. [Morozova O. N. Features of Internet communication: definition and characteristics. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2010, 1(5): 150–158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tynbtx>
- Никитина Е. А., Мельникова Н. А., Неневолина П. Н. Коммуникативные технологии региональной электоральной кампании 2016 г. в сети Интернет. *Медиаскоп*. 2018. № 2. [Nikitina E. A., Melnikova N. A., Nenevolina P. N. Communicative technologies of the regional electoral campaign of 2016 in the Internet. *Mediascope*, 2018, (2). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzrqat>
- Оленев С. В. О лингвистическом исследовании обыденного политического дискурса. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 5. С. 360–362. [Olenev S. V. On linguistic research of ordinary political discourse. *The world of science, culture and education*, 2021, (5): 360–362. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-590-360-362>
- Поздышева А. С., Береговая И. Б. Анализ моделей массовой коммуникации. *Научный альманах*. 2015. № 12-1. С. 296–304. [Pozdysheva A. S., Beregovaya I. B. Analysis of models of mass communication. *Nauchnyi almanakh*, 2015, (12-1): 296–304. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17117/na.2015.12.01.296>
- Сельников В. В. Использование социальных сетей в современной политической коммуникации (на примере социальной сети Instagram). *Ямальский вестник*. 2019. № 4. С. 55–59. [Selinov V. V. The use of social networks in modern political communication (for example, the social network Instagram). *Iamalskii vestnik*, 2019, (4): 55–59. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vwkuqw>
- Сяо Ю. Использование социальных сетей в политической коммуникации. *Политическая лингвистика*. 2021. № 1. С. 149–158. [Xiao Y. The use of social networking sites in political communication. *Political linguistics*, 2021, (1): 149–158. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_14
- Туманян Г. В., Лыгденов Б. З., Толпышева В. Ф. Репрезентация в распространенных политико-коммуникативных практиках. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022. № 3. С. 313–318. [Tumanyan G. V., Lygdenov B. Z., Tolpysheva V. F. Representation in accepted communicative political practices. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2022, (3): 313–318. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-313-318>
- Ухинова Н. В. Интернет-пространство как средство политической коммуникации. *The Newman in Foreign Policy*. 2015. № 27. С. 33–35. [Ukhinova N. V. Internet space as a means of political communication. *The Newman in Foreign Policy*, 2015, (27): 33–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vatsfv>
- Хомяков Д. О. Актуальность исследования политической коммуникации в социальных сетях. *Актуальные исследования*. 2022. № 14. С. 20–22. [Khomyakov D. O. The relevance of the study of political communication in social networks. *Aktualnye issledovaniia*, 2022, (14): 20–22. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lutwqr>
- Чепкасов А. В. Имидж региона в речи регионального лидера и массовой коммуникации (генезис и структура). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. 352 с. [Chepkasov A. V. *Image of the region in the speech of the regional leader and mass communication: genesis and structure*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2018, 352. (In Russ.)]
- Чепкасов А. В. Образ – имидж – стереотип региона (к определению понятий). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. № 6. С. 83–92. [Chepkasov A. V. Pattern – image – the stereotype of the region (the definition of the concept). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, 15(6): 83–92. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uogacn>
- Чепкасов А. В. Составляющие имиджа Кузбасса в текстах выступлений губернатора Кемеровской области. *Филология и культура*. 2017. № 4. С. 112–121. [Chepkasov A. V. Components of the image of kuzbass in the speeches of the Kemerovo region governor. *Philology and Culture*, 2017, (4): 112–121. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ylsihc>
- Lasswell H. D. Structure and function of communication in society. *The Communication of Ideas*, ed. Bryson J. NY: The Free Press, 1948, 37–51.

© 2023. Нечаева А. Л.

Другость как базис художественного пространства

оригинальная статья

Другость как базис художественного пространства: сравнительный аспект киносценария и фильма

Нечаева Анастасия Леонидовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0003-4690-2723>nasteknecha1@gmail.com

Поступила в редакцию 31.12.2022. Принята после рецензирования 03.03.2023. Принята в печать 27.03.2023.

Аннотация: Рассмотрены способы бытования категории Другого в художественном пространстве киносценария В. Сорокина «Четыре» и одноименном фильме «4» И. Хржановского. Пространство в произведении приобретает черты другости, которая помогает писателю реализовать художественный замысел и воплотить мир постсоветской России. Экзистенциальный взгляд на фигуру Другого, в соответствии с концепцией Ж.-П. Сартра, передает кризисное ощущение *последнего времени* – без единой сцены физического насилия у читателя вырабатывается устойчивое чувство пищевого отвращения. В основе сущности Другого лежат принципы отторжения, страха и неизбежности, а ощутить собственное существование возможно только через взгляд Другого. Средства, на основе которых создается Другой пугающий мир в «Четыре», многообразны, мы выделяем кодирование, умирание, масочность и деконструкцию симметрии. Они позволяют точнее понять художественный замысел, заключенный в трансляции хаотичности бытия, отсутствия времени. Судьба человека принимает черты неразличимости, каждый член социума – лишь функция в игре жизни. При помощи другости художественного пространства реальность приобретает новый код – утрата «святого числа» десакрализует бытие, приговаривает человека и мир к жизни в беспросветной потерянности.

Ключевые слова: Другой, деконструкция, символ, архетип, код, клон, карнавал, смех, симулякр, игра

Цитирование: Нечаева А. Л. *Другость как базис художественного пространства: сравнительный аспект киносценария и фильма*. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 567–576. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-567-576>

full article

Otherness as Basis of Artistic Chronotope: Script vs. Film

Anastasia L. Nechaeva

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0003-4690-2723>nasteknecha1@gmail.com

Received 31 Dec 2022. Accepted after peer review 3 Mar 2023. Accepted for publication 23 Mar 2023.

Abstract: The article describes the existential category of the Other and the Otherness in V. Sorokin's screenplay for the film called 4, which was directed by I. Hrzhanovsky in 2004. The Otherness helped V. Sorokin to realize his artistic idea of post-Soviet Russia. According to Jean Paul Sartre, the Other conveys a feeling of the last days: without a single scene of physical violence, the reader develops a feeling of nausea. The essence of the Other is based on the principles of rejection, fear, and inevitability; the Other is the only verifier of one's existence. In 4, the frightening atmosphere of the Other World is created by such artistic means as coding, dying, masking, and deconstruction of symmetry. They highlight the artistic intent to portray the chaotic nature of being and the absence of time, where human fate is meaningless, and people are reduced to functions in the game of life. The Otherness of the chronotype gives the script and the film a new code: the loss of the holy number four desacralizes existence, thus condemning the world and people in it to a life of hopeless dismay.

Keywords: The Other, deconstruction, symbol, archetype, code, clone, carnival, laughter, simulacrum, game

Citation: Nechaeva A. L. *Otherness as Basis of Artistic Chronotope: Script vs. Film*. *SibScript*, 2023, 25(4): 567–576. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-567-576>

*Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия – только страх¹*
Георгий Иванов

Реальность кривится, как человек, съевший лимон²

Введение

Действительность, переработанная в апокалиптические метафоры, – Владимир Сорокин умеет четко передать ощущение чуждого через изображение обыденного [Добренко и др. 2018; Кузнецова 2020; Липовецкий 2013; Марусенков 2012; Юрченко 2019; Uffelmann 2020]. В 2004 г. он пишет сценарий «Четыре» к фильму для начинающего режиссера Ильи Хржановского. «Мне нужен был писатель, способный написать очень подробную, правдоподобную жизненную ситуацию, которая в какой-то момент становится совершенно фантастической, не переставая при этом быть достоверной»³, – отзываясь И. Хржановский о своем выборе в интервью ВВС. Под предлогом обилия нецензурной лексики Минкульт долгое время не выдавал картине прокатное удостоверение, но позже допустил с некоторыми ограничениями. Однако фильм увидели преимущественно на зарубежных кинофестивалях (главный приз Роттердамского кинофестиваля, лучшая режиссерская работа на Международном кинофестивале в Буэнос-Айресе). А. Артюх в рецензии для журнала «Искусство кино» отмечает, что открыто приветствовать фильм решится не каждый, ведь «в России зависимость кинематографа от государства еще никто не отменял» [Артюх 2005]. Фильм получился инфернальный: бескрайние просторы страны, страдающие от собственной бескрайности, бесконечный слом стереотипов. Аннотация к фильму вполне ординарная: «Торговец мясом, настройщик рояля и проститутка случайно встречаются в ночном баре и начинают рассказывать о себе разные небылицы. Этот нетрезвый разговор так бы и остался шуткой, если бы не странные события, которые последовали сразу за встречей»⁴. После выхода картины И. Хржановского обвинили в аморальности (как, впрочем, обвиняли и В. Сорокина⁵): «Возможно,

режиссер, убедивший старух показать перед камерой коллективный стриптиз и отправивший в баню трех голых сестер, не самый лучший образец высокой моральности в этом мире. Однако печаль и внимание, с которыми он смотрит на черные дыры российской действительности, говорит о большей человечности, чем та, что имеется у его обличителей, путающих мораль с державным интересом» [Артюх 2005].

Скандалы вокруг работ Ильи Хржановского продолжают и сегодня. Его проект «ДАУ», работа над которым ведется с апреля 2008 г. (сценарий заказан В. Сорокину, первые показы состоялись в 2019 г.), должен был рассказывать о биографии физика Льва Ландау, но превратился в социальное исследование влияния тоталитарного государства на человека. Более 10 лет съемок вылились в 700 часов материала, 14 фильмов и несколько сериалов. Российские власти запретили прокат фильмов – в них нашли пропаганду порнографии. Создатели отказались монтировать фильмы.

В настоящей работе мы преимущественно будем говорить о сценарии В. Сорокина как основе повествования. При этом можно утверждать, что сценарий при анализе неотделим от картины. Основные характеристики художественного пространства, которые отчетливо проявляются уже в экспозиции – это *другость* и *чуждость*, присущие режиссерам артхауса. Считаем, что уникальный художественный мир, созданный В. Сорокиным, строится на категории Другого, которая в свою очередь усиливает кризисное восприятие действительности. Мы будем рассуждать о том, какими средствами создается этот Другой в «Четыре». В теоретическом плане опираемся на работы К. Г. Юнга, Ж.-П. Сартра, Р. Барта, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина и Ж. Бодрийяра, а также работы ряда кинокритиков и литературоведов.

¹ Иванов Г. Россия счастье. *Культура.рф*. URL: <https://www.culture.ru/poems/24855/rossiya-schastie> (дата обращения: 03.10.2022).

² Атака клонов. Интервью И. Хржановского для МК (А. Гаспарян, К. Шавловский). *Московский Комсомолец*. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2004/11/17/100565-ataka-klonov.html> (дата обращения: 06.12.2022).

³ Роттердамский триумф российского фильма «4». *BBC Russian*. 29.01.2005. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/entertainment/newsid_4218000/4218523.stm (дата обращения: 06.12.2022).

⁴ Четыре: художественный фильм И. Хржановского. *Kinopoisk*. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/103471/?ysclid=lc83yhj01m963958871> (дата обращения: 06.12.2022).

⁵ «Идущие вместе» провели у Большого театра акцию протеста против творчества писателя Владимира Сорокина – книги автора бросали в унитаз. *РИА Новости*. 27.06.2002 (обновлено: 05.06.2008). URL: <https://ria.ru/20020627/182306.html> (дата обращения: 07.12.2022).

В экспозицию В. Сорокин вводит прием остранения – машина превращается в коготь. В фильме эта сцена представлена в космическом и жутком ключе:

На вентиляционной решетке метро спят бездомные собаки. Внезапно большой стальной коготь вонзается в асфальт, крошит его с чудовищным лязгом. И сразу же рядом вонзаются еще два когтя. Какофония звуков работающих механизмов становится невыносимой. Собаки срываются с теплого места, пробегают мимо угрюмых машин. Машины продолжают крошить асфальт (с. 50)⁶.

Пространство, которое приобретает черты другости, неразрывно связано с искажением архетипа Родины (по К. Г. Юнгу, архетип матери). Этот прием работает на протяжении всего действия как в тексте, так и в картине. Россия, по В. Сорокину, больше не та, что с распростертыми объятиями принимает в лоно своих полей, лугов и пахучих трав; это страшный и холодный мир, который отторгает человека. Не зря многообразие описаний архетипа матери у К. Г. Юнга предполагает и пугающие образы: «Мать – главенствующая фигура там, где происходит магическое превращение и воскрешение, а также в подземном мире с его обитателями. В негативном плане архетип матери может означать нечто тайное, загадочное, темное: бездну, мир мертвых, все поглощающее, искушающее и отравляющее, т. е. то, что вселяет ужас и что неизбежно, как судьба. <...> В ней я передал амбивалентность этих атрибутов формулой "любящая и страшная мать"» [Юнг 1994: 218–219].

Мать в ее первичном понимании становится матерью, бросающей своих детей. Это искажение архетипа будет подчеркнуто проявляться и далее в связи с утратой жизненного начала. Другость, основанная на искаженном архетипе, позволяет оценить состояние постсоветской России своими методами, о которых скажем далее. По А. Артюх, «фильм для Ильи Хржановского оказался способом личного экзорцизма – попыткой дистанцироваться от собственной русскости, сегодня не дающей никаких оснований собой гордиться» [Артюх 2005].

Экзистенциальный взгляд на Другого

В. Сорокин и И. Хржановский в своем понимании Другого экзистенциальны (в понимании Ж.-П. Сартра). Возможно, поэтому без единой сцены физического насилия у читателя и зрителя создается устойчивое

ощущение ужаса. Так, одна из трех форм бытия, по Ж.-П. Сартру, – бытие-для-другого – не может мыслиться без фигуры Другого. Это понятие, по Ж.-П. Сартру, претерпевает изменения в процессе взаимодействия Я и Другого (тот, кто не является мной, нечто совсем иное). Другой врывается в бытие субъекта и нарушает его, независимо от желания субъекта. Взаимодействие Я и Другого, по Ж.-П. Сартру, строится на конфликте. Их диалог основан на взаимном отрицании. Другой вторгается в мир Я без его ведома. Я отторгает Другого, но не может избавиться от его взгляда. После реакции отторжения наступает период борьбы взглядов. Проигравший в схватке взглядов станет объектом и подчинится Другому⁷. В «Тошноте» философ детально описывает эту борьбу:

Доктор смеется, он бросает на меня призывный взгляд сообщника <...> Я не смеюсь и не отвечаю на его заигрывания – тогда, не переставая смеяться, он испытывает на мне устрашающий огонь своих глаз. Несколько секунд мы неотрывно смотрим друг на друга <...>. И все-таки первым отводит глаза он – подумавшись, спасовал перед каким-то одиночкой, никакой общественной значимости не имеющим, стоит ли об этом тужить, это тут же забудется⁸.

Ж.-П. Сартр утверждает, что «присутствие Другого для меня и меня для Другого есть объектность» [Сартр 2000: 253]. Другой превращает Я в объект и убивает мое самостоятельное существование. Вторжение Другого лишает Я гармонии, вносит дисбаланс. Другой забирает у Я свободу, которая является основным понятием бытия-для-себя. Взгляд Другого вызывает стыд. Другой неудобен для Я – отсюда и чувство отторжения, которое призвано заставить понять существование. «Постигнуть себя в качестве рассматриваемого – значит постигнуть себя пространственным и осуществляющим пространство» [Сартр 2000: 289]. Негативная реакция на появление Другого – одно из условий принятия собственного бытия: «Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования – так же, впрочем, как и для моего самопознания» [Сартр 1989: 336]. В основе сущности Другого, по Ж.-П. Сартру, лежит принцип отторжения, страха и неизбежности. Эти же принципы лежат в основе художественного пространства «Четыре». Понять собственное существование, по В. Сорокину, можно только

⁶ Сорокин В. Четыре. Рассказы. Сценарии. Либретто. М.: Захаров, 2005. 208 с. Здесь и далее по тексту в скобках приведены страницы, на которых расположены цитаты.

⁷ Ж.-П. Сартр трансформировал гегелевскую диалектику раба и господина в диалог Я и Другого.

⁸ Сартр Ж.-П. Тошнота. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Sartre_Toshnota.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

через взгляд Другого. Мы говорим о пространстве как пугающем Другом, от взгляда которого Я не может отказаться или избавиться, и только так Я ощущает свое существование.

Кодирование

Из заголовка видим, что в повествовании так или иначе будет присутствовать число. У В. Сорокина оно расширяет рамки своего значения, становясь определенным кодом, которым играют. Деконструкция числа завязывает повествование и ведет его до самого финала:

ВОЛОДЯ (достаёт бумажник, кладет на стойку). <...> И в шестьдесят восьмом году покойный Виктор Петрович Голосов открыл дублирование типа-4. Это когда в одну клетку грузят четыре хромосом-комплекта. И соответственно развиваются сразу четыре дубля. Ну, четыре близнеца. И самое замечательное, что именно число 4 дало самую минимальную погрешность и самый оптимальный процент выживания. До этого дублировали по три, по пять, по семь, по восемь, даже дубль-12 был. Но 4 – оказалось идеальным числом. И самое замечательное, что это число в мировой истории никогда не было магическим! Это не 3 и не 7 и не 12. Четыре! Вот число, на котором держится мир. Не 3. А 4! И это действительно краеугольный камень о четырех углах (с. 65).

Теорию о четверке озвучивает настройщик роялей Володя, когда натывается на проститутку Марину и торговца мясом Олега в одном из московских баров. Однако ни Марина, ни Олег, ни сам Володя в своей реальной жизни не сознаются, а придумывают себе иную судьбу. Друг для друга они – менеджер по продажам чудо-аппарата (Марина), работник Администрации президента (Олег) и химик-инженер (Володя). Так возникает мотив клонирования, которое, по сюжету, процветает в стране со времен СССР. Клонирование по типу четыре, по словам героя, одно из самых удачных. Именно эта теория закручивает дальнейшую реализацию числа в структуре повествования, его отражение в жизни героев после беседы-игры, в которую они погрузились:

ОЛЕГ. То есть – четыре, и все близнецы? ВОЛОДЯ. Да, четверки. И их там – сотни три. Оборванные, грязные, одетые кое-как. Отделения по возрасту и полу. Ну, он сразу повел в отделение номер 32. А там девочки до шестнадцати лет. И все – четверками, четверками. И входим мы к этим девочкам, а они вдруг так вот все руками сплелись, как венок, и вот такой вот волной прямо на нас и прямо... (с. 65–66).

Что такое четыре? Это тройка и прибавленная к ней единица или же полноценное новое число, которое, по нашему мнению, становится кодом к пониманию хаотичного мира. Деконструкция кода в первую очередь понимаема в рамках культурного, национального символа. Библейская троица, тройка лошадей – символы России. Вспомним и «Птицу-тройку» Н. В. Гоголя, которая не дает ответа, куда несется. Так разрушение привычного для страны символа становится свидетельством мирового хаоса, потери сакрального числа – утраты всякой святости. Теперь четверка – это новый код, который должен быть принят в тех условиях, в которых он реализуем. Сопровождая героев, новый код будет постоянно напоминать о своем взгляде. Может, в тройке, которая идет по Руси, есть что-то от некрасовских искателей, но эти образы деконструируются и превращаются в игровые. Постмодернистский дискурс отчуждает устойчивые понятия, разрушает их, чтобы ввести новое, Другое. На этой другости, которая хочет быть замечена, строится путь героев. Миропорядок, определенный новым национальным числом, становится кодом познания постсоветской России по В. Сорокину. Четыре – это тройка и отвергнутая единица, которая присоединилась насильственно, сделав тройку другим числом – объектом.

Число четыре становится решающим в жизни героев, определяя их дальнейшую судьбу. В завязке фильма Марина покидает три обнаженных тела (четыре минус один). В ночь после разговора Володя встречается с человеком без возраста, который кормит рыб и черепах в четырех аквариумах, предсказывая гибель героя. На выходе из клуба Володю арестовывают по обвинению в преступлении, совершенном в Саратове, где он никогда не был. Торговец мясом Олег знакомится с Круглыми поросятами, которые завладевают его мыслью вплоть до финала. Марина узнает о смерти четвертой сестры Зои и начинает свою дорогу в далекий Малый Окоп. В финале видим четыре самолета, взлетающих в небо, чтобы отправить солдат в горячую точку. Это лишь малая часть использования четверки в сценарии. Многочисленные примеры фигурируют в тексте в виде случайных символов: четыре круглых поросенка, четыреста долларов, четыре готовые куклы: мужик, баба, поп и черт.

Обилие числа четыре (в разных его вариациях) переходит в иронично-игровую форму. Четыре в видении В. Сорокина предстает в смысле деконструированного культурного кода. По Р. Барту, код является ассоциативным полем, сверхтекстовой организацией значений: «Код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры: коды – это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже сделанного; код есть конкретная форма этого "уже",

конституирующего всякое письмо» [Барт 1989: 455–456]. Миф в произведении можно трактовать, по Р. Барту, как некую коммуникативную систему, некоторое сообщение, где форма заключена в исторические рамки и от этого приобретает то или иное социальное содержание. Это путешествие сквозь код помогает В. Сорокину вытащить наружу содержание мифа и приложить к современным реалиям. Так Россия оказывается пространством с потерянным и десакрализированным числом, отторгающим Другое число.

Текст В. Сорокина «Четыре» содержит огромное количество символов. Не будет преувеличением сказать, что он буквально соткан из них. В картине И. Хржановского «4» эти символы дополняются визуальным рядом, добавляя художественному миру, созданному В. Сорокиным, визуализации ощущения единства мира как символического.

Умирание

Встреча и появление клонированной четверки в жизни героев В. Сорокина является завязкой путей, которыми неотвратно придется идти. Здесь возникает образ дороги как пути к смерти. Смерть проявляется как в ее метафорическом значении (Марина), так и в физическом (умирает Олег, смерть ждет и Володю).

История Володи становится не только дорогой к смерти, но и символом неотвратимости собственной судьбы, ее абсурдности. О том, что человек внезапно смертен, героя предупреждает мужчина без возраста:

МУЖЧИНА. У человека. (Берет в руки черепашку.)

Вот это черепаха. А это стекло. А это пол. И они всегда во все времена будут – черепахой, стеклом и полом. И ничем другим. Они уже сделаны. До конца. А мы – еще нет. И легко можем стать чем угодно и кем угодно. Поэтому у человека пока нет имени.

ВОЛОДЯ. Я, вообще-то, Володя.

МУЖЧИНА (поворачивается). Ну и что? Через какие-нибудь полчаса вы можете стать бездомной собакой. Или подстилкой, о которую вытрет ноги милая девушка. Или просто куском живого мяса.

ВОЛОДЯ. Неправда. Выбор всегда есть. Можно и не становиться собакой. Или подстилкой. Всегда есть форточка. Куда можно выпрыгнуть (с. 69–70).

Этот диалог предвещает дальнейшую судьбу героя. С помощью символов, которые Володя не может расшифровать, мужчина предсказывает ему смерть. Отсутствие имени, о котором он упоминает, легко распознается, когда Володю путают с похожим на него (двойником), судят и отправляют в колонию. Здесь мы видим не только неотвратимость судьбы,

но и безразличие к имени. В этом контексте реализуется и принцип клонирования, который для героя становится судьбоносным. Окончательное отсутствие выбора (*Выбор всегда есть*) видим в финале произведения, когда Володю отправляют в горячую точку четыре самолета – вот она, реализация окончательного умирания: *через какие-нибудь полчаса вы можете стать <...> просто куском живого мяса* (с. 70).

Четыре круглых поросенка сулят смерть торговцу мясом Олегу. Одержимый поиском невероятного и странного деликатеса, Олег едет в глубинку, чтобы разобраться в происхождении диковинки. Дорога к *Круглым пороссятам* для героя становится смертельной:

ОЛЕГ. Как – круглые? Поросенок не может быть круглым. Вы чего... их насосом накачиваете?

ОФИЦИАНТ. Да нет. Они такими рождаются.

ОЛЕГ. Где?

ОФИЦИАНТ. Госплемзавод «Коммунарка». Они нам уже два года поставляют круглых поросят (с. 68).

Самой показательной в контексте смерти и ее отражений становится история Марины. Внезапный звонок застает героиню в постели – умерла сестра-близняшка Зоя (одна из четырех близнецов). Дорога Марины бесконечна. В фильме И. Хржановского она занимает огромное количество экранного времени, что определенно относит Малый Окоп к месту, которое находится на краю Земли, в зоне отчуждения (лиминальное пространство):

Поезд дальнего следования тормозит на заснеженном, забытом Богом и людьми полустанке. Марина сходит с поезда. На переезде у шлагбаума стоит большой мясной фургон. На нем изображены три круглых веселых поросенка. Под пороссятами надпись: «КРУГЛЫЕ ПОРОСЯТА. Госплемзавод "Коммунарка"» (с. 75).

Деревня умирает, причем в страшных муках. В этом контексте показательна смерть Зои как прообраза Матери. Единственный источник пропитания в деревне – изготовление inferнальных кукол с мордами из хлебного мякиша. Зоя, подавившись этим мякишем, погибает. В деревне остаются одни беззубые старухи, которые жуют морды – они живут исключительно природно, инстинктивно, в соответствии с законами земли: «Это квинтэссенция удаленности, отрезанности, забытости и захолустности. Другой мир, существующий в других измерениях. Этот фантазмагорический мир – определенное зазеркалье "нормальной" городской жизни» [Васильева 2007: 90].

Старухи в «Четыре» являются символом хаоса. Хлебный мякиш, который они пережевывают беззубыми ртами, можно трактовать как облик бесформенности, отсутствия структуры. В апокалиптическом городе женщин есть мужчина Марат – возлюбленный Зои, безумный вдовец, но как мужское начало он также не может уповать на жизнь, поэтому лица кукол (понимаем как детей), которых он пытается сохранить, съедают собаки. Уход матери, исчезновение жизненного начала оглашает смертный приговор Малому Окоту, где продолжение жизни по физическим причинам невозможно. Марат, потеряв смысл существования, кончает с собой. Оставшиеся старухи, способные лишь жевать, символизируют последнее время:

ПЕРВАЯ СТАРУХА. Господи, кто ж теперь морды-то делать будет?

ВТОРАЯ СТАРУХА. Зоинька, голубица наша, тут рвань-то всякая тебе напакостила, гадюки, тьфу! Сами, что ль, жевать не могли?

ТРЕТЬЯ СТАРУХА. Чего лаешься? Она сама напросилась: дай пожевать, дай пожевать...

ПЕРВАЯ СТАРУХА. Кто ж морды-то и делать будет? Кто ж морды и делать будет?

МАРАТ. Я.

ПЯТАЯ СТАРУХА. Ты? Морды делать? Да ты тады вон жопу-то попу пришить не мог! (с. 78).

Все, что происходит в деревне, склонно к карнавальному умиранию. Старухи, поминая Зою, сутками пьют водку, показывают друг другу обнаженные тела, жуют морды. Это схоже с трактовкой М. М. Бахтиным смерти как веселого страшилища. Участник карнавала смерти, по М. М. Бахтину, – народ – «абсолютно веселый хозяин залитой светом земли, потому что он знает смерть только чреватой новым рождением» [Бахтин 1990: 275]. Однако стоит оговориться, что у В. Сорокина смерть хоть и карнавальна, но в постмодернистском ключе не предвещает новое рождение – она есть свидетельство апокалипсиса. В карнавальной парадигме М. М. Бахтина смерть гротескна и весела: «Образ смерти, фиксируя данное (индивидуальное) умирающее тело, в то же время захватывает и краешек другого тела, рождающегося, молодого (пусть оно и не показано и не названо прямо, – оно *implicite* содержится в образе смерти)» [Бахтин 1990: 453]. Так и происходит с жителями Малого Окота, которые затевают *пир во время чумы* (поминок Зои), карнавально приветствуя не только собственный конец, но и мировой упадок в художественном плане.

Возможно, здесь стоит рассматривать смех и веселье как победу над самим страхом смерти. С. Яржембовский,

анализируя работу М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», утверждает: «Когда кончается карнавал – а всякий карнавал рано или поздно кончается – наступает горькое похмелье. Разрядившись и опустошившись в вакхическом безумии, люди вновь впрягаются в лямку беспросветных будней» [Яржембовский 2001]. Бесконечный карнавал в Малом Окоте, по В. Сорокину, есть невозможность *беспросветных будней*. Критики называют похороны и поминки в деревне «шабашем ведьм, пиром во время чумы и плачем в богадельне» [Артюх 2005].

Кульминацией карнавального умирания в Малом Окоте становится сцена с поеданием поросенка. Пьяные старухи едят руками, запивают самогоном и устраивают стриптиз. В картине И. Хржановского это четвертый поросенок, позже его голову кидают на съедение оставшимся свиньям. Борька становится жертвой ритуала, который совершают старухи во имя торжества последнего времени:

СТАРУХА. Девки, а ну пошли ко мне жрать! У меня ночью Борька помёр! (с. 87).

С. Яржембовский упоминает, что в «Золотой ветви» Д. Фрэзер убедительно показал: «смеховая культура не изначально, она сама есть результат вырождения более древних и чрезвычайно серьезных мистерий и ритуалов, часто кровавых, сопровождавшихся человеческими жертвами. Смех и там был, но то был смех ритуальный – жуткий, от которого волосы становились дыбом – "сардонический". Та народная культура, которая дошла до нас в фольклоре, это уже нечто вполне вторичное, это пародия, смех над смехом» [Яржембовский 2001].

Умирание в «Четыре» приобретает неотвратимый характер. Оно же, полагаем, соотносится с приближением *последнего времени*. Ярче всего мотив прослеживается в смерти матери и потери жизненного начала. В. Сорокин разрушает принцип карнавальности смерти как рождения нового при помощи деконструктивного слома, теперь это карнавальная встреча конца. Все попытки героев дешифровать реальность ведут их к смерти. Исключение – Марина, которая сжигает кукол с лицами из хлебного мякиша на могиле сестры. Однако и это не торжество, а лишь ритуал, который свидетельствует о сжигании героиней мостов с прежней жизнью, об окончательном пищевом отвращении:

«В то же время деревенские эпизоды опосредуются регламентирующей реакцией Марины на отвратительное. Это, во-первых, то, что Кристева называет пищевым отвращением. Наверное, самой простой и архаичной

формой отвращения – реакция Марины на разжевывание хлеба, ее тошнота после употребления самогона, изготавливаемого старухами. Ей также омерзителен сон, в котором она общается с мертвой сестрой. В кульминационном эпизоде Марина уничтожает кукол со штампованными лицами, а вместе с ними и способ клонового (вос)производства, на котором держится экономика деревни» [Вакамия 2013].

Масочность

В художественном пространстве «Четыре» нет ничего истинного, истины нет как явления. Герои живут в мире копий копий – симулякров, отсюда берет начало принцип лжи, который реализуется еще в завязке. По словам А. Артюх, «в фильме ложь – больше чем механизм замаскировать одиночество, это способ существования общества. В сцене в баре ложь разливается, подобно реке в период наводнения, и создает настоящую фантазмагорию» [Артюх 2005]. В «Симулякрах и симуляциях» Ж. Бодрийяр определял явления симуляции, свойственные современному обществу, как замену реальности теми знаками, которые не имеют с ней связи. Концепция симуляции становится основой реальности, Ж. Бодрийяр цитирует Экклезиаст: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина» [Бодрийяр 2015: 5]. Понятие истины тоже деконструируется, ее представляют симуляторы – так Я познает мир.

Сцена встречи героев в баре интересна в интерпретации масочности с подчеркнутыми аллюзиями на реальность. Симулякром становится существование всех троих. Проститутка Марина представляется менеджером по продаже чудо-аппарата:

МАРИНА. <...> Его в офисе включают в розетку, и через несколько минут от него идет такое поле, такие лучи, и очень хорошо сразу действуют. Люди не устают, бодрые все время, нет раздражительности, злобы такой нашей. Не в лом работать (с. 58).

Здесь В. Сорокин отлично играет со смыслами: аппарат, который продает Марина, улучшает жизнь, секс также призван ее улучшать. Похожая история и с мясным бизнесменом Олегом, который представляется сотрудником Администрации президента (АП):

МАРИНА. И... чего... и чем вы там занимаетесь?

ОЛЕГ. Ну, чем занимается любая администрация? Администрированием.

МАРИНА. А это в самом Кремле?

ОЛЕГ. Наш отдел на Лубянке. В здании ФСБ.

МАРИНА. Круто. И чем... ну, чем вы конкретно занимаетесь? Это охрана?

ОЛЕГ. Администрация президента охраной не занимается. Наш отдел конкретно отвечает за поставку питьевой воды в Кремль (с. 56).

Если соотнести истинную профессию Олега с той, что он выдумал, выстраивается некая ассоциация. Вода необходима для поддержания жизни – для Кремля, о котором говорит Олег, в качестве воды выступает мясо (кровь). Трактовать мысль В. Сорокина можно по-разному, в том числе как пример влияния власти на человека. Примечательно, что герой на протяжении повествования меняет свое отношение к торговле фаршем:

ОЛЕГ. Я фаршем не торгую. Я сто раз тебе повторял (с. 51).

Сравним (в финале):

ОЛЕГ. А кто тебе сказал, что я фаршем не торгую? Нет, Колянь, я торгую всем, что пахнет мясом (с. 92–93).

Процесс изменения отношения героя к фаршу свидетельствует и о пути власти к тоталитарному контролю над личностью. А. Артюх утверждает, что И. Хржановский с В. Сорокиным ставят эксперимент по влиянию лжи на сознание: «Ложь – перформативна благодаря талантливой увлекательности, с ложью можно легко примириться, попасть под ее абсолютное обаяние и даже начать обвинять в несостоятельности собственную способность видеть и понимать» [Артюх 2005].

Идентичность кукольных морд (масок) подчеркивает мотив двойника:

Странность кукол в том, что это – дети, наряженные в костюмы взрослых. Впрочем, костюмы сшиты как раз впору. Но лица всех четырех кукол детские, одинаковые (с. 77).

Образы кукол (как людей) связаны с мотивом жизни как игры. Обрядовый характер образов отсылает к фольклору – народной традиции с признаками оккультности (куклы вуду). Народ и фольклор у В. Сорокина апокалиптичны в своем смехе и веселье.

Фигура клона, вновь и вновь возникающая в сорокинском творчестве («Голубое сало», «Дети Розенталя»), определяет специфический характер развития темы неразличимости и чрезмерности, утверждает Л. Р. Вакамия [Вакамия 2013]. Сам В. Сорокин полагал, что при помощи идеи клона можно многое сделать в литературе – стать Л. Н. Толстым, например.

Клон свидетельствует о смешении индивида с ложной копией. Эта идея доминирует в судьбе героев. Мотив дубля в «Четыре» развивается на протяжении всего повествования – он не только критикует современную систему как фактор неразличимости, но и интерпретирует близнеца как зловещий символ апокалиптичности, опасности, грядущего распада мира: «Клон есть новая редакция таинственного двойника, зловещего близнеца, широко представленного не только в западно-европейской, но и в славянской традиции. В славянской мифологии близнец входит в число важнейших героев: он всегда – знак беды и несчастья, расценивается как зло, кара небесная» [Артюх 2005].

Деконструкция симметрии

Нетождественность становится деструктивным фундаментом мироздания. Симметрия же, как правило, является признаком гармоничного мира, его упорядоченности. Согласно взглядам Платона, упорядочивание хаоса превращает его в гармонию, одним из признаков гармонии считается симметрия: «Всякая смесь, если она ни в какой степени не причастна мере и соразмерности, неизбежно губит и свои составные части и прежде всего самое себя. Ибо при таких условиях она не является смесью, но поистине какой-то беспорядочной массой, всегда приносящей беду ее обладателям» [Платон 1994: 75].

Анализируя взгляды Платона на симметрию, А. Ф. Лосев утверждал, что «упорядочение размеренного целого есть превращение его в гармонию, а некоторое строение гармонии есть симметрия, пропорция, ритм и метр» [Лосев 2000: 464]. Больше всего, по его мнению, симметрия мыслится Платоном в отношении души и космоса. Однако сам А. Ф. Лосев делал в некотором смысле противоречащие философии Платона выводы о гармонии: «Но гармония может быть разная. Одна – живая, трепещущая, она активно борется с беспорядком, с уродством, с разнужданными аффектами. Это гармония "Пира" и "Федра". Другая гармония – застойная, малосильная, она основана на принуждении, насилии, не воплощает в себе живых противоречий жизни и требует принуждения» [Лосев, Тахо-Годи 2005: 164].

Рассмотрим первую среди нетождественных категорий – человек – животное. В киносценарии она решается в пользу животного, сущность которого отторгает любые маски, мир подмен, игру. Животные оказываются намного более живучими, нежели человек, которому все эти соблазны знакомы. Однако они же и подвергают его жизнь опасности – собаки и свиньи у В. Сорокина будто переросли человека хотя бы в собственной живучести, отсутствии необходимости играть с судьбой:

ВОЛОДЯ. Собаки тоже козлы.

БАРМЕН. Они сами под колеса бросаются.

МАРИНА. Да ладно, сами! От собачьей жизни?

ВОЛОДЯ. От человеческой.

ОЛЕГ. Собачья жизнь вполне комфортная <...>

ВОЛОДЯ. Собаки ближе к Богу (с. 54).

Собака в киносценарии становится существом сакральным, человек – нет. В. Сорокин десакрализует человека как пропавшего в симулякрах. Отсюда и следует мысль о том, что собаки ближе к Богу, поскольку не имеют возможности играть. Собаки едят лица кукол (людей), собака выживает в аварии – Олег погибает, а под колеса бросаются от человеческой жизни. Человек отчужден от животного судьбой, подверженной случайности, поэтому союза человек – животное у В. Сорокина быть не может.

Вторая нетождественная категория – город – деревня. Московские сцены создают ощущение упорядоченности, стройности. В. Сорокин в свойственной ему манере абсурдизировать изображает абсолютный порядок в квартире Олега и его отца – фанатика чистоты:

Двухкомнатная квартира Олега. Патологическая чистота и абсолютный порядок. Все вещи в идеальном состоянии. Все строго симметрично, параллельно, перпендикулярно. <...>

СТАРИК. Сынок, представляешь, сколько изуверов в мире: раздастся звонок. И звонит Виталий Иванович. Говорит, одолжи 700 долларов. Представляешь? Знает, что у меня все купюры разложены по номерам. Я говорю – мне не жалко денег, Виталик. Они же не мои, а Олега. Но ты же вернешь не эти купюры, а совсем другие. И о каком порядке тогда можно говорить? (с. 73–75).

Извращенное стремление к упорядоченности и гармонии в квартире Олега противопоставлено хаотичной жизни Малого Окота, где народ существует согласно неким природным инстинктам. Однако ни упорядоченный город, ни хаотичная деревня не представляют собой даже зачатков к гармонии. Выходит, напротив, что хаотичность деревни – более упорядоченная, нежели стройность городской жизни – обе эти сущности одинаково патологичны для мира.

Заключение

Владимир Сорокин, в отличие от Ренаты Литвиновой, ставит ноль не «этой планете», а «этой стране», утверждает критики. Отзывы зрителей на фильм занимательные. Большое количество негативных оценок, по нашему мнению, свидетельствует о том, что обыватель,

не привыкший к авторскому кино, так же как и Марина, терпит пищевое отвращение: «Мне просто стыдно за режиссера, побить его надо, чтоб больше не снимал»; «Ощущения после просмотра: головокружение, тошнота, рвотные позывы, непреодолимое чувство отвращения, стремление бежать из зала куда глаза глядят»⁹.

В «Четыре» базисом художественного пространства становится дружба, которая помогает изобразить пугающий мир пустынной, умирающей действительности. Другой мыслится В. Сорокиным в его экзистенциальном ключе – Я пытается освободиться от взгляда Другого (действительности), однако не может, поскольку этот контакт есть необходимый шаг к осознанию собственного существования. Отсюда объяснимо и чувство читателем (зрителем) пищевого отвращения. Дружба, которая отображается в ощущении экзистенциального ужаса, достигается с помощью определенных приемов – мы сказали о кодировании, умирании, масочности, деконструкции симметрии. Все эти приемы позволяют точнее понять замысел произведения, заключенный в изображении абсолютной потерянности, утрату всякой связи с прошлым и даже настоящим.

Судьба человека, по В. Сорокину, принимает черты неразличимости, каждый из членов-дублей социума есть лишь часть игры, в которой царит хаос, и нет

ни малейшего намека на упорядоченность. Отсюда и тот факт, что животные у В. Сорокина ведут более гармоничную жизнь, поскольку не участвуют в игре. Миром у В. Сорокина правят копии, которые лишают индивидуальности не только человека, но и мир, который как нечто уникальное теряет свое значение. Ощущение *последнего времени* находим в карнавальном существовании забытой деревни и противопоставленной ей упорядоченной Москве. Жизнь как то, что должно продолжаться, также лишается этой способности из-за потери матери. В. Сорокин оставляет действительность доживать вместе с беззубыми старухами из Малого Окога.

Искавленная реальность в «Четыре» приобретает новый код, утрата «святого числа» десакрализует бытие. Каждый новый путь, по В. Сорокину, воспринимается в рамках неотвратимого конца, приговора стране и человеку.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Артюх А. Знак «4-х». «4», режиссер И. Хржановский. *Искусство кино*. 2005. № 3. [Artyukh A. The sign of 4: director I. Hrzhanovsky's 4. *Iskusstvo kino*, 2005, (3). (In Russ.)] URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2005/03/n3-article6> (accessed 6 Dec 2022).
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. [Barthes R. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress, 1989, 616. (In Russ.)]
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с. [Bakhtin M. M. *Francois Rabelais' creativity and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khud. lit., 1990, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmunnr>
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с. [Baudrillard J. *Simulacra and simulations*. Moscow: Postum, 2015, 240. (In Russ.)] URL: http://lit.lib.ru/k/kachalov_a/simulacres_et_simulation.shtml (accessed 7 Dec 2022).
- Вакамия Л. Р. Отвратительное у Сорокина. *Новое литературное обозрение*. 2013. № 120. С. 243–253. [Wakamiya L. R. The disgusting in Sorokin's works. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2013, (120): 243–253. (In Russ.)] URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/2/otvratitelnoe-u-sorokina.html> (accessed 2 Dec 2022). <https://elibrary.ru/roqxsl>
- Васильева Ю. Память жанра: гротеск и постмодернизм в фильме Ильи Хржановского «4». *Киноведческие записки*. 2007. № 81. С. 85–100. [Vasilieva Yu. The memory of genre: grotesque and postmodernism in Ilya Hrzhanovsky's 4. *Kinovedcheskie zapiski*, 2007, (81): 85–100. (In Russ.)]
- Добренко Е., Калинин И. А., Липовецкий М. Н. По(с)ле литературы. «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы, ред. Е. Добренко, И. А. Калинин, М. Н. Липовецкий. М.: НЛО, 2018. С. 5–8. [Dobrenko E., Kalinin I. A., Lipovetsky M. N. (O)the(r) literature. "It's just letters on paper..." Vladimir Sorokin: after literature, eds. Dobrenko E., Kalinin I. A., Lipovetsky M. N. Moscow: NLO, 2018, 5–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zboztv>
- Кузнецова Л. В. Симметрия как композиционный принцип и основа мотивной структуры киносценария Владимира Сорокина к фильму «4». *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков*:

⁹ Все отзывы о фильме «4». Афиша. URL: <https://www.afisha.ru/movie/173484/reviews/> (дата обращения: 06.12.2022).

- направления и течения. 2020. № 1. С. 123–129. [Kuznetsova L. V. Symmetry as a compositional principle and a motiv structure basis in the film script "4" by Vladimir Sorokin. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaia literatura XX–XXI vekov: napravleniia i techeniia*, 2020, (1): 123–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/ufv20-01-09>
- Липовецкий М. Н. Сорокин-троп: карнализация. *Новое литературное обозрение*. 2013. № 2. С. 225–242. [Lipovetsky M. N. Sorokin-trope: carnalization. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2013, (2): 225–242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/roxxsb>
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. 846 с. [Losev A. F. *History of ancient aesthetics. Vol. 2. Sophists. Socrates. Plato*. Moscow: AST, 2000, 846. (In Russ.)]
- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. 3-е изд., испр. и доп. М.: Мол. гвардия, 2005. 391 с. [Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Plato. Aristotle*. 3rd ed. Moscow: Mol. gvardiia, 2005, 391. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwkjox>
- Марусенков М. П. Абсурдопедия русской жизни Владимира: заумь, гротеск и абсурд. СПб.: Алетея, 2012. 301 с. [Marusenko M. P. *Absurdopedia of the Russian life of Vladimir: sophistry, grotesque, and absurdity*. St. Petersburg: Aleteia, 2012, 301. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sugxll>
- Платон. Собрание сочинений. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с. [Plato. *Collected works*. Moscow: Mysl, 1994, vol. 3, 654. (In Russ.)]
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с. [Sartre J.-P. *Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology*. Moscow: Republic, 2000. 639 p. (In Russ.)]
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. *Сумерки богов*, сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344. [Sartre J.-P. *Existentialism is a humanism. Twilight of the gods*, comp. and ed. Yakovleva A. A. Moscow: Politizdat, 1989, 319–344. (In Russ.)]
- Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994. 253 с. [Jung C. G. *On the psychology of Eastern religions and philosophies*. Moscow: Medium, 1994, 253. (In Russ.)]
- Юрченко Т. Г. «Все мои книги – это отношение только с текстом»: о творчестве Владимира Сорокина. Часть 2: поздний Сорокин. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*. 2019. № 4. С. 152–165. [Yurchenko T. G. All my books are about nothing but text: Vladimir Sorokin's oeuvre. Part 2: the late Sorokin. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 7: Literaturovedenie*, 2019, (4): 152–165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uaaxxr>
- Яржембовский С. Смех и грех. *Звезда*. 2001. № 8. [Yarzhembovsky S. To laugh or cry. *Zvezda*, 2001, (8). (In Russ.)] URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2001/8/smezh-i-greh.html> (accessed 6 Dec 2022).
- Uffelmann D. *Vladimir Sorokin's discourses: A companion*. Boston: Academic Studies Press, 2020, 236. <https://doi.org/10.1515/9781644692868>

© 2023. Серенков Ю. С.

Пародия в литературе

оригинальная статья

Пародия в литературе. Опыт культурологического видения феномена

Серенков Юрий Сергеевич

Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк

<https://orcid.org/0000-0001-7677-8837>

juriyy-serenkov@rambler.ru

Поступила в редакцию 26.10.2022. Принята после рецензирования 16.01.2023. Принята в печать 16.01.2023.

Аннотация: В процессе освещения двусторонней проблемы интеграции творческой личности в культурный контекст / суверенности творческой личности предпринята реконструкция обстоятельств, окружающих создание двух признанных литературных шедевров XIX в. (рассказы «Лигейя» и «Без дыхания» Э. А. По) и двух произведений автора, ассоциируемого с популярной жанровой литературой XX в. («Эмиссар» и «Жила-была старушка» Р. Брэдбери). Принимая во внимание растущий интерес к литературной (и иной) пародии как способу социокультурной коммуникации в постинформационную эпоху, конгенитальность двух хронологически удаленных творчеств (как и современный контекст их реализации) впервые рассматривается через призму теории пародии. Поставив задачу проследить, насколько изменили свое положение жанровые механизмы фантастической новеллы со времен европейской литературной готики до эпохи массовой литературы и какую роль при этом играл культурный и социальный контекст Нового Света, автор сводит упомянутые рассказы в две условные пары и демонстрирует скрытые связи между двумя творчествами. Благодаря методам нарративного анализа и литературной компаративистики, пользуясь возможностью прочтения выбранных художественных текстов с позиций теории интертекстуальности, автор обнаруживает в условных парах произведений Э. А. По и Р. Брэдбери множественные уровни латентного присутствия чужих текстов. Работая над «Лигейей», Э. А. По заимствовал жанровые условности английского готического романа, но одновременно пародировал велеречивый повествовательный слог французских романтиков и риторику страха произведений немецкой литературной готики. Р. Брэдбери в рамках одного художественного текста подражал стилю и тематике *экстравагант* Э. А. По и пародировал приемы сюжетосложения и художественный язык своего старшего современника Г. Ф. Лавкрафта и т. д. В итоге можно вести речь об эволюционной схожести поэтики пародирования у изучаемых писателей. На раннем этапе творчества Э. А. По и Р. Брэдбери направляли пародийный смех против злоупотреблений авторов, печатавшихся в художественной периодике. Позже оба писателя приходят к пародийной рецепции уходящего в века литературного наследия, ориентируясь на высокие образцы пародийного мастерства и внося каждый свой вклад в развитие жанра пародии в XIX и XX в. соответственно. Статья приурочена к 10-летию со дня смерти Рэя Брэдбери (1920–2012).

Ключевые слова: культурное наследование, литературная традиция, пародия, Эдгар Аллан По, Рэй Брэдбери, готика, макабр, жанровое мышление

Цитирование: Серенков Ю. С. Пародия в литературе. Опыт культурологического видения феномена. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 577–586. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-577-586>

full article

Parody in Literature: A Culture-Determined View

Yuriy S. Serenkov

Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk

<https://orcid.org/0000-0001-7677-8837>

juriyy-serenkov@rambler.ru

Received 26 Oct 2022. Accepted after peer review 16 Jan 2023. Accepted for publication 16 Jan 2023.

Abstract: The integration of the author into the cultural context is a two-faceted problem. In the post-information age, literary parody is regarded as a way of socio-cultural communication. The article features the congeniality of two chronologically distant works of science fiction against their contemporary context, namely Edgar Allan Poe's *Ligeia* and *Loss of Breath* vs. Ray Bradbury's *Emissary* and *There Was an Old Woman*. This pioneering research is an attempt

to trace how the genre of science-fiction short story changed from the age of European Gothic to the era of mass literature, as well as to define the role of the cultural and social context of the New World in this process. The author reduced the short stories into two conditional pairs to demonstrate the hidden connections between the two sets. The methods of narrative analysis, literary comparison, and the theory of intertextuality revealed a multiple latent presence of other texts. In his *Ligeia*, E. A. Poe borrowed the genre conventions of the English Gothic novel while parodying the grandiloquent style of the French Romantic literature and the rhetoric of fear typical of the German Gothic style. R. Bradbury, in his turn, imitated the style and subject matter of Poe-esque *extravaganzas* while parodying the plot composition and artistic language employed by his older contemporary H. P. Lovecraft. Ultimately, the study revealed the evolutionary similarity of the two poetics of parody. In their early career, both Poe and Bradbury mocked the style of popular magazines. Later, both writers came to the parody of the literary classic and focused on high examples of parody art. Poe and Bradbury contributed to the development of the genre of parody in the XIX and XX centuries, respectively. The article marks the ten-year anniversary of Ray Bradbury's death.

Keywords: cultural heritage, literary tradition, parody, Edgar Allan Poe, Ray Bradbury, Gothic, macabre, genre thinking

Citation: Serenkov Yu. S. Parody in Literature: A Culture-Determined View. *SibScript*, 2023, 25(4): 577–586. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-577-586>

Введение

С целью дальнейшей разработки темы культурного наследования литературных традиций представляется важным и своевременным заострить внимание на исторической специфике интеграции творческой личности писателя в текущий литературный контекст, причинах возникновения симпатий и антипатий у авторов более поздних эпох к творчеством авторов более ранних эпох. Принимая во внимание недоверие многих литературоведов к заявлениям о конгенитальности творчеств хронологически и географически далеких авторов, а также растущий интерес исследовательского сообщества к литературной (и иной) пародии как способу социокультурной коммуникации в постинформационную эпоху, ставится задача рассмотреть через призму теории пародии связь между рядом произведений нашего старшего современника Р. Брэдли и американского романтика Э. А. По. Сопутствующей задачей стал анализ трансформации жанровых общих мест фантастической новеллы, зародившейся в контексте европейской литературной готики, но оставшейся жизнеспособной и востребованной в эпоху массовой литературы. Исходя из гипотезы о том, что произведения Э. А. По были не только способом заставить звучать актуально идеи и голоса великих предшественников (от античных классиков до французских философов XVIII в.), но вместе с тем являлись «кривым зеркалом» мнений и манер окружающих его образованных современников, автор ищет свидетельства схожей писательской стратегии в произведениях Р. Брэдли. Неизбежно конкретные рассказы Э. А. По и Р. Брэдли рассматриваются на фоне довольно широкого литературного контекста – в этом состоит новизна исследования. Следовательно,

тема актуальна в плане исследования форм интертекстуальных связей, которые становятся возможны именно в жанре литературной пародии.

В ходе решения поставленных задач попробуем реконструировать обстоятельства, окружавшие создание двух признанных литературных шедевров XIX в. (рассказы «Лигейя» и «Без дыхания» Э. А. По) и двух произведений автора, ассоциируемого с популярной жанровой литературой XX в. (рассказы «Эмиссар» и «Жила-была старушка» Р. Брэдли).

Теория пародии продолжает вызывать споры. Традиционное определение литературной пародии как комической переделки серьезного художественного произведения, при которой в старую форму вкладывается новое содержание [Бен 1968: 604], допускает резкий разрыв между формой и содержанием. Кроме того, данное определение устанавливает лишь одну функцию пародии – негативную. В то же время оно не касается многих других вопросов, в частности особенностей пародии литературной, ее отличия от политической пародии и комической стилизации. Но не лишены противоречий и более поздние по времени происхождения зарубежные определения пародии. Цитируем одно из них: «Пародия. Исходно – перепев уже существующей песни. Из идеи подобного сопоставления вытекают два основных элемента пародии: комедия и критика. В качестве комедии пародия преувеличивает или искажает примечательные черты стиля или содержания произведения»¹ [Frye et al. 1985: 387]. Далее авторы определения уходят от объяснения, ради чего разыгрывается комедия, и переходят к пояснению второго элемента пародии. Продолжим цитату: «В качестве

¹ Здесь и далее цитаты из англоязычных научных и критических источников даны в переводе автора статьи.

критики пародия передразнивает язык и логику произведения, заимствуя слова или целые фразы, либо характерный ход рассуждений для того, чтобы вывести на передний план как недостатки замысла, так и способ его воплощения» [Frye et al. 1985: 387].

Тем не менее приведенные дефиниции проясняют следующие признаки литературной пародии – ее направленность на литературный оригинал, который становится каким-то образом искажен, и ее терпимость к симбиозу критики и искусства. Существует и обоснованное мнение, что пародия – художественное произведение, в котором пародируемый оригинал оценивается с помощью его собственных средств [Яковлева 1981: 25]. Но какие именно средства заимствует пародист из оригинала? Ю. Н. Тынянов считал, что пародируется стиль произведения [Тынянов 1977: 199]. Но стиль можно понимать как чисто языковое явление, а можно понимать и гораздо шире – как «темы, образы, композицию произведения, его художественное содержание, воплощенное словесными средствами, но не исчерпывающееся словами» [Жирмунский 1961: 29], поэтому установление факта пародирования требует пристального и многоуровневого изучения как текста пародируемого произведения, так и произведения, задуманного стать «кривым зеркалом» хронологически предшествующего оригинала.

Сложность заключается и в том, что почти вся теория пародии иллюстрируется примерами из поэзии, тогда как в нашем случае речь идет о прозе. Проза – более идеологична, социальна: любого рода новации в ней касаются содержания прежде, чем формы. Авторское Я заслонено эпическим повествованием, прячется в глубинах лексики и синтаксиса. Поэтому количество прозаических пародий во все времена было во много раз меньше, чем пародий стихотворных. Первые читаются с большим интеллектуальным и творческим усилием, поскольку, повторимся, механизм узнавания оригинала достаточно сложен, тип комизма – иной.

И все же опознание в прозаической пародии возможно именно потому, что она, как правило, существует в пограничных областях литературы и культуры; пародируемое произведение (или целый жанр) может быть только предлогом для высказывания по поводу того или иного культурного, либо социального явления. И связь между пародируемым и пародирующим текстами подчас восстановима именно благодаря внелитературным свидетельствам. Именно в таком русле понимания пародии создавались исследования в последние десятилетия. Указывая на амбивалентность границ жанра пародии,

ее постоянное развитие и формально-содержательные модификации, Г. И. Лушникова намечает путь эволюции пародии «от формы критики предшествующих авторов и литературных направлений к форме литературной игры, шутки и далее к основополагающей позиции в художественном осмыслении действительности, к самокритике современных авторов» [Лушникова 2010: 10–11]. Л. Прокопович, автор монографии о роли пародии в системе социокультурной коммуникации, приходит к выводу о литературной пародии как форме творческой дискуссии, сотворчества, межкультурного диалога [Прокопович 2017]. Е. Н. Шапинская и А. В. Денисов анализируют исторические формы актуализации пародии в литературе и музыке, ставя вопросы о статусе пародии в постнеклассическую эпоху, когда связь с текстом-первоисточником нередко утрачена [Шапинская, Денисов 2015]. Современные теории литературы, ведущие университетский курс и ориентирующие свои работы на читателя, только овладевающего азами литературоведческого знания, не ограничиваются представлением исторически сложившихся разновидностей пародии (травестия, бурлеск, «перепев») и их взаимодействия с другими жанрами, но делают акцент на обусловленности исторических разновидностей пародии жизненным и общественным контекстами [Новиков 2019].

Жизненный и общественный контексты приоритетны и в ряде зарубежных исследований пародии. Социолог Дж. Патрик Уильямс анализирует возможности пародии как инструмента фиксации блогерами внимания аудитории на контенте, аутентификации и монетизации своей идентичности в социальных сетях, построению и развитию отношений блогеров с коммерческими и культурными отраслями, официальным дискурсом эпохи [Williams 2021]. Л. Боксман-Шабтай пишет о распространении пародии в культурной среде, сложившейся в сетевом пространстве благодаря воле к участию, партиципации; исследователь иллюстрирует свой тезис о потенциале «пассионарного» культурного производства в рамках сетевого хостинга YouTube материалами интервью с 22 ютуберами, ставшими авторами музыкальных пародий с самым высоким рейтингом [Boxman-Shabtai 2019]. Румынская исследовательница К. Кушнер рассматривает пародию как орудие быстрой и эффективной деконструкции господствующего общественного дискурса, иллюстрируя свой тезис материалами сатирической прессы в Румынии и Франции, а также контентом со страницы Facebook², носящей

² Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

название «Думнезеу» (Bor) [Cuşnir 2017]. В более академически оформленном исследовании К. Синклер рассматривается важность контекста, роль бахтинского понятия двухголосого дискурса в понимании пародии; К. Синклер видит процедуру игры в создании словесной пародии на определенные сетевые жанры (например, фейковые новости) как значимый ресурс для обучения медиаграмотности [Sinclair 2020].

Учитывая все сказанное, но следуя ходу своих рассуждений, мы обнаруживаем признаки пародирования конкретных произведений американского романтика Э. А. По в творчестве писателя XX–XXI вв. Р. Брэдли – опять же, указывая на конкретные рассказы последнего. При этом предположим, что как Э. А. По, так и Р. Брэдли прибегают к возможностям, открываемым литературной формой пародии, для того, чтобы высказаться по поводу волновавших их – каждого в свою эпоху – явлений культурного и социального порядка.

Методы и материалы

Изучение оригинальных прозаических текстов с позиций теории жанровой структуры рассказа [Кудрина 2003] позволило увидеть, что и Э. А. По в XIX в., и Р. Брэдли более века спустя были склонны к эксперименту со структурой жанра. Благодаря методам нарративного анализа и литературной компаративистики, пользуясь возможностью прочтения выбранных художественных текстов с позиций теории интертекстуальности, удалось обнаружить в произведениях Э. А. По и Р. Брэдли, сведенных в условные пары, множественные уровни латентного присутствия чужих текстов.

Реминисценции Э. А. По в некоторых рассказах Р. Брэдли («Изгнанники», «Ашер II») очевидны. Р. Брэдли тем не менее скептически относился к замечаниям критиков о типологической близости его фантастической прозы прозе Э. А. По. Одному из критиков он сказал: «Да, я много имитировал Э. А. По в юности и всегда с ужасным результатом: там, где у Э. А. По было две фигуры в шафрановом одеянии, у меня их было шесть» [Mogen 1986: 31]. Поэтика композиции у Р. Брэдли действительно носит следы влияния Э. А. По, но, как представляется, не определяет взглядов Р. Брэдли на сюжетосложение. Вот что сами Э. А. По и Р. Брэдли писали по этому поводу:

Э. А. По: «Если уже первая деталь не содействует достижению единого эффекта, значит, писатель с самого начала потерпел неудачу. Во всем произведении не должно быть ни единого слова, которое прямо или косвенно не вело бы к единой задуманной цели» [По 1977: 124].

Р. Брэдли: «<становление рассказчика подобно мастерству лучника,> а в искусстве стрельбы из лука, годы и годы должны пройти, прежде чем научишься простому действию – вкладывать стрелу в прорезь. Затем – всегда щекочущий нервы и даже мучительный процесс, когда готовишься отпустить тетиву и выпустить стрелу. Но правильно пущенная стрела сама должна достичь цели, которую лучник никогда не может предугадать»³.

Тем не менее образ творчества Э. А. По проник в глубинную тектонику ряда произведений Р. Брэдли, добавил им романтический колорит и сделал их привлекательными для многомерной целевой аудитории, от любителей популярной фантастической и детективной прозы до университетских профессоров-гуманитариев. Попробуем проникнуть в эти тектонические глубины.

Начиная с общих мест популярного готического материала (убийства, дүхи, безумцы), Э. А. По далее выстраивал детективную историю, психологическое исследование, мистификацию или научную фантастику в зависимости от того, что он устанавливал в качестве экстралитературной рамки: здравый смысл, обман восприятия, чей-то неправдоподобный рассказ или технический трюк.

Создавая некоторые из своих рассказов в середине XX в., схожим образом поступает и Р. Брэдли. Начиная повествование так, что в нем угадываются конвенциональные элементы «темной» фэнтези: животное в качестве посредника между миром живых и мертвых (рассказ «Эмиссар»), ведьма (рассказ «Выпей до дна: против безумия толпы»), призрак умершей старой девы (рассказ «Жила-была старушка»), Р. Брэдли далее вводит реалистичные сюжетные мотивы (ведьма оказывается красавицей-женщиной и становится женой соперника главного персонажа новеллы, старая дева находится в состоянии клинической смерти, но ее удается спасти и т. д.). Становится очевидным своего рода подшучивание над читателем, купившимся на эффектное фантастическое начало. Подшучивание, в свою очередь, снимает вопрос о здравом смысле, причудах восприятия, чьем-то неправдоподобном рассказе или технократии. Играя с читательским восприятием, Р. Брэдли тем не менее остается собой – минимум бравады, тень печального созерцания-раздумья, названного одним чутким критиком *reverie* (reverie) [Toupronce 1984].

Известно, что комическая стихия занимала немалое место в творчестве Э. А. По, выражаясь и в пародировании. Критики писали о том, что для раннего Э. А. По «пародирование – форма отталкивания

³ Bradbury R. Zen and the Art of Writing and the Joy of Writing. Santa Barbara: Capra Press, 1973. P. 67.

от литературных канонов традиционного романтизма» [Николюкин 1970: 717], им пародировалась «немецкая литература призраков и привидений <...>, английский романтизм с его байроническими аксессуарами <...>, велеречивость и напряженность действия французского романтизма» [Николюкин 1970: 717]. Для нас же обращение к Э. А. По, и Р. Брэдбери к пародированию концептуально важно, т. к. в разговоре о пародии (как и сатире) актуален вопрос о влиянии культурного и социального окружения на писательское творчество. В ходе нашего исследования были рассмотрены «Рассказы Фолио-клуба» (1830-е гг.) и ряд более поздних юмористических и фантастических новелл Э. А. По. Из рассказов Р. Брэдбери рассматривались те, которые составили англоязычный сборник «Осенняя страна» (*The October Country*, 1-е изд., 1956 г.). Были найдены две условных пары произведений Э. А. По и Р. Брэдбери, которые перекликались мотивами, образами и философскими идеями, и высказано предположение, что в случае каждой из условных пар может идти речь о пародии: «Лигейя» (Э. А. По) и «Эмиссар» (Р. Брэдбери); «Без дыхания» (Э. А. По) и «Жила-была старушка» (Р. Брэдбери).

Результаты

«Лигейя» (1838) – одна из самых сложных новелл Э. А. По. Обращаясь к исследованиям филолога-американиста А. Н. Николюкина, мы узнаем, что «художественное решение темы в этом повествовании неоднозначно, так что критики с одинаковой убедительностью относят его к жанру историй кошмара и ужаса или к пародии на ужасы и кошмары готического романа и его последователей среди английских романтиков» [Николюкин 1970: 719].

Мы постараемся эксплицировать пародийные моменты новеллы, обратившись к образу «самопоглощенного» рассказчика (новелла написана от первого лица). Действительно, при чтении новеллы создается впечатление, что рассказчик в «Лигейе» в большей мере сосредоточен на том, что происходит в его сознании в ходе попытки выразить словами переживаемые им сострадание и ужас. Сам процесс повествования призван дополнить образ возлюбленной, т. к. описание не способно достоверно передать красоту Лигейи.

Разделим новеллу мысленно на две части. В первой части рассказчик показан в поисках Лигейи среди своих воспоминаний, которым он задает направленность и порядок посредством говорения с самим

собой. Высказывания вслух служат катализатором для работы памяти, помогают появиться образу Лигейи в воображении рассказчика:

Ligeia! Ligeia! Buried in studies of a nature more than all else adapted to deaden impressions of the outward world, it is by that sweet word alone – by Ligeia – that I bring before mine eyes in fancy the image of her, who is no more. And now, while I write, a recollection flashes upon me (р. 134)⁴ – Лигейя! Лигейя! Поглощенный занятиями, более прочих мертвящими впечатлениями внешнего мира, одним лишь этим милым именем – Лигейя – я вызываю пред взором моего воображения образ той, кого более нет⁵.

Вторая же часть становится своего рода иллюстрацией, содержащей отчет о более или менее конкретных обстоятельствах того, что происходило в сознании рассказчика в первой части, причем иллюстрацией, не играющей особо важной роли. Обратимся к тексту за подтверждением этой мысли. Новелла начинается с названия имени Лигейи, которое немедленно сопровождается уже приведенным выше сознательным заявлением рассказчика: *while I write, a recollection flashes upon me* (р. 134).

В середине новеллы рассказчик начинает привлекать внимание к самому акту рассказывания, при этом считаясь с тем, что действительно произошло с Лигейей. Вспоминая отчаянное тяготение умирающей Лигейи к жизни, он говорит:

I have no power to portray – no utterance, capable of expressing (р. 143) – я не в силах живописать, не способен выразить.

Далее, лишь касаясь вида английского аббатства, рассказчик спешит дальше, говоря:

I must not pause to detail (р. 146) – Но не буду задерживаться на перечислении всех нелепостей.

И другие его воспоминания, связанные с тем местом, очень отчетливы:

that are not visibly before me (р. 146) – «Нет такой мельчайшей подробности в зодчестве и убранстве того брачного покоя,> что ныне не представляла бы зримо предо мною.

⁴ Poe E. A. *The Works of Edgar Allan Poe*. Vol. 7: Tales / Fantasy and Extravaganza. NY-L.: Funk and Wagnalls, 1913. 213 p. Здесь и далее по тексту в скобках указана страница, на которой расположена цитата.

⁵ Приведен перевод В. Рогова. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/lit/text/2215/59996/Poe/ligeiya.htm> (дата обращения: 16.09.2022).

Некоторое время спустя рассказчик напоминает:

I have said that I minutely remember the details of the chamber (p. 146) – Я сказал, что в точности помню любую мелочь покоя.

С третьего по последний абзац рассказчик многократно просит читателя быть внимательным к самому процессу рассказывания. Абзац начинается со слов:

And again I sunk into vision of Ligeia – and again, (what marvel that I shudder as I write) again there reached my ears... (p. 155) – И вновь погрузился я в грезы о Лигейе, и вновь (удивительно ли, что я дрожу, пока пишу все это?), вновь до ушей моих донеслось <тихое рыдание со стороны эбенового ложа>.

А заканчивается словами *let me hurry to conclusion* (p. 156) – Нет, поспешу к развязке.

«Самопоглощенный» рассказчик в конечном счете превращает воскрешение Лигейи в своего рода нарративное событие. Его повествование, сам акт повествования становится предметом всей истории, а это придает новелле отчасти пародийное звучание. Зная о склонности Э. А. По к автопародии, которая близка к романтической иронии, тоже индивидуалистичной по своей сути, возникающей, когда герой рефлексировал, когда его сознание как бы раздвоено между идеалом и реальностью, можно предположить, что в новелле присутствуют оба элемента – мистический и пародийный, настолько органично слитые, что позже это дало автору основание считать «Лигейю» своим лучшим произведением.

Рассказ Р. Брэдли «Эмиссар» переключается с «Лигейей» мотивом жизни в мертвом теле, во многом повторяет сюжет «Лигейи», являя столь характерную для ряда новелл Э. А. По элегическую атмосферу. Погибла во время автомобильной аварии любимая учительница героя новеллы. Живя в мире, окутанном октябрьской дымкой, которая делает все окружающее размытым, полуреальным, Мартин – подросток-инвалид – разговаривает об умершей мисс Хэйет только со своей собакой. И вот однажды пес исчезает и возвращается вскоре, роняя совершенно особую грязь со своих лап, комки земли, пахнувшей тленом. Через несколько минут на крыльце дома слышны странные шаги и скрипит открывающаяся дверь...

На первый взгляд, очень трудно увидеть пародию в этой новелле, это типичный рассказ «макаберного»

раннего Р. Брэдли – «поэтический, вызывающий воспоминания, сознательно символический, с сильным элементом ностальгии и стремлением к жуткому» [The Science Fiction Encyclopaedia 1979: 85]. С другой стороны, «Эмиссар» напоминает новеллы Г. Ф. Лавкрафта (1890–1937), из числа тех, что вошли в посмертную компиляцию «Скиталец тьмы» (*The Haunter of the Dark*, 1963). Творчество этого американского писателя, ставшее известным в России лишь в начале 1990-х гг., «навевало воспоминания о По» [Zool 1989: 85]. У Г. Ф. Лавкрафта тоже присутствовала барочная атмосфера, чувство парализующей неизбежности и отчаяния, принципиальная установка на бессилие героев изменить свою участь. Проза Г. Ф. Лавкрафта «чудовищно изобиловала прилагательными» [Zool 1989: 85].

Отзвуки этого стиля, возможно, слышатся, например, в предложении в рассказе «Эмиссар»⁶:

A stinking and rancid soil fell away in disgusting clods of dissolution from Dog's hairy muzzle and paws (p. 111)⁷ – Запах чужой земли и темной ночи, запах земных недр и того, что схоронено в них и уже тронут тленом? Лапы и нос пса были в чужой земле, пахнувшей чем-то резким, незнакомым и пугающим⁸.

Об очевидном знакомстве Р. Брэдли с творчеством американского короля «черной фэнтези» пишет Б. Эттебери, анализируя его ранние рассказы, позже вошедшие в сборник «Маленький убийца» (*The Small Assassin*, 1947). Критик замечает, что «по контрасту с древними таинствами и зловещими культами у Лавкрафта, Брэдли более заинтересован в видении темной стороны у хорошо знакомых вещей: в песчаном замке, или кукле, или грязи на лапах собаки» [Attebery 1980: 135].

Поместив рассказ «Эмиссар» в свой второй по счету «готический» сборник, Р. Брэдли, очевидно, подводил определенные итоги той линии своего творчества, у истоков которого были самые ранние опыты в жанре хоррор – рассказы «Маленький убийца», «Толпа», «Озеро», ставшие сегодня признанной классикой Р. Брэдли. И, возможно, уже не без элемента пародийной авто-рефлексии, доводя свой «задыхающийся» стиль до апогея в этих предложениях:

He had dug deep. He had dug very deep indeed. That was it, wasn't it? wasn't it? wasn't it! (p. 111) – Пес, должно быть, опять рыл землю и рыл глубоко-глубоко... Нет, этого не может быть! Только не это!

⁶ Название рассказа в переводе Т. Шинкарь – «Гонец».

⁷ Bradbury R. The October Country. NY: Ballantine Books, 1956. VII+311 p.

⁸ Приведен перевод Т. Шинкарь. URL: <https://raybradbury.ru/library/story/47/7/1/> (дата обращения: 16.09.2022).

О «задыхающемся» языке рассказов раннего Р. Брэдли было замечено критиком, одним из первых отреагировавших на его раннее творчество. Речь о Г. Хаизте, написавшем предисловие к сборнику «Марочный Брэдли» [Highet 1965: VI].

Таким образом, мы делаем вывод о схожести структурной модели новелл проанализированной условной пары. И в «Лигейе», и в «Эмиссаре» присутствуют:

- 1) уровень пародируемого жанра, т. е. того жанра, который ненамного предшествовал творчеству Э. А. По (немецкий «страшный рассказ» и английский готический роман), с одной стороны, и творчеству Р. Брэдли (лавкрафтианские образцы «литературы ужаса» довоенного периода) – с другой;
- 2) жанровый уровень существующего литературного направления (это романтическая новелла у Э. А. По и фантастический рассказ у Р. Брэдли);
- 3) уровень художественной авторефлексии, который и придает обеим новеллам дополнительную пародийную окраску.

Ярко выраженное смеховое начало в духе «менипповой сатиры» прослеживается во второй условной паре новелл: «Без дыхания» (*Loss of Breath*) Э. А. По и «Жила-была старушка» (*There Was an Old Woman*) Р. Брэдли. В примечании к новелле «Без дыхания» в «Полном собрании рассказов» Э. А. По сказано, что новелла «была написана как сатирическая пародия на рассказы, печатавшиеся в журнале Блэквуда»⁹. Соглашаясь с тем, что в новелле присутствуют все черты пародии на жанр экстраваганцы, мы хотим обратить внимание на особый характер интриги в новелле, на некоторую ее театральность. Не напрасно герой новеллы, потеряв дыхание, пытается скрыть это обстоятельство особой спазматической манерой произнесения якобы разучиваемых монологов из трагедий.

Писатель и общественный деятель Джон Пендлтон Кеннеди, старший современник Э. А. По, который одним из первых обратил внимание на комизм некоторых его «страшных» рассказов, советовал Э. А. По написать «несколько фарсов в манере французских водевилей» (*some farces after the manner of the French vaudevilles* [Kennedy 1902: VII]). Водевилей как таковых Э. А. По не написал, но водевильность прослеживается в ряде его новелл из числа тех, что должны были войти в не вышедший своевременно том «Рассказов Фолио-Клуба» и составившие позже особую группу в «Гротесках и арабесках». Поведение героев новелл

«Четыре зверя в одном», «Очки», «Человек, которого использовали», «Без дыхания» производит комический эффект механичностью, доведенной до уровня фарса. Молодой герой новеллы «Очки» одержим «механическим» желанием жениться на своей избраннице и делает это по инерции даже когда узнает, что ей около 90 лет. Мистер Духвон из рассказа «Без дыхания» всеми своими действиями напоминает большую куклу с ограниченно подвижными суставами и т. д.

Французский философ А. Бергсон, занимаясь проблемой смешного, описал в трактате «Смех» приемы французского водевиля; А. Бергсон обратил внимание на то, что «интерференция рядов, инверсия или повторение» в этом драматургическом жанре имели своей целью «получить то, что мы называем механизацией жизни» [Бергсон 1992: 66]. Говоря, что «нить, связывающая водевиль с действительностью жизни, очень хрупка», философ заключал, что водевиль – «очень искусное преувеличение известной косности вещей» [Бергсон 1992: 67]. Не удивительно, что Э. А. По включил в пародийное пространство новеллы «Без дыхания»¹⁰ элементы водевиля, чтобы подчеркнуть хрупкость нити, связывающей блэквудские «экстраваганцы» с действительной жизнью. Водевильность в новелле дает о себе знать через схему развития сюжета. А. Бергсон сводил «комическую прогрессию» типичного водевиля к следующей схеме: «маскировка», «действие, совершаемое в замаскированном виде», «ошибка» и связанные с ней действия, «прояснение» ситуации и – «результат» (глава «Комические положения и комические речи»). Попробуем привести к этой схеме сюжет новеллы «Без дыхания»:

Маскировка: Мистер Духвон маскирует свою бездыханность особым способом говорить – безголосый, он манерно артикулирует слова трагических монологов, сообщив жене, что увлекся сценой: *suddenly smitten with passion for the stage* (p. 185)¹¹.

Действие: Мистер Духвон отправляется за границу в дилижансе.

Ошибка 1: Попутчики по ошибке принимают м-ра Духвона за мертвеца, которого им подкинули люди, желающие уйти от ответственности за совершенное преступление: *a dead man... palmed upon us during the night for a living and responsible fellow-traveller* (p. 187).

Прояснение 1: Начав анатомирование м-ра Духвона, хирург, купивший его «труп», наблюдает признаки жизни.

Ошибка 2: Выпрыгнувший из клозета в кабинете хирурга м-р Духвон принят за преступника и повешен.

⁹ По Э. А. Полное собрание рассказов. М.: Наука, 1970. С. 733.

¹⁰ Рое Е. А. *Loss of Breath*. В переводе М. И. Беккер – «Без дыхания». URL: <http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=7.&tale=t4> (дата обращения: 16.09.2022).

¹¹ Poe E. A. *The Works of Edgar Allan Poe*. Vol. 8: *Tales / Humor*. NY-L.: Funk and Wagnalls, 1913. 170 p.

Прояснение 2: Схвачен и опознан настоящий преступник.

Результат: Появление «воскресших» м-ра Духвона и м-ра Вовесьдуха дает толчок общественной мысли (дискуссия на страницах газеты вигов). М-р Духвон утверждает в мысли, что необходимо заниматься философией, ибо она «заражает бодростью духа».

Обращает на себя внимание повторение фаз *ошибка – прояснение*: это повторение становится «пружиной» сюжета, срабатывающей по принципу «чертика в табакерке», что добавляет комический эффект новелле в целом. Влиятельный критик А. Тейт писал, что «в истории морального воображения XIX века ни один писатель в Англии или Соединенных Штатах... не продвинулся столь далеко (*прим. автора*: как продвинулся По) в предчувствии грядущей гуманизации человека» [Tate 1953: 89]. Действительно, комизм подобных новелл Э. А. По – это не только комизм шарад, разыгрываемых марионетками. Возможен и такой культурологический подтекст: через смешную нелепость персонажей Э. А. По уже видится нелепая и ужасная сцена гибели матери Терезы в неоконченном романе Ф. Кафки «Америка», уже просматривается будущее манекенообразие киногероев Чаплина и, наконец, образы «людей-помех» в классических европейских антиутопиях XX в.

Фантастическая фамиллярность, с которой окружающие обращаются с лишившимся дыхания м-ром Духвоном, подхвачена в аналогичной манере менипповой сатиры Р. Брэдли в новелле «Жила-была старушка». Ругань героини по имени Тильди перекликается с гневными филиппиками печей м-ра Духвона:

Tell you what. I'm settin' here for the next two hundred years. You listenin'? And every time any of your customers come by, I'll spit ectoplasm right squirt up their nostrils (p. 151)¹² – Что я вам скажу. Я буду здесь сидеть все две сотни лет. И как только кто-нибудь подойдет близко – плеваться эктоплазмой прямо ему в левую ноздрю!¹³

И в той, в другой новелле – говорящие имена персонажей (Mr. Lackobreath и Mr. Windenough у Э. А. По и Mr. Blood'n'Bones и Mr. Cut-'em-up у Р. Брэдли). Наконец, сюжет новеллы вполне отвечает бергсонизанской комической прогрессии водовильного фарса.

Действие: Дух умершей тетушки Тильди отправляется в морг, куда санитары только что увезли ее тело;

дух едет пассажиром в машине, за рулем которой находится напуганная до полусмерти внучатая племянница покойной по имени Эмили.

Ошибка 1: Работники морга принимают агрессивно ведущий себя дух тетушки Тильди за сестру-близнеца доставленной в морг покойной и пытаются выставить ее из анатомического кабинета:

The mortician opened the wicker lid casually. Then, in a recurrent series of scrutinies he realized the body inside was... it seemed... could it be? ...maybe... yes... no... no... it just couldn't be, but... (p. 149) – Санитар небрежно откинул крышку корзины. Вглядевшись раз, другой, третий, он понял, что тело внутри – это... кажется... да возможно ли?... похоже... да... нет... пожалуй... не может такого быть, но...

Прояснение 1: Санитары, как и подоспевший заведующий морга, осознают, что гневное существо, препятствующее проведению стандартных анатомических процедур с телом покойной, не человек – дух тетушки Тильди невозможно схватить, выставить из помещения и т. д.

Ошибка 2: Приняв реальность того, что имеют дело с привидением, сотрудники морга тем не менее скептически относятся к возможности возвращения духа тетушки Тильди в тело; патологоанатом делает первый разрез на теле покойной.

Прояснение 2: Упрямый дух не сдаётся, он с большим трудом проникает в остывшее тело, тело оживает; происходящее меняет хрестоматийное представление о необратимости состояния клинической смерти, в котором человек находился не один час:

She was two drops of matter fusing, water trying to seep into concrete. Slow to do. Hard. Like a butterfly trying to squirm back into a discarded husk of flinty chrysalis! (p. 153) – Словно сливаются две капли жидкости. Вода пытается просочиться в дорожное покрытие. Дело не быстрое. Трудное. Словно бабочка старается втиснуться обратно в брошенную сухую оболочку куколки!

Результат: Возвращение тетушки Тильди в собственный дом, на двери которой уже висит траурный венок, становится городской сенсацией; интерес окружающих к ее персоне помогает тетушке Тильди поправить дела в ее маленьком бизнесе и т. д.

¹² Bradbury R. The October Country. NY: Ballantine Books, 1956.

¹³ Приведен перевод Р. Облонской. URL: <https://raybradbury.ru/library/story/44/7/1/> (дата обращения: 16.09.2022).

Следует отметить, что Р. Брэдли – в отличие от Э. А. По – выстраивает центральный образ рассказа с большой любовью и сочувствием. В тихой жизни старой девы, содержащей антикварную лавку и отказывающейся умирать, автор прозревает тихую прелесть в духе рассказов К. Мэнсфилд и особую, глубокую мудрость. Преодоление тетушкой Тильди собственной физической смерти становится метафорой, которая разворачивается во многих более поздних произведениях Р. Брэдли.

Заключение

Отдав должное своим великим предшественникам, создавшим в мировой литературе школу пародийного искусства (которая далеко не исчерпывается влиянием Э. А. По), Р. Брэдли, в силу специфики преломления традиции в своем творчестве, приходит к созданию пародийных рассказов, которые характеризуют определенная симпатия по отношению к пародируемому произведению или жанру, а также элемент интеллектуальной игры, импровизации: Р. Брэдли, пародируя, пытается осмыслить в образно-диалогической форме чужую художественную систему. В глубинах подобных произведений всегда присутствует печально-задумчивое Я автора, что добавляет особый колорит пародированию.

Эти черты наиболее выражены в новелле «Жила-была старушка», но присутствуют в снятом виде в существенно большей части произведений Р. Брэдли-прозаика.

Попутно мы приходим к выводу о диалогичности поэтики пародирования в творчестве Э. А. По и Р. Брэдли. На раннем этапе они оба направляли свой пародийный смех против жанровых злоупотреблений авторов

журнальных небылиц. Для Э. А. По это экстраваганцы из журнала Блэквуд, для Р. Брэдли – лафкрафтианские рассказы ужаса и научная фантастика в традиции журналов, печатавшихся на серой пульповой бумаге. Позже оба писателя приходят к пародийной рецепции уходящего в века литературного наследия, ориентируясь на высокие образцы пародийного мастерства и внося, каждый по мере своих возможностей, свой вклад в развитие жанра пародии в XIX и XX в. соответственно.

Мы считаем, что признаками влияния творчества Э. А. По на творчество Р. Брэдли являются в первую очередь:

- зрелая философская перспектива творчества Р. Брэдли, которая во многом берет начало в «моральном воображении» великого романтического предшественника писателя, а также в обостренной творческой интуиции Р. Брэдли. «Выпускник библиотек» Р. Брэдли (как он любил представлять себя в академическом мире), так же как и Э. А. По, не закончивший университета, «пишет лучше, когда не думает» (*writes better than he knows* [Critical Essays... 1987: 299]);
- обоюдная тонкость писательского инструментария для преобразования жанрового канона – пародия в их творчестве не равняется деконструкции жанра.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бен Е. Пародия. *Краткая литературная энциклопедия*, гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1968. Т. 5: Мурари-Припев. С. 603–607. [Ben E. Parody. *Brief literary encyclopedia*, ed. Surkov A. A. Moscow: Sov. Entsikl., 1968, vol. 5: Murari-Priev, 603–607. (In Russ.)]
- Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 128 с. [Bergson A. *Laughter*. Moscow: Iskusstvo, 1992, 128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/szfcrr>
- Жирмунский В. М. Стихотворения Гёте и Байрона «Ты знаешь край?...». *Стилистика художественной литературы*: межвуз. науч.-практ. конф. (Москва, 19–21 сентября 1961 г.) М.: МГУ, 1961. Вып. 1. С. 24–35. [Zhirmunsky V. M. Poems by Goethe and Byron Thou knowest the land? *Style in fiction*: Proc. Interuniv. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 19–21 Sep 1961. Moscow: MSU, 1961, iss. 1, 24–35. (In Russ.)]
- Кудрина М. В. Жанровая структура рассказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 19 с. [Kudrina M. V. *Genre structure of short story*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2003, 19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/njqeqv>
- Лушникова Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 45 с. [Lushnikova G. I. *Cognitive and linguo-stylistic features of literary parody*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2010, 45. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qgrult>
- Николюкин А. Н. Жизнь и творчество Э. А. По. In: По Э. А. *Полное собрание рассказов*. М.: Наука, 1970. С. 692–728. [Nikolyukin A. N. Life and work of E. A. Poe. In: Poe E. A. *The complete tales and short stories*. Moscow: Nauka, 1970, 692–728. (In Russ.)]

- Новиков В. И. Литературная пародия. М.: Фак. журн. МГУ, 2019. 36 с. [Novikov V. I. *Literary parody*. Moscow: Faculty of Journalism of MSU, 2019, 36. (In Russ.)]
- По Э. А. Новеллистика Натаниела Готорна. *Эстетика американского романтизма*, ред. и сост. А. Н. Николыкин. М.: Искусство, 1977. С. 122–131. [Poe E. A. Novelist Nathaniel Hawthorne. *The aesthetics of American romanticism*, ed. and comp. Nikol'yukin A. N. Moscow: Iskusstvo, 1977, 122–131. (In Russ.)]
- Прокопович Л. Литературные пародии в системе социокультурной коммуникации: теория и практика. Одесса: Феникс, 2017. 87 с. [Prokopyovich L. *Literary parodies in the system of sociocultural communication: theory and practice*. Odessa: Feniks, 2017, 87. (In Russ.)]
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 575 с. [Tynyanov Yu. N. *Poetics. Literary History. Cinema*. Moscow: Nauka, 1977, 575. (In Russ.)]
- Шапинская Е. Н., Денисов А. В. Пародия как культурный феномен: два взгляда на один предмет. *Культура культуры*. 2015. № 4. [Shapinskaya E. N., Denisov A. V. Parody as a cultural phenomenon: two views on one subject. *Culture of culture*, 2015, (4). (In Russ.)] URL: <http://cult-cult.ru/parody-as-a-cultural-phenomemon-two-views-on-one-subject/> (accessed 10 Oct 2022). <https://www.elibrary.ru/uiucsl>
- Яковлева Г. В. Английская литературная пародия начала XIX века и проблема жанра. *Филологические науки*. 1981. № 4. С. 25–29. [Yakovleva G. V. Early XVIII century English literary parody and the genre issue. *Filologicheskie nauki*, 1981, (4): 25–29. (In Russ.)]
- Attebery B. *Fantasy Tradition in American Literature: from Irving to Le Guin*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980, 224.
- Boxman-Shabtai L. The practice of parodying: YouTube as a hybrid field of cultural production. *Media, Culture & Society*, 2019, 41(1): 3–20. <https://doi.org/10.1177/0163443718772180>
- Critical Essays on Edgar Allan Poe (Critical Essays on American Literature)*, ed. Carlson E. W. Boston: Perennial, 1987, 302.
- Cuşnir C. Parody and humor challenging the mainstream Religion discourse on Facebook. *Romanian Journal of Journalism and Communication*, 2017, XII(4): 42–47.
- Frye N., Baker S., Perkins G. *The Harper Handbook to Literature*. NY: HarperCollins, 1985, 453.
- Hight G. Introduction. In: Bradbury R. *The Vintage Bradbury*. NY: Alfred A. Knopf Inc., cop. 1965, I–VII.
- Kennedy J. P. Introduction to the Volume. In: Poe E. A. *The Complete Works of E. A. Poe*. NY: Charles Scribner's Sons, 1902, vol. XVIII, I–X.
- Mogen D. *Ray Bradbury*. Boston: Twayne, 1986, 186.
- Sinclair C. Parody: Fake news, regeneration and education. *Postdigital Science and Education*, 2020, 2: 61–77. <https://doi.org/10.1007/s42438-019-00054-x>
- Tate A. *The Forlorn Angel*. Chicago: Simon and Schuster, 1953, 131.
- The Science Fiction Encyclopaedia*, ed. Nicholls P. NY: Doubleday, 1979, 310.
- Touponce W. F. *Ray Bradbury and the Poetics of Reverie: Fantasy, Science Fiction and the Reader*. Ann Arbor (Mich.): UMI Research Press, 1984, VIII+131.
- Williams J. P. "Honestly, you just have to be famous!" Parody and the art of identity authentication in Singapore's social media influencer culture. *Studies on the Social Construction of Identity and Authenticity*, eds. Williams J. P., Schwarz C. K. L.: Routledge, 2021, 127–142.
- Zool M. H. *Good Reading Guide to SF and Fantasy*. L.: Bloomsbury, 1989, 223.

© 2023. Синегубова К. В.

Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент»

оригинальная статья

Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент»

Синегубова Капиталина Валерьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Scopus Author ID: 57395770500

sinegubova@nextmail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2023. Принята после рецензирования 20.06.2023. Принята в печать 05.07.2023.

Аннотация: Рассмотрен один из мотивов, выполняющих структурообразующую функцию в романе «Адвент» (опубликован в 2021 г.) современного отечественного автора Ксении Букши. Цель – изучить мотив смеха и связанную с ним проблематику в романе К. Букши «Адвент». Будучи вынесенным в ретроспективную часть романа, отделенную графически от основной ткани повествования, мотив смеха как будто не связан с событийным рядом. Но фактически именно благодаря мотиву смеха в романе возникает целый ряд дополнительных сюжетных линий. Методологической основой работы является теория мотива, разработанная И. В. Силантьевым, в рамках которой мотив рассматривается как часть нарратива. Вариативность, свойственная мотиву в литературном произведении, в данном случае дополняется вариативностью смеха в философском и культурологическом смыслах. Для понимания семантики мотива смеха в данной статье мы обращаемся к работам С. С. Аверинцева, Л. В. Карасева, М. Т. Рюминой, в которых рассматривается феномен смеха. В ходе анализа романа было выявлено, что смех у К. Букши крайне редко связан с категорией комического и практически никогда не сопутствует осмеянию того или иного явления. Смех почти всегда является произвольным и немотивированным и связан с истинным, мнимым или невозможным освобождением героев от вечного повторения и дурной бесконечности, причем речь может идти как о жизни в целом, так и об отдельных ее периодах, угнетающих человека. Подобные моменты переживают не только главные герои, но и эпизодические персонажи, что свидетельствует об универсальности смеха как знака кризиса. Таким образом, осмысление мотива смеха в романе «Адвент» может стать базой для осмысления философской и онтологической проблематики данного произведения.

Ключевые слова: Ксения Букша, Адвент, современная литература, смех, мотив смеха, проблема свободы

Цитирование: Синегубова К. В. Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент». *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 587–594. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-587-594>

full article

Theme of Laughter in Ksenia Buksha's *Advent*

Kapitalina V. Sinigubova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Scopus Author ID: 57395770500

sinegubova@nextmail.ru

Received 1 Apr 2023. Accepted after peer review 20 Jun 2023. Accepted for publication 5 Jul 2023.

Abstract: This article discusses laughter as one of the structure-forming themes in Ksenia Buksha's novel *Advent* (2021). The novel consists of two parts, the retrospective one being graphically separated from the main narrative. The theme of laughter does not seem to be connected with the event part; however, it brings about several sidelines. Methodologically, the research relied on the theory of motif developed by I. V. Silantiev, where the motif is considered as part of the narrative. The variability of laughter in literature is complemented by its multifaceted character in philosophy and culture. The works by S. S. Averintsev, L. V. Karasev, and M. T. Ryumina made it possible to understand the semantics of laughter as a cultural and social phenomenon. In her novel, K. Buksha hardly ever links laughter with the category of comic: in fact, laughter almost never accompanies mockery. As a rule, laughter in *Advent* is involuntary and unmotivated. It is associated with the true, imaginary, or impossible liberation of the characters from eternal routine and malign

infinity, be it their entire lives or just a depressing episode. The laughter moments belong both to the main and episodic characters, which indicates that laughter is a universal symbol of crisis. This interpretation contributes to a deeper philosophical and ontological understanding of the contemporary Russian literature.

Keywords: Ksenia Buksha, Advent, modern literature, laughter, theme of laughter, problem of freedom

Citation: Sinegubova K. V. Theme of Laughter in Ksenia Buksha's *Advent*. *SibScript*, 2023, 25(4): 587–594. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-587-594>

Введение

Ксения Букша привлекает внимание исследователей как один из современных авторов в контексте актуальных тенденций в литературе [Барковская 2015; Гримова 2021; Золотова 2018; Золотова, Кабанова 2016; Луценко, Погорелая 2019; Погорелая 2019; Шайтанов 2019]. Существуют статьи, посвященные романам «Завод "Свобода"» [Барковская 2015; Васильева 2020; Синегубова 2017], «Чуров и Чурбанов» [Васильева 2020], книге «Открывается внутрь» [Полуляшина 2020b], отдельным рассказам [Крейер, Лепаква 2017; Полуляшина 2020a], а также особенностям прозы К. Букши в целом [Гримова 2022]. Актуальность настоящей статьи заключается в обращении к творчеству современного отечественного автора.

Роман «Адвент», опубликованный в 2021 г., еще не получил достаточно полного рассмотрения, хотя стал предметом изучения в работе, посвященной проблеме выхода героев К. Букши из ментальной изоляции [Гримова 2022]. В настоящей работе предметом исследования является мотив смеха в романе, что в определенном аспекте продолжает изучение психологического состояния героев. Новизна исследования обусловлена обращением к малоизученному роману и тем фактом, что мотивный анализ ранее не использовался при изучении произведений К. Букши.

Фабула романа складывается из незначительных событий, произошедших в течение трех недель в жизни молодой семьи, живущей в современном Петербурге. Эти события не составляют единый сюжет, несмотря на то что в них наблюдается хронологическая последовательность и действуют одни и те же герои. Значительно более важную роль в романе играет ретроспективный план: те события прошлого, которые возникают в памяти героев. Каждая глава романа посвящена одному из супругов, Косте или Ане, и содержит его или ее воспоминания соответственно. Воспоминания выделены графически: они написаны верлибром, который способствует более медленному чтению и большей весомости каждого слова. Благодаря воспоминаниям в романе формируются устойчивые мотивы, которые связывают

разрозненные события; важное место среди них занимает мотив смеха. Смех является основой воспоминаний: в первой главе романа герои предполагают, что коллекционирование странного смеха могло бы отвлечь Костю от навязчивых мыслей о суициде.

Следует обратить особое внимание на механизм возникновения этой мысли, т. к. он в сжатом виде демонстрирует принцип построения всего романа. Сначала Аня предлагает мужу что-нибудь коллекционировать, автор поясняет, что это ответ на реплику, прозвучавшую несколько дней назад. Костя отвечает, что можно собирать смех, поскольку незадолго до того они слышали смех случайных прохожих и подумали, что сами не умеют так смеяться. Однако логические связи между неумением смеяться и коллекционированием смеха не простроены в тексте: ни герои, ни автор никак не комментируют компенсаторность этого коллекционирования. Более того, совершенно неочевидно намерение (или согласие) Кости действительно собирать смех:

На самом деле ему не хотелось ничего собирать, а про смех он предложил так просто (с. 12)¹.

Тем не менее дальнейшие воспоминания героев часто строятся вокруг чьего-либо смеха, следовательно собирание происходит, и в седьмой главе Костя подтверждает, что действительно коллекционирует смех. Можно видеть, что в романе связанными оказываются довольно удаленные друг от друга элементы.

Соответственно для анализа романа «Адвент» представляется оптимальным мотивный анализ с опорой на работу И. В. Силантьева «Поэтика мотива» [Силантьев 2004]. И. В. Силантьев различает мотив в эпическом произведении (мотив как часть нарратива) и в лирическом. И хотя мотив смеха в романе К. Букши, как правило, предстает в рамках оформленных как верлибры воспоминаний, последние, во-первых, являются компонентом эпической повествовательной структуры, а во-вторых, содержат описание некоего события, произошедшего в прошлом. Следовательно,

¹ Букша К. Адвент. М.: Редакция Елены Шубиной, 2021. 288 с. Здесь и далее по тексту в скобках приведены страницы, на которых расположены цитаты.

необходимо рассматривать мотив смеха как часть нарратива. Может показаться, что мотив смеха, наблюдающийся в основном в разрозненных воспоминаниях героев, не имеет отношения к сюжету романа. Однако, представляется, что именно данный мотив организует альтернативный сюжет. Цель данной работы – изучить мотив смеха и связанную с ним проблематику в романе К. Букши «Адвент».

В пользу выбора метода мотивного анализа свидетельствует и тот факт, что мотив предполагает определенную вариативность, которая характерна и для феномена смеха. В. Я. Пропп, обращаясь к проблеме комического в искусстве, различает жизне-радостный и насмешливый смех [Пропп 1997: 210]. При изучении смеха в литературных произведениях исследователи опираются на мифологическое либо христианское понимание смеха и также сталкиваются с неоднозначностью данного мотива [Алексеева 2018; Скоропанова 2020].

Смысловая вариативность смеха отмечается в философско-культурологических исследованиях данного феномена [Аверинцев 1992; Бондаренко 2009; Гуленкова 2012; Карасев 1996; Колпикова 2010; Покотыло 2014]. Л. В. Карасев различает:

1) архаический, или смех тела, он же ритуальный, «переносающий энергию телесного энтузиазма на миры рождения и убийства, света и мрака» [Карасев 1996: 17];

2) смех ума, который обусловлен умением «видеть парадоксы в повседневной борьбе добра и зла» [Карасев 1996: 17].

М. Т. Рюмина разделяет смех как проявление физиологии человека или его психической жизни, т. е. психофизиологический смех, и смех как феномен культуры, который «использует свою психофизиологическую основу, надстраивая над ней как основанием только ему присущие, культурой выработанные смыслы» [Рюмина 2010: 130]. В то время как «психофизиологический смех связан с полнотой жизни тела, культурный смех связан с предельным состоянием» [Рюмина 2010: 135]. В данном случае мысль М. Т. Рюминой сближается с утверждением Л. В. Карасева, согласно которому «в пределе смех человека – это смех отчаянья» [Карасев 1996: 59].

В романе К. Букши «Адвент» практически не представлен «смех ума» (по Л. В. Карасеву) или «насмешливый смех» (по В. Я. Проппу), как правило, смех «неконтролируем и неинтенционален» [Мартынова 2012: 128], но при этом в романе представлен достаточно широкий диапазон вариантов смеха. Определение мотива смеха представляет сложность именно в силу специфики феномена смеха. Как отмечал С. С. Аверинцев, «смех – на то и смех, на то и стихия, игра, лукавство, чтобы в своем движении смешивать разнородные мотивации,

а то и подменять одну мотивацию – совсем другой. Начав смеяться, мы словно поднимаем якорь и даем волнам увлекать нас в направлении, заранее непредсказуемом» [Аверинцев 1992: 7–8].

Результаты

Как уже было отмечено выше, мотив смеха в романе возникает потому, что герои коллекционируют смех, в том числе обращаясь к своим воспоминаниям, в которых так или иначе фигурирует смех. Уже в первой главе Костя вспоминает, как смеялась одноклассница, которой он был увлечен. Заражаясь от нее, смеялся весь класс, и только Костя не смеялся. Смех в этой ситуации лишь в малой мере обусловлен шуткой учителя, поскольку его громкость и длительность непропорциональны комической ситуации. В данном случае, как описывал С. С. Аверинцев, «нервно-мускульная реакция, разбуженная мыслью, подхватывает порыв мысли и тут же перехватывает у нее инициативу – мы только что смеялись, потому что находили мысль смешной, и вот мы уже находим другую мысль смешной, потому что продолжаем смеяться, – уже оно облегчает любые подмены» [Аверинцев 1992: 8]. Перед нами архаический смех, связанный с избытком жизни. Смеющаяся Маша описана как воплощение телесности, жизненности, всеобщий смех характеризуется как *оргия хохота и оргазм хохота*.

С этой первой главой и ситуацией смеха в классе перекликается десятая, в которой Аня вспоминает музыкальную школу и уроки музлитературы, когда учащиеся переиначивали строчки романсов и *погибали от смеха, ложась на парты* (с. 187). Смех опять предстает как неконтролируемая, захватывающая стихия. Но, во-первых, он захватывает и Аню (в то время как Костя один не смеялся), а во-вторых, смех связан уже не с радостью и жизненностью, его описание сопровождается противоположными оценками:

гогот казался чем-то стремным, дьявольским, но перестать было невозможно (с. 189).

Наряду с негативной семантикой смеха, которой не было в первой главе, в десятой возникает оппозиция смеха и тоски:

он знал, что ученики его, которые так гогочут которых аж выворачивает от смеха он знал, как сильна в них тоска, в каждом (с. 192).

Смех не уничтожает тоску, а лишь маскирует ее, поэтому можно интерпретировать его как смех отчаяния. Данные два эпизода смеха в классе, расположенные в начале и конце романа, взаимно дополняют друг друга.

Более поздний эпизод заставляет переосмыслить более ранний и усомниться в жизнерадостности смеющихся подростков из первой главы.

Во второй главе романа мы опять встречаемся с жизнерадостным смехом. История Иры – это противопоставление живого *ангельского* смеха внешним ограничениям, кропотливой работе в банке и безжизненно белой квартире. Семантика радости и легкости усиливается благодаря аллюзии на Моцарта, а именно на киновоплощение образа Моцарта в фильме «Амадей» (*Amadeus*):

*Аня представляла себе, как папа щекочет
Маленькую Иру за пятки
И оба хохочут как два Амадеуса
Из фильма Милоша Формана
Бессмысленным безоглядным смехом (с. 40).*

Смех противостоит страхам Иры и сопровождает ее разрыв с мужем, с которым нет взаимопонимания и близости, т.е. помогает выйти из ситуации, которая тяготит героиню. Однако в этой же главе есть фраза:

*когда понимаешь, что смех не выход, наступает
тупик (с. 42).*

Неясно, кому принадлежит эта фраза: Ире или вспоминающей о ней Ане, – однако в любом случае *ангельский* смех воспринимается как знак освобождения в ситуации несвободы, но освобождения не абсолютного. М. М. Бахтин указывал на ограниченность и эфемерность смехового освобождения [Бахтин 1990: 103, 108]. Смех Иры действительно является маркером перехода, хотя не приводит к полной свободе или полному счастью:

*потом Ира долго не могла смеяться
и теперь, возможно, ей не так просто
это делать (с. 41).*

В пятой главе жизнерадостный смех принадлежит Костиному отцу, который смеется, когда вокруг него собираются дети. Идиллическая картина семейного единства позволяет трактовать данный смех как смех счастливый, хороший:

*и в эту минуту отец начинал смеяться
понемножку выдыхая воздух и прикрывая глаза
в деланной беззаботности
или даже в настоящей
это был хороший смех – не маленький
и не большой
этот смех весь помещался в настоящем
как папа – в ванне (с. 91).*

Как и в случае с Ирой, смех противопоставлен тяжести жизни, в данном конкретном случае – лагерному прошлому. Но кроме того, в этой главе смех также противопоставлен смерти, поскольку Костин отец жив, пока вокруг него счастливая семья, и убивает себя в день, когда остается в одиночестве, и общее веселье невозможно.

Вторая и пятая главы, посвященные разным героям и содержащие никак не связанные между собой воспоминания Кости и Ани, дают позитивную вариацию мотива смеха. Отметим, что смех дает лишь временное облегчение, не превращая жизнь в качественно иную. Необходимы определенные условия и близкие люди (подруги, семья) для того, чтобы герои начали смеяться, однако в ценностном аспекте смех маркирован как положительное явление.

В третьей главе Костя вспоминает о своем однокурснике Веро, феноменально талантливом математике, чей смех упомянут два раза. Первая характеристика смеха Веро – *братский*, он уравнивает Веро с другими людьми, превращает его из феномена в обычного парня. Здесь можно провести параллель с описанными выше случаями коллективного смеха. Однако второе упоминание смеха Веро, *навсегда перешедшего в разряд преданий*, делает смех атрибутом смерти:

*и главное, то
как смеялся Веро, будто от чего-то (от всего)
решительно отказываясь
со смехом (с. 60).*

Это второе упоминание не проясняет и не дополняет первое, а скорее противоречит ему: смех Веро уникальный, он не уравнивает персонажа с другими людьми и не сближает с ними, а ставит его особняком. Смех становится знаком выхода, но выхода не только из тоски или иных жизненных тягот, но и из самой жизни. Обратим внимание, что данное сближение смеха и смерти происходит в сознании Кости уже постфактум: союз *будто* не позволяет однозначно утверждать, что смех вызван осознанием некоего противоречия в жизни, которое бы вызвало отказ от нее. Текст романа позволяет принять интерпретацию Кости или усомниться в ней. Однако последующие главы содержат еще несколько эпизодов смеха, который не связан ни с жизнерадостностью, ни с феноменом комического. Например, смех Лилит, которая подталкивает Аню к самоубийству и сама совершает суицид:

*Йах, йах, йахх! – смеялась она отчаянно, как чайки
кричат (с. 238).*

Несколько раз в романе «Адвент» описан нездоровый смех, когда нет даже намека на комическую ситуацию или положительные эмоции. Зачастую герои задыхаются или всхлипывают во время смеха, такое описание вводит в текст семантику удушья и плача, что сближает смех со страданием. В седьмой главе Костя вспоминает смех Романова, который всех пугает. Смех вперемешку со слезами, смех на вдохе – совсем иной, чем привычное романовское хехеканье:

*и смеется своим новым смехом
на вдохе, задыхаясь
как будто хочет весь мир вдохнуть
и захлебывается почти на всхлипе каком-то (с. 129).*

Смех Романова является маркером сумасшествия, хотя самому Романову кажется, что он просветлился, но он не может спать и все время находится в бешеном движении. Этот эпизодический герой явно болен. В следующей же главе такой противоестественный, нездоровый смех объясняется не только болезнью. Аня в настоящем времени романа встречает девушку, которая ведет себя точно так же, как Романов, заходится смехом, причем ее *хохот похож на рвоту* (с. 141). И хотя для Ани очевидно наркотическое опьянение этой случайно встреченной девушки, это событие наталкивает героиню на размышление о свободе:

Девушка сумасшедшая, это ясно. Неужели свобода может быть только такой? Нет, не свобода это. Все ее действия вынужденные, этот хохот – насильственный (с. 142).

Неадекватная хохочущая девушка воплощает собой свободу от рутины, она может вести себя как пожелает, а не так, как требуется. Ее поведение однозначно интерпретируется Аней как свобода. Однако после короткого размышления становится ясно, что эта свобода мнимая, как и просветление Романова. В двух описанных эпизодах смех не приносит временного облегчения (как в случае с Ирой и отцом Кости), но становится знаком тупика, безвыходности.

Далее в одиннадцатой главе описан болезненный смех Наташки, про которую известно, что она постоянно чувствует боль после страшной аварии, глубоко несчастна и смеется в тот момент, когда рассказывает о совершенном над ней насилии. А в следующей двенадцатой главе представлен смех Ани после шести сигар:

*так вот в горле, в груди начинается такое
рефлекторное
«ахаха» – любой мелкий повод вызывает*

*небольшой смешок
и на большее тебя уже не хватает
не хватает дыхания
ты как будто вытаскиваешь этот смешок... (с. 221).*

Таким образом, перед нами четыре эпизода смеха, которые связаны с разными героями и разными ситуациями. Тем не менее они похожи: это смех на вдохе, похожий на рвоту, смех, на который не хватает дыхания, очень тихий смех. Во всех перечисленных случаях перед нами телесный смех, поскольку он вызван сильным стрессом, измененным состоянием сознания или болезнью. Смех связан с тем, что и Романов, и Аня, и безымянная девушка чувствуют себя свободными, ломают рамки привычной действительности, стремятся к обретению новой жизни или новой истины, но во всех случаях перед нами только иллюзия свободы. Поэтому в группе героев, которые смеются нездоровым смехом, находится Наташка, отчетливо понимающая безвыходность своего положения. Эти случаи смеха можно интерпретировать как смех отчаяния, осознанного или неосознанного героями.

Однако в дальнейшем мы можем видеть, что смех – все же в каком-то смысле выход, он становится катализатором реальных изменений. В восьмой главе Аня вспоминает своего бывшего парня, отношения с которыми были тягостными для нее и от которых она смогла освободиться благодаря случайному приступу смеха в маршрутке. Этот странный с точки зрения окружающих немотивированный смех помог Ане качественно (и без особых усилий) изменить жизнь к лучшему:

*но как-то так получилось, что именно тот хохот
без причины
повернул ее житуху к лучшему
пришла весна, настало лето
Аня нашла свою первую приличную работу
стала жить так, как ей нравится
но, кажется, никогда
да и не кажется, а никогда она больше так
не смеялась
и до этого никогда
это точно (с. 152).*

Приведенная история из прошлого перекликается с аналогичным разрывом брака Иры во второй главе, но несколько иначе расставленные акценты позволяют прочитать историю Ани как более позитивную и освобождение не как иллюзорное, а как настоящее, тем более что про последующую жизнь Иры мы ничего не знаем, а Аню видим в настоящем времени романа в счастливом браке.

Смех в маршрутке соотносится с еще одним «смеховым» освобождением, описанным в предпоследней главе. Когда Аню в детстве обижают соседские дети, в ситуации конфликта они раскручивают ее на детской карусели, чтобы Аня слетела с нее на землю. Невозможно не провести параллель между круговым движением карусели и цикличностью повторяющихся событий, от которых страдают другие герои, в том числе сама Аня уже во взрослом возрасте. Однако героиня находит способ остановить карусель и благополучно сойти с нее – она смеется над своими обидчиками. Это единственный случай в романе, когда героиня находит в сложной для себя ситуации комическое несоответствие и смеется осознанно и целенаправленно. Хотя этот эпизод смеха – последний в романе, однако по времени жизни героини – первый, поэтому едва ли можно трактовать его как итоговый и заключительный. После случая с каруселью маленькая Аня с ужасом думает, как будет учиться со своими мучителями в одном классе. Таким образом, несмотря на большую активность героини и сознательное использование смеха, выход опять оказывается временным.

Смех Ани занимает в романе три эпизода воспоминаний и описывается достаточно подробно. Отметим, что это всегда разный смех: болезненный смех после сигар, жизнерадостный телесный смех в маршрутке и осознанный, осмеивающий смех в детстве.

Второй главный герой, Костя, смеется гораздо реже, его смех в тексте романа никогда не получает развернутого описания:

*и Костя засмеялся тоже (с. 180),
Костя коротко, нервно расхохотался, сам того не замечая (с. 200).*

Если во всех остальных случаях смех является самостоятельным событием, то в случае с Костей это всегда часть коммуникации – ответ на шутку или выражение эмоций:

он как будто в три выдоха выразил свое предельное изумление (с. 200).

В целом же Костя чаще не смеется, в романе неоднократно подчеркивается его спокойствие среди общего веселья в классе или в семье. Именно неспособность к жизнерадостному, веселому смеху становится отличительной чертой героя, отличающей его от всех остальных людей. Итак, смех в романе выполняет еще одну функцию: способность смеяться и смеховой опыт становятся значимыми характеристиками героев.

Заключение

В романе «Адвент» мотив смеха является устойчивым и частотным и возникает не только в связи с главными героями, но и с эпизодическими. Наиболее часто встречается смех отчаяния или смех предельного состояния, сопровождающий моменты экзистенциальных тупиков и жизненных кризисов. Несколько реже встречается счастливый, жизнерадостный смех, маркирующий собой временное облегчение, дающий возможность примириться с миром. Смех может давать реальное освобождение, хотя подобные случаи никак не объясняются в романе и описаны настолько лаконично, что не представляется возможным найти мотивировку. Наконец, смех используется как способ воздействия на ситуацию. В романе этот способ оказывается интуитивным, неотрефлексированным и практически недоступным в дальнейшем.

Проследив различные варианты мотива смеха в романе, мы можем сделать вывод, что он является маркером жизненного тупика, в котором оказываются главные и второстепенные герои. Повторяющиеся ситуации формируют второй сюжет, более драматичный, чем течение жизни главных героев в реальном времени романа. Следовательно, роман «Адвент» не исчерпывается смыслом ожидания Рождества, благодаря мотиву смеха и связанным с ним ситуациям реализуется семантика ожидания глобальных перемен в жизни.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура. М. М. Бахтин как философ, ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 7–19. [Averintsev S. S. Bakhtin, laughter, and Christian culture. M. M. Bakhtin as a philosopher, eds. Gogotishvili L. A., Gurevich P. S. Moscow: Nauka, 1992, 7–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjmnjh>
- Алексеева М. М. Неоднозначный мотив смеха в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2018. № 4. С. 154–160. [Aleksееva M. M. The ambiguous motive of laughter in Dostoevsky's novel "The Idiot". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2018, (4): 154–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-154-160>

- Барковская Н. В. Производственный роман 2010-х: трансформация жанра (К. Букша «Завод "Свобода"», И. Глебова «Чертежи Жерве»). *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*. 2015. № 2. С. 127–141. [Barkovskaya N. V. Occupational novel of 2010s: genre transformation (K. Buksha "Factory Svoboda", I. Glebova "Gervais's Technical Drawings"). *Uralskii filologicheskii vestnik. Serii: Russkaia literatura XX–XXI vekov: napravleniia i techeniia*, 2015, (2): 127–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ublvyr>
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с. [Bakhtin M. M. *Francois Rabelais' creativity and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. 2nd ed. Moscow: Khudozh. lit., 1990, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmunr>
- Бондаренко А. В. Филология комизма и смеха. *Вестник Военного университета*. 2009. № 2. С. 107–113. [Bondarenko A. V. Philology of comedy and laughter. *Vestnik Voennogo universiteta*, 2009, (2): 107–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knnwdd>
- Васильева Н. В. Имена двойников: номинативный контекст и нарративные смыслы (на материале прозы Ксении Букши). *Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения*, отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Гнозис, 2020. С. 339–349. [Vasilyeva N. V. The names of doubles: nominative context and narrative meanings in Ksenia Buksha's prose. *Language, culture, creativity: World practices of studying*, ed. Zyкова I. V. Moscow: Gnosis, 2020, 339–349. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glmwdt>
- Гримова О. А. Кризис личностной идентичности в классической и неклассической прозе. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение*. 2021. № 1. С. 139–145. [Grimova O. A. The crisis of personal identity in classical and non-classical prose. *Bulletin of Adyghe State University, Ser. 2: Philology and Art Criticisms*, 2021, (1): 139–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aicqwdy>
- Гримова О. А. Ментальная изоляция и ее нарративная репрезентация в прозе К. Букши. *Успехи гуманитарных наук*. 2022. № 12. С. 26–30. [Grimova O. A. Mental isolation and its narrative representation in K. Buksha's prose. *Modern Humanities Success*, 2022, (12): 26–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raqrwo>
- Гуренкова Ю. В. Феномен ритуального смеха: от архаики к современности. *Вопросы культурологии*. 2012. № 12. С. 57–61. [Gurenkova Yu. V. The phenomenon of ritual laughter: from archaism to modernity. *Voprosy kulturologii*, 2012, (12): 57–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ponixb>
- Золотова Т. А. Фольклоризм в творчестве молодых российских авторов. *Традиционная культура*. 2018. Т. 19. № 3. С. 20–29. [Zolotova T. A. Folklorism in the works of contemporary young Russian authors. *Traditional culture*, 2018, 19(3): 20–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yogigt>
- Золотова Т. А., Кабанова Т. Л. «Советский дискурс» и особенности его интерпретации в молодой литературе (на материале творчества Ксении Букши). *Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе: V заоч. Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 18–20 марта 2016 г.)* Йошкар-Ола: МарГУ, 2016. С. 190–201. [Zolotova T. A., Kabanova T. L. "Soviet discourse" and its interpretation in "young" literature (on Ksenia Buksha's novels). *Relevant issues of Romano-Germanic philology and teaching European languages at school and university: Proc. V extramural All-Russian (with Intern. participation) Sci.-Prac. Conf., Yoshkar-Ola, 18–20 Mar 2016*. Yoshkar-Ola: MarSU, 2016, 190–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xehwan>
- Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 224 с. [Karasev L. V. *Philosophy of laughter*. Moscow: RSUH, 1996, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siasup>
- Колпикова О. П. Смех как социально-культурный феномен. М.: МГПУ, 2010. 121 с. [Kolpikova O. P. *Laughter as a socio-cultural phenomenon*. Moscow: MSPU, 2010, 121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qolrnn>
- Крейер Н. Е., Лепаква К. А. «Мужской» и «женский» сюжет в современной литературе. *Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова: конф. (Ярославль, 22–23 мая 2017 г.)* Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 156–159. [Kreier N. E., Lepakova K. A. "Male" and "female" plots in modern literature. *Philological readings of the Yaroslavl State University: Proc. Conf., Yaroslavl 22–23 May 2017*. Yaroslavl: YSU, 2017, 156–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaravv>
- Луценко Е. М., Погорелая Е. А. Хронотоп угрозы и ее метафорическое преодоление в российском интеллектуальном романе XXI в. *Новый филологический вестник*. 2019. № 3. С. 135–148. [Lutsenko E. M., Pogorelaya E. A. The chronotope of threat and its metaphorical overcoming in the Russian intellectual novel of the XXI century. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2019, (3): 135–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00067>
- Мартынова Е. М. Феномен смеха в аномальной коммуникации. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012. № 4. С. 126–131. [Martynova E. M. The phenomenon of laughter in the anomalous communication. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2012, (4): 126–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pinvar>

- Погорелая Е. А. О двух романах 2018 года в свете проблемы взросления. *Вопросы литературы*. 2019. № 6. С. 104–116. [Pogorelaya E. A. Two coming-of-age novels (2018). *Voprosy Literatury*, 2019, (6): 104–116. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-104-116>
- Покотыло М. В. Комическое и смех в современной гуманитарной парадигме. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2014. № 2. С. 177–180. [Pokotylo M. V. The comic and laughter in the modern paradigm of humanities. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, (2): 177–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sobfdd>
- Полуляшина Д. И. Интрига слова в рассказе «Сосновая поляна. Ася» Ксении Букши. *Актуальные вопросы филологических исследований: Междунар. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 20 марта 2020 г.) Краснодар: ИД – Юг, 2020а. С. 115–120. [Polulyashina D. I. Verbal intrigue in Ksenia Buksha's Pine Glade. *Asya. Topical Issues of Philological Research: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnodar, 20 Mar 2020. Krasnodar: ID – Iug, 2020a, 115–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgoeii>
- Полуляшина Д. И. Репрезентация кризиса идентичности в книге Ксении Букши «Открывается внутрь». *Вестник Костромского государственного университета*. 2020b. Т. 26. № 2. С. 198–203. [Polulyashina D. I. Representation of identity crisis in Ksenia Buksha's book "Opens inwards". *Vestnik of Kostroma State University*, 2020b, 26(2): 198–203. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-198-203>
- Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1997. 283 с. [Propp V. Ya. *Issues of comedy and laughter*. 2nd ed. St. Petersburg: Aleteia, 1997, 283. (In Russ.)]
- Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. 3-е изд. М.: Ленанд, 2010. 314 с. [Ryumina M. T. *Aesthetics of laughter. Laughter as virtual reality*. 3rd ed. Moscow: Lenand, 2010, 314. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwvjvp>
- Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: ЯСК, 2004. 294 с. [Silantev I. V. *Poetics of motif*. Moscow: IaSK, 2004, 294. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qquxiv>
- Синегубова К. В. Функция интермедий в романе Ксении Букши «Завод "Свобода"». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 7-1. С. 74–76. [Sinegubova K. V. Interlude function in the novel by Ksenia Buksha's "The Freedom Factory". *Philology. Theory & Practice*, 2017, (7-1): 74–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yqeebz>
- Скоропанова И. С. Феномен смеха в романе Анатолия Королёва «Хохот». *Анализ одного произведения*, редкол.: И. С. Скоропанова и др. Мн.: ИВЦ Минфина, 2020. С. 185–219. [Skoropanova I. S. The phenomenon of laughter in Anatoly Korolev's novel *Laughter. A one-work analysis*, ed. board: Skoropanova I. S. et al. Minsk: IVTs Minfina, 2020, 185–219. (In Russ.)]
- Шайтанов И. О. Принципы построения тезауруса в романном пространстве. *Новый филологический вестник*. 2019. № 3. С. 126–134. [Shaytanov I. O. The guidelines for building up a thesaurus in the contemporary novel. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2019, (3): 126–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00066>

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History, Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 15.09.2023.

Дата выхода в свет __.09.2023.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 19,76. Уч.-изд. л. – 18.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

